

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

WIDENER

HN U8L1 E

О
Ч
Є
Р
К
И

Я
Л
О
Н
І
И

Jap
1318.
50.215

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

АННУЛИРОВАНО

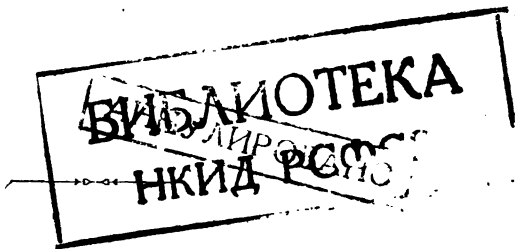
573

Очерки
изъ прошлаго и настоящаго
Японіи.

Составила Т. Богдановичъ.

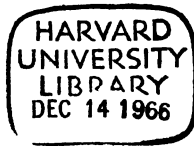
Съ многочисленными иллюстраціями и приложеніемъ текста:
японской конституціи.

2507

С.-Петербургъ.
Типографія Товарищества „Просвѣщеніе“.
1905.

Зар 1318.50.215

Бумага безъ примѣси древесной массы (веленевая).

..*

Складъ изданія:

Товарищество „Просвѣщеніе“, С.-Петербургъ, 7 рота, 20.
Городская контора: Невскій, 50.

Содержаніе.

	Стр.
Введеніе	3
Литература	10

Глава I.

Природныя условія Японіи.

Климатъ и устройство поверхности	13
Землетрясенія	32
Населеніе	45

Глава II.

Исторія Японіи до переворота.

Общія замѣчанія	56
Японская мифологія	59
Легендарный періодъ исторіи	66
Родовой бытъ	75
Начало буддизма	86
Реформа „таиква“	89
Зарожденіе феодализма	95
Юритомо и завершеніе феодальнаго строя	107
Первоначальная исторія городовъ	117
Набунага и христіанство въ Японіи	124
Объединеніе страны. — Хидейоши и Іеязу	136
Господство абсолютизма. Политическій и экономическій строй	142
Состояніе общества въ XVII в.	154
Разложеніе абсолютизма. Экономическія затрудненія	163
Отношенія высшаго сословія къ правительству	172

Глава III.

Эпоха переворота.

	Стр.
Революціонное броженіе въ обществѣ	184
Вторженіе иностранцевъ и низложеніе шогуна . . .	202
Выработка основъ новаго строя	224

Глава IV.

Современное положеніе Японіи.

Государственный строй	251
Внутреннее управленіе. Судъ. Армія и флотъ. . .	267
Промышленныя предпріятія правительства	289
Ростъ крупной фабричной промышленности . . .	297
Рабочій вопросъ	308
Народное образованіе	319
Искусство, литература и періодическая пресса . .	350
Положеніе женщины	370
Заключеніе	423

Приложенія.

- I. Текстъ японской конституціи.
- II. Таблнца поденныхъ заработковъ японскихъ рабочихъ.

Иллюстраціи.

	Стр.
Бухта Нагасаки	16
Видъ на гору Фуджіяма	20
Аллея кедровъ	24
Кратеръ Фуджіяма	32
Айны	48
Императрица Джинго и ея полководецъ	72
Храмъ Шинто въ Никко	88
Вооруженіе дайміоса	96
Стрѣльба изъ лука самураевъ	104
Нитта Йошисада. Самурай	116
Шогунъ и жена шогуна	144
Придворные шогуна	152
Старый императорскій дворець въ Кіото	176
Окубо. Кидо. Фукузава. Виконтъ Мори	192
Послѣдній шогунъ Токугава Кеики	216
Императоръ Мутсу Гито	224
Императрица Гаруко	232
Маркизь Ито	256
Маршалъ Ояяма. Маршалъ Ямагата	280
Броненосецъ Шикишима	296
Улица въ Токіо	304
Графъ Окума	320
Діаграмма учащихся	336
Пейзажъ. Картина Гокусан	352
Гейша изъ Токіо	400

Очерки изъ прошлаго и на- стоящаго Японіи.

Японія.

1

Digitized by Google

Введеніе.

Въ началѣ прошлаго вѣка русскому капитану Головнину пришлось прожить два года невольнымъ гостемъ въ Японіи. Василій Михайловичъ Головининъ былъ человѣкъ незауряднаго ума, тонкой наблюдательности, одаренный въ высшей степени чувствомъ справедливости. Несмотря на тяжелыя условія, въ какихъ ему — плѣннику — пришлось провести эти два года, онъ составилъ о Японіи книгу, не потерявшую интереса и до сихъ поръ, хотя, къ сожалѣнію, основательно забытую у насъ. Въ ней можно найти больше глубокихъ мыслей и вѣрныхъ замѣчаній, чѣмъ въ современныхъ запискахъ разныхъ туристовъ, наблюдающихъ страну изъ оконъ вагоновъ и составляющихъ свои мнѣнія на основаніи разговоровъ съ кельнерами и дженерикшами. Въ то время какъ всѣ, не только въ Россіи, но и въ Европѣ, считали Японію варварской азіатской страной, В. Головининъ писалъ:

„Что касается до народнаго просвѣщенія въ Японіи, то, сравнивая массою одинъ цѣлый народъ съ другимъ, по моему мнѣнію, японцы самый просвѣщенный народъ во всей подсолнечной. Въ

Японіи нѣтъ человѣка, который бы не умѣлъ читать и писать и не зналъ законовъ своего отечества. Правда, у насъ болѣе наукъ и художествъ, у насъ есть люди, которые съ неба звѣзды хватаютъ, а у нихъ нѣтъ! Но затѣмъ на одного такого звѣздочета мы имѣемъ тысячу, которые, такъ сказать, трехъ перечесть не умѣютъ... Если же вообще взять народъ, то японцы имѣютъ лучшее понятіе о вещахъ, нежели нижній классъ людей въ Европѣ“¹.

Если бы эти слова не были такъ досконально забыты, намъ не пришлось бы, можетъ быть, такъ изумляться и недоумѣвать по поводу гигантскаго скачка, сдѣланнаго Японіей чуть не на нашихъ глазахъ, не нужно было бы тратить столько пороха, чтобы отстоять европейскую цивилизацію отъ покушеній „желтолицыхъ варваровъ“ и „макакъ“. По-видимому, уже сто лѣтъ тому назадъ они не представляли опасности для цивилизаціи.

Дальше В. М. Головинъ пишетъ еще опредѣленнѣе: „Если надъ симъ многочисленнымъ, умнымъ, тонкимъ, переимчивымъ, трудолюбивымъ и терпѣливымъ народомъ будетъ царствовать государь, подобный великому нашему Петру, то съ пособіями и сокровищами, которыя Японія имѣетъ въ нѣдрахъ своихъ, онъ приведетъ ее въ состояніе черезъ малое количество лѣтъ владычествовать надъ всѣмъ

¹ „Записки Василія Михайловича Головина въ плѣну у японцевъ въ 1811, 1812 и 1813 годахъ“. Съ посвященіемъ Его Императорскому Величеству Александру Павловичу. Вышло въ 1827 г. По-смертное изданіе, Спб., 1851 г., стр. 16.

Восточнымъ океаномъ. И что бы тогда было съ приморскими областями на востокъ Азіи и на западъ Америки, столь отдаленными отъ тѣхъ странъ, которыя должны ихъ защищать?“¹ Еще немного далѣе, Головнинъ прибавляетъ, что Японія можетъ воспринять европейскую цивилизацію „даже и безъ особаго генія, каковымъ былъ нашъ Петръ, но силою и теченіемъ обстоятельствъ“.

Трудно даже повѣрить, чтобы эти слова могли быть написаны въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка, т. е. задолго до того, какъ даже въ Японіи кто-нибудь могъ предвидѣть, съ какой изумительной точностью они будутъ оправданы дѣйствительностью. Можно только пожалѣть о томъ, какъ быстро забываются у насъ правильныя мысли. Можетъ быть, если бы о нихъ своевременно помнили, удалось бы избѣжать многихъ непріятныхъ неожиданностей.

Черезъ 40 лѣтъ послѣ Головнина посѣтилъ Японію Гончаровъ на фрегатѣ Паллада. Для него Японія уже снова является полнѣйшей terra incognita. Внимательныя и серьезныя наблюденія Головнина, видимо, не попались ему подъ руку или не заинтересовали его. Онъ даетъ рядъ художественныхъ описаній живописныхъ береговъ Японскаго архипелага, рисуетъ нѣсколько любопытныхъ бытовыхъ сенокъ, но въ концѣ концовъ, пораженный своеобразными формами быта японцевъ, не мо-

---

¹ *Ib.*, стр. 19.

жетъ удержаться отъ восклицанія: „Да гдѣ же это я въ самомъ дѣлѣ! Кто кругомъ меня съ этими смуглыми, какъ у мумій, щеками, съ поникшими головами и полуопущенными вѣками, въ длинныхъ широкихъ одеждахъ, неподвижные, едва шевелящіе губами, изъ-за которыхъ съ подавленными вздохами вырываются неуловимые для нашего уха глухіе звуки? ... Ужъ не древніе ли покойники встали изъ тысячелѣтнихъ гробницъ и собрались на совѣщаніе? ... Ходятъ ли они, улыбаются ли, поютъ ли, пляшутъ ли? Знаютъ ли нашу человѣческую жизнь, наше горе и веселье, или забыли въ долгомъ снѣ, какъ живутъ люди“¹.

Внѣшность японскаго быта настолько поразила художника, что онъ отказывается заглянуть поглубже въ суть жизни новаго народа и до конца остается подъ впечатлѣніемъ, что если это и люди, то во всякомъ случаѣ люди качественно отличные отъ насъ.

И не одного только Гончарова смущала и заставляла недоумчиво пожимать плечами странная на нашъ взглядъ внѣшность японскаго быта.

Эта внѣшность настолько разнится отъ всего, къ чему мы привыкли въ Европѣ, кажется такой экзотической, такой азіатской, что невольно возбуждаетъ въ наблюдателѣ недоумчивое отношеніе къ культурѣ.

И не удивительно. Намъ очень долго трудно

¹ Фрегатъ Паллада, т. VII, стр. 198.

было повѣрить, чтобы челоуѣкъ, одѣтый въ блузу или армякъ, или только что смѣнившій ихъ на нѣмецкое платье, могъ думать и чувствовать такъ же, какъ мы, чуть не съ колыбели сросшіеся съ культурной одеждой. Что-жъ мудренаго, что мы не могли отнестись серьезно къ людямъ, шествующимъ по улицамъ въ длинныхъ шелковыхъ халатахъ или, еще того хуже, въ европейскихъ мундирахъ и деревянныхъ башмакахъ, скидываемыхъ при входѣ въ домъ. Неужели мы можемъ считать равными себѣ людей, не умѣющихъ ѣсть нашими вилками и сидящихъ, скрестивъ ноги, на циновкахъ! Какіе же это люди — это желтолицыя варвары или просто перереженные макаки!

Японцы, несмотря на полную оторванность своей страны отъ остального міра, повидимому, давно уже сумѣли понять, что разница въ народныхъ обычаяхъ еще не подразумѣваетъ качественной разницы между нравственнымъ уровнемъ народовъ. Любопытную въ этомъ отношеніи черточку даетъ тотъ же В. М. Головинъ. Когда послѣ 27 мѣсячнаго плѣна, дѣло его, наконецъ, разъяснилось, и онъ получилъ разрѣшеніе вернуться на свой корабль, губернаторъ Хакодате сказалъ ему на прощанье: „Съ третьяго года находились вы въ пограничномъ японскомъ мѣстѣ и въ чужомъ климатѣ, но теперь благополучно возвращаетесь,—это мнѣ очень пріятно. Вы, г. Головинъ, какъ старшій изъ своихъ товарищей имѣли больше работы, чѣмъ и достигли своего радостнаго предмета, чт

мнѣ также весьма пріятно. Въ нашей землѣ мы желали бы сдѣлать вамъ всѣ возможныя учтивости, но, не зная обыкновеній вашихъ, могли бы сдѣлать совсѣмъ противное, ибо въ каждой землѣ есть свои обыкновенія, много между собою разнящіяся, — но прямо добрыя дѣла вездѣ таковыми считаются“.¹

Съ этой-то, повидимому, такой простой мыслью, и не могли согласиться европейскіе туристы, издающіе во множествѣ свои записки и впечатлѣнія о Японіи.

Подъ чуждой оболочкой они хотѣли во что бы то ни стало найти такое же чуждое содержаніе. И вотъ на этой почвѣ выросли самыя удивительныя, самыя противорѣчивыя характеристики японцевъ. Наконецъ, въ текущемъ году появилась книга англичанина Петри Ватсона, доказывающая, что для европейца и вообще невозможно понять Японію. „Что неясно въ этой книгѣ, — пишетъ самъ авторъ, — это мнѣніе автора о Японіи. Оно заключается въ томъ, что Японія непонятна, не можетъ быть понята. Положимъ, это самая избитая вещь, какую онъ или кто-либо другой можетъ сказать о Японіи. Тѣмъ не менѣе, написавъ цѣлую книгу, онъ можетъ повторить только это. Это его исповѣдь. Онъ не понимаетъ Японіи. Основа его книги — непонятность, непостижимость, таинственность Японіи“².

И далѣе тотъ же самый авторъ приводитъ еще

¹ Записки Головнина, изд. 1864 г., стр. 266.

² Petrie Watson, Japan, стр. 9.

болѣе парадоксальныя слова другого англичанина, прожившаго нѣсколько лѣтъ въ Японіи. „Если вы пробыли въ Японіи шесть недѣль, — говорить тотъ, — вы все понимаете. Черезъ шесть мѣсяцевъ вы начинаете сомнѣваться. Черезъ шесть лѣтъ вы ни въ чемъ не увѣрены“.

Психологія народовъ вещь вообще трудная, и вполне понятно, что въ отношеніи такой мало изученной и чуждой по внѣшности страны она пріобрѣтаетъ сугубыя трудности. Поэтому намъ кажется, что правильнѣе всего заранѣе отказаться отъ всякой попытки дать общую характеристику японскаго народа и изъ нея выводить предсказанія относительно будущаго Японіи. Единственный способъ составить себѣ самостоятельное сужденіе о Японіи заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, чтобы внимательно прослѣдить за ходомъ ея исторіи и рассмотреть по возможности основныя черты ея современной политической и экономической жизни и уровня ея умственной культуры. Только въ разсмотрѣніи этихъ объективныхъ данныхъ можемъ мы найти отвѣты на интересующіе насъ вопросы о томъ, истинно ли культурная страна Японія и есть ли въ ней залогъ дальнѣйшаго органическаго развитія.

Литература.

K. Rathgen. „Japans Volkswirtschaft und Staatshaushalt“. Leipzig, 1891.

Hesse Wartegg. „China und Japan“. Leipzig, 1897.
Есть русскій переводъ.

Fr. Siebold. „Nippon. Archiw zur Beschreibung von Japan“. Leipzig, 1897.

Helmolt. Weltgeschichte.

Tokuzo Fukuda, dr. der Staatswirtschaft. „Die gesellschaftliche und wirtschaftliche Entwicklung in Japan“. Stuttgart, 1900 г.

Dr. Toyokisti Harada. „Die Japanischen Inseln“. Berlin, 1890.

Adolf Fischer. „Wandlungen im Kunstleben Japans“. Berlin, 1900.

Dr. Ern. Schultze. „Freie öffentliche Bibliotheken“. Stettin, 1900.

Dr. Ioseph Lauterer. „Japan — das Land der aufgehenden Sonne“. Lepzig, 1902.

Dr. Brunn. „Die Japanische Verfassungskunde“. Leipzig.
Chamberlain. „Tings Japanese“. London, 1902.

W. E. Griffis. „The Mikado's Empire“. New-York, 1894.

W. Griffis. „The Religion of Japan“. New-York, 1895.

David Murray. „Japan“. London, 1894.

R. Alcock. „Art and art Industries in Japan“. London, 1878.

A. Colquhoun. „The Mastery of the Pacific“. London, 1902.

Petrie Watson. „Japan: Aspects and Destinies“. London, 1904.

Alfred Stead. „Japan by the Japanese“, London, 1904.

Gourant. „Okoubo“. Paris, 1904.

Henry Dumolard. „Le Japon politique, économique et sociale“. Paris, 1903. Есть русский переводъ.

André Bellesort. „La société japonaise“. Paris, 1904.

W. G. Aston. „La littérature japonaise“. Paris, 1904.
Есть русский переводъ.

Богуславскій. „Японія“. Изданіе при содѣйствіи генеральнаго штаба. Спб., 1904 г.

А. Беконъ. „Женщина въ Японіи“. Русский переводъ англійскаго сочиненія: „Japanese Girls and Women“. Спб., 1904 г.

Муттеръ. „Исторія живописи въ XIX вѣкѣ“. Спб., 1900 г., т. II.

Воейковъ. „Климаты земного шара“. Спб. 1884. г.

Шрейдеръ. „Японія и японцы“. Спб., 1895 г.

Южаконъ. „Доброволецъ Петербургъ“. Спб., 1895 г.

Головнинъ. „Въ плѣну у японцевъ въ 1811—1813 г.“. Спб., 1851 г.

Максимовъ. „На дальнемъ востоцѣ“. 1894 г.

Справочныя изданія:

„Financial and economical Annual of Japan“. Tokio, 1903.

„Resumé statistique de l'Empire du Japon“. Cabinet Imperial. Bureau general de statistique. Tokio, 1892.

Тоже. Tokio, 1897.

Тоже. Tokio, 1902.

„Mouvement de la population de l'Empire du Japon“. Bureau de la statistique generale. Tokio, 1903.

„Annual Return of the foreign trade of the Empire of Japan“. The Departement of Finance. Tokyo, 1903.

12   Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японии.

„Statistical Abstract for the principal and other foreign countries, from 1891 to 1900—1901“. London, 1903.

Тоже. London, 1904.

„The Statesman's Year-book“. London, 1903.

Кашкаровъ. „Финансовыя итоги послѣдняго десятилѣтїя“. Спб., 1904 г.

Фр. Нитти. „Основныя начала финансовой науки“. Москва, 1904 г.

Глава I.

Природныя условія Японіи.

1.

Климатъ и устройство поверхности.

„Когда я вызываю въ памяти безчисленныя страны, какія я видѣлъ въ различныхъ частяхъ земного шара, я не могу найти ни одной, которая, по чудной красотѣ мѣстоположенія, по идиллической прелести, могла бы сравниться съ Японіей — этимъ раемъ восточной Азій“. Такъ говоритъ нѣмецкій путешественникъ Гессе-Вартегъ, объѣхавшій Японію въ 1897 году и имѣвшій дѣйствительно богатый матеріаль для сравненія. Передъ тѣмъ онъ издалъ рядъ описаній своихъ путешествій по разнымъ частямъ Европы, Азій, Африки и Сѣверной и Южной Америки. Съ этимъ мнѣніемъ сходятся, впрочемъ, отзывы всѣхъ почти изслѣдователей и туристовъ, посѣщавшихъ Японію. По разнообразію природы Японія не имѣетъ себѣ равныхъ, по красотѣ отдѣльныхъ пейзажей она можетъ соперничать съ самыми прославленными уголками Старого и Нового Свѣта.

Пространство поверхности японской имперіи составляет около 363.000 кв. верстъ (или километровъ), т.-е. по территории она приблизительно равна Финляндіи (328 т.) и немногимъ больше Англии (275 т.). Береговая же линия Японіи достигаетъ 25.776 верстъ. Узкая полоса составляющихъ ее острововъ протянулась на громадное пространство отъ 22⁰ по 51⁰ сѣверной широты. Сѣверные пункты ея, — Курильскіе острова, лежатъ на одной широтѣ съ черноземной полосой Россіи, съ Берлиномъ и Лондономъ, а Формозу пересѣкаетъ пополамъ тропикъ Рака, т.-е. она соотвѣтствуетъ Сахарѣ и югу Аравіи. Если даже взять собственно Японію, исключивъ Формозу и мелкіе присоединенные острова, то она все-таки займетъ по меридіану протяженіе почти отъ 30⁰ до 50⁰ градуса, т.-е. приблизительно отъ Харькова или Парижа до Каира. Это громадное протяженіе Японіи съ сѣвера на югъ въ связи съ ея островнымъ характеромъ ¹ создаетъ въ ней большое разнообразіе климатовъ и чрезвычайное богатство растительности. Положеніе среди океана дѣлаетъ климатъ Японіи морскимъ и влажнымъ, но не сглаживаетъ его разницы въ отношеніи температуры ². Зависитъ это оттого, что восточные и южные берега Японіи омываются те-

¹ Японская имперія состоитъ изъ 523 острововъ, изъ нихъ 4 большіе: Ниппонъ (Хондо), Шикоку, Кіу-Сіу и Іезо или Хоккайдо, нѣсколько среднихъ — Садо, Окушима, Цушима, Икишима, Аваджи, остальные мелкіе, исключая Формозы.

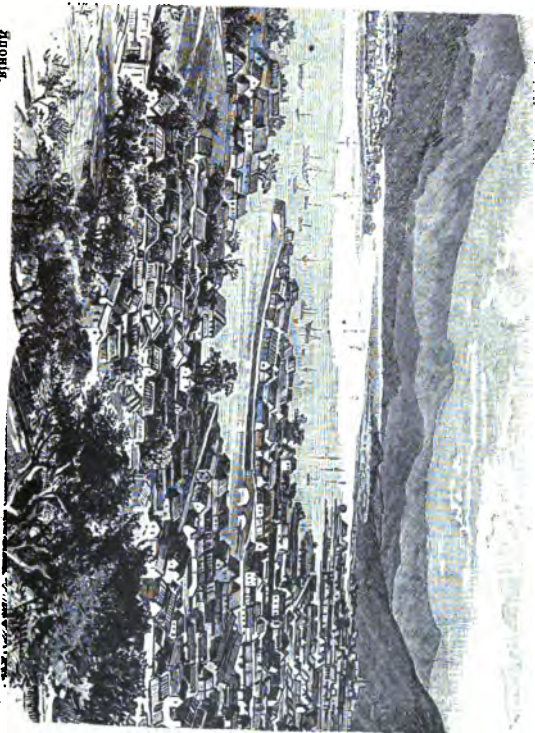
² Всѣ климатическія данныя взяты у Воейкова „Климаты земного шара“, Спб., 1884 г.

плымъ океанскимъ теченіемъ Куро-Сива, между тѣмъ какъ съ сѣвера и сѣверо-запада, наоборотъ, проходитъ холодное Курильское теченіе. Вслѣдствіе этого зима на сѣверѣ Японіи, на островѣ Хоккайдо и даже въ сѣверной части Ниппона, соотвѣтствуетъ нашей Финляндіи и сѣверной Швеціи, между тѣмъ какъ на югѣ она не холоднѣе, чѣмъ въ сѣверной Италіи, — средняя температура января 0° . Лѣтомъ разница еще больше, такъ какъ на сѣверѣ Японіи и лѣтняя температура равняется приблизительно нашей Финляндіи, между тѣмъ какъ на югѣ средняя температура $+ 27^{\circ}$ по Цельсію, т.-е. выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ, приблизительно такъ, какъ въ нашемъ Закавказьѣ. Сильные вѣтра — Японія лежитъ еще въ области муссоновъ, — дующіе зимой преимущественно съ сѣверо-востока, а лѣтомъ съ юго-запада, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ съ моря, приносятъ туда массу влаги и вызываютъ лѣтомъ сильнѣйшіе дожди, а зимой обильный снѣгъ. Снѣгъ даже въ южныхъ частяхъ Японіи выпадаетъ въ такомъ изобиліи, что иногда покрываетъ землю на нѣсколько футовъ. Постоянная влажность атмосферы и сильная жара лѣтомъ при мягкой снѣжной зимѣ даютъ возможность на югѣ Японіи развиться буйной, почти тропической растительности. При первыхъ же холодахъ густой снѣгъ окутываетъ естественнымъ покровомъ растенія и защищаетъ ихъ отъ холода. Эта роскошная растительность на фонѣ причудливо изрѣзанныхъ гористыхъ береговъ, создаетъ тѣ волшебные пейзажи.

которые поражали и восхищали всѣхъ путешественниковъ, впервые подѣзжавшихъ къ Японіи. Главная дорога къ Японіи идетъ обыкновенно отъ одного изъ китайскихъ портовъ, по большей части Шанхая, къ Нагасаки. Бухта Нагасаки — это первый японскій пейзажъ, который можно найти чуть не у всякаго европейскаго путешественника, побывавшаго въ Японіи. Ее же первую привѣтствовалъ Гончаровъ, въ ту эпоху, когда Японія была еще заповѣдной страной, внутрь которой не могъ заглянуть иноземецъ.

„Что это такое! — восклицаетъ онъ, стоя на борту фрегата „Паллада“. — Декорація или дѣйствительность? Какая мѣстность! Близкіе и дальніе холмы, одинъ другого зеленѣе, покрытые кедровникомъ и множествомъ другихъ деревьевъ — нельзя разглядѣть какихъ, толпятся амфитеатромъ, одинъ надъ другимъ. Нѣтъ ничего страшнаго, все — улыбающаяся природа. За холмами вѣчно смѣющіяся долины, поля... А вотъ и Нагасаки! Какіе виды кругомъ, что за перспектива вдали!... Декорація бухты, рейда, со множествомъ лодокъ, страннаго города, сѣренькихъ домовъ, проливовъ и холмовъ, эта зелень, яркая на близкихъ, блѣдная на дальнихъ холмахъ, все такъ гармонично, живописно, непохоже на дѣйствительность, что сомнѣваешься, не нарисованъ ли весь этотъ видъ, не взять ли цѣликомъ изъ волшебнаго балета? Вездѣ уступы, мыски или отставшія отъ берега, обросшія зеленью и деревьями глыбы земли. Мѣстами группы зелени и деревьевъ

Нагасаки.

Бухта Нагасаки.

ъны
буки
арти
ска:
во
, П
за:
бъ
пр
В:
б
м
т
1
2

лѣплятся на окраинахъ утесовъ, точно исполинскіе букеты цвѣтовъ. Вездѣ перспективы, картины, точно артистически обдуманная прихоть!¹ Эпитеты: сказочный, волшебный, феерическій такъ и пестрятъ во всѣхъ описаніяхъ южныхъ береговъ Японіи. „При взглядѣ на эти олимпійски-прекрасные пейзажи невольно приходитъ въ голову, что они должны быть населены греческими богинями или сказочно-прелестными сестрами г-жи Хризантемъ“, говоритъ Вартегъ. Но Гончаровъ смотрѣлъ на эти чудные берега только съ борта „Паллады“. Если бы онъ могъ осуществить свое желаніе и пройти по цвѣтушимъ лѣсистымъ холмамъ, онъ увидѣлъ бы тамъ не одни кедръ. На всемъ южномъ островѣ Японіи, Kiu-Siu, растительность настоящая тропическая, — магноліи, камфарное дерево, фикусы, криптомеріи, апельсинныя и бамбуковыя рощи и изрѣдка пальмы, не говоря о безчисленныхъ цвѣтущихъ кустарникахъ, чередуются съ рисовыми плантаціями и на южныхъ склонахъ взбираются довольно высоко — выше 1.000 футовъ надъ уровнемъ моря.

Такой же живописный характеръ береговъ и такое же богатство растительности сохраняется и дальше къ сѣверу. Особенно славится по красотѣ такъ называемое Внутреннее Японское море. Это море раздѣляетъ главные острова Японіи: Ниппонъ (Хондо), Kiu-Siu, Шикоку и Аваджи. Оно тянется неширокой полосой на 350 верстѣ съ

¹ „Фрегатъ Паллада“, т. II, стр. 4.
Японія.

сѣверо-запада на юго-востокъ; въ ширину оно не больше пятидесяти верстъ, а мѣстами суживается такъ, что превращается въ узкій проливъ въ нѣсколько верстъ шириной. Съ Японскимъ моремъ оно соединяется однимъ узкимъ Симоносекскимъ проливомъ, а съ Великимъ океаномъ тремя болѣе широкими. По всему его протяженію разбросано множество мелкихъ острововъ и цѣлыхъ группъ живописныхъ островковъ. Вообще Внутреннее море и его побережья считаются самой живописной мѣстностью Японіи. „Чтобы получить приблизительное представленіе о Внутреннемъ морѣ, — пишетъ Вартегъ, — надо вообразить себѣ прославленное итальянское Лаго-Маджіоре съ его Барромейскими островами, только въ сто разъ увеличенное. Никакой другой уголокъ земли не можетъ выдержать сравненія съ нимъ, и даже Лаго-Маджіоре далеко не такъ очаровательно и въ то же время величественно... Сотни, тысячи острововъ разбросаны по его поверхности; острова всякихъ величинъ, кончая крошечными въ нѣсколько метровъ высоты скалами, торчащими изъ воды. И всѣ они такъ живописны по формамъ и такъ художественно сгруппированы, что не успеешь удивляться ихъ идеальной красотѣ... Вдали, точно декораціи, поднимаются высокія горныя цѣпи, то покрытые лѣсомъ склоны, то голые и угрюмые пики вулкановъ. По спокойной глади водъ снуютъ взадъ и впередъ безчисленныя парусныя лодки со своими ослѣпительно-бѣлыми четырехугольными парусами“.

Потомъ эти оживленные, веселыя картины смѣняются другими, — вокругъ узкихъ проливовъ тѣснятъ грозныя скалы, волны съ шумомъ ударяются объ нихъ и разсыпаются бѣлой пѣной. Пароходъ долженъ съ большею осторожностью проходить черезъ эти тѣснины. Дальше море снова расширяется и изъ голубыхъ волнъ вырастаютъ причудливыя острова. Чуть только островокъ побольше, на немъ уже правильными террасами тянутся обработанныя поля. „А въ зеленыхъ долинахъ, подъ тѣнистыми рощицами пріютились чистенькіе домики земледѣльцевъ. Иногда на берегу виднѣются города побольше, съ ихъ храмами и пагодами и оживленнымъ пароходнымъ движеніемъ у пристаней“¹.

Внутреннее море—самый большой водный резервуаръ внутри Японіи. Озеръ въ ней немного: большое озеро Бива, въ самомъ узкомъ мѣстѣ острова Ниппона, явившееся по преданію въ одну ночь, и еще нѣсколько меньшихъ. Рѣкъ и рѣчекъ, наоборотъ, очень много. Все это по большей части быстроводныя горныя рѣки, сильно переполняющіяся въ періодъ дождей и во время таянія снѣговъ, и очень усыхающія зимой и лѣтомъ. Тѣмъ не менѣе для внутренняго сообщенія эти рѣки играютъ значительную роль. Всевозможные товары легко сплавляются по нимъ въ японскихъ плоскодонныхъ лодкахъ, фуне. Истоки всѣхъ этихъ рѣкъ лежатъ въ безчисленныхъ горныхъ цѣпяхъ, перерѣзывающихъ Японію.

¹ Hesse Wartegg „China und Japan“, стр. 361.

Японія чрезвычайно гористая страна. Изъ европейскихъ странъ она можетъ быть сравнена въ этомъ отношеніи только со Швейцаріей. Средняя высота горъ отъ 6.000 до 7.000 футовъ, хотя есть вершины, достигающія 9.000 и выше, одна гора на островѣ Хоккаидо — Такаси-Тако имѣетъ 11.500 футовъ, а знаменитая японская гора-вулканы Фуджи-Яма имѣетъ 13.438 футовъ, т. е. почти равняется Монблану (14.000). Она почти правильной конусообразной формы и вершина ея покрыта вѣчнымъ снѣгомъ. Во всей Японіи она пользуется большою извѣстностью и любовью. Громадное большинство остальныхъ японскихъ горъ не достигаетъ линіи вѣчныхъ снѣговъ. Только въ ущельяхъ и разсѣлинахъ, защищенныхъ отъ солнца, лежитъ тамъ годами не тающій снѣгъ. Главное направленіе японскихъ горныхъ хребтовъ — съ сѣверо-востока на юго-западъ или съ сѣвера на югъ, т. е. параллельно главной оси гряды японскихъ острововъ. Вслѣдствіе этого горы тамъ еще увеличиваютъ разницу между восточной и западной частями острововъ. Теплый вѣтеръ, дующій зимой съ Великаго океана, отъ теченія Куро-Сива, задерживается горами, онѣ же служатъ преградой для холодныхъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ, дующихъ съ Азіатскаго материка. Поэтому климатъ вообще гораздо мягче и зимы теплѣе на востокѣ Японіи. Но, оказывая замѣтное вліяніе на климатъ страны, горы Японіи не мѣшали существованію и развитію внутреннихъ сношеній между жителями. Онѣ не настолько

Міюкія.

Видъ на гору Фуджіма.

высоки для этого и, кромѣ того, по всѣмъ направлениямъ перерѣзаны долинами. Удобные проходы есть вездѣ, даже въ самыхъ высокихъ хребтахъ.

Изъ минеральныхъ богатствъ, добываемыхъ въ японскихъ горахъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ мѣдь. Добыча ея все увеличивается и въ послѣдніе годы возрасла до милліона слишкомъ пудовъ ежегодно, такъ что Японія заняла по добычѣ мѣди четвертое мѣсто среди другихъ странъ. Благородные металлы добываются тамъ въ значительно меньшихъ количествахъ. Золота очень немного на Хоккаидо и серебра въ западныхъ хребтахъ Ниппона. За послѣднее время разработка серебра уменьшилась вслѣдствіе паденія цѣнъ на этотъ металлъ. Желѣзо довольно высокаго качества, но добыча его не особенно значительна. Драгоценными камнями японскія горы не особенно богаты. Изъ нихъ чаще всего встрѣчается аметистъ и горный хрусталь. Главное ископаемое богатство Японіи — каменный уголь. Залежи его встрѣчаются больше всего на Хоккаидо, въ сѣверной части Ниппона и на Кіу-Сіу. Японскій уголь не самага высокаго качества, уступаетъ англійскому и американскому, но тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ очень большой сбытъ, и разработка его все увеличивается, такъ что уже въ 1898 году она дошла до 415 милліоновъ пудовъ. Далѣе можно упомянуть нефть, добыча которой тоже все растетъ, сѣру и свинецъ.

Наибольшая часть японскихъ горъ и плоскогорій покрыта лѣсами или своеобразными японскими лугами, „хара“, поросшими самыми разнообразными

цвѣтущими растеніями и кустарниками. Безчисленные виды роскошныхъ японскихъ лилій, мимозы, ирисы, хризантемы, вишневый кустарникъ и тысячи другихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ европейцамъ растеній заполняютъ эти естественные цвѣтники, роскошнымъ ковромъ покрывающіе склоны горъ, недоступные для обработки. Выше надъ ними, на уровнѣ болѣе 3.000 футовъ, начинается лѣсистый поясъ и поднимается вверхъ еще тысячи на четыре футовъ. На югѣ эта полоса подымается еще выше, на сѣверѣ спускается ниже. Характеръ лѣсовъ, конечно, тоже сильно измѣняется съ сѣвера на югъ. На югѣ — апельсиновые рощи, магноліи, фикусы, бамбуковыя рощи и пальмы; на сѣверѣ — сосна, сихта и другія знакомыя намъ хвойныя деревья. Впрочемъ, хвойныя деревья встрѣчаются и въ южныхъ полосахъ Японіи. Но всего лучше лѣса въ центральной Японіи, въ средней части острова Ниппона, къ сѣверо-западу отъ Токио. „Это поистинѣ царство небесное! — воскликнулъ Вальтеръ фонъ-Фогельвейде, войдя въ нѣмецкій лѣсъ, — такъ начинается свое описаніе японскихъ лѣсовъ Лаутереръ. — Но еще лучше остатки лѣсовъ въ южной Европѣ, еще красивѣе кажутся мнѣ лѣса въ Сѣверной Америкѣ. Прекраснѣе вѣчно зеленый лѣсъ Патагоніи и Новой Зеландіи, прекраснѣе перевитыя ліанами чащи восточной Австраліи, величественнѣе дѣвственные лѣса по теченію Амазонки въ Бразиліи, но прекраснѣе дивныхъ лѣсовъ близъ Никко въ средней Японіи я ничего не видалъ. Нога человѣка

никогда не вступала въ болѣе величественный, болѣе торжественный лѣсъ, чѣмъ лѣсъ кедровъ, простирающихся къ небу свои вѣтви близъ Никко въ Японіи¹.

Въ общемъ лѣса покрываютъ 53⁰/₀ всей поверхности Японіи. Затѣмъ около 30⁰/₀ занимаетъ неудобная земля, т.-е. вершины горъ, на которыхъ ничего не растеть, „хара“ и другіе участки, неподдающіеся обработкѣ, и только 17,5⁰/₀ составляетъ обработанная поверхность. Почва почти на всемъ протяженіи Японіи не особенно хорошаго качества, это по большей части образовавшаяся отъ вывѣтриванія горныхъ породъ глина, суглинокъ, супесокъ и песокъ. Но, благодаря прекрасному, частью естественному, частью искусственному орошенію, почва эта оказывается очень плодородной. Большая часть (90⁰/₀) обработанной площади Японіи занята пищевыми растеніями. Абсолютная величина пищевой площади въ Японіи очень невелика. Она составляетъ всего около 5¹/₂ милліоновъ десятинъ, или около 15,7⁰/₀ всей территоріи Японіи. По сравненію съ Европейскими государствами, какъ видно изъ слѣдующей таблицы, Японія занимаетъ въ этомъ отношеніи одно изъ послѣднихъ мѣстъ:

	% пищевой площади ко всей территоріи
Бельгія	53,9%
Франція	50,2%
Германія	48,4%
Данія	42,5 „
Италія	39,9 „

¹ Lauterer, „Japan, das Land der aufgehenden Sonne“, стр. 307.

	% пищевой площади ко всей территории
Австро-Венгрія	37,1 „
Испанія	35,4 „
Великобританія	28,9 „
Голландія	27,3 „
Португалія	24,9 „
Европейская Россія	21,6 „
Греція	18,4 „
Швейцарія	16,4 „
Японія	15,7 „
Швеція	6,2 „
Финляндія	2,3 „
Норвегія	2,1 „ *

Въ худшемъ положеніи, чѣмъ Японія, въ отношеніи продовольствія произведеніями собственной земледѣльческой культуры, стоятъ только такія сѣверныя страны, какъ Швеція, Норвегія и Финляндія, всѣ же остальные Европейскія страны находятся въ болѣе выгодныхъ условіяхъ. Даже Англія, классическая страна импорта, питающаяся почти исключительно чужимъ хлѣбомъ, обладаетъ большей пищевой площадью въ отношеніи къ территории, чѣмъ Японія. Конечно, на это можно возразить, что пищевая площадь не есть еще обработанная площадь, и что при обиліи удобной земли размѣры пищевой площади можно при желаніи увеличить. Но въ Японіи незначительное количество земли, воздѣлываемой подъ пищевыя растенія, зависитъ не отъ случайныхъ причинъ, лежащихъ въ произвольномъ усмотрѣніи человѣка,

* Богуславскій „Японія“, ст. 197.

Источн.

Аллея кедровъ близъ Никко.

какъ, напр., въ Англии, а отъ неустранимыхъ природныхъ условій страны. Пищевая площадь тамъ составляетъ 90,6⁰/₀ всей обработанной земли, т. е., иными словами, почти вся поддающаяся обработкѣ земля воздѣлывается подъ пищевые продукты. Въ Европейскихъ странахъ картина получается совершенно другая. Такъ въ Англии пищевая площадь составляетъ всего 18⁰/₀ всей обработанной земли, въ Европейской Россіи—28⁰/₀, въ Бельгіи—48⁰/₀. Слѣдовательно, во всѣхъ этихъ странахъ, при желаніи или при измѣнившихся условіяхъ, можно было бы значительно увеличить производство собственнаго хлѣба, тогда какъ въ Японіи оно дошло до крайнихъ предѣловъ, допускаемыхъ природой. За исключеніемъ небольшого количества шелковичныхъ и чайныхъ плантацій и нѣкоторыхъ промышленныхъ растений, въ общемъ не занимающихъ и 10⁰/₀ поддающейся обработкѣ территоріи, вся остальная земля воздѣлывается подъ пищевые продукты, и несмотря на это пищевой площади оказывается крайне недостаточно. Если взять отношеніе пищевой площади къ количеству населенія въ Японіи и другихъ важнѣйшихъ европейскихъ странахъ, то получится слѣдующая картина:

Количество пищевой площади на одного жителя въ десятинахъ.

Россія	1, 0
Франція	0, 6
Германія	0, 4
Англія	0, 2
Японія	0,12

Конечно, при этомъ нельзя упускать изъ вида, что рисъ, составляющій преобладающую культуру Японіи, значительно продуктивнѣе европейскихъ хлѣбовъ. Но даже и при этой поправкѣ остается очевиднымъ, что Японія не можетъ довольствоваться своимъ хлѣбомъ, ей непремѣнно нужно получать его извнѣ. Данныя, касающіяся внѣшней торговли Японіи, вполне подтверждаютъ это предположеніе. Рисъ, главная пища японцевъ, — составляетъ одну изъ важнѣйшихъ статей ввоза. Въ 1902 г. онъ стоялъ на второмъ мѣстѣ среди всѣхъ предметовъ ввоза, на сумму 17.750.817 іенъ¹. Положимъ, одновременно съ этимъ высшіе сорта риса вывозятся изъ Японіи, но вывозъ риса несравненно менѣе значителенъ чѣмъ ввозъ, и въ вывозной торговлѣ рисъ стоитъ лишь на девятомъ мѣстѣ.

Во всякомъ случаѣ культура риса стоитъ въ Японіи на первомъ мѣстѣ. Рисъ занимаетъ почти половину (46%) всей пищевой площади.

Обработка риса сопряжена съ большими трудностями и требуетъ самаго настойчиваго и интенсивнаго труда. Особенно тяжела и хлопотлива обработка высшихъ сортовъ риса. Они требуютъ громаднаго количества влаги и чрезвычайно обильнаго удобренія. Въ цѣляхъ удобренія японскій крестьянинъ не пренебрегаетъ рѣшительно ничѣмъ. Въ каждомъ хозяйствѣ буквально всѣ отбросы тщательнымъ образомъ собираются въ бочки и сохраняются

---

¹ „Financial and economical Annual of Japan“. Токио, 1903 г., стр. 93.

тамъ до тѣхъ поръ, пока приходитъ время вывести ихъ въ поле. Но, несмотря на ничтожные размѣры средней крестьянской запашки, своихъ запасовъ удобренія для рисовой культуры не хватаетъ, приходится прикупать со стороны. Въ качествѣ такого покупного удобренія въ Японіи больше всего распространены рыбные туки, изготовляемые частью на сѣверѣ Іезо, частью на Сахалинѣ японскими рыбопромышленниками. Далѣе идутъ бобовыя жмыхи и разныя минеральныя удобренія (известь, костяная мука, гипсъ и т. п.), начавшія болѣе широко примѣняться въ послѣдніе годы.

Поля, предназначенныя для рисовой культуры, разбиваются обыкновенно на небольшіе участки, расположенные по отлогимъ склонамъ горъ и окруженные невысокими глинистыми стѣнками или насыпями. Въ началѣ весны, не позже апрѣля мѣсяца, японскій земледѣлецъ приступаетъ къ обработкѣ своего участка. Въ этомъ ему помогаетъ по большей части только его семья, работниковъ онъ нанимаетъ очень рѣдко, а рабочей скотъ въ Японіи вообще большая рѣдкость. Земледѣльческія орудія употребляются тамъ тоже самыя первобытныя — заступы и мотыги. Когда-весь участокъ тщательно разрыхленъ, его обильно поливаютъ жидкими удобреніями или посыпаютъ сухими. Послѣ этого съ помощью сложной системы орошенія въ огражденный стѣнками участокъ впускается вода съ такимъ расчетомъ, чтобы она покрыла его вершка на $1\frac{1}{2}$, и въ такомъ видѣ поле оставляютъ на мѣсяць или болѣе. Разрыхленная земля смѣши-

вается въ это время съ удобреніемъ и превращается въ жидкую кашицу. Въ эту же кашицу бросаютъ сѣмена риса. Въ теченіе мѣсяца при благопріятной погодѣ рисъ даетъ уже ростки, достигающіе 5—6 вершковъ. Тогда ихъ выдергиваютъ и разсаживаютъ по полю правильными рядами. Послѣ этого снова впускаютъ воду уже въ большемъ количествѣ, чтобы она покрыла собой всю расаду. Въ такомъ видѣ и остается рисовое поле въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ. Самые лучшіе сорта риса воздѣлываются именно такимъ способомъ при помощи заболочиванья поля. Такъ называемый суходольный рисъ распространенъ въ Японіи гораздо меньше и даетъ значительно худшій урожай. Весь процессъ обработки риса занимаетъ не менѣе шести мѣсяцевъ, съ начала апрѣля по конецъ сентября.

Изъ другихъ хлѣбныхъ растений больше всего сѣется ячмень, пшеница и просо. Ячмень и просо, какъ болѣе дешевые продукты, потребляются низшими слоями населенія, рисъ же составляетъ главнымъ образомъ предметъ потребленія среднихъ и богатыхъ классовъ. Далѣе, довольно большимъ распространеніемъ пользуются бобовыя растения, горохъ, картофель обыкновенный и особая разновидность сладкаго картофеля. Изъ промышленныхъ растений на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить тутовое дерево, потомъ идетъ чай, хлопокъ и конопля.

Шелководство было съ давнихъ временъ извѣстно въ Японіи, и въ настоящее время шелковичныя плантаціи занимаютъ 5% всей обработан-

ной площади. Чайныя плантаціи тоже начали замѣтно развиваться за послѣднее время. Прежде онѣ встрѣчались только на южныхъ островахъ, теперь же стали появляться, такъ же какъ и шелковичныя, и на Ниппонѣ, въ особенности на его восточныхъ прибрежьяхъ. Хлопокъ и конопля сравнительно мало воздѣлываются въ Японіи. Въ общемъ надо сказать, что, несмотря на трудность обработки земли въ Японіи, почти ни одинъ клочекъ ея не пропадаетъ даромъ. Всѣ поддающіяся обработкѣ земли представляютъ собой одну сплошную ферму. А о томъ, что недоступно человѣку, заботится сама природа. Кромѣ голыхъ, скалистыхъ вершинъ, вся Японія цвѣтетъ и зеленѣетъ.

Но, рядомъ съ такимъ богатствомъ и разнообразіемъ флоры, фауна въ Японіи довольно бѣдна. Въ общемъ она та же, что и въ соотвѣтствующихъ широтахъ восточной Азіи, но многія породы, обыкновенныя тамъ, здѣсь совсѣмъ не встрѣчаются, а нѣкоторыя, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, значительно видоизмѣнились. Почти всѣ японскія животныя меньше соотвѣтствующихъ материковыхъ. Крупныхъ хищниковъ — львовъ, тигровъ, леопардовъ — Японія не знаетъ совсѣмъ. Медвѣди, волки и лисицы гораздо меньше европейскихъ и азіатскихъ. На Іезо встрѣчается также и бѣлый медвѣдь.

Изъ травоядныхъ тамъ довольно много оленей и антилопъ, тоже нѣсколько отличающихся по виду отъ знакомыхъ намъ. Изъ мелкихъ грызуновъ встрѣчаются бѣлки, кролики и зайцы. Въ лѣсахъ

южныхъ острововъ Японіи въ довольно большомъ количествѣ водятся небольшія обезьяны изъ породы макакъ. Змѣй тамъ очень немного, и изъ нихъ ядовитыхъ только одинъ видъ.

Домашнія животныя тоже немногочисленны породами и мало распространены въ Японіи. Изъ нихъ стоитъ упомянуть только лошадей, коровъ, ословъ и свиней. При этомъ надо замѣтить, что коровы, какъ и лошади, до послѣдняго времени разводились исключительно какъ вьючныя животныя, т. к. молочнаго хозяйства у японцевъ не существуетъ, а мясо, за-прещавшееся буддѣйскою религіею, стало употребляться въ пищу только въ послѣдніе годы, когда правительство стало вводить его въ потребление арміи.

Особенно бѣденъ въ Японіи міръ пернатыхъ. Ея роскошныя лѣса почти безмолвны, пѣвчія птицы тамъ — большая рѣдкость. Больше всего тамъ голенастыхъ и плавающихъ, что и понятно при обилии водъ. Журавль и аистъ составляютъ любимый сюжетъ японскихъ художниковъ. Въ декоративной живописи присутствіе ихъ почти обязательно.

Наоборотъ, виды насѣкомыхъ тамъ удивительно многочисленны и разнообразны. Своей пестротой и яркой окраской они еще дополняютъ живописную яркость японскаго пейзажа.

Параллельно съ этой особенностью японской природы, щедрой на линіи и краски и скупой на звуки, невольно приходитъ на умъ міръ японскаго искусства, тоже богатый красками въ области жи-

вописи, особенно пейзажной, и бѣдный звуками въ музыкѣ.

Въ противоположность земной фаунѣ, водная фауна Японіи чрезвычайно богата. Моря, окружающія ее, изобилуютъ разнообразными породами рыбы и всевозможными морскими животными. Изъ рыбъ тамъ всего больше водится сельдей, сардинки, трески и разныхъ видовъ лососевой породы. Рыболовный промыселъ съ давнихъ поръ игралъ очень важную роль въ жизни населенія. Рыба всегда была однимъ изъ главныхъ пищевыхъ продуктовъ не только для прибрежныхъ жителей, но и внутри страны. Она до нѣкоторой степени возмѣщала для японцевъ почти полное отсутствіе мясной пищи. Почти все населеніе острова Хоккайдо, такъ же какъ береговые жители остальныхъ острововъ, занимается почти исключительно рыбной ловлей. Размѣры этого промысла съ каждымъ годомъ все растутъ. Въ 1899 году японскими рыбаками было продано рыбы въ разныхъ видахъ, — сыромъ, соленомъ, сушеномъ и прессованномъ для удобренія, — болѣе чѣмъ на 62 мил. іенъ¹.

Въ послѣднее время правительство стало обращать большое вниманіе на развитіе рыболовного промысла и съ этой цѣлью устроило нѣсколько школъ рыболовства и рыбоводства и даже одно высшее специальное учебное заведеніе, подготовляющее преподавателей въ эти школы и ученыхъ

¹ *Resumé statistique*, стр. 30.

теоретиковъ этого дѣла. Кромѣ того, въ настоящее время въ разныхъ пунктахъ побережья устроено болѣе двадцати опытныхъ станцій для изученія условій рыбоводства и техники рыболовства.

Во внутреннемъ Японскомъ морѣ и въ многочисленныхъ японскихъ рѣкахъ тоже водится довольно много рыбы. Но характерной особенностью Японіи является разведеніе рыбъ, преимущественно карповъ и карасей, на покрытыхъ водою рисовыхъ поляхъ. На зиму рыбу переводятъ въ особо выкопанные пруды.

2.

Землетрясенія.

До сихъ поръ, говоря о природѣ Японіи, мы не упоминали еще объ одномъ явленіи, оказавшемъ большое вліяніе и на характеръ самой страны, и на нѣкоторыя стороны быта ея населенія. Японія, какъ извѣстно,—страна вулкановъ и землетрясеній. „Ежегодно ея жители испытываютъ, по крайней мѣрѣ, пятьсотъ ударовъ, — говоритъ профессоръ Дж. Мильнъ, — а время отъ времени то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ страны происходятъ страшныя катастрофы“. Въ періодъ времени съ 1885 по 1892 годъ Мильнъ наблюдалъ 8.831 ударъ, т.-е. въ среднемъ еженедѣльно по три удара; если считать не удары, а настоящія землетрясенія, то въ нѣкоторые годы въ среднемъ приходится по одному землетрясенію на два дня. На характерѣ этихъ грозныхъ явленій, ихъ причинахъ и мѣрахъ

Японія.

Кратеръ Фуджіяма.

защиты отъ нихъ стоить остановиться нѣсколько подробнѣе ¹.

Землетрясеніе — одно изъ самыхъ ужасныхъ бѣдствій, какими угрожаетъ человѣку природа. Кромѣ громадной непосредственной опасности, оно дѣйствуетъ на человѣка еще особымъ образомъ, — вызываетъ въ немъ мистическій ужасъ; онъ чувствуетъ, какъ начинается то, что служитъ его единственнымъ пріютомъ, его естественной опорой, — земля. Отъ землетрясенія негдѣ спастись, нечѣмъ защититься. Города и селенія колеблются, какъ судно въ океанѣ, пока снова не возстановится нарушенное равновѣсіе. Страшныя колебанія наступаютъ внезапно, а полное успокоеніе приходитъ не сразу; часто цѣлые мѣсяцы продолжаются легкіе удары и слабое осѣданіе почвы, сопровождаемое подземнымъ гуломъ. Но Японія страдаетъ не только отъ землетрясеній; изверженія вулкановъ тоже до сихъ поръ составляютъ тамъ обычное явленіе. Едва успокаиваются колебанія почвы, какъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ страны людямъ угрожаютъ страшныя вулканическія изверженія. Въ 1888 г. изверженія на склонѣ вулканической горы Бандай-санъ, остававшейся въ покоѣ въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія, стоило жизни 600 человѣкъ, погребеннымъ вмѣстѣ съ четырьмя селеніями подъ обломками вулкана и продуктами

---

¹ Всѣ данныя, касающіяся землетрясеній, сообщены намъ бывшимъ профессоромъ геологіи горнаго института К. Ив. Богдановичемъ.

изверженія; менѣе чѣмъ въ 10 минутъ пространство земли въ 130 кв. миль было затоплено глубокими, — до 100 футовъ, — водами запруженныхъ рѣкъ. Въ 1902 г. цѣлый островъ Тори-Сима, къ югу отъ Кіу-Сіу, со своимъ немногочисленнымъ, по счастью, населеніемъ рыбаковъ былъ уничтоженъ изверженіемъ.

Можно отмѣтить въ Японіи три линіи, по которымъ вулканическая энергія стремится открыть себѣ путь къ поверхности земли. Около этихъ линій расположены коническія нагроможденія изверженнаго матеріала. Первая изъ этихъ линій, длиною до 1.000 миль, проходитъ отъ Камчатки черезъ Курильскіе острова и Хоккайдо до Ниппона. Здѣсь она встрѣчается со второй, длиною 1.500 м., которая почти подъ прямымъ угломъ къ первой проходитъ черезъ острова Бонинъ къ островамъ Маріанскимъ въ Тихомъ океанѣ. Третья линія отъ Филиппинскихъ острововъ черезъ Формозу достигаетъ до центра Кіу-Сіу, гдѣ она заканчивается вулканомъ Асосанъ съ громаднымъ кратеромъ до десяти миль въ діаметрѣ. Всего въ Японіи 48 вулкановъ, изъ которыхъ 17 продолжаютъ обнаруживать дѣятельность.

Но въ той области Японіи — въ центрѣ Ниппона, гдѣ наиболѣе часто бывають землетрясенія, дѣйствующихъ вулкановъ нѣтъ совсѣмъ. Наиболѣе значительный потухшій вулканъ Ниппона Фуджи-Яма находится въ области относительно меньшаго развитія землетрясеній сравнительно съ простран-

ствами къ востоку и къ западу. Чаше же всего землетрясенія бывають на Тихоокеанскомъ побережѣ страны, и проявленія ихъ не имѣють никакого соотношенія съ вулканической дѣятельностью. Проф. Мильнъ, Науманъ и другіе, посвятившіе много лѣтъ изученію геологіи Японіи вообще и ея землетрясеній въ особенности, высказываются категорически, что причиной землетрясеній въ этой вулканической странѣ служатъ болѣе общіе и широкіе процессы горообразованія, медленно изгибающіе и разламывающіе поверхностныя части земной коры. Поднятія береговой линіи, какія наблюдаются и сейчасъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Японіи, свидѣтельствуютъ, что упомянутые процессы продолжаются до настоящаго времени.

Вслѣдствіе неоднородности матеріаловъ, слагающихъ земную кору, напряженіе развивается при этомъ неоднобразно, возникаютъ внезапные разломы, вызывающіе тѣ страшныя колебанія, которыя проявляются на поверхности землетрясеніями. За первыми содроганіями слѣдуетъ рядъ болѣе слабыхъ, пока снова не возстановится равновѣсіе. Интересно, что нѣкоторыя землетрясенія, въ томъ числѣ и въ Японіи, сопровождаются разрывомъ подводныхъ кабелей, слѣдовательно, происходятъ измѣненія на днѣ океана, именно осѣданія, которыя нѣкоторые ученые склонны признавать не слѣдствіями, а скорѣе причинами землетрясеній. Въ 1896 г., 15-го іюня, на берега Нипгона съ Тихаго океана наступили громадныя волны; имъ предшествовали

только легкіе удары и отдаленные раскаты, напоминавшіе артиллерійскую канонаду. Подземная катастрофа произошла тогда на разстояніи не ближе тысячи версть отъ береговъ, но волны эти поглотили тамъ около 30.000 жизней и превратили въ развалины цѣлые города. Подобныя явленія бывали въ Японіи и раньше, напр., въ 1854 г., когда въ Симоди наступила волна, высоту до 9 метровъ.

Вулканическими изверженіями, землетрясеніями и моретрясеніями родная природа постоянно угрожаетъ японцамъ. Одной изъ наиболѣе страшныхъ катастрофъ еще на памяти очевидцевъ считаютъ землетрясеніе Анзей, продолжавшееся цѣлымъ періодомъ въ теченіе 1854 — 1855 гг. Въ теченіе этого періода Японія служила какъ бы центромъ содроганій, потрясавшихъ земную поверхность въ самыхъ различныхъ мѣстахъ. Въ 1854 г. испытали болѣе или менѣе значительные удары Ницца, Туринъ и Александрія; въ 1855 жестокая катастрофа разразилась въ Новой Зеландіи, въ южной Австраліи, на берегахъ Мраморнаго моря, удары чувствовались въ Швейцаріи, Ломбардіи и Южной Франціи. Въ первый годъ этого періода содрогалась вся южная Японія, въ особенности островъ Шикоку; въ слѣдующій годъ больше всего пострадала восточная часть Ниппона, гдѣ многіе города и селенія были превращены въ груды развалинъ. Въ октябрѣ 1891 года провинціи Мино и Овари на Ниппонѣ подверглись катастрофѣ, которая, по словамъ оче-

видцевъ, превзошла ужасы катастрофы 1855 года. Эти провинціи представляютъ собой сплошные сады и воздѣланныя поля; плотность населенія здѣсь, по официальнымъ даннымъ, 304 человекъ на квадратный километръ. Потрясенная область захватила всѣ равнины и горы Мино, Овари и сосѣднихъ провинцій. По официальнымъ даннымъ, убито было 7.279 чел., ранено 17.393, совершенно разрушено строеній 197.530.

Если обратить вниманіе, что на площади въ 11.111 кв. кил. были разрушены всѣ постройки, включая и крупныя техническія сооруженія, какъ фабрики, желѣзнодорожные мосты и т. п. (вся область распространенія этого землетрясенія обнимала 60% всей имперіи), то число жертвъ, сравнительно съ густотой населенія и количествомъ разрушенныхъ построекъ, нужно признать относительно небольшимъ. Землетрясенія въ Шемахѣ 31-го января 1902 г. и въ Андижанѣ 3-го декабря 1902 г. даютъ относительно гораздо большее число жертвъ.

Извѣстному нѣмецкому путешественнику Гессе Вартегу, посѣтившему Японію въ 1894 году, пришлось пережить тамъ одно изъ довольно значительныхъ землетрясеній, разразившееся тамъ въ іюнѣ этого года и охватившее область средняго Ниппона. Вотъ какъ онъ описываетъ это разрушительное явленіе:

„По приѣздѣ въ Юкагаму я отправился въ Grand Hotel; вся публика была въ такомъ же напряженномъ состояніи, какое испытывалъ я самъ.

„Едва я улегся на кровать, какъ вдругъ вся мебель заплясала; комодъ упалъ, стѣны и полъ затрещали и закачались, какъ во время морской качки. Страшный стукъ и гулъ, раздавшійся въ воздухѣ, заставили меня предположить, что гдѣ-то взорвало пороховой складъ; но когда я подбѣжалъ къ окну, увидѣлъ, какъ летятъ трубы съ крышъ домовъ, и какъ эти послѣдніе рухнули вслѣдъ за ними, я понялъ настоящую причину этого явленія.

„Однимъ прыжкомъ я очутился за дверью и по трещавшимъ лѣстницамъ, между сильно шатавшимися стѣнами, пустился бѣжать внизъ, прямо на набережную, черепица, куски цемента, обломки карнизовъ падали вокругъ меня на землю.

„Море, бывшее за нѣсколько минутъ до того зеркально-спокойнымъ, страшно взволновалось и посылало на берегъ гигантскія волны; тяжелые пароходы и военные броненосцы сильно раскачивались на рейдѣ; надъ городомъ стояла сплошная туча дыма и пыли, и при сильномъ колебаніи почвы трудно было держаться на ногахъ.

„Во время такихъ катастрофъ очень трудно дѣлать наблюденія; я только помню страшный подземный гулъ, падающія трубы и крыши, трескъ стеколъ въ окнахъ и обрушивающіеся обломки со скалъ сосѣдняго Блеффа. Я помню, что вокругъ меня на землѣ лежали дамы въ обморокѣ, что обитатели домовъ всей набережной въ ужасѣ выскочили изъ своихъ четырехъ стѣнъ на улицу, и что дома качались такъ же, какъ корабли въ бухтѣ.

„Сколько времени продолжалось это ужасное явленіе, никто не зналъ; только впослѣдствіи стало извѣстно, что толчки продолжались всего четыре съ половиной минуты. Наконецъ, почва стала неподвижна, но только немногіе рѣшились вернуться въ свои дома, такъ какъ всѣ боялись повторенія землетрясенія.

„Я не терялъ времени, такъ какъ съ безпокойствомъ думалъ о семьѣ, оставшейся въ Токіо. Возможно скорѣе бросился я черезъ груды обломковъ и между растрескавшимися стѣнами прямо къ себѣ въ комнату, собралъ свои вещи и, нанявъ джинриксу, отправился на вокзалъ. Тамъ я узналъ, что по случаю землетрясенія слѣдующій поѣздъ пойдетъ только черезъ часъ. Я рѣшилъ употребить этотъ часъ на объѣздъ всего города. И вотъ что я увидѣлъ. На улицахъ лежали груды обломковъ, главнымъ образомъ, отъ обрушившихся крышъ стѣнъ и трубъ; нѣкоторые дома совсѣмъ рухнули, другіе грозили обрушиться каждую минуту, а огромное большинство было съ трещинами и щелями въ стѣнахъ. Вокругъ одной чайной фабрики хлопотали полицейскіе и пожарные; они раскапывали обломки, подъ которыми погребено было около тридцати человѣкъ; раненыхъ клали или на соломенные циновки, или на наскоро сколоченныя носилки“ ¹⁾.

Въ Токіо, куда авторъ отправился съ первымъ

---

¹⁾ Гессе Вартегъ „Японія и японцы“. СПб., 1904, стр. 100.

поѣздомъ, картина разрушенія была еще ужаснѣе. Сила ударовъ тамъ оказалась еще больше. Убитыхъ было 36 человекъ, раненыхъ 300, разрушенныхъ домовъ—3720.

Въ Японіи, гдѣ, по словамъ проф. Наумана, крупныя землетрясенія происходятъ въ среднемъ по одному на каждые 5—9 лѣтъ, грозная природа научила людей и предохранять себя отъ проявленій ея внезапной энергіи. Но здѣсь же мы видимъ, что одного опыта, освященнаго вѣковой традиціей, недостаточно. Для выработки лучшихъ условій жизни нужна и культура, быстрые успѣхи которой въ Японіи наглядно отражаются и въ дѣлѣ защиты населенія отъ катастрофъ землетрясенія. Обыкновенный типъ японскаго дома представляетъ легкую постройку, сложенную изъ 4—5 дюймовыхъ брусевъ, связанныхъ между собой сравнительно прочно. Промежутки между двумя рядами такихъ брусевъ заполнены бамбуковымъ плетениемъ, обмазаннымъ глиною. Этотъ остовъ покоится на рядахъ обтесанныхъ камней. Легкость этихъ построекъ такова, что нерѣдко можно видѣть, какъ значительныя постройки перевозятъ съ мѣста на мѣсто на деревянныхъ каткахъ. Храмы и пагоды также построены изъ дерева, но отдѣльные брусья такъ прочно связаны между собой, что эти постройки оказываются упругими во всѣхъ направленіяхъ. Многіе такіе храмы выдерживали удары землетрясеній въ теченіе вѣковъ. Впрочемъ, и обыкновенные японскіе дома устойчивѣе европейскихъ, построенныхъ безъ над-

лежащаго вниманія къ особымъ условіямъ страны. Проф. Мильнъ считаетъ, что японскія постройки представляютъ наилучшій типъ въ отношеніи устойчивости. Но землетрясеніе, напр., 1891 года, показало, что и такія постройки разлетаются, какъ карточные домики. Практика указываетъ, что существеннымъ недостаткомъ ихъ служатъ тяжелыя крыши, не соотвѣтствующія легкимъ стѣнамъ. Вся тяжесть крыши лежитъ на поддерживающихъ ее подпоркахъ, и какъ только подпорки повреждены, она валится внизъ, раздавливая все подъ собою. Теперь и противъ этого приняты нѣкоторыя мѣры: по совѣту того же проф. Мильна, подъ деревянныя подпорки, на которыхъ укрѣпляются крыши, стали подкладывать крупную дробь, такъ что сами эти устои становятся подвижными и при подземныхъ толчкахъ наклоняются, не падая. Кромѣ того, самыя крыши прикрѣпляются къ нимъ при помощи цѣлой сложной системы шарнировъ, благодаря чему онѣ тоже пріобрѣтаютъ нѣкотораго рода упругость, помогающую имъ противостоять разрушительному дѣйствію землетрясеній.

Но въ то же время легкія деревянныя постройки, уменьшающія количество жертвъ при землетрясеніяхъ, ведутъ къ страшнымъ опустошеніямъ во время пожаровъ. Во время землетрясенія 1891 года въ одномъ только Гифу (провинціи Мино) сгорѣло 1,242 дома. Въ Токио ежегодно за зиму бываетъ нѣсколько пожаровъ, уничтожающихъ отъ 100 до 500 домовъ. Повышеніе культуры и разумныя

указанія техники рѣзко измѣнили къ лучшему эти условія. За послѣдніе годы количество пожаровъ значительно сократилось. Однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ противъ пожаровъ считаютъ распространіе особенныхъ лампъ, которыя гаснутъ при опрокидываніи. Здравый смыслъ японцевъ научилъ ихъ во время землетрясеній не торопиться выбѣгать на улицу. Люди съ самообладаніемъ стараются встать въ дверяхъ подъ притолоками, а другіе ищутъ спасенія подъ прочно сдѣланными столами. При легкой конструкціи японскихъ домовъ этотъ, довольно забавный, способъ спасенія оказывается тѣмъ не менѣе часто весьма дѣйствительнымъ.

Однимъ изъ важныхъ актовъ при введеніи европейской культуры было, между прочимъ, учрежденіе такъ называемаго сейсмологическаго общества въ 1880 г. Это общество, имѣя во главѣ проф. Дж. Мильна, приглашеннаго незадолго передъ тѣмъ профессоромъ въ токійскій университетъ, дало рядъ очень важныхъ трудовъ не только по изученію землетрясеній въ Японіи, но и по разработкѣ сейсмологіи, какъ науки о движеніяхъ земной коры вообще. Изъ среды этого общества вышли такія крупныя научныя силы, какъ японскіе профессора Секія и Омори, хорошо извѣстные и въ Европѣ. Въ 1882 году правительство учредило особую сейсмическую комиссію по образцу весьма немногихъ въ то время. Раньше подобныя комиссіи существовали только въ Англіи, Швейцаріи и Италіи.

Японская комиссія сразу обнаружила оживленную дѣятельность, подготовленную трудами хорошо организованнаго сейсмологическаго общества. Сътъ хорошо поставленныхъ станцій для наблюденія надъ землетрясеніями, снабженныхъ самыми совершенными приборами, быстро покрыла Японію (около 1,000 станцій). Въ 1899 г. знаменитый сейсмологъ Робертъ Патвидъ въ своемъ предложеніи объ устройствѣ международной сѣти сейсмическихъ станцій писалъ, что „Японія обладаетъ наилучшей организацией по наблюденіямъ надъ землетрясеніями“. Въ такомъ видѣ сейсмическія наблюденія поставлены въ настоящее время только въ Италіи, между тѣмъ какъ другая классическая страна землетрясеній — Греція до сихъ поръ не имѣетъ правильной организациі сейсмологическихъ наблюденій. Цѣль такихъ изслѣдованій заключается въ изученіи движеній, направляющихся отъ очага землетрясенія черезъ массу земли. По такимъ наблюденіямъ составляются карты площади распространенія каждаго удара. А по этимъ картамъ можно опредѣлить перемѣщеніе исходныхъ точекъ удара, повторяемость и продолжительность ударовъ, измѣненіе характера сейсмическихъ волнъ, слѣдовательно, приблизиться къ опредѣленію законовъ движенія, т. е. динамики твердой земной коры.

Данныя сейсмологіи, выведенныя изъ образцовыхъ наблюденій и опытовъ, въ нынѣшнее время широко привиты японскимъ инженерамъ, примѣняющимъ выводы науки въ своихъ сооруженіяхъ.

Между прочимъ въ 1901 г. въ Страсбургѣ проф. Омори сдѣлалъ крайне интересный докладъ о примѣненіи сейсмологіи къ техникѣ, особенно къ сооруженію желѣзнодорожныхъ мостовъ.

Единственная въ мірѣ кафедра по сейсмологіи имѣется пока только въ токійскомъ университетѣ. Ее занимаетъ теперь проф. Омори. Въ Японіи настолько сознаютъ пользу сейсмологіи, что ни одна станція сейсмологическаго общества во время землетрясенія 1891 года не была покинута своимъ наблюдателемъ, хотя многіе изъ послѣднихъ при этомъ пострадали. Въ 1883 году въ Японіи была первая выставка сейсмологическихъ приборовъ. Сеймоскопы, т. е. приборы, извѣщающіе о наступленіи землетрясенія и о направленіи ударовъ, распространены тамъ не менѣе, чѣмъ термометры. Въ настоящее время японскіе ученые придумали немало усовершенствованій въ сейсмическихъ приборахъ и изобрѣли нѣсколько новыхъ.

Японія, въ силу своеобразности своей природы и благодаря энергіи своихъ передовыхъ ученыхъ, представляетъ одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ широкой популяризаціи одной изъ самыхъ новыхъ наукъ — сейсмологіи.

Конечно, всѣ успѣхи науки и техники не могутъ все-таки защитить японцевъ отъ губительныхъ катастрофъ. И до сихъ поръ всякое значительное землетрясеніе, всякое новое изверженіе уносятъ многія человѣческія жизни, разрушаетъ плоды долгихъ трудовъ.

3.

Население.

Природа Японіи — это двуликій Янусъ. Съ одной стороны, привѣтливая, роскошная и богатая, съ другой — непокорная, коварная и губительная. Съ незапамятныхъ временъ она дѣйствовала на человѣка этими своими противорѣчивыми качествами. Она привлекала его своей красотой, своей мягкостью, своей бьющей черезъ край производительностью, но не давала ему ни на минуту сложить руки и успокоиться, пожиная непосѣянные плоды. Каждую пядь земли ему приходилось брать съ бою, взбираясь по кручамъ, измѣняя направленіе водъ. Каждое свое изобрѣтеніе надо было примѣнять къ особымъ условіямъ страны, къ внезапнымъ взрывамъ скрытыхъ въ ней силъ. Быть можетъ, эта вѣчная работа въ одномъ направленіи, работа надъ приспособленіемъ къ своеобразнымъ условіямъ своей природы, въ связи съ оторванностью и обособленностью страны и создали изъ японца тотъ особый, все еще не поддающійся опредѣленію типъ, выработали изъ этого многомилліоннаго населенія одну совершенно особую и совершенно однородную рассу. Дѣйствительно, вся масса японскаго населенія совершенно однородна по своему составу. Исключеніе представляетъ только небольшое племя Айновъ, живущихъ на сѣверѣ острова Іезо, или Хоккаидо. Эти Айны, которыхъ въ настоящее

время осталось всего около 18 тысячъ человекъ, представляють собой остатки воинственнаго племени, населявшаго нѣкогда почти всю теперешнюю Японію. По внѣшнему виду Айны совершенно непохожи на японцевъ; они значительно выше ихъ ростомъ, съ прямыми глазами и чрезвычайно обильной растительностью на головѣ и на лицѣ. Айны имѣють свой языкъ, приближающійся къ монгольскимъ нарѣчіямъ и свою особую болѣе низкую культуру. Оттѣсненные племенемъ завоевателей на крайній сѣверъ, айны вели совершенно первобытный образъ жизни, питались исключительно рыбой и постепенно вымирали. Въ послѣднія десятилѣтія японцы обратили большое вниманіе на тяжелыя условія быта айновъ, внесли туда нѣкоторую культуру, улучшили пути сообщенія, завели школы и въ то же время уменьшили податной гнетъ, разорявшій и безъ того бѣдствующихъ рыболововъ. Благодаря этому, положеніе айновъ значительно улучшилось, и вымиранье ихъ приостановилось. Хотя въ концѣ концовъ это маленькое племя, вѣроятно, все-таки обречено на исчезновенье.

Далѣе, нѣкоторыми особенностями, хотя и не настолько бросающимися въ глаза, какъ у айновъ, отличаются жители южнаго острова Ріу-Кіу. Они такого же роста, какъ японцы, но обладают нѣсколько болѣе обильной растительностью.

За этими небольшимм исключеніями весь сорокашестимилліонный японскій народъ не поддается никакому дальнѣйшему подраздѣленію на племенные группы.

Путешественники различают, впрочемъ, два преобладающихъ типа японцевъ. Одинъ съ болѣ свѣтлымъ цвѣтомъ лица, болѣ косыми глазами, болѣ тонкими чертами и болѣ пропорциональнымъ сложеніемъ. Другой грубѣе, съ болѣ темной кожей и болѣ развитыми мускулами. Первый чаще встрѣчается на югѣ и въ городахъ, второй на сѣверѣ и въ рабочей средѣ. Въ общемъ эта разница типовъ соотвѣтствуетъ скорѣе различію социальныхъ условій, чѣмъ разному племенному происхожденію. Племенной составъ его все же крайне однороденъ.

Эта монолитность всего японскаго народа, при существованіи въ то же время отдѣльныхъ чертъ сходства съ различными азіатскими народами, съ давнихъ поръ очень затрудняла ученыхъ, пытавшихся опредѣлить расовый составъ и происхожденіе японцевъ. По этому вопросу было высказано четыре главныхъ гипотезы. Первая, что японцы происходятъ отъ китайцевъ; вторая—что они принадлежатъ къ монгольской расѣ; третья — что они представляютъ совершенно особое туземное племя, и, наконецъ, четвертая—что они образовались изъ слиянія различныхъ азіатскихъ народностей. Извѣстный ученый, Францъ Зибольдъ, посвятившій много лѣтъ всестороннему изученію Японіи, внимательно рассмотрѣлъ всѣ эти четыре гипотезы и провѣрилъ ихъ и антропологическими, и лингвистическими, и бытовыми данными. Собравъ свой собственный богатый этнографическій матеріалъ, онъ въ концѣ

концовъ пришелъ къ положительному мнѣнію, что японцы представляютъ рѣдкій примѣръ полнаго сліянія различныхъ азіатскихъ народностей. Съ этимъ взглядомъ согласно и большинство другихъ серьезныхъ ученыхъ, съ тою только разницею, что одни считаютъ преобладающимъ вліяніе одного племени, а другіе — другого.

Въ основу, вѣроятно, легло одно или два туземныхъ племени: до сихъ поръ сохранившіеся еще айны, и еще два другихъ, упоминаемыхъ въ японскихъ лѣтописяхъ племени — такеру и пещерныхъ жителей. Но потомъ произошелъ цѣлый рядъ смѣшеній и съ монголами, и съ корейцами, и на югѣ, быть можетъ, даже съ малайцами. Второй признанный авторитетъ по этому вопросу, д-ръ Бельцъ, держится въ общемъ этого же взгляда, но онъ считаетъ, что монгольская кровь преобладаетъ въ японской расѣ, участіе же малайцевъ въ ея образованіи считаетъ сомнительнымъ. Во всякомъ случаѣ всѣ эти народы, внося свои особыя расовыя черты, подчинялись какому-то одному ассимилирующему началу и вырабатывали постепенно тотъ типъ японца, который населяетъ теперь всѣ многочисленные японскіе острова.

Всего, по даннымъ переписи, произведенной 31-го декабря 1898 года, въ Японіи считается 46.427,153¹ человекъ. При площади Японіи въ 363,442 кв. верстъ это составляетъ среднюю плот-

---

¹ Resumé statistique, 1902, табл. I.

Японія.

Айны.
(Мужъ и жена.)

ность населенія 128 человекъ на одну квадратную версту. Если же взять собственно Японію безъ колоній — Формозы и Пескадорскихъ острововъ, то плотность окажется выше, 131 человекъ на кв. версту.

Для того, чтобы можно было составить себѣ болѣе наглядное представленіе о плотности населенія Японіи, мы приводимъ сравнительную табличку территоріи, численности населенія и его плотности въ Японіи, въ главныхъ европейскихъ государствахъ и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ областяхъ Россіи.

	Поверхность въ тысяч. килом.	Населеніе въ тыс. челов.	Колич. жит. на 1 кв. мил.
Бельгія	29,4	6.693	227
Голландія	32,5	5.104	156
Англія	314,4	41.458	131
Японія	382,0	45.426	119
Италія	286,6	32.475	113
Германія	540,7	56.367	104
Австрія	300,0	26.150	87
Швейцарія	40,0	3.315	82
Франція	529,3	38.961	73
Венгрія	324,8	19.254	59
Португалія	88,7	5.016	56
Сербія	48,3	2.492	51
Болгарія	95,7	3.744	39
Греція	63,2	2.433	38
Испанія	504,5	18.607	36
Европейская Россія	4.816,5	93.467	19
Швеція	447,8	5.136	11
Россійская Имперія	21.707,3	128.154	6
Финляндія	373,6	2.527	6*

* Цифры взяты изъ таблицы пространства и населенія главнѣйшихъ государствъ, приведенной въ Statistical Abstract for foreign Countries за 1904 г., стр. 8.

	Поверхность въ тысяч. килом.	Населеніе въ тыс. челов.	Колич. жит. на 1 кв. кил.
Амурская область .	413,0	118	0,4
Приморская област.	1.573,0	220	0,13*

Изъ этой таблицы видно, что по плотности населенія Японія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду самыхъ населенныхъ европейскихъ государствъ. Только Бельгія, Голландія и Англія превосходятъ ее, а Италия, Германія и Франція уже значительно уступаютъ ей. По пространству поверхности она всего ближе подходитъ къ Венгріи и Швеціи, но по плотности населенія она превосходитъ первую вдвое, а вторую—въ десять разъ.

Изъ областей Европейской Россіи, Финляндіи и Амурская область, приблизительно равная ей по пространству, имѣютъ плотность первая — 8 человекъ, а вторая — 0,4 на квадратную версту.

Конечно, и въ Японіи населеніе распредѣляется далеко неравномѣрно по всей территоріи. Такъ, бесплодный и суровый по климату островъ Іезо, или Хоккаидо, населенъ очень слабо, — 7 человекъ на 1 кв. вер., а лежащій во внутреннемъ морѣ цвѣтушій островъ Аваджи имѣетъ 395 жителей на 1 кв. версту. По областямъ плотность населенія въ Японіи колеблется такъ:

Западный Ниппонъ.	211 чел. на 1 кв. килом.
Средній Ниппонъ .	204 „ „ — „ „
Шикоку	191 „ „ — „ „
Kiu-Ciu	179 „ „ — „ „

* Последнія двѣ строчки заимствованы изъ таблицы, приведенной Богуславскимъ на стр. 162.

Сѣверный Ниппонъ 97 чел. на — кв. килом.

Иезо . . . . . 7 " " — " "

Но и въ самомъ центральномъ Ниппонѣ есть области болѣе и менѣе населенныя, такъ, напримеръ, въ областяхъ Мино и Овари плотность населенія достигаетъ до 304 на 1 кв. милю. При этомъ надо замѣтить, что очень крупныхъ городскихъ центровъ въ Японіи немного, такъ что они мало вліяютъ на цифры населенности отдѣльныхъ провинцій. Самый населенный городъ Японіи, — теперешняя столица ея, — Токио,] въ центральной части восточнаго берега Ниппона, имѣетъ 1.440.000 жителей. Изъ остальныхъ городовъ наиболѣе населена Осака (821 т.), самый промышленный городъ на всемъ востокѣ, такъ называемый японскій Бирмингамъ, на сѣверномъ берегу Внутренняго моря. Потомъ идетъ старая столица Японіи — Киото (353 т.), Кобе (215 т.), Иокогама — главный портъ на Тихоокеанскомъ побережьѣ, ведущій, главнымъ образомъ, сношенія съ Америкой (193 т.), и Нагасаки (107 т.). Кромѣ того, есть еще 70 городовъ съ населеніемъ, превышающимъ 20 т. Среди остальныхъ населенныхъ пунктовъ преобладаютъ довольно значительныя поселенія, отъ 500 до 5.000 жителей.

Въ общемъ населеніе Японіи растетъ очень значительно. Въ 1882 г. населеніе собственно Японіи, безъ колоній, составляло 36.700.118 ч., въ 1899 г. оно поднялось до 44.260.604 чел., т. е. за 17 лѣтъ оно увеличилось почти на 8 мил.

ліоновъ, или на 22⁰/₀. Если мы возьмемъ приростъ населенія за послѣднія 10 лѣтъ, то онъ выразится въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Количество насел. въ тыс.	Приростъ населен. на 1000 чел.
1890 года.	40,453	95
1891 „	40,718	66
1892 „	41,089	91
1893 „	41,388	75
1894 „	41,813	103
1895 „	42,270	109
1896 „	42,708	104
1897 „	43,228	122
1898 „	43,763	124
1899 „	44,260	114*

Изъ этой таблички мы видимъ, что населеніе не только абсолютно растеть, но увеличивается и его относительное возрастаніе, т. е. коэффициентъ его прироста. Такое быстрое увеличеніе населенія можетъ зависѣть отъ двухъ причинъ: или отъ увеличенія ⁰/₀ рождаемости, или отъ уменьшенія ⁰/₀ смертности. Въ Японіи, если судить по даннымъ движенія населенія, дѣйствуютъ обѣ эти причины, т. е. увеличивается ⁰/₀ рожденій и уменьшается, хотя медленно, ⁰/₀ смертности. Высота ⁰/₀ смертности служить вообще важнымъ показателемъ уровня культуры страны. Сравнительная статистика твердо установила тотъ фактъ, что чѣмъ культурнѣе страна тѣмъ ниже въ ней ⁰/₀ смертности и обратно. Очень любопытно съ этой точки зрѣнія сравнить въ этомъ отношеніи Японію съ европейскими стра-

* Résumé statistique, стр. 6.

нами. Возьмемъ для сравненія 1899 годъ, какъ послѣдній, о которомъ есть свѣдѣнія относительно всѣхъ странъ.

	Число смертей на 1000 чел. населенія за 1899 годъ.
Швейцарія	17,5
Швеція	17,7
Великобританія.	18,2
Бельгія	18,8
Японія	20,9
Франція	21,1
Германія	21,5
Италія	21,9
Сербія	24,3
Болгарія	25,5
Австрія	25,2
Венгрія	27,2
Испанія	29,3
Европейская Россія	31,0*

Изъ этой таблички видно, что Японія по $\%$ смертности стоитъ въ ряду наиболѣе культурныхъ Европейскихъ странъ. При этомъ 1899 годъ никакъ не можетъ считаться исключительно благопріятнымъ для Японіи. Хотя $\%$ смертности, конечно, подверженъ тамъ, какъ и вездѣ, нѣкоторымъ колебаніямъ, въ зависимости отъ случайныхъ причинъ, но за послѣдніе годы эти колебанія,—вообще незначительныя, — имѣютъ тенденцію постепеннаго пониженія. Если мы возьмемъ для Японіи данныя за послѣднее десятилѣтіе съ 1892 по 1901 г., то получимъ слѣдующій рядъ:

* Цифры эти взяты изъ таблицы по движенію населенія въ „Statistical Abstract“ за 1904 г., стр. 12 — 15.

	Число смертей на 1000 жителей.		Число смертей на 1000 жителей.
1892 года.	21,7	1897 года.	20,5
1893 „	22,8	1898 „	20,4
1894 „	20,5	1899 „	21,0
1895 „	20,2	1900 „	20,5
1896 „	21,6	1901 „	20,3*

Выведа изъ этихъ цифръ среднія по пятилѣтіямъ, мы получимъ, что $\frac{0}{0}$ смертности въ пятилѣтіе съ 1892 по 1896 г. равнялся 21,3 на тысячу, а въ пятилѣтіе съ 1897 по 1901 — 20,5 на тысячу, т. е. въ общемъ $\frac{0}{0}$ смертности понизился на 0,8 на тысячу.

Европейцамъ Японія стала извѣстна только съ XVI вѣка, хотя, повидимому, знаменитый путешественникъ XIII вѣка Марко Поло описывалъ именно ее подъ именемъ страны Зы-пан-гу (Чипанго). Но въ слѣдующіе вѣка никто изъ европейцевъ не отважился продѣлать это путешествіе, и существованіе этой страны не подтверждалось. Первые путешественники, попавшіе туда тоже случайно, но оставившіе замѣтный слѣдъ своего пребыванія тамъ, были португальцы Фернандъ Мендецъ Пинто и Діего Зеймото. Во время путешествія изъ Сіама въ Китай въ 1543 г. они испытали страшную бурю у азіатскихъ береговъ, и корабль ихъ былъ отброшенъ къ японскимъ островамъ. Тамъ они были встрѣчены очень дружелюбно и прожили довольно долго, пока ихъ корабль не былъ приведенъ въ исправность. Попали они впервые на островъ Та-негашима, лежащій къ югу отъ Кіу-Сіу на 30⁰ с. ш.

* Resumé statistique, стр. 13.

Тамъ они высадились на землю и были отведены въ городъ къ правителю острова. Мѣстные жители были всего болѣе заинтересованы огнестрѣльными ружьями, до тѣхъ поръ неизвѣстными еще въ ихъ странѣ, и Діего Зеймото въ благодарность за гостепрїимство не только подарилъ правителю свое ружье, но и научилъ японцевъ изготовлять порохъ. Слухъ о прїѣздѣ путешественниковъ изъ невѣдомыхъ странъ быстро распространился по Японіи, и Пинто со своими спутниками былъ приглашенъ проѣхать внутрь страны. Они объѣхали Kiy-Ciy, Шикоку и южную часть Ниппона, послѣ чего благополучно отплыли въ Китай. Въ японскихъ источникахъ по-сѣщеніе Пинто разсказывается очень подробно. Самъ Пинто тоже оставилъ подробное описаніе своего путешествія, и съ этихъ поръ европейцы уже не теряли изъ виду Японіи. Но постоянныя сношенія съ ней не устанавливались до послѣдняго времени. Японцы, встрѣтившіе сначала дружелюбно невѣдомыхъ путниковъ, съ теченіемъ времени стали относиться къ иноземцамъ все болѣе недовѣрчиво и въ началѣ XVII вѣка окончательно изгнали ихъ изъ своей страны, сдѣлавъ исключеніе только для голландцевъ. Этимъ послѣднимъ было дано мѣстечко Дешима, къ югу отъ Нагасаки. Но европейцы, изгнанные изъ Японіи, не прекращали своихъ попытокъ вновь завязать сношенія съ этой таинственной страной, пока, наконецъ, они не достигли своего въ половинѣ XIX вѣка.

Глава II.

Исторія Японіи до переворота.

1.

Изумительно быстрый рост Японіи въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ уже давно обращалъ на себя вниманіе европейцевъ. Такъ же удивительны, какъ ея природа, казались разыгравшіяся тамъ событія. На глазахъ современнаго поколѣнія эта страна пережила какое-то сказочное превращеніе. Давно ли Гончаровъ и другіе попадавшіе туда путешественники описывали этихъ своеобразныхъ азіатовъ, упорно гнавшихъ отъ себя все европейское, т. е. все цивилизованное, желавшихъ упрямо оставаться варварами. И вдругъ черезъ какіе-нибудь три, четыре десятка лѣтъ на мѣстѣ этой варварской страны оказывается сильное государство, съ парламентскимъ режимомъ, съ могущественной арміей и флотомъ, съ быстро растущей промышленностью. Немудрено, что такая фантазмагорія заставляла недовѣрчиво пожимать плечами однихъ и вызывала

неудержимый восторгъ у другихъ. Одно изъ двухъ — или это дѣйствительно макаки, обезьяничающіе съ европейцевъ и ловко перенимающіе внѣшнія стороны ихъ цивилизаціи, или это гениальная нація, продѣлавшая въ полстолѣтія путь, для котораго Европѣ нужны были долгіе вѣка. Эти два взгляда и до сихъ поръ болѣе или менѣе явно проглядываютъ въ злободневной литературѣ о Японіи.

Но самая маленькая доля историческаго чутья заставляетъ уже à priori недоувѣрчиво отнестись къ обоимъ этимъ мнѣніямъ. Совершенно невысказано себѣ представить, чтобъ цѣлый народъ былъ вдругъ охваченъ стремленіемъ къ бессмысленному копированію всего чужого, и чужого до тѣхъ поръ ненавистнаго и гонимаго. Да и копированіе въ такихъ широкихъ размѣрахъ, конечно, не можетъ дать такихъ блестящихъ результатовъ, какіе поражаютъ всѣхъ желающихъ видѣть. Съ другой стороны, не только цѣлый народъ, но даже и отдѣльный человекъ не переживаетъ никогда такихъ головокружительныхъ переворотовъ, когда все старое сразу безъ подготовки идетъ на смарку и на его мѣстѣ властно воцаряется новое, идущее въ разрѣзъ со всѣмъ прежнимъ. Если покопаться въ прошломъ, всегда найдутся задатки этого новаго, — явленія и силы, подготовившія катастрофу. И волей-неволей приходится придти къ заключенію, что, еслибъ не случайныя внѣшнія причины, вызвавшія переворотъ въ такомъ ускоренномъ темпѣ,

все равно произошёл бы, — произошёл бы быть может, медленнѣе, быть может, принялъ бы инья формы, но по существу привелъ къ тому же.

Такимъ случайнымъ толчкомъ для Японіи было открытіе гаваней и знакомство съ формами западно-европейской культуры, — хотя съ точки зрѣнія хода всемірной исторіи и это вторженіе въ Японію и разрушеніе обособленности одной націи было, конечно, совсѣмъ неслучайнымъ. Но и въ отношеніи Японіи стоитъ только повнимательнѣе всмотрѣться въ ея исторію, чтобы убѣдиться, что внутренній кризисъ, переживаемый теперь ею, далеко не явился результатомъ этого случайнаго толчка. Вся сущность и политическихъ, и экономическихъ реформъ, предпринятыхъ ею, была подготовлена всѣмъ ходомъ предыдущей исторіи Японіи. Этотъ внѣшній толчокъ, быть можетъ, только на нѣкоторое время ускорилъ темпъ ея исторіи, но ни въ какомъ случаѣ не измѣнилъ ея направленія.

Исторія Японіи во многихъ отношеніяхъ представляетъ значительный интересъ. Сильно отличающаяся въ частностяхъ отъ исторіи европейскихъ странъ, она доказываетъ въ то же время, какъ общи въ главныхъ чертахъ законы историческаго развитія. Несмотря на полную обособленность отъ Европы, несмотря на своеобразныя условія своей природы, Японія переживала, какъ мы увидимъ, въ общемъ, тѣ же главныя стадіи экономическаго и политическаго развитія, какъ и европейскія страны.

2.

Японская мифология.

Источникомъ для изученія древнѣйшей японской исторіи служатъ двѣ японскія лѣтописи: „Койики“ и „Нихонги“. Обѣ онѣ были написаны приблизительно одновременно,—„Койики“ въ самомъ началѣ VIII-го вѣка христіанской эры, „Нихонги“ около 720 г. „Койики“ распадается на три книги. Первая изъ нихъ содержитъ преданіе о сотвореніи міра и рассказы о первыхъ мифическихъ временахъ японской исторіи. Вторая и третья представляютъ собой лѣтопись историческихъ событій съ момента воцаренія перваго микадо, т.-е. съ перваго года японской эры, по 1288, т.-е., по нашему лѣтосчисленію, съ 660 г. до Р. Х. по 628 по Р. Х. „Нихонги“ начинается тоже съ космогоніи и мифовъ и доводитъ исторію до 699 г. по Р. Х. Начиная съ VIII-го вѣка, количество японскихъ источниковъ, и современныхъ, и написанныхъ позднѣе, значительно увеличивается. Особенно же богатая историческая литература существуетъ тамъ относительно средневѣковаго періода японской исторіи съ XI-го по XVI в. Нѣтъ, конечно, недостатка и въ работахъ по новой исторіи, съ XVI-го вѣка и до нашихъ дней.

Японская космогонія считаетъ, конечно, Японію первозданной землей. О сотвореніи міра и Японіи тамъ существуетъ нѣсколько мифовъ, отличаю-

щихся между собой въ частностяхъ, но въ главныхъ чертахъ рисующихъ слѣдующую картину.

Вначалѣ былъ хаосъ. Земля и небо не были еще раздѣлены. Земля плавала среди остальной массы, какъ желтокъ въ яйцѣ. Потомъ легкія, свѣтлыя частицы поднялись и образовали небо, а остатокъ сталъ землей. Изъ теплой рыхлой земли поднялся ростокъ и сталъ одушевленнымъ существомъ, куні-мако-тахи-на-микато. Потомъ появились такимъ же способомъ и другія существа — ками. Они всѣ были одного пола, т.-е. раздѣленія половъ не существовало. Эти первичныя существа, — ками, продолжали дальше созданіе міра: они разъединили пять элементовъ, — огонь, воду, землю, металлъ и дерево, и опредѣлили свойства каждаго. Послѣдніе изъ этихъ самостоятельно возникшихъ божественныхъ созданій были первая пара — мужское божество Изанаги и женское — Изанами.

Стоя на парящемъ въ вышинѣ небесномъ мосту, Изанаги погрузилъ свое копье въ волнующіяся подъ нимъ воды и поднялъ его вверхъ. Съ конца копья упала капля, и изъ нея образовался первый островъ. Этотъ островъ, по преданію, — Аваджи. Небесная пара спустилась на него, и Изанаги предложилъ обойти его кругомъ. Самъ онъ пошелъ направо, а Изанами — направо. Когда они черезъ день встрѣтились, Изанами первая воскликнула: „Какъ приятно встрѣтить достойнаго любви человѣка!“ Но Изанаги разсердился, что женщина

раньше его постигла искусство рѣчи, и потребовалъ повторить прогулку. Слѣдующій разъ онъ уже издали закричалъ: „Какъ пріятно встрѣтить достойную любви женщину!“

Изанаги и Изанами были первой супружеской парой, и съ тѣхъ поръ существовала на свѣтѣ любовь. Послѣ Аваджи божественная пара сотворила еще семь большихъ и до ста малыхъ острововъ, и на нихъ появилась жизнь. Первою у Изанами родилась дочь Аматеразу-о-миками, т.-е. свѣтлѣйшая небесная богиня. Она была прекрасна и озаряла своимъ свѣтомъ и небо и землю. Но Изанаги былъ недоволенъ, что его первымъ ребенкомъ оказалась дочь, и прогналъ ее съ земли на небо, давъ ей во владѣніе небесныя пространства. Вторымъ ребенкомъ оказалась тоже дочь, — богиня луны. Только третій родился мальчикъ, но и то плохо сложенный. Въ три года онъ еще не умѣлъ ходить. Родители сдѣлали для него лодку изъ камфарнаго дерева и пустили на волны. Это былъ первый рыболовъ и богъ текущихъ водъ. Наконецъ, четвертымъ родился настоящій сынъ — Сосанео-но-микато. Отецъ былъ очень счастливъ и возлагалъ на него всѣ надежды. Но мальчикъ росъ шаловливымъ и непокорнымъ. Отецъ далъ ему въ управление океанъ, но онъ никогда не умѣлъ держать свое царство въ порядкѣ. Онъ постоянно кричалъ, пугалъ все живое, убивалъ людей и вырывалъ съ корнемъ деревья.

Въ это время мать его родила еще сына—бога

бурнаго огня и послѣ рожденія его удалилась въ подземное царство. Изанаги, удрученный непокорствомъ своего сына, совсѣмъ затосковалъ, когда жена покинула его, и отправился разыскивать ее въ подземный міръ, оставивъ своего любимца управлять міромъ. Онъ долго странствовалъ подъ землей и, наконецъ, встрѣтилъ свою жену у воротъ подземнаго дворца. Она согласилась вернуться съ нимъ, но сказала, чтобы онъ шелъ назадъ на землю не оглядываясь, а она зайдетъ прежде во дворецъ сказать подземному царю, что она уходитъ. Изанаги остался ждать ее у дверей. Потомъ ему показалось, что она слишкомъ долго не возвращается, и онъ бросился разыскивать ее внутрь дворца. Но уже войдя туда, онъ вспомнилъ, что осквернился, и бросился назадъ, чтобы поскорѣе очиститься. Не останавливаясь болѣе, онъ добѣжалъ до земли и первымъ дѣломъ выкупался въ очищающихъ водахъ.

На землѣ же въ его отсутствіе произошли большіе безпорядки. Его любимый сынъ Сосанео продолжалъ мучить всѣхъ и особенно часто обижалъ свою старшую сестру — богиню солнца. Онъ выпускалъ дикихъ лошадей на засѣянные ею рисомъ поля и истреблялъ собранные запасы риса. Разъ, когда она сидѣла у окна своего дворца и ткала, онъ схватилъ дикую лошадь, ободралъ ее съ хвоста до головы и въ такомъ видѣ бросилъ ее въ комнату сестры. Она такъ испугалась, что поранила себя челнокомъ и убѣжала въ пещеру, задви-

нувъ входъ въ нее большимъ камнемъ. На землѣ воцарился мракъ. День пересталъ отличаться отъ ночи. Всѣ боги пришли въ смущеніе, а злыя божества еще увеличивали сумятицу, производя всевозможный шумъ.

Тогда боги стали совѣщаться, какимъ образомъ вызвать богиню солнца изъ ея убѣжища. Наконецъ, они рѣшили сказать ей, что появилась богиня еще болѣе прекрасная, чѣмъ она сама, и тѣмъ возбудить ея любопытство. Богъ-кузнецъ приготовилъ большое овальное зеркало, украшенное рамкой изъ драгоценныхъ камней. Потомъ всѣ боги собрались около пещеры, гдѣ скрывалась богиня солнца, стали пѣть, играть на разныхъ инструментахъ и танцевать. Заинтересованная богиня выглянула въ щелочку и спросила, что ихъ такъ развеселило. Они отвѣтили ей, что чествуютъ богиню еще болѣе прекрасную, чѣмъ она сама. И при этомъ они поднесли къ ней зеркало. Тогда она не выдержала, приотворила дверь и взглянула въ зеркало. До тѣхъ поръ она никогда не видѣла своего изображенія и остановилась, пораженная. Боги окружили ее, вывели изъ дверей и завалили входъ. Ее же отвели во дворецъ. Послѣ этого коварный Сосанео былъ изгнанъ съ земли.

Но и дальше Сосанео, наряду съ богиней солнца, фигурируетъ во множествѣ мифовъ, которыми японцы объясняютъ разныя явленія природы и появленіе разныхъ искусствъ среди людей. Такъ, съ началомъ земледѣлія связывается слѣдующій

мию. Однажды Сосанео явился въ гости къ богинѣ плодородія. Она приняла его очень любезно и угощала своими произведеніями, которыя создавала тутъ же на его глазахъ: рисомъ, пшеницей, разными плодами, рыбой и животными. Сосанео пришелъ въ ярость, при видѣ, какъ легко она это дѣлаетъ, бросился на нее и убилъ ее. Когда богиня солнца узнала объ этомъ, она послала посмотреть, что случилось съ тѣломъ богини послѣ ея смерти. Оказалось, что все оно было покрыто фруктовыми деревьями и злаками, а изъ головы ея вышли колова и лошадь. Богиня солнца обрадовалась и повелѣла людямъ возвращать теперь эти растенія, какъ это дѣлала сама богиня. Она объяснила имъ, гдѣ сѣять рисъ и гдѣ сажать тутовья деревья и какъ добывать шелкъ изъ кокона и какъ дѣлать пряжу.

Сосанео приписываются также нѣкоторые геройскіе подвиги, полезные для людей. Такъ, онъ истребилъ страшнаго дракона, залетѣвшаго на землю во время его изгнанія и пожиравшаго прекрасныхъ дѣвушекъ. Разрубивъ его пополамъ, онъ нашелъ внутри его прекрасный мечъ и подарилъ его своей сестрѣ, богинѣ солнца. Онъ же, по преданію, научилъ людей поэзіи.

Мы не можемъ останавливаться подробнѣе на японской миѳологіи и разбирать заключающіеся въ ней элементы сходства или различія съ первобытными представленіями другихъ народовъ. Но и въ изложенныхъ уже нами миѳахъ можно даже при бѣглому

взглядѣ подмѣтить нѣкоторыя черты, сближающія ихъ хотя бы съ греческими, а иногда и съ библейскими легендами.

Богиня солнца въ японской мифологіи является прямой родоначальницей царствующей въ Японіи династіи. Къ концу мифическаго періода вся земля оказалась густо населенной людьми и божественными существами — ками. Между тѣми и другими постоянно вспыхивали ссоры, и земля стала ареной непрерывныхъ раздоровъ. Тогда богиня солнца рѣшила послать своихъ потомковъ управлять землей. Одинъ изъ порожденныхъ ею боговъ — Ошихоми женился на Тамайори, внучкѣ Изанаги и Изанами, и у нихъ родился сынъ Ниничи-но-микото. Этого внука богиня солнца и рѣшила отослать на землю. Отправляя его, она дала ему многочисленныя сокровища и между прочимъ три главныхъ: зеркало, камень и мечъ, добытый Сосанео. Прощаясь съ нимъ, она сказала ему по одному преданію:

„Вѣка за вѣками будутъ твои потомки управлять этой страной. Прими же мое наслѣдство и эти три коронныхъ талисмана. Когда ты захочешь увидѣть меня, смотри въ это зеркало. Будь для этой страны тѣмъ чистымъ свѣтомъ, какой исходитъ отъ его поверхности. Управляй ея жителями съ мягкостью и добротой, которыя олицетворяются мягкой округлостью этого камня. Сражайся съ врагами твоего царства этимъ мечомъ, убивай ихъ его остриемъ“.

Японія.

Съ этими словами она простилаь съ нимъ, и онъ съ сонмомъ низшихъ боговъ спустился по небесному мосту на землю, а небо послѣ того отдалилось дальше отъ земли, и переходить эту бездну стало невозможно.

На землѣ у Ниничи родился сынъ, прожившій 580 лѣтъ. Этотъ сынъ женился на морскомъ чудовищѣ, принявшемъ образъ женщины. Его сынъ женился на своей теткѣ, и у него родился Джиму Тенно, — первый, окруженный легендами, микадо Японіи.

3.

Легендарный періодъ исторіи.

Не только происхождение Джиму Тенно, но и вся исторія его царствованія, такъ же, какъ царствованіе всѣхъ первыхъ японскихъ микадо, не выдерживаетъ огрогой исторической критики. Самое существованіе ихъ нельзя считать окончательно установленнымъ. На ихъ исторію надо смотрѣть, какъ на исторію покореній, объединенія и первоначальнаго упорядоченія Японіи племенемъ завоевателей—ямато. Мѣстомъ, откуда это племя направилось на завоеваніе страны, преданіе считаетъ Кіу-Сіу. На вопросъ, откуда оно появилось тамъ, легенда отвѣчаетъ — съ неба. Черезъ небесный океанъ, по небесному мосту спустился прадѣдъ перваго микадо со своими спутниками на японскіе острова. Въ этомъ мнѣѣ можно видѣть указаніе на то, что племя завоевателей не было кореннымъ туземнымъ пле-

менемъ и что явилось оно изъ-за океана, по всей вѣроятности, конечно, не небеснаго. Какъ бы то ни было, оно довольно долгое время жило на Кіу-Сіу, пока не разрослось такъ, что ему стало тѣсно на южномъ островѣ и явилась потребность двинуться дальше на сѣверъ.

Походъ Джиму Тенно продолжался много лѣтъ. Это не была просто завоевательная экспедиція, это было неудержимое движеніе впередъ цѣлаго племени, въ родѣ наступленія готовъ на Европу, только въ нѣсколько меньшемъ масштабѣ. Джиму Тенно двигался сначала по Внутреннему морю, съ юга на сѣверъ, останавливаясь годами на берегахъ Шикоку и Ниппона и вступая въ борьбу съ туземными племенами. Туземцы, съ которыми имъ приходилось воевать, были, главнымъ образомъ, такъ называемые „пещерные жители“ и племя та-керу на югѣ, а дальше къ сѣверу айны. Пещерные жители отличались крайне малымъ ростомъ, хитростью и чрезвычайно жестокостью. Это были дикари на самой первобытной стадіи культуры. Существуетъ мнѣніе, что смѣшеніе племени Ямато съ этими карликами оказало вліяніе на ростъ японской расы. Но пока это нельзя считать установленнымъ. Айны, наоборотъ, были крупное воинственное племя; шагъ за шагомъ отстаивали они у побѣдителей свои владѣнія и часто, разбитые ими, снова возвращались и наносили имъ серьезные уроны. Легенда объясняетъ побѣды Джиму Тенно дѣятельнымъ покровительствомъ боговъ и въ осо-

бенности прародительницы начальника, богини солнца. Цѣлый рядъ чудесъ сопровождалъ походы Джиму Тенно. Иногда, когда онъ сбивался съ дороги, ему являлась громадная птица и летѣла передъ его отрядомъ. Иногда во время сраженія внезапная тьма вносила смятеніе въ ряды враговъ или, наоборотъ, нестерпимый небесный свѣтъ поражалъ ихъ слѣпотой. Во всякомъ случаѣ въ концѣ концовъ туземцы были оттѣснены далеко на сѣверъ, и первое постоянное поселеніе было основано недалеко отъ теперешняго Кіото, въ той части Японіи, которая, какъ и племя завоевателей, называлась тогда О-Ямато. Годъ постройки этого дворца и считается въ Японіи первымъ годомъ ихъ лѣтосчисления. Въ этомъ дворцѣ были положены эмблемы царской власти — зеркало, мечъ и круглый камень или держава.

Но на воцареніи Джиму Тенно въ центрѣ Японіи не кончается, конечно, исторія завоеванія страны. Въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ шла непрерывная борьба между завоевателями, все шире распространявшими свои владѣнія, и туземцами, тревожившими ихъ постоянными набѣгами. Только въ I вѣкѣ до Р. Х. или въ VI в. японской эры страна нѣсколько успокоилась, воинственные туземныя племена водворились на далекихъ окраинахъ, а въ центрѣ начала быстрѣе развиваться мирная культура.

Первый микадо, обратившій серьезное вниманіе на внутреннее развитіе страны, былъ Суджинъ, царствовавшій съ 97 по 30 г. до Р. Х. Ему при-

писывается установленіе податей, платимыхъ микадо, проведеніе дорогъ, развитіе нѣкоторыхъ ремесль, усиленное покровительство земледѣлю, которое въ первобытныя времена представляло особыя трудности. Далѣе Суджинъ старался по возможности воздѣйствовать на нравы своего племени и боролся съ нѣкоторыми укоренившимися среди нихъ обычаями. Такъ, напримѣръ, тамъ существовалъ обычай при погребеніи умершаго родоначальника или члена императорской семьи закапывать живыми по горло въ землю его приближенныхъ и его лошадь. Далеко вокругъ окрестность оглашалась криками несчастныхъ, умиравшихъ голодною смертью. Микадо повелѣлъ своимъ совѣтникамъ придумать какой-нибудь способъ, чтобъ замѣнить этотъ жестокой обычай. Одинъ изъ приближенныхъ высказалъ мысль, что можно вмѣсто живыхъ людей зарывать въ землю ихъ изображенія. Это предложеніе очень понравилось микадо, и онъ при смерти перваго же изъ своихъ родственниковъ приказалъ закопать съ нимъ въ землю глиняныя статуи его приближенныхъ. Съ этихъ поръ старый обычай сталъ понемногу исчезать, хотя еще долго спустя онъ время отъ времени оживалъ снова уже не въ формѣ зарыванія въ землю живыхъ, а въ видѣ убійства или самоубійства на могилѣ. Самоубійство при этомъ принимало обычную въ Японіи форму—хара-кири, т.е. распарыванье живота.

Наряду съ этимъ обычаемъ, заставляющимъ

припоминать Индію и браминовъ, въ Японіи существовали другіе обычаи, страннымъ образомъ напоминающіе Европу и средневѣковье. Такъ, напр., однимъ изъ способовъ опредѣлить виновность преступника былъ божій судъ (ордали). Обвиняемаго заставляли опускать руку въ крутой кипятокъ. Если тѣло сваривалось, вина считалась несомнѣнной; если знаковъ не оставалось, или они очень быстро заживали, обвиненіе падало.

Посвящая много заботъ улучшенію быта своихъ подданныхъ, микадо Суджинъ не забывалъ и о богахъ. Свои жреческія обязанности онъ исполнялъ не менѣе усердно, онъ постоянно совершалъ богослуженія богамъ и воздвигъ имъ много новыхъ храмовъ. Храмы эти по постройкѣ мало отличались отъ его дворца и отъ жилищъ остальныхъ японцевъ. Это были небольшія деревянныя четырехугольныя строенія, лишеныя всякихъ архитектурныхъ украшеній и всякой роскоши.

По образу жизни первые японскіе микадо нисколько не напоминали другихъ азіатскихъ влестителей, окружавшихъ себя большой пышностью. Они, наоборотъ, жили въ первые вѣка чрезвычайно просто.

По преданію микадо Суджинъ имѣлъ двухъ сыновей, которыхъ онъ любилъ одинаково, и колебался, кого изъ нихъ назначить своимъ преемникомъ. Однажды, онъ предупредилъ ихъ, чтобы они запомнили, какіе сны увидятъ въ наступающую ночь и на слѣдующій день рассказали ему ихъ. На другой день старшій сказалъ: „Я видѣлъ, что взби-

раюсь на гору, лицомъ къ востоку, и мечемъ и копьемъ прокладываю себѣ дорогу“. — „Я тоже видѣлъ гору, — разсказаль младшій, — я поднимался по ней и разставляль силки во всѣ стороны. чтобы ловить воробьевъ, портившихъ посѣвы“. Тогда отецъ растолковаль имъ ихъ сны. „Ты мой сынъ, — обратилъ онъ къ старшему, — смотришь въ одну сторону, ты будешь завоевателемъ и покоришь востокъ. А ты, — сказаль онъ младшему, — будешь управлять всей страной. Тебя я назначаю своимъ наслѣдникомъ“. Анекдотъ этотъ характеренъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, онъ показываетъ, что заботы о мирной культурѣ начинаютъ уже въ то время брать перевѣсъ надъ завоевательными стремленіями. Во-вторыхъ, изъ него ясно, что съ древнихъ временъ переходъ престола отъ отца къ старшему сыну не считался обязательнымъ въ Японіи. Царствующій микадо могъ назначать своимъ преемникомъ любого изъ своихъ сыновей, а если ихъ не было или они казались ему недостойными престола, усыновлять кого-нибудь изъ родственниковъ и объявлять его своимъ наслѣдникомъ. Но при этомъ усыновленный считался законнымъ сыномъ микадо. Царствующая династія разъ навсегда признавалась непрерывной. И нынѣ царствующій императоръ Мутсо Гито считается на этомъ основаніи прямымъ потомкомъ основателя государства Джиму Тенно, 121-мъ микадо божественной и вѣчной династіи.

При преемникахъ Суджина покоренныя племена

снова начали тревожить страну. Въ борьбѣ съ ними особенно прославился сынъ микадо Кеико — Ямато-Даке (храбрѣйшій въ Ямато). Это одинъ изъ любимѣйшихъ японскихъ героевъ древней исторіи. Описанія его подвиговъ въ лѣтописяхъ облечены въ легендарную, часто поэтическую форму.

Когда онъ принудилъ къ повиновенію сосѣднія племена, отецъ послалъ его на сѣверъ воевать съ храбрыми айнами. Ямато-Даке пустился въ путь со своимъ отрядомъ, и его молодая жена отправилась съ ними, не согласившись разстаться съ мужемъ. Когда онъ плылъ въ большой лодкѣ по морю, вдругъ поднялась страшная буря, грозившая каждую минуту перевернуть лодку и потопить отъ важныхъ пловцовъ. Воины уже готовились къ смерти вмѣстѣ со своимъ предводителемъ, какъ вдругъ поднялась жена Ямато-Даке. „Боги требуютъ умиловительной жертвы, — сказала она, — я хочу умереть за тебя“. И съ этими словами она бросилась въ грозныя волны. Тотчасъ же буря стала утихать, и корабль благополучно приплылъ къ берегу.

Три года продолжался побѣдоносный походъ Ямато-Даке. Преодолевая безчисленныя трудности и опасности, онъ достигъ своей цѣли, оттѣснилъ айновъ на крайній сѣверъ и надолго лишилъ ихъ охоты тревожить сосѣдей. Возвращаясь назадъ, Ямато-Даке сталъ на горѣ, близъ теперешняго Токио и, глядя внизъ на волны, поглотившія его любимую жену, повторялъ: „Адзума, Адзума!“ (моя жена,

Японія.

Императрица Джинго и ея полководець.
(Японскій рисункъ.)

моя жена!). Съ тѣхъ поръ долина около Токио носить названіе Адзума. Возможно, конечно и наоборотъ, что это названіе само породило мнѣ.

Люди не могли справиться съ Ямато, но онъ оскорбилъ одного мѣстнаго бога, и тотъ отравилъ его смертоносными газами, выдѣляющимися при изверженіи. Ямато-Даке умеръ, не дойдя до столицы, умеръ, слагая гимны природѣ.

Послѣ Ямато-Даке громадной славой въ Японіи пользуется императрица Джинго, совершившая первый завоевательный походъ въ Корею. Въ царствованіе ея мужа, микадо Чинъ (191—200 г. по Р. Х.), произошло возмущеніе племени такеру на островѣ Кіу-Сіу. Онъ отправился туда на корабляхъ, и жена послѣдовала за нимъ. Когда они достигли Симоносекскаго пролива и вышли на берегъ отдохнуть, Джинго стала совершать богослужебные обряды богу морей. Въ это время самъ богъ явился къ ней и сказалъ: „Для чего вы добиваетесь покорить Кумасо (отдѣлившаяся область)? Это бѣдная пустынная страна, недостойная вашего войска. Есть на западѣ другая страна, гораздо лучше и богаче ея, страна очаровательная, какъ лицо прекрасной дѣвушки. Въ ней есть золото и всякія сокровища. Молитесь мнѣ, и я помогу вамъ овладѣть ею, не проливъ ни капли крови. Слава вашихъ побѣдъ покорить вамъ потомъ и Кумасо“.

Когда императрица рассказала объ этомъ своему мужу, онъ отвѣтилъ ей: „Я смотрю туда и вижу только воду. Развѣ эта страна на небѣ? Е

нѣтъ; ты обманываешь меня. Или ты молилась ложнымъ богамъ“.

Богъ разгнѣвался за такое невѣріе и поразилъ смертью Чиуэ. Но жена была рѣшительнѣе его. Она собрала войска, рассказала воинамъ свое намѣреніе и воодушевила ихъ своимъ примѣромъ. Она сказала имъ: „Если вы побѣдите, слава будетъ ваша, если потерпите неудачу, вина будетъ моя“. Они сѣли на корабли и поплыли въ Корею. Мирные жители Кореи были такъ поражены нашествіемъ воинственныхъ заморскихъ людей, что почти не пытались оказывать сопротивленіе. Цари различныхъ областей, на которыя распадалась тогда Корея, добровольно прислали подарки Джинго и обѣщали постоянно выплачивать ей дань.

Императрицѣ Джинго приписываются слѣдующія наставленія, которыя она давала своимъ воинамъ:

„Не грабить.

„Не пренебрегать немногими врагами и не бояться многихъ.

„Щадить сдающихся и не давать пощады упорствующимъ.

„Побѣдителю предстоитъ награда, бѣглецамъ — наказаніе“.

Походъ императрицы Джинго въ Корею (201 г.) имѣлъ большое значеніе для Японіи. Съ этихъ поръ у нея установились правильныя сношенія съ азіатскимъ материкомъ, не только съ Кореей, но, что гораздо важнѣе, — съ Китаемъ. Китай въ это время стоялъ въ культурномъ отношеніи несравненно

выше Японіи. Въ теченіе послѣдующаго времени Китай посылалъ въ Японію своихъ учителей, своихъ ученыхъ, своихъ врачей, и постепенно китайская письменность и китайская наука пустили корни въ Японіи и оказали значительное вліяніе на складъ духовной жизни японцевъ. Это вліяніе продолжалось, то ослабѣвая, то усиливаясь, до XVIII вѣка нашей эры, и только тогда началась серьезная борьба съ нимъ. Изъ Китая же получила Японія въ V и VI вв. ту религію, которая, смѣнила ея первобытныя вѣрованія и заняла въ ней первенствующее мѣсто, а именно буддизмъ. Но на религии японцевъ намъ придется подробнѣе остановиться позднѣе. Теперь мы перейдемъ къ характеристикѣ соціально-экономическаго строя Японіи въ этотъ первый полу-легендарный періодъ ея исторіи.

4.

Родовой бытъ.

Три главные момента опредѣлили первобытныи экономическій и политическій строй древней Японіи. Во-первыхъ, основное занятіе ея жителей, обусловленное особенностями ея страны, во-вторыхъ, ихъ культъ и, въ-третьихъ, способъ переселенія ихъ въ новую страну.

Вслѣдствіе островнаго положенія Японіи и обилія рыбы у ея береговъ, рыбная ловля съ незапамятныхъ временъ составляла преобладающее занятіе ея жителей. Охота играла значительно мень-

шую роль, такъ какъ лѣса Японіи не особенно богаты животными. Во всякомъ случаѣ эти два вида промысловъ доставляли единственное пропитаніе туземнымъ жителямъ, если не считать дико растущихъ плодовъ. Завоеватели, во время своей долгой борьбы съ ними, принуждены были довольствоваться тѣмъ же. Но племя Ямато принесло съ собой изъ своей невѣдомой родины значительно болѣе высокой уровень потребностей, не удовлетворявшійся такими первобытными условіями жизни. Быть можетъ, вслѣдствіе особенностей страны, почти лишенной травянистыхъ луговъ и бѣдной животными, быть можетъ, вслѣдствіе принесенныхъ съ собой готовыхъ навыковъ, оно не проходило обычной послѣ охотничьяго и рыболовнаго періода стадіи кочевого и пастушескаго быта. Тамъ, гдѣ оно основывалось на постоянное жительство, оно переходило прямо къ земледѣлію.

Какъ оно собственно переселялось съ острова Кіу-Сіу въ центральную Японію, мы до нѣкоторой степени уже видѣли, когда касались легендъ о походахъ Джиму Тенно. Это было полузавоевательное, полупереселенческое движеніе цѣлаго племени, или во всякомъ случаѣ храбрѣйшей его части, главнымъ образомъ, мужчинъ, въ сопровожденіи, вѣроятно, относительно небольшого количества женщинъ. Двигались они, главнымъ образомъ, на лодкахъ по Внутреннему японскому морю, отъ Кіу-Сіу мимо Шикоку и южнаго Ниппона къ центральной Японіи или Ямато. По отдѣльнымъ лодкамъ пересе-

ленцы размѣщались не случайно. Каждую лодку занимали наиболѣе близкіе между собой люди — родственники, имѣвшіе главой своей старшаго между собой, своего родоначальника. Иногда нѣсколько лодокъ, наполненныхъ родственниками, соединялись въ одну небольшую флотилію подъ главенствомъ общаго родоначальника. Откуда надо вести начало родового быта, въ которомъ застаеътъ племя Яматѣ переселеніе, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ теперь уже установлено несомнѣнно, что переселялись они родами и военачальникомъ ихъ былъ глава старшаго рода. Эти же черты родового быта они сохранили, какъ мы увидимъ, и на новыхъ мѣстахъ.

Излагая древніе японскіе мѣны о происхожденіи міра и Японіи, мы близко подошли къ тому культу, который былъ непосредственно связанъ съ ними. Японскій народъ, или, лучше сказать, народъ, завоевавшій Японію, вель свое происхожденіе отъ первыхъ боговъ, создавшихъ Японію, или въ ихъ глазахъ — весь извѣстный имъ въ ту пору міръ. Поклоняясь богамъ, они чтили въ нихъ своихъ непосредственныхъ предковъ. Къ сонму этихъ божественныхъ предковъ съ теченіемъ времени присоединились и тѣ изъ умирающихъ людей, которые при жизни приносили чѣмъ-нибудь пользу другимъ, и прежде всего непосредственные потомки богини солнца — всѣ царствовавшіе микадо. Это были главные, такъ сказать, всенародные предки, въ культѣ которыхъ объединялся весь народъ. Но,

кромѣ того, каждый родъ, пріѣхавшій и поселившійся вмѣстѣ на новой родинѣ, имѣлъ своихъ собственныхъ предковъ, которыхъ онъ почиталъ наравнѣ съ общими предками. Этотъ культъ предковъ, соединенный съ почитаніемъ нѣкоторыхъ силъ природы — солнца, луны, бога воды и т. п., или такъ называемая теперь религія Шинто, составляла единственную и общюю религію японцевъ во весь первобытный періодъ ихъ исторіи вплоть до появленія тамъ буддизма въ VI в. по Р. Х., т.-е. въ теченіе болѣе тысячелѣтія.

Такимъ образомъ, на зарѣ исторіи мы застаемъ въ Японіи народъ, переселившійся туда родами, народъ, находящійся въ переходной стадіи отъ рыболовнаго къ земледѣльческому быту, и, наконецъ, народъ, религіозныя вѣрованія котораго вылились въ форму культа предковъ.

Посмотримъ теперь, какъ сложилась и не могла не сложиться его жизнь въ политическомъ и хозяйственномъ отношеніи. Прежде всего мы застаемъ племя ямато въ моментъ переселенія и въ моментъ борьбы. И то, и другое требовало предводителя и военачальника. Естественнымъ образомъ, и то, и другое соединялось въ лицѣ главы того рода, который велъ свою генеалогію прямо отъ солнца. Онъ былъ военнымъ вождемъ своего племени, его императоромъ, его микадо. Кромѣ того, какъ представитель первенствующаго рода, онъ былъ естественнымъ главою культа. Онъ приносилъ жертвы богамъ передъ походомъ и воздвигалъ имъ храмы въ

мирное время. Но этими двумя функциями и исчерпывается первоначально почти все содержаніе его власти. Впослѣдствіи къ этому присоединилась еще одна — разборъ столкновеній между отдѣльными родами. Такимъ образомъ, въ понятіи микадо сливалось представленіе о трехъ видахъ власти — военачальника, главы культа и высшаго судьи.

Во всемъ остальномъ вліяніе его было очень незначительно. Племя завоевателей состояло, какъ мы видѣли, во время переселенія изъ отдѣльных родовъ, передвигавшихся и поселявшихся вмѣстѣ. Осѣдлая жизнь еще усиливала родовую связь между членами рода. Земледѣліе, какъ мы уже упоминали, сопряжено въ Японіи съ особыми трудностями. Заниматься имъ въ одиночку въ первобытное время не представляло никакой возможности. Только значительная группа людей — родъ, могла сдѣлать тотъ или другой участокъ земли годнымъ для обработки. Этимъ опредѣлился весь строй хозяйственныхъ отношеній. Родъ завладѣвалъ извѣстнымъ участкомъ земли, который составлялъ послѣ того его собственность, родъ совмѣстно обрабатывалъ его и только по окончаніи уборки глава рода распредѣлялъ между членами полученный сборъ. Кромѣ земледѣлія, составлявшаго основное занятіе всѣхъ, всякій родъ производилъ внутри себя все необходимое, т.-е. и жилища, и утварь, и оружіе, и одежду, причемъ опять-таки глава рода опредѣлялъ, кому изъ членовъ чѣмъ заниматься сверхъ обработки земли. Постепенно по мѣрѣ

расширенія родовъ они распадались на нѣсколько меньшихъ, приче́мъ хозяйственной единицей считались мелкіе роды или „уджи“, весь же родъ въ цѣломъ „о-уджи“, т.-е. большой родъ, связывался между собой, главнымъ образомъ, общностью предковъ и общностью живого главы рода. Возможно, что первоначально этимъ главою рода являлся его дѣйствительный родоначальникъ, т.-е. прародитель всѣхъ его членовъ. Но съ теченіемъ времени, при разростаніи и дробленіи большого рода на отдѣльныя вѣтви, такого реального родоначальника они не могли, конечно, имѣть. Возможно, что главою рода оставался глава старшей вѣтви, но есть основанія предполагать, что званіе родовладыки было выборнымъ и занималъ его одинъ изъ старѣйшихъ членовъ рода по избранію. Недостатокъ источниковъ не даетъ возможности твердо установить это. Во всякомъ случаѣ избраніе было пожизненнымъ, и родовладыка имѣлъ полную неограченную власть внутри своего рода. Онъ имѣлъ право суда и казни надъ всѣми членами рода и право продажи ихъ въ рабство.

Отдѣльный человѣкъ, какъ полноправная личность, какъ индивидуумъ не существовалъ совсѣмъ. Онъ былъ только членъ рода, не имѣвшій никакихъ правъ, но зато и не несшій никакой ответственности передъ чѣмъ-нибудь высшимъ, чѣмъ его родъ. Представителемъ всѣхъ отдѣльныхъ членовъ рода и передъ богами, и передъ ихъ земными потомками — микадо — былъ родоначальникъ. Онъ

совершалъ жертвы за весь родъ, онъ же собиралъ его и велъ на войну по требованію микадо и онъ же позднѣе вносилъ подати микадо. Первое упоминаніе о регулярныхъ податяхъ, платимыхъ микадо, встрѣчается при микадо Суджинъ въ I в. до Р. Х. У границъ рода власть микадо кончалась, онъ имѣлъ дѣло не съ подданными людьми, а съ подданными родами, представителями которыхъ служили ихъ главы. Отдѣльный членъ рода зналъ только свою долю работы и свою долю результатовъ ея. Тѣмъ не менѣе онъ считался свободнымъ членомъ рода, такъ какъ, кромѣ свободныхъ, равныхъ между собою, хотя и подчиненныхъ родоначальнику членовъ, въ составъ рода входили нерѣдко и рабы. По большей части эти рабы были взяты въ плѣнъ туземцы, хотя, быть можетъ, иногда это были провинившіеся и обращенные въ рабство члены родовъ. О положеніи этихъ рабовъ въ древнѣйшее время извѣстно мало. Судя по ихъ роли впослѣдствіи, они, вѣроятно, несли тѣ же работы, какъ и другіе члены родовъ, и жили приблизительно такъ же, какъ и остальные, представляя собою такую же необходимую рабочую силу.

Съ точки зрѣнія рабочей силы смотрѣли въ то время и на женщину, и этимъ объясняется, главнымъ образомъ, особенность ея положенія. Женщина была первоначально такимъ же равноправнымъ членомъ рода, какъ и мужчина, пожалуй, еще болѣе цѣннымъ, такъ какъ женская роль въ хозяйствѣ не менѣе необходима, а количество женщинъ у за-

Японія.

воевателей было относительно невелико. Вслѣдствіе этого добыть женщину изъ другого рода представлялось чрезвычайно труднымъ, и браки совершались, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ одного и того же рода между болѣе или менѣе близкими родственниками. Исключеніе ставилось только для единокровныхъ, т.-е. происходящихъ отъ одной матери братьевъ и сестеръ. Когда же внутри рода женъ не хватало, то мужчина соединялся съ женщиной другого рода, не приводя ее къ себѣ, т.-е. женщина продолжала оставаться членомъ своего коренного рода, хотя мужъ ея принадлежалъ къ другому роду. Позднѣе, къ этому присоединилось насильственное умыканіе женъ изъ другого рода или любовный выкупъ женъ. Но жена и въ томъ, и въ другомъ случаѣ продолжала оставаться самостоятельнымъ членомъ рода, т.-е. она зависѣла, какъ и мужчина, отъ главы рода и не становилась рабой мужа.

Внутренній строй старшаго рода, т.-е. рода микадо, ничѣмъ не отличался отъ строя остальныхъ родовъ. Являясь только военачальникомъ и верховнымъ жрецомъ въ отношеніи другихъ родовъ, внутри своего рода, своего о-уджи микадо былъ такимъ же полновластнымъ начальникомъ и хозяиномъ, какъ и другіе родона начальники. Также какъ и другіе большіе роды — о-уджи, родъ микадо распадался на болѣе мелкіе — уджи. При этомъ родственные микадо уджи считались главными или старшими среди остальныхъ. Позднѣе, когда уро-

вень народныхъ потребностей повысился, и каждому роду трудно было производить все необходимое его членамъ, стала появляться бoльшая спеціализація труда. Но интересно, что и эта спеціализація занятій не разбила рамокъ родовъ и не повысила въ началѣ значеніе индивидуума.

Каждымъ отдѣльнымъ ремесломъ стали заниматься не отдѣльные, способные къ нему члены, хотя бы и разныхъ родовъ, а цѣлые роды. Эти роды ремесленниковъ прежде всего стали выдѣляться изъ о-уджи микадо. Тамъ впервые появились роды оружейныхъ мастеровъ, роды зеркальщиковъ, роды ювелировъ и др.

Такимъ образомъ, родовой бытъ, съ общиннымъ землевладѣніемъ, или такъ называемый строй „уджи“, обнималъ собою всю жизнь древнихъ японцевъ. Въ основѣ этого строя лежали, конечно, главнымъ образомъ, хозяйственныя причины. Одинъ чловѣкъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы обезпечить себѣ существованіе въ тѣ суровыя времена. Со всѣхъ сторонъ онъ былъ окруженъ опасностями, и природа не поддавалась его единичнымъ усиліямъ. Въ силу необходимости, онъ не отдѣлялъ себя отъ той группы людей, съ которыми былъ связанъ естественными отношеніями родства и сосѣдства.

Культъ, основанный на почитаніи общихъ предковъ, еще укрѣплялъ эту естественную связь, придавалъ ей характеръ святости, характеръ божественнаго установленія. Большой родъ, „о-уджи“, пріѣхавшій на одной флотилии лодокъ, совместно за-

владѣвшій участкомъ земли и совмѣстно обрабатывающій его, вель свое происхожденіе отъ однихъ предковъ и тѣмъ обезпечивалъ нерасторжимость своихъ узъ. Отдѣльный человѣкъ, задумавшій отдѣлиться отъ него, оказался бы не только беззащитнымъ передъ лицомъ природы, но онъ былъ бы лишенъ покровительства боговъ. Боги знали его только, какъ члена рода, за котораго предстательствуетъ родоначальникъ. Одинъ — онъ ничто въ ихъ глазахъ. И не только отдѣльный человѣкъ, но даже отдѣльная семейная ячейка — „ко“, или маленькій родъ „уджи“, оказывались въ такой же невозможности порвать свою связь съ „о-уджи“. Японскіе историки посвятили много трудовъ подробному изслѣдованію этой древнѣйшей основы быта своей страны и въ половинѣ прошлаго вѣка среди японской молодежи было очень сильно теченіе, ставившее своимъ идеаломъ этотъ первобытный общинно-родовой строй. Но въ то самое время, какъ слагалась и укрѣплялась эта стройная система политической и хозяйственной организациі общества, рядомъ съ ней начинали дѣйствовать силы, подрывавшія ея основанія.

Населеніе росло, росли постепенно и его потребности, особенно послѣ знакомства съ болѣе высокой культурой Кореи и Китая. Между тѣмъ, при существовавшемъ хозяйственномъ строѣ извлекать изъ земли больше не представляло возможности. Когда цѣлая значительная территорія принадлежала совмѣстно одному большому роду и совмѣстно

обрабатывалась его членами, хозяйство могло вестись только экстенсивное. При увеличеніи населенія оно переставало удовлетворять потребностямъ всѣхъ членовъ рода. Надо было одно изъ двухъ, или увеличить интенсивность культуры, или приобрѣтать новые участки. И то, и другое одинаково вело къ ослабленію родовыхъ узъ. Для перехода къ болѣе интенсивной культурѣ небольшія хозяйственные группы, — семьи или „ко“, должны были получить больше самостоятельности, выдѣлиться въ болѣе тѣсно связанную и болѣе независимую отъ рода хозяйственную единицу. Съ другой стороны, приобрѣтать новые участки по сосѣдству съ собой родъ не могъ, такъ какъ вся центральная Японія — „о-ямато“ была занята и заселена племенемъ завоевателей; пустующія земли можно было находить только по окраинамъ, отчасти отвоевывая ихъ отъ сосѣдей. Цѣлые роды уже настолько оцѣли къ этому времени, что предпринимать новыя переселенія для нихъ не представлялось удобнымъ. Они выдѣляли изъ себя небольшія группы, по большей части семейныя, которыя уходили искать счастья на новыя мѣста. Естественнымъ образомъ, у этихъ колониальныхъ группъ очень скоро ослабѣвала связь съ метропольнымъ родомъ.

Вмѣстѣ съ этимъ и вообще поднятіе культуры въ странѣ, и болѣшая безопасность жизни дѣлали для человѣка менѣе настоятельно необходимой защитой рода. Но культъ предковъ, освящавшій родовыя отношенія, былъ еще очень силенъ; онъ

глубоко проникъ въ сознание населенія и противо-дѣйствовалъ теченіямъ, подтачивавшимъ значеніе рода. Экономическія условія, создавшія данный строй, измѣнялись, но религіозный культъ, выросшій на почвѣ его, былъ еще очень проченъ и мѣшалъ разложенію его.

5.

Начало буддизма.

Для того, чтобы окрѣпнуть, новое теченіе должно было найти себѣ поддержку въ какомъ-нибудь новомъ культѣ, который разбилъ бы оковы рода, казавшіяся нерасторжимыми. Такимъ культомъ, принесшимъ съ собой совершенно новое міропониманіе, совершенно новое отношеніе чело-вѣка къ самому себѣ, былъ буддизмъ. Онъ проникъ въ Японію черезъ Китай и Корею въ VI вѣкѣ по Р. Х. Въ эту эпоху буддизмъ уже далеко не былъ той отвлеченной моральной философіей, какъ въ первое время по основаніи его. Во время долгаго пути черезъ всю Азію онъ впиталъ въ себя части различныхъ, сначала индійскихъ, а потомъ и другихъ азіатскихъ религій. Въ Китаѣ подъ именемъ буддизма проповѣдывалась религія, имѣвшая очень мало общаго съ первоначальной, лишенной всякаго внѣшняго культа, теоріей самоусовершенствованія и самоотреченія. Это была многобожная религія, въ которой Будда или Амида занялъ мѣсто верховнаго бога наряду съ другими богами и бо-

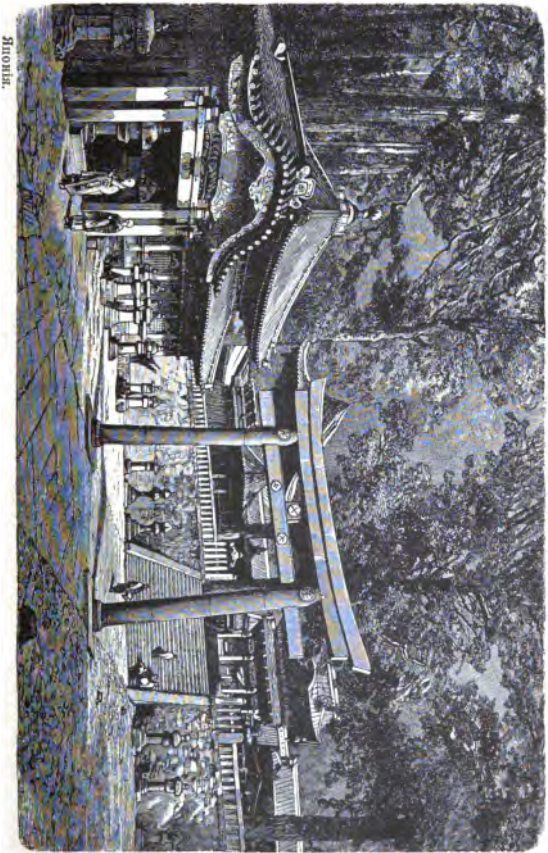
гинями. Особеннымъ почетомъ среди нихъ полюбилась тысячерукая Кванонъ — богиня милосердія и Фудо — богъ огня и мудрости. Приобрѣтя цѣлый сонмъ боговъ, буддизмъ приобрѣлъ и соответствующія своему новому содержанию формы — жреческое сословіе, храмы, торжественные богослужебные обряды, однимъ словомъ, всю ту наружную пышность, съ которой онъ боролся вначалѣ. Но, поступившись такимъ образомъ своей первоначальной чистотой, онъ сталъ вмѣстѣ съ этимъ болѣе доступенъ и приобрѣлъ болѣе вѣдущую привлекательность, не утративъ все-таки высоты своего моральнаго ученія. Появившись въ Японіи, онъ сразу приобрѣлъ себѣ множество приверженцевъ. Его вѣдущность дѣйствовала на воображеніе, а его моральныя догмы поражали своей новизной и внутренней неопровержимостью. Первобытная японская религія не могла выдержать сравненія съ нимъ ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи. Она была лишена почти всякихъ вѣдущихъ формъ и всякаго моральнаго кодекса. Она не ставила никакихъ нравственныхъ требованій чловѣку, она знала только родъ и требовала исполненія извѣстныхъ обрядовъ отъ его представителя.

Японскіе ученые объясняютъ это отсутствіе этической стороны въ первобытной японской религіи тѣмъ, что японцы были народомъ отъ природы нравственнымъ и поэтому не нуждались въ особомъ нравственномъ кодексѣ. Мораль же вообще придумываютъ народы безнравственные, какъ, напр., китайцы.

Какъ бы то ни было, распространеніе буддизма въ Японіи явилось въ ту эпоху большимъ шагомъ впередъ. Человѣческая личность вдругъ приобрѣтала значеніе, передъ человѣкомъ ставился извѣстный нравственный идеалъ, отъ него требовалось соблюденіе извѣстныхъ заповѣдей, на него самого возлагалась отвѣтственность за его поступки. И, наконецъ, передъ нимъ открывалась перспектива будущихъ существованій, т.-е. перспектива будущей жизни. Религія Шинто совсѣмъ не говорила о посмертномъ существованіи для членовъ рода. На безсмертіе могли рассчитывать только микадо, родоначальники и особенно выдающіеся люди, въ родѣ военачальниковъ, обожествлявшіеся въ моментъ смерти.

Первымъ дѣятельнымъ пропагандистомъ буддизма въ Японіи былъ принцъ Шото-Кутанши, сынъ императрицы Суико (593 — 628). Онъ самъ принялъ новую вѣру и распространилъ ее среди своихъ приближенныхъ и ближайшихъ родовъ. Но этотъ актъ вызвалъ сильное неудовольствіе въ странѣ и чуть не стоилъ власти микадо. Принцъ Шото-Кутанши, увлеченный преимуществами буддизма, не обратилъ вниманія на то, что онъ вырываетъ самый фундаментъ власти микадо. Микадо правилъ, какъ прямой потомокъ богини солнца, какъ глава всенароднаго культа. Утрачивая эти свойства, онъ утрачивалъ весь свой престижъ. Немедленно нѣсколько сильныхъ родовъ подъ предводительствомъ Сога-уджи воспользовались новой религіей, чтобы

Шинтоя.

Храмъ Шинто въ Никко.

достичь полной независимости отъ центральной власти. Другіе роды соединились для защиты старой религіи. Возникла междоусобная война, при началѣ которой принцъ Шото покончилъ съ собой, считая себя виновникомъ бѣдствій родной страны.

Но, конечно, буддизмъ могъ только по недоразумѣнію усилить могущество отдѣльныхъ родовъ. По всему своему содержанию онъ оказывалъ разрушительное вліяніе на самую сущность родового быта, на безусловное подчиненіе личности роду. Въ этомъ отношеніи онъ дѣйствовалъ именно въ томъ направленіи, какъ и тѣ экономическія теченія, которыя стали сказываться въ эту эпоху. Онъ санкціонировалъ стремленіе личности или хотя бы отдѣльной семейной ячейки выбиться изъ-подъ власти рода и начать жить за свой счетъ.

6.

Реформа „таиква“.

Центральная власть — микадо и его совѣтники почувствовали начавшее зарождаться стремленіе личности къ самостоятельности и воспользоваться имъ въ пользу усиленія этой власти. Одинъ извѣстный историческій дѣятель Японіи, принцъ Нака-на-оёе, получившій очень широкое по тому времени китайское образованіе, предпринялъ рядъ реформъ, объединенныхъ впоследствии подъ именемъ реформъ „таиква“.

Но если въ экономическомъ отношеніи эти ре-

формы опирались на нарождавшіяся уже въ обществѣ новыя теченія, то вся та соціально-политическая форма, въ которую они были облечены, была совершенно чужда Японіи и шла въ разрѣзъ съ ея предыдущей исторіей. Она была цѣликомъ заимствована изъ Китая и почти безъ измѣненія перенесена на японскую почву. Въ этомъ отношеніи реформа „тайква“ представляетъ большую аналогію съ попыткой Карла Великаго привить цѣликомъ идею римскаго государства къ новымъ общественнымъ формамъ, слагавшимся въ Западной Европѣ подъ двойнымъ вліяніемъ римскихъ традицій и новыхъ германскихъ отношеній. Какъ тутъ, такъ и тамъ эта привитая извнѣ реформа была заранѣе обречена на недолговѣчность.

Въ основу реформы „тайква“ было положено представленіе о микадо, какъ о неограниченномъ и полновластномъ монархѣ. Изъ этого представленія уже естественно вытекало уничтоженіе значенія родовъ, какъ независимыхъ и самоуправляющихся группъ, у предѣловъ которыхъ кончалась прежде власть микадо. Теперь всѣ жители страны были объявлены непосредственными подданными микадо, обязанными платить ему подати и браться за оружіе по его приказанію. Роды были официально объявлены уничтоженными. вмѣсто того, вся страна была подѣлена на провинціи (около 300), управлявшіяся намѣстниками микадо и ихъ помощниками. Такимъ образомъ, вмѣсто федераціи почти независимыхъ родовъ подъ главенствомъ одного предво-

дителя явилась сразу неограниченная бюрократическая монархія. Административный механизмъ, — въ подробности котораго входить, конечно, не стоитъ, — былъ цѣликомъ перенесенъ изъ Китая и только слегка видоизмѣненъ согласно мѣстнымъ условіямъ. Но при всей своей стройности система эта не имѣла залоговъ прочности и очень скоро начала сама себя подтачивать. Чтобы уяснить себѣ это, намъ придется остановиться нѣсколько на тѣхъ экономическихъ реформахъ, которыя были предприняты одновременно, и на той организаціи общества, которая явилась слѣдствіемъ ихъ.

Объявивъ микадо неограниченнымъ монархомъ, смѣлые реформаторы объявили одновременно съ этимъ, что вся земля составляетъ его полную собственность. Подданные могутъ только временно владѣть ею. Вслѣдъ затѣмъ была произведена перепись населенія, земля нарѣзана на равные участки и подѣлена между всѣми. Родъ при этомъ совершенно не принимался во вниманіе. Земля давалась семьѣ по числу ея членовъ. На долю каждаго мужского члена считалось $2\frac{1}{2}$ тана, т.-е. около $\frac{1}{4}$ десятины ¹⁾, женщины получали третью долю. Черезъ каждые шесть лѣтъ совершались передѣлы, — надѣлы умершихъ членовъ семьи отбирались, на долю дѣтей, достигшихъ 5-лѣтняго возраста, нарѣзались новые. Семья, или „ко“, была признана, такимъ образомъ, самой меньшей хозяй-

---

¹ Танъ — около $\frac{1}{10}$ дес.

ственной единицей. Это вполне согласовалось съ тѣмъ теченіемъ, которое мы отмѣчали въ предыдущую эпоху внутри родовъ. Слѣдующей хозяйственной единицей была группа изъ 5 сосѣднихъ домовъ или семей, получившая названіе „гохо“. Семьи, входившія въ составъ „гохо“, были соединены между собой круговой порукой. Это была тоже своего рода община, организованная, главнымъ образомъ, въ фискальныхъ цѣляхъ. Съ нея взыскивались подати, если которая нибудь семья оказывалась въ недоимкахъ, она же должна была платить за выбывшихъ членовъ, до новаго передѣла, на ней же лежало содержаніе неспособныхъ къ труду членовъ.

Надѣлы производились исключительно изъ земель, приготовленныхъ подъ рисовую или садовую культуру. Лѣса, луга, неудобныя или просто не-распаханныя еще земли не вводились въ передѣлы. Лѣса считались общею собственностью. Этотъ взглядъ сохранился въ Японіи и до сихъ поръ и ведетъ къ такимъ же, какъ у насъ, столкновеніямъ изъ-за порубокъ.

Неподѣленные еще остатки удобной земли, а также земли, считавшіяся неудобными, были объявлены личною собственностью микадо, и воздѣлывались за его счетъ подъ наблюденіемъ его на-мѣстниковъ. Вотъ эти-то государственныя земли и внесли зачатки разложенія въ эту стройно созданную крестьянско-бюрократическую монархію.

По закону всѣ чиновники должны были полу-

чать жалованье отъ микадо. Въ частности намѣстникъ могъ удерживать прямо опредѣленную часть податей, слѣдовавшихъ съ его провинціи. Очень скоро къ этому жалованью стали присоединяться участки земли, жалуемые намѣстникамъ „за службу“, пока лишь во временное пользованіе — нѣчто въ родѣ нашихъ помѣстій. Изъ этихъ же земель стали отрѣзаться куски и жаловаться просто любимцамъ микадо „за особыя заслуги“ въ пожизненное или даже вѣчное владѣніе — нѣчто въ родѣ „вотчинъ“. Оттуда же благочестивые микадо выдѣляли дары буддійскимъ монастырямъ, находившимся подъ ихъ особымъ покровительствомъ. Наконецъ, съ теченіемъ времени и просто частные люди, наиболѣе предприимчивые, получали разрѣшеніе поднять новъ среди пустующихъ земель и оставить за собой въ полное владѣніе вновь обработанный участокъ.

Такимъ образомъ, рядомъ съ общинными владѣніями, подлежавшими передѣламъ, возникла частная земельная собственность.

Не прошло и вѣка послѣ проведенія реформъ „тайква“, какъ картина общества снова сильно измѣнилась. вмѣсто небольшихъ крестьянскихъ общинъ, сплошь покрывавшихъ страну и всюду одинаково управлявшихся чиновниками, въ разныхъ мѣстахъ возникли болѣе или менѣе крупные земельные собственники, съ которыми микадо приходилось очень и очень считаться. Очень часто этими собственниками оказывались прежнія главы

родовъ, соединившіе съ новой намѣстнической властью неугасшіи еще въ глазахъ населенія престижъ родовладыки.

Бюрократическій строй совершенно не привился въ ту эпоху. Должности, которыя были созданы для того, чтобы сосредоточить въ рукахъ микадо власть, бывшую раньше у родовъ, очень скоро стали наслѣдственными въ семьяхъ, замѣнившихъ роды. Мало-по-малу страна, спаянная не надолго энергичной волею реформаторовъ, снова стала распадаться на отдѣльныя области, намѣстники которыхъ все меньше считались съ центральною властью и все сильнѣе враждовали между собой.

Нѣсколько разъ болѣе рѣшительные микадо или случайно возвысившіеся роды пытались положить конецъ этому дробленію и розни и снова объединить страну, но попытки ихъ всякій разъ терпѣли неудачу.

Въ этомъ отношеніи VIII, IX и X вв. въ Японіи представляютъ, какъ мы увидимъ далѣе, много аналогій съ эпохой возникновенія феодализма во Франціи. Первые Каролинги оказались такъ же безсильны бороться съ разложеніемъ своей искусственной имперіи, какъ и первые микадо послѣ энергичныхъ авторовъ реформъ. Вышедшіе изъ среды феодальной знати, Капетинги оказались такъ же мало способны объединить Францію, какъ и возвысившійся въ X вѣкѣ родъ Фудживара — Японію. Слабость центральной власти зависѣла не отъ особенностей ея представителей, конечно, совер-

шенно различныхъ въ обѣихъ странахъ, а отъ того общаго историческаго процесса, который совершался и тутъ, и тамъ. Въ Японіи, какъ и во Франціи, неуклонно шель процессъ *феодализиціи* и остановить его искусственно не было никакой возможности. Онъ долженъ былъ совершить весь свой циклъ, прежде чѣмъ пасть окончательно.

Мы остановимся теперъ нѣсколько подробнѣе на этомъ процессѣ, завершеніе котораго и привело Японію къ ея послѣдному перевороту.

7.

Зарождение феодализма.

Въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія, протекшаго со времени завоеванія племенемъ ямато Японіи до реформъ „таиква“, вся страна представляла конгломератъ слабо объединенныхъ между собою соціальныхъ мірковъ. Сознанія государственнаго единства и общегосударственныхъ интересовъ не могло возникнуть. Не могла, слѣдовательно, и окрѣпнуть сразу введенная сверху централизація. Прежніе соціальныя навыки должны были несомнѣнно такъ или иначе проявить себя, воспользоваться первой же оставленной имъ лазейкой, чтобъ вступить въ борьбу съ объединяющей властью. Такой лазейкой была допущенная сначала въ видѣ исключенія частная собственность на землю. Происхождение ея было разное, но вся она стремилась приобрѣсти одинъ и тотъ же независимый отъ государства ха-

рактерь. Намѣстникъ, получая свои земли временно за службу, овладѣвалъ ими настолько прочно, — особенно на окраинахъ, — что не разставался съ ними и оставляя мѣсто. Но и послѣднее случалось рѣдко, — по большей части, когда должность попадала представителю какого-нибудь уважаемаго рода, она не только оставалась за нимъ на всю жизнь, но и закрѣплялась за его потомствомъ. Такой наслѣдственный намѣстникъ становился совершенно независимымъ и безконтрольнымъ хозяиномъ своихъ земель.

Любимцы микадо и придворные, получавшіе земли „за особыя заслуги“, прежде всего выхлопывали, чтобы владѣнія ихъ не подлежали управленію намѣстниковъ, т.-е. обладали „иммунитетомъ“. То же самое въ видахъ поощренія даровалось и тѣмъ частнымъ лицамъ, которыя предпринимали за свой счетъ разработку дѣвственныхъ земель. Этотъ видъ землевладѣнія сталъ особенно быстро развиваться на окраинахъ и вообще на государственныхъ территоріяхъ, такъ какъ онъ давалъ возможность частнымъ людямъ обезопасить себя отъ произвола намѣстниковъ. Крестьянскія общины стали быстро разлагаться, выдѣляя изъ себя болѣе предприимчивыхъ людей, отправлявшихся на сторону искать счастья и приобрѣтать болѣе независимое положеніе собственниковъ. Буддійскіе монастыри, конечно, тоже не замедлили приобрѣсти иммунитетъ для своихъ земель. Естественнымъ слѣдствіемъ такой иммунитетности всѣхъ этихъ зе-

Японія.

**Вооружені дайміоса съ маской и
шлемомъ.**

мель явилось приобрѣтеніе владѣльцами ихъ нѣкоторыхъ правъ государственной власти. Дѣйствительно, если правительственный чиновникъ не имѣлъ внутри ихъ никакой власти, то эта власть сама собой переходила къ собственнику. Постепенно изъ землевладѣльца только онъ превращался въ правителя на принадлежащемъ ему участкѣ. Отрицательная привилегія, данная ему въ видѣ имунитетности его земли, т.-е. неподвѣдомственности правительственнымъ чиновникамъ, приводила къ положительной, — къ приобрѣтенію имъ самимъ извѣстныхъ правъ государственной власти. Землевладѣніе стало соединяться съ нѣкоторыми государственными правами — моментъ характерный для феодализма.

Такимъ образомъ, въ предѣлахъ государства выдѣлились снова независимые отъ него участки, получившіе названіе „шойеновъ“. Владѣльцы ихъ назывались шойонами. Шойоны старались объединить въ своихъ рукахъ возможно больше земли, дававшей имъ больше власти, и вели между собой борьбу за высшія государственныя должности. Въ концѣ IX в. изъ среды этихъ шойеновъ особенно возвысился родъ Фудживара. Одинъ изъ представителей его достигъ такого могущества, что присвоилъ себѣ титулъ „регента“ и сталъ управлять страной отъ имени совершенно безсильнаго въ то время микадо. Титулъ „регента“ сталъ послѣ того наслѣдственнымъ въ роду Фудживара, и микадо продолжали царствовать лишь номинально.

Японія.

Первое время регентамъ удалось внести нѣкоторый порядокъ въ дѣла управленія и поддержать внутренній миръ. Наступило временное затишье, и въ культурныхъ центрахъ страны стали быстро развиваться разныя искусства и литература. Этотъ періодъ, — конецъ IX и X вѣкъ, — считается вѣкомъ перваго расцвѣта духовной жизни въ Японіи. Среди японскихъ ученыхъ того времени особенно прославился Сугавара Мичизане, получившій впоследствии имя Тенджина. Мичизане считался первымъ знатокомъ китайской литературы, и самъ писалъ историческія сочиненія и поэмы на китайскомъ языкѣ. Мичизане былъ воспитателемъ наслѣднаго принца и, когда тотъ воцарился, получилъ званіе перваго министра. Но Фудживара не могли допустить возвышенія челоуѣка, не принадлежавшаго къ ихъ роду. Они добились его изгнанія, и онъ умеръ въ Кіу-Сіу въ 903 г. Родъ Мичизане, въ отличіе отъ другихъ родовъ, всегда отличался большой приверженностью къ наукамъ и литературѣ, и очень многіе литераторы и ученые Японіи въ послѣдующія эпохи носили эту фамилію, не исчезнувшую и до нашего времени. Имя ихъ полупоэтичнаго предка до сихъ поръ пользуется тамъ большимъ почетомъ. Но недолго продолжалось мирное процвѣтаніе страны подъ властью Фудживара. Послѣдующіе регенты оказались такъ же мало способны уничтожить самый источникъ смуты, какъ и микадо. Уже въ концѣ X и въ XI в. снова съ прежней силой вспыхиваютъ междо-

усобные раздоры. Къ этому времени организація общества на новыхъ началахъ сдѣлала еще шагъ впередь.

Шойоны стали притягивать къ себѣ не только пустующія земли, но и населенные участки. Иногда это дѣлалось добровольно, иногда по принужденію. Жизнь мелкихъ земельныхъ собственниковъ среди крупныхъ враждующихъ между собой сосѣдей оказывалась черезчуръ опасной. Правительственные чиновники не имѣли часто силъ защитить ихъ. Для нихъ выгоднѣе было обезпечить себѣ защиту какого-нибудь крупнаго шойона. Съ этою цѣлью они признавали верховную власть шойона надъ своимъ участкомъ и иногда обязывались выплачивать ему часть сбора. Взамѣнъ этого участокъ ихъ освобождался отъ власти намѣстника, и они получали поддержку въ случаѣ нападенія другого шойона. Возникала, слѣдовательно, феодальная зависимость мелкаго земельного собственника отъ крупнаго. Рядомъ съ этими земельными отношеніями такая же зависимость возникала и на почвѣ личныхъ отношеній.

Вслѣдствіе слабости правительственной власти крупнымъ шойонамъ для охраны своихъ владѣній необходимо было имѣть собственныхъ воиновъ. Съ другой стороны, при разложеніи прежнихъ крестьянскихъ общинъ появились люди, не приобрѣтшіе себѣ личной собственности и не имѣвшіе никакой прицѣпки къ землѣ. Эти люди охотно шли на службу къ крупному шойону, клялись ему въ

вѣрности, составляли его постоянную вооруженную дружину, а взаменъ получали отъ него содержаніе — жилище и рисъ.

Эти два вида зависимости — земельная и личная часто сливались и переплетались. Воины, особенно у крупныхъ шойоновъ, съ теченіемъ времени стали получать въ вознагражденіе за службу вмѣсто жалованья участки земли и, такимъ образомъ, превращались въ вассаловъ, а болѣе крупные земельные собственники, отдававшіеся подъ его руку, получали право носить оружіе. Всѣ эти вассалы получили впослѣдствіи названіе самураевъ, — имѣющихъ право носить мечъ. И тѣ, и другіе, по возможности, обрабатывали землю не собственными руками, а при помощи земледѣльческаго населенія.

Значительно ниже вассаловъ, приносившихъ шойонамъ свои болѣе или менѣе крупные земельные участки, стояла остальная масса населенія — бывшіе земледѣльцы - общинники. Когда наиболѣе сильные элементы выдѣлились изъ общины и передѣлы перестали практиковаться на дѣлѣ, общины, какъ таковыя, въ сущности перестали существовать. Остались мелкіе землевладѣльцы, сидящіе на ничтожныхъ надѣлахъ. Отстоять свою самостоятельность отъ крупныхъ шойоновъ они, конечно, были не въ силахъ. Лишенные поддержки слабѣющей правительственной власти, они часто сами предлагали одному изъ сосѣднихъ шойоновъ, или даже самураевъ, работать на него и платить ему подати за то, чтобы онъ защищалъ ихъ отъ остальныхъ. Еще чаще тотъ

принуждалъ ихъ къ этому силой. Въ обоихъ случаяхъ свободные прежде земледѣльцы постепенно превращались въ крѣпостныхъ, обязанныхъ обрабатывать земли шойоновъ и платить подати за свои участки не государству, а имъ. Подати эти постепенно все росли и ко времени полного расцвѣта феодализма поднялись отъ первоначальныхъ 2—3% до 50, 60% всего сбора. Въ общихъ чертахъ картина закрѣпощенія мелкаго земледѣльческаго населенія здѣсь совершенно та же, что и въ Западной Европѣ.

Къ началу XII вѣка процессъ постепенной феодализации общества почти закончился. Теперь монархическая власть въ Японіи существовала лишь номинально. Въ дѣйствительности, страна распалась на множество отдѣльныхъ феодальныхъ мірковъ. Во главѣ cadaго такого мірка стоялъ независимый земельный участокъ, то же что аллодь въ Западной Европѣ, называвшійся шойеномъ, а въ разныхъ степеняхъ зависимости отъ него располагались вассальные земли самураевъ. На самомъ низу соціальной лѣстницы стояли крѣпостные земледѣльцы.

Въ своихъ владѣніяхъ шойоны, получившіе позднѣе наименованіе дайміосовъ („высокое имя“), были совершенно полноправными властителями. Никто не могъ вмѣшиваться въ отношенія ихъ съ подданными. Впрочемъ, характеръ зависимости отъ дайміоса различныхъ группъ населенія его владѣній былъ далеко не одинаковъ. Въ отношенія земле-

дѣльцевъ, обрабатывавшихъ его поля, власть его была совершенно неограниченна, по характеру своему она ближе всего подходила къ власти нашихъ помѣщиковъ надъ крѣпостными крестьянами. По отношенію къ своимъ вассаламъ-самураямъ онъ являлся скорѣе въ качествѣ ихъ предводителя, главы рода. Конечно, феодальная ячейка, состоявшая изъ дайміоса и его самураевъ, не имѣла ничего общаго съ прежнимъ родомъ, такъ какъ между самураями и ихъ главою — дайміосомъ не было никакого родства. Ихъ связывалъ лишь свободный договоръ. Но по традиціи новая феодальная группа продолжала носить названіе рода. Для поддержанія этой фикціи самурай, вступая на службу къ дайміосу и получая отъ него землю, выпивалъ съ нимъ общую чашу, въ которой должны были заключаться нѣсколько капель крови того и другого. Этотъ обрядъ символизировалъ то, что между дайміосомъ и самураями должны были существовать родственныя отношенія. Въ строгомъ смыслѣ слово родъ слѣдовало бы примѣнять только къ династіямъ самихъ дайміосовъ, но, распространяя, его примѣняли ко всей совокупности феодальной группы. Быть можетъ, правильнѣе поступаютъ тѣ историки, которые, по аналогіи, называютъ этотъ новый феодальный родъ „кланомъ“. Во всякомъ случаѣ, оба эти названія надо понимать условно, относя ихъ ко всей совокупности лицъ, связанныхъ между собой феодальными отношеніями.

Право владѣнія шойеномъ переходило по на-

слѣдству отъ отца къ которому-нибудь изъ его сыновей по его назначенію. Но дробить свое владѣніе дайміосъ по обычаю не могъ. Впослѣдствіи этотъ обычай перешелъ и въ законодательство.

Взаимныя отношенія отдѣльныхъ шойоновъ или дайміосовъ между собою не были рѣшительно ничѣмъ урегулированы. Они опредѣлялись только соотношеніемъ ихъ силъ. Они переманивали другъ у друга самураевъ, оттягивали земли и крѣпостныхъ,—постоянныя кровопролитныя столкновенія между ними господствовали на всемъ протяженіи страны. Единственнымъ закономъ, общимъ для всѣхъ, было право меча.

Военное ремесло стало считаться единственнымъ достойнымъ благороднаго человѣка. Кто не носилъ меча, тотъ заслуживалъ презрѣнія. Зато владѣніе оружіемъ, дѣйствительно, доведено было у нихъ до совершенства. Спеціально для мечей приготовлялась удивительная сталь, и самурай гордился тѣмъ, что онъ можетъ своимъ мечемъ перерубить сразу три трупа, положенные другъ на друга. „Мечъ — душа самурая“, говоритъ старая японская пословица. Съ дѣтства упражнялись они въ военныхъ приемахъ и воспитывали въ себѣ храбрость и рѣшительность. Въ военномъ отношеніи самураи были идеальные воины. Они и въ настоящее время составляютъ основу японскаго войска. Офицерство сплошь состоитъ изъ бывшихъ самураевъ, да и среди солдатъ при всеобщей воин

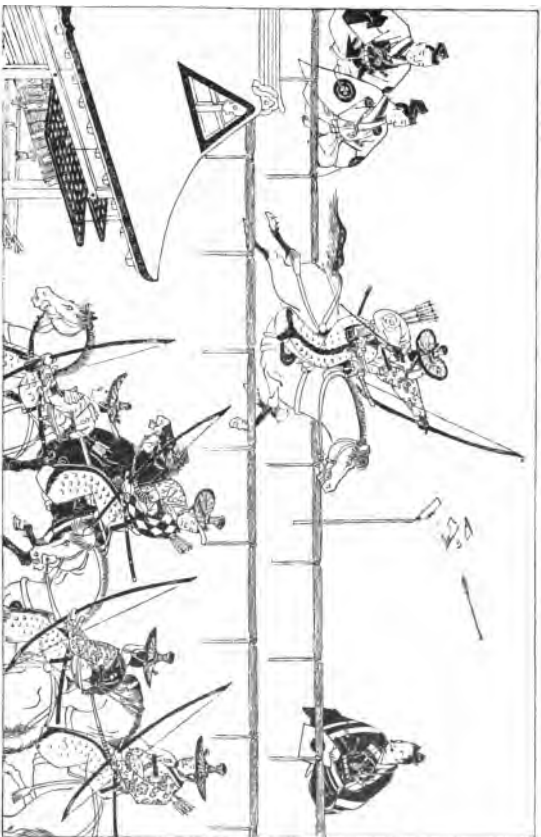
повинности попадається очень много потомковъ прежнихъ благородныхъ рыцарей.

Въ эпоху расцвѣта феодализма впервые произошло обособленіе военного сословія. Первоначально всякій земледѣлецъ по требованію микадо или намѣстника долженъ былъ становиться воиномъ. Теперь же война и подготовка къ ней стала поглощать столько времени, что уже перестала совмѣщаться съ какими бы то ни было другими занятіями. Обработка земли, торговля, умственные занятія — все это считалось ниже достоинства самурая.

Въ родовомъ смыслѣ самураями назывались всѣ носящіе оружіе, т.-е. и дайміосы, въ томъ числѣ; самурай соотвѣтствуетъ рыцарю въ Европѣ.

При такихъ условіяхъ культура страны не могла сколько-нибудь значительно развиваться. Единственными очагами просвѣщенія оставались буддійскіе храмы и монастыри. За исключеніемъ ихъ, вся страна превратилась въ сѣть вооруженныхъ лагерей, а населеніе распалось на крѣпостныхъ земледѣльцевъ и жившихъ на ихъ счетъ и воевавшихъ между собой рыцарей-самураевъ.

Нельзя не упомянуть, что при всѣхъ своихъ отрицательныхъ сторонахъ феодализмъ создалъ и въ Японіи свою особую, часто очень возвышенную, „рыцарскую“ мораль. Понятіе о долгѣ, вѣрности и чести достигло тамъ крайней степени своего развитія, конечно, въ высшемъ военномъ сословіи. За честь всякій самурай готовъ былъ положить жизнь. Оскорбленіе чести смывалось только кровью.

Японія.

Стрѣльба изъ лука самураевъ.
(Японскій рисунокъ.)

Вѣрность своему роду и своему дайміосу ставилась выше всѣхъ остальныхъ добродѣтелей. Общее презрѣніе обрушивалось на тѣхъ, кто рѣшался измѣнить ей ради какихъ-нибудь корыстныхъ расчетовъ. Если кто-нибудь изъ самураевъ добровольно переходилъ къ болѣе богатому дайміосу, всѣ его прежніе товарищи отвергивались отъ него и считали унижительнымъ всякое общеніе съ нимъ. Особенно низкой считалась измѣна въ ту минуту, когда весь родъ испытывалъ какое-нибудь бѣдствіе. Своеобразное военное братство связывало между собою всѣхъ самураевъ одного рода. За оскорбленіе одного возставали всѣ; если оскорбленнымъ былъ представитель рода — дайміось, каждый самурай готовъ былъ положить свою жизнь для возстановленія его чести. При обилии поводовъ для разнаго рода столкновеній, они происходили постоянно, и почти не бывало момента, чтобы въ той или другой части страны не раздавался звонъ оружія.

Въ мирные промежутки самураи проводили время въ военныхъ упражненіяхъ и играхъ. Старшіе учили младшихъ владѣть оружіемъ и соперничали другъ съ другомъ въ разныхъ военныхъ приемахъ. Иногда эти военныя игры обставлялись очень торжественно, — происходило нѣчто подобное рыцарскимъ турнирамъ въ Европѣ, съ тою только разницею, что самураи упражнялись обыкновенно пѣшіе. Порой они такъ увлекались борьбой, что наносили другъ другу серьезные раны, или даже одинъ изъ соперниковъ оставался мертвымъ на аренѣ состязаній. Поединки между

самураями тоже не были тамъ рѣдкостью. При повышенномъ представленіи о чести, малѣйшее нарушеніе выработавшагося тамъ постепенно сложнаго феодальнаго этикета считалось оскорбленіемъ и вело къ поединку, нерѣдко имѣвшему смертельный исходъ.

Сходство японскаго рыцарства съ европейскимъ сказалось еще въ одномъ явленіи, развившемся на его почвѣ. Тамъ, какъ и въ Европѣ, въ періодъ расцвѣта рыцарства стали появляться странствующие рыцари. То тутъ, то тамъ изъ среды самураевъ выдѣлялись личности съ болѣе высокими нравственными требованіями, съ болѣе тонкимъ нравственнымъ чувствомъ, — царившая кругомъ неправда, угнетеніе слабыхъ сильными глубоко оскорбляли ихъ, и они рѣшали посвятить свои силы защитѣ слабыхъ и борьбѣ съ насиліемъ. Они выходили изъ своего рода, — самурай не былъ прикрѣпленъ къ дайміосу, договоръ ихъ былъ расторгимъ, — и отправлялись странствовать по свѣту. Съ выходомъ изъ рода они теряли все, что имѣли, и землю, и содержаніе, но это не пугало ихъ, — бѣдные, часто полуголодные, но съ неизмѣнными двумя мечами у пояса, скитались они по дорогамъ, вступая во всякую борьбу, которая имъ казалась законной, заступаясь за всякаго, кто казался имъ несправедливо обиженнымъ. Въ японскихъ историческихъ романахъ можно встрѣтить не одинъ типъ этихъ японскихъ Донъ-Кихотовъ, всегда нѣсколько наивныхъ, но всегда высоко благородныхъ и безукоризненно честныхъ.

Впослѣдствіи, въ эпоху разложенія феодализма эти странствующіе самураи — „ронины“, какъ ихъ называли, — сильно измѣнили свой первоначальный характеръ, какъ и всѣ самураи вообще. Очень часто изъ защитниковъ слабыхъ они превращались въ настоящій бичъ населенія, — въ вооруженныхъ бродягъ, грабившихъ мирныхъ жителей.

Но и въ блестящую эпоху рыцарства „ронины“ эти являлись, конечно, только свѣтлыми исключениями на мрачномъ фонѣ средневѣковой японской жизни. Правилomъ была беспощадная война всѣхъ противъ всѣхъ. Роды соперничали между собой, усиливались за счетъ сосѣдей и снова падали, не выдерживая постоянной напряженной самообороны. То одинъ, то другой родъ выплывалъ на поверхность и временно заставлялъ всѣхъ признавать свое главенство.

8.

Юритомо и завершение феодального строя.

Въ началѣ XII вѣка двумъ родамъ удалось достигъ наибольшаго могущества — роду Таира и Минамото. Между ними, конечно, возникло жестокое соперничество, очень скоро перешедшее въ открытую войну. Долгіе годы длились кровопролитныя стычки, пока, наконецъ, Минамото совершенно обезсилѣли, предводитель ихъ былъ убитъ въ битвѣ, а войско разсѣяно. Побѣдители завладѣли ихъ землями, изгнали вассальныхъ землевладѣльцевъ и, ме-

жду прочимъ, захватили въ плѣнъ мать жены павшаго дайміоса. Женѣ его съ тремя маленькими сыновьями удалось бѣжать и скрыться. Но когда она узнала, что мать ея въ плѣну, въ ней поднялась сильнѣйшая борьба между дочернимъ и материнскимъ долгомъ. Ради дѣтей она должна была спастись и прятать ихъ отъ рукъ безжалостнаго врага, но чувство дочери побуждало ее вернуться спасать мать. Наконецъ, она рѣшила попытаться достичь того и другого. Она снова пустилась въ путь со всѣми дѣтьми и пошла прямо во дворецъ къ своему врагу Кимори. Единственной ея защитой должна была быть ея красота. Разсчетъ ея оказался вѣренъ, Кимори не могъ устоять противъ слезъ прекрасной женщины. Онъ отпустилъ на свободу ея мать и обѣщаль пощадить ея дѣтей, подъ условіемъ, чтобы она согласилась стать его наложницей. Токива принесла эту жертву своимъ сыновьямъ, и Кимори отослалъ ихъ всѣхъ въ разные буддійскіе монастыри.

Старшій изъ нихъ былъ Юритомо, будущій возстановитель чести и могущества рода Минамото. Второй — Йошитсуне — одинъ изъ любимыхъ народныхъ героевъ Японіи. Монахи, воспитавшіе ихъ, получили предписаніе употребить всѣ усилія, чтобы посвятить ихъ тоже въ монашескій санъ. Но мальчики не проявляли наклонности къ этому. Когда второму — Йошитсуне — исполнилось 16 лѣтъ, онъ убѣжалъ изъ монастыря и отправился тайно къ прежнимъ вассаламъ своего отца — напомнить имъ ихъ

клятвы. Заручившись ихъ поддержкой, онъ явился въ убъжище къ старшему брату и предложилъ ему возобновить борьбу за честь своего рода. Юритомо согласился, они собрали войско, и старшій братъ сейчасъ же выступилъ въ походъ. Но предводитель былъ еще неопытенъ и войско незначительно. Многіе изъ прежнихъ самураевъ Минамото не присоединились къ нему, такъ такъ не вѣрили въ успѣхъ его предпріятія. Въ первой же рѣшительной битвѣ онъ былъ разбитъ на голову и самъ спасся только благодаря находчивости одного тайнаго сторонника. Убѣгая отъ побѣдителей, онъ спрятался въ дуплѣ одного громаднаго дерева. Посланный за нимъ воинъ оказался прежнимъ самураемъ его отца. Онъ подбѣжалъ къ дереву, замѣтилъ въ немъ сына своего господина, ткнулъ мечомъ въ дупло такъ, чтобъ не повредить его, и крикнулъ, что въ дуплѣ только пауки ткуть свою паутину, да птицы охотятся за ними. Въ отвѣтъ на это изъ отверстія, дѣйствительно, выпорхнули два голубя. Воины Таира удалились, и Юритомо былъ спасенъ. Съ этихъ поръ родъ Минамото не употреблялъ въ пищу голубей.

Юритомо снова сталъ собирать своихъ сторонниковъ. Йошитсуне въ это время былъ на сѣверѣ и вернулся оттуда съ большимъ войскомъ. Силы Минамото все росли, и постепенно перевѣсъ сталъ клониться на ихъ сторону. Въ это время старый вождь Таира — Киимори умеръ. Его послѣдними словами были: „Я жалѣю только о томъ, что не

видѣлъ головы вождя Минамото — Юритомо. Когда я умру, не молитесь Буддѣ и не читайте священ-ныхъ книгъ. Срубите голову Юритомо и поло-жите ее на мою могилу“.

Сынъ Кіимори — Мунемори сталъ терпѣть одно пораженіе за другимъ. Наконецъ, ему удалось собрать значительное войско и укрѣпиться въ сто-лицѣ Японіи — Кіото. Юритомо послалъ противъ него своего брата Ёшитсуне, и тамъ между двумя войсками произошла послѣдняя битва (въ 1189 г.). Мунемори былъ взятъ въ плѣнъ и обезглавленъ на могилѣ своего отца, ближайшіе его родственники перебиты, а всѣ вассалы рода Таира подверглись изгнанію и разграбленію. Во время битвы у Кіото, микадо, въ то время семилѣтній мальчикъ, тоже погибъ. По преданію его мать утопилась вмѣстѣ съ нимъ въ морѣ, чтобъ не дать побѣдителямъ завладѣть имъ. Она сама происходила изъ рода Таира и не могла пережить его пораженія.

Неограниченная власть находилась теперь въ ру-кахъ Юритомо. Прежде всего онъ посадилъ на пре-столь того изъ родственниковъ прежняго микадо, который стоялъ въ этой борьбѣ на сторонѣ рода Минамото. Самъ онъ остался жить въ прежней резиденціи своего рода — Камакурѣ.

По преданію въ самомъ началѣ своего фактиче-скаго господства надъ страной онъ запятналъ себя низкой мстью брату. Когда Ёшитсуне покорилъ Кіото и возвращался въ Камакуру съ побѣдоноснымъ войскомъ, братомъ его овладѣла зависть къ его по-

бѣдамъ и страхъ передъ его растущей славой. Онъ послалъ сказать ему, чтобы онъ не щель въ Камакуру, сдалъ посланному всѣ трофеи и ждалъ его приказаній въ монастырѣ въ Еношимѣ. Йошитсуне, глубоко оскорбленный такой встрѣчей, написалъ брату письмо, въ которомъ доказывалъ, какъ тотъ неправъ въ своихъ подозрѣнiяхъ, и какъ онъ всегда и во всемъ руководился только вѣрностью долгу и честью рода. Но объясненiя не повели ни къ чему. Юритомо приказалъ ему оставаться въ заточенiи. Его уединенiе тамъ раздѣлялъ только его старый слуга и вѣрный другъ изъ союзнаго рода Фудживара — Хидехира. Но вскорѣ Хидехира умеръ, а сынъ его, желая заслужить милость Юритомо, предательски умертвилъ друга своего отца.

Вѣсть о смерти Йошитсуне произвела сильное впечатлѣнiе среди населенiя, и Юритомо, чтобы отклонить отъ себя подозрѣнiе, долженъ былъ примѣрно наказать своего черезчуръ усерднаго приверженца. Но народъ не могъ примириться съ ранней смертью своего любимца, и имя Йошитсуне воскресаетъ во множествѣ легендъ. По одному изъ преданiй Йошитсуне переправился на азиатскiй материкъ и въ послѣдствiи покорилъ всю Азiю подъ именемъ Чингисъ-хана.

Восторжествовавъ надъ своими врагами и избавившись отъ опаснаго соперничества брата, Юритомо рѣшилъ упредить положенiе свое и своего рода. Въ 1192 году онъ принудилъ микадо дать ему титулъ Сеи-таи-шогуна (побѣждающаго вра-

говъ генерала). Съ этихъ поръ шогунъ¹ неизмѣнно стоитъ рядомъ съ микадо, а фактически вся власть микадо переходитъ въ сущности въ его руки. Изъ военнаго генерала и перваго министра онъ постепенно превращается въ главу правительства, оставляя на долю микадо внѣшнія почести и ореоль божественнаго происхожденія. Власть шогуна растеть вмѣстѣ съ усиленіемъ центральной власти вообще, и ко времени упадка феодализма онъ является реальнымъ правителемъ страны, хотя микадо никогда не перестаютъ номинально царствовать, и всѣ распоряженія верховной власти неизмѣнно дѣлаются именемъ микадо.

Присвоивъ себѣ званіе шогуна, Юритомо рѣшилъ, не теряя времени, обезпечить гегемонію своего рода надъ остальными родами. До сихъ поръ мы видѣли, что слагавшійся естественнымъ путемъ феодальный строй Японіи вылился въ многоголовое феодальное общество, т.-е. феодальные мірки, состоящія изъ іерархіи вассальныхъ земель, имѣли во главѣ своей совершенно независимый земельный участокъ—шюйенъ, соотвѣтствующій аллоду въ западной Европѣ. Теперь Юритомо припомнилъ прежній законъ, по которому вся земля составляла собственность микадо и, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, объявилъ всѣхъ даймюсовъ ленниками престола, главою

---

¹ Слово это допускаетъ двоякое правописаніе: шогунъ и сиогунъ, такъ какъ первая буква его произносится въ Японіи звукомъ среднимъ между смягченнымъ с и ш. То же самое можно замѣтить относительно всѣхъ словъ, начинающихся этимъ звукомъ, какъ шиито, шюйонъ, Шикоку и др.

же ихъ объявилъ представителя микадо — шогуна, т.-е. въ данный моментъ самого себя. Онъ не стремился, такимъ образомъ, вступить въ борьбу съ феодальнымъ строемъ и уничтожить его, онъ только далъ ему его естественное завершеніе — довелъ до конца феодальную лѣстницу. Изъ многоголового феодализмъ сталъ теперь одноголовымъ. Во главѣ его стоялъ всеобщій сеньоръ — шогунъ; далѣе шли его ленники — дайміосы, далѣе ихъ вассалы, и вассалы ихъ вассаловъ — самураи и, наконецъ, въ самомъ низу — крѣпостная масса населенія. Въ качествѣ всеобщаго сеньора шогунъ получилъ право верховнаго суда надъ дайміосами. Въ случаѣ ссоръ между собой, они должны были обращаться къ нему за разборомъ и безусловно подчиняться его рѣшенію. Юритомо не былъ основателемъ феодализма, какъ считаютъ нѣкоторые авторы, онъ былъ только его завершителемъ. И даже болѣе, приведя феодальную систему къ одному центру, онъ тѣмъ самымъ проложилъ путь ея будущему паденію. Паденіе это наступило еще не скоро, только черезъ два вѣка, но первый шагъ къ нему все-таки былъ сдѣланъ Юритомо въ началѣ XIII вѣка.

Конечно, Юритомо могъ поддерживать свое господствующее положеніе только силою оружія и своего личнаго авторитета; его потомки очень скоро утратили обаяніе его власти и выпустили изъ своихъ рукъ званіе шогуна. Но самый титулъ шогуна, какъ леннаго сеньора, продолжалъ существовать и

служилъ вѣчнымъ яблокомъ раздора между наиболѣе могущественными родами.

Уже въ концѣ того же XIII вѣка шогунатъ переходитъ въ родъ Ходжо. Во время господства рода Ходжо Японіи угрожала громадная опасность монгольскаго нашествія. Въ Китаѣ въ это время водворилась монгольская династія, и основатель ея — Кублай-ханъ, подчинивъ себѣ Корею, задумалъ овладѣть и Японіей. Сначала онъ посылалъ туда пословъ съ предложеніемъ признать его верховную власть и выплачивать ему дань. Но когда предложеніе это было съ негодованіемъ отвергнуто шогуномъ, онъ снарядилъ большой военный флотъ и отправилъ его въ Японію (1281 г.). Въ Японіи это нашествіе вызвало сильный подъемъ національнаго чувства. Всѣ дайміосы наперерывъ посылали свои войска, и подъ предводительствомъ шогуна собралась стотысячная армія. Она была посажена на корабли и отправлена на встрѣчу китайскому флоту. У одного изъ острововъ между Японіей и Кореей произошло столкновеніе, и японцы одержали рѣшительную побѣду. Налетѣвшій тифонъ разсѣялъ остатки непріятельскаго флота, и попытка нашествия на Японію окончилась полной неудачей.

Но воскресшее на одинъ моментъ сознаніе національнаго единства заглохло такъ же быстро, какъ и разгорѣлось. Снова начались раздоры феодальныхъ родовъ, еще болѣе немиримые, чѣмъ раньше. XIV и XV вѣка считаются самымъ смутнымъ и кровопролитнымъ періодомъ японской исторіи. Власть

шогуна переходить изъ одного рода въ другой и не можетъ сдержать столкновений отдѣльныхъ родовъ. Даже императорская власть становится игрушкою въ рукахъ возвысившихся родовъ. Неугодные всеильнымъ шогунамъ микадо принуждаются къ отреченію отъ престола, наслѣдники объявляются по ихъ указанію. Бывали моменты, когда кромѣ царствовавшего микадо въ живыхъ бывало по два и даже по три эксъ-микадо. Въ XIV вѣкѣ между двумя претендентами на престолъ вспыхнула настоящая война, продолжавшаяся болѣе полувѣка съ 1326—1392 гг. Въ сущности, это была, конечно, война не между самими претендентами, а между выставлявшими ихъ могущественными родами — между начинавшимъ падать родомъ Ходжо и возвышавшимся родомъ Ашикага. Эта продолжительная междоусобная война получила въ Японіи названіе, напоминающее войну алой и бѣлой розы въ Англіи, — война красной и бѣлой хризантемъ. Хризантема — цвѣтокъ императорскаго герба; во время столкновенія одинъ изъ претендентовъ избралъ себѣ красный, а другой бѣлый цвѣтъ.

Въ этой войнѣ, переполненной драматическими эпизодами — геройскими подвигами и низкими измѣнами, прославились особенно два героя — Нитта Йошисада и Кузуноки Масашиге. Оба они были въ войскахъ Ходжо и болѣе законнаго претендента, и оба въ концѣ концовъ были побѣждены болѣе многочисленными противниками. Несмотря на это, имена ихъ до сихъ поръ пользуются большимъ

почтеніемъ въ Японіи. Нитта Йошисада считаль своимъ долгомъ сражаться за то дѣло, которое представлялось ему правымъ, и въ то же время страдалъ при мысли, какія бѣдствія испытываетъ отъ вѣчныхъ войнъ его родина. Однажды, когда онъ со своимъ войскомъ встрѣтился съ арміей Ашикага, онъ вышелъ впередъ и сказалъ предводителю непріятелей: „Долго длится война въ странѣ. Началась она соперничествомъ двухъ микадо, но исходъ ея теперь зависитъ отъ васъ и отъ меня. вмѣсто того, чтобы губить миллионы народа, кончимъ ее поединкомъ между вами и мной“. Но предводитель войскъ рода Ашикага не рѣшился на такой героическій выходъ. Войска вступили въ бой, и войско Нитты было разбито болѣе многочисленными непріятелями. Самъ онъ, чтобы избѣжать позора, не только совершилъ надъ собой хара-кири, но еще предварительно изувѣчилъ себѣ лицо, чтобы не быть узнаннымъ врагами.

Кузуноки Масашиге былъ послѣднимъ предводителемъ силъ законнаго императора. Онъ отдалъ все свое состояніе, всѣ силы и всѣ дарованія правому въ его глазахъ дѣлу. Не отступая ни передъ чѣмъ, не впадая въ уныніе, онъ боролся до послѣдней возможности, до тѣхъ поръ, пока всѣ попытки остановить побѣдоносное движеніе Ашикага, были испробованы, пока всѣ войска Ходжо были разбиты. И тутъ еще онъ продолжалъ биться за свой страхъ съ небольшою горстью приверженцевъ. И только когда онъ и въ этотъ разъ потерпѣлъ

пораженіе, онъ уже не смогъ пережить позора и также совершилъ надъ собой хара-кири. Шестьдесятъ его преданныхъ друзей покончили съ собой вмѣстѣ съ нимъ. Масашиге считается однимъ изъ самыхъ благородныхъ примѣровъ беззавѣтной преданности долгу въ японской исторіи. Съ его смертью дѣло Ходжо было окончательно проиграно. На престолѣ въ Кіото былъ посаженъ второй претендентъ, а шогунатъ окончательно укрѣпился за родомъ Ашикага. Онъ уже не выходилъ болѣе изъ ихъ рукъ до половины XVI вѣка, т.-е. въ теченіе $1\frac{1}{2}$ вѣковъ.

Періодъ господства рода Ашикага можно считать періодомъ полного расцвѣта феодализма. Всѣ его характерныя черты достигли полного выраженія и вмѣстѣ съ тѣмъ стали развиваться явленія, сыгравшія впоследствии роль при его паденіи.

9.

Первоначальная исторія городовъ.

Обычная форма феодальныхъ поселеній въ то время представляла собой замки даймюса и его ближайшихъ самураевъ, окруженныя поселеніемъ крѣпостныхъ, воздѣлывавшихъ его земли. Въ отличіе отъ европейскихъ замковъ японскіе никогда не окружались стѣнами. Ихъ живой оградой должны были служить окружавшія ихъ жилища подданныхъ. Изъ этихъ поселеній и развились впоследствии почти всѣ японскіе города. Долгое время они были ре-

зиденціями помѣстныхъ владѣльцевъ. Съ теченіемъ времени изъ среды крѣпостной массы, жившей вокругъ помѣщика, стали выдѣляться люди, занимавшіеся, кромѣ земледѣлія, тѣмъ или другимъ ремесломъ. Растущія потребности феодальной знати вызывали все большую спеціализацію этихъ ремесль и мало-по-малу наиболѣе искусные работники были совобождены отъ обязанности воздѣлывать землю и стали заниматься исключительно тѣмъ или другимъ видомъ промышленнаго труда. Но, избавляясь отъ обязанности обрабатывать земли помѣщика, ремесленники не избавлялись, конечно, отъ крѣпостной зависимости. Впрочемъ, дайміосы особенно въ началѣ не притѣсняли ремесленниковъ. Они готовы были, наоборотъ, оказывать имъ всякія льготы за то, чтобы пользоваться результатами ихъ труда. Сначала, когда промышленность была еще на первой стадіи развитія, каждая феодальная ячейка удовлетворяла себя, и торговли между ними почти не существовало. Въ то время ремесленники платили сеньорамъ подати непосредственно своими произведеніями. Но съ развитіемъ промышленности стала возникать и торговля, и вмѣстѣ съ этимъ дайміосы стали налагать извѣстный оброкъ на право занятія тѣмъ или другимъ ремесломъ или торговлей.

Дальнѣйшимъ шагомъ въ жизни такихъ крѣпостныхъ городовъ было основаніе ремесленныхъ гильдій или „ца“. Первоначальная цѣль устройства этихъ „ца“ была чисто фискальная, только не общегосударственная, а мѣстная, шойенная. Дай-

Японія.

Самурай.

(Японскіе рисунки.)

Нитта Йошисада.

міосу неудобно было имѣть дѣло съ каждымъ ремесленникомъ въ отдѣльности. Онъ предпочиталъ назначать извѣстный оброкъ со всѣхъ, занимающихся даннымъ ремесломъ. Но для того, чтобы этотъ оброкъ могъ собираться, необходимо было всѣмъ, работающимъ въ данной отрасли, составить одну корпорацію или гильдію. Гильдія съ своей стороны требовала немедленно нѣкоторыхъ гарантій. Важнѣе всего для нея было, чтобы никто, не принадлежащій къ гильдіи, не могъ заниматься даннымъ ремесломъ въ данной мѣстности. Для нея это было очень существенно, такъ какъ такой единичный ремесленникъ былъ бы поставленъ въ болѣе выгодныя условія, сравнительно съ членами гильдіи, не платя никакого оброка. Сеньоръ охотно давалъ такую гарантію, такъ какъ это совпадало и съ его интересами.

Постепенно во всѣхъ городахъ выдѣлился рядъ замкнутыхъ гильдій, съ самыми строгими обычаями, опредѣляющими ихъ права и обязанности и подкрѣпленными силою оружія феодала. Въ XIV и XV вѣкахъ, ко времени шогуната рода Ашикага гильдейскіе обычаи настолько выработались; что они были превращены въ общеобязательные законы, изданные шогунуомъ, какъ общимъ леннымъ сеньоромъ. Число членовъ каждой мѣстной гильдіи было строго опредѣлено такъ же, какъ и платимый каждымъ оброкъ, а за тайное занятіе нѣкоторыми, особенно привилегированными, ремеслами полагалась смертная казнь. Участіе въ гильдіи переходило по

наслѣдству, и его запрещалось перепродавать постороннимъ. Впрочемъ, случаи продажи своего права все-таки бывали довольно часто.

Со временемъ ремесленники и торговцы стали преобладающимъ населеніемъ городовъ. Земледѣльцы оттѣснены были къ окраинамъ или выселялись совсѣмъ, ближе къ своимъ участкамъ. Города приобрѣтали, главнымъ образомъ, промышленный и торговый характеръ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно приморскихъ, значительно развилась торговля и не только внутренняя, но даже и внѣшняя — съ Кореей и Китаемъ. Тѣмъ не менѣе, города эти считались крѣпостными владѣніями дайміосовъ и управлялись непосредственно ими или кѣмъ-нибудь изъ ихъ вассаловъ. Нѣсколько иначе развивались города на территоріи шогуна. Они возникли позднѣе, не переживали совсѣмъ земледѣльческаго періода, сразу стали промышленными центрами и обладали значительно большей самостоятельностью.

Дальнѣйшее развитіе городовъ тѣсно связано съ эволюціей, происходившей въ XIV и XV вѣкахъ внутри самого феодального строя.

Достигнувъ полного расцвѣта къ XIII вѣку, онъ сталъ роковымъ образомъ самъ себя подтачивать. Война, составлявшая его душу, должна была погубить его.

Постоянныя столкновенія между отдѣльными родами страшно ослабляли ихъ и разоряли населеніе. Отношеніе между военной и земледѣльческой частью

населенія каждаго феода постепенно сильно измѣнилось. Непроизводительное [военное сословіе непропорціонально разрослось, и содержаніе его ложилось непосильнымъ бременемъ на крѣпостныхъ земледѣльцевъ. Дайміость не могъ уже теперь, какъ прежде, довольствоваться небольшою дружиною изъ своихъ вассаловъ, имѣвшихъ собственныя участки и бравшихся за оружіе по его приказанію. Роду, который хотѣлъ возвыситься надъ другими, нужны были большія массы войскъ. Конечно, всѣ эти солдаты не могли быть земледѣльцами, для нихъ не хватило бы никакихъ земель. Они просто содержались насчетъ доходовъ самого дайміоса и составляли его постоянное войско. Въ составъ этого войска входили самыя разнообразныя элементы: и младшіе сыновья горожанъ, не имѣвшіе доступа въ гильдію, и окончательно разорившіеся крѣпостные съ собственныхъ земель, и бѣглые изъ другихъ владѣній. Конечно, эти воины новой формации не были уже прежними рыцарями-самураями, хотя они продолжали носить названіе самурая и имѣли два традиціонныхъ меча у пояса. Они не выпивали общей чаши съ дайміосомъ и не входили въ составъ рыцарскаго братства, они какъ бы не принадлежали къ самому роду, а только были у него на службѣ. Содержаніе этого войска стоило очень дорого, а между тѣмъ доходы дайміосовъ увеличивались туго. При постоянныхъ войнахъ населеніе страшно страдало, непріятельскіе солдаты безъ зазрѣнія совѣсти грабили его, часто цѣлыя

селенія опустошались, и поля стояли невоздѣланныя. Единственнымъ крупнымъ источникомъ дохода были города и особенно купцы. Постоянно нуждавшіеся въ деньгахъ даймюсы часто попадали въ настоящую зависимость отъ нихъ. Чтобы получать съ нихъ деньги, даймюсы готовы были давать имъ какія угодно привилегіи и всячески поощряли ихъ начавшуюся внѣшнюю торговлю съ Кореей и Китаемъ.

Благодаря этимъ привилегіямъ, города стали быстро расти и богатѣть. Но вмѣстѣ съ этимъ они, конечно, пріобрѣтали значительную самостоятельность и постепенно освобождались отъ подчиненія даймюсу. Желая создать изъ нихъ постоянный источникъ дохода, феодалы незамѣтно для себя дали имъ развиться настолько, что они стали опасны для нихъ самихъ. Рядомъ съ феодалами появилась новая сила, съ которой имъ приходилось считаться и которую они часто не въ состояніи были держать въ повиновеніи. Эти народившіеся торгово-промышленные центры — города сильно страдали отъ постоянныхъ войнъ и смуть, царившихъ въ странѣ, отъ отсутствія какихъ-нибудь прочныхъ законовъ, регулирующихъ общественную жизнь и обезпечивающихъ личную и имущественную безопасность жителей. Отъ этого же, какъ мы видѣли, страдало и сельское населеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сами даймюсы сознавали это и старались оградить населеніе отъ окончательнаго разоренія. Но частныя мѣры, принимаемая ими, имѣли

мало результата, такъ какъ они не могли дать главнаго — обезпечить миръ, необходимый для культурнаго развитія страны. Сами дайміосы часто не въ силахъ были отстаивать свою самостоятельность отъ болѣе сильныхъ сосѣдей. Болѣе мелкіе роды разорялись совершенно или главы ихъ должны были отдаваться въ вассальную зависимость болѣе могущественнымъ феодаламъ. Крупные, наоборотъ, страшно усиливались и превращались въ настоящихъ удѣльныхъ князей, объединявшихъ въ своихъ рукахъ громадныя земли и постоянно воевавшихъ между собой. Среди нихъ къ срединѣ XVI вѣка особенно усилился знаменитый впоследствии родъ Токугава, соединившій въ своихъ рукахъ до трети всей территоріи Японіи.

Такимъ образомъ, объединенный по мысли Іоро-томо, феодальный строй распался и снова сталъ на дѣлѣ многоголовымъ. Страна болѣе чѣмъ когда-нибудь страдала отъ этого разъединенія. Но шогуны изъ рода Ашикага были совершенно безсильны совершить необходимый для страны шагъ къ объединенію. Ихъ родъ упалъ и обезсилѣлъ.

Переселившись изъ прежней резиденціи шогуновъ Камакуры въ Кіото, Ашикага перестали считаться главнокомандующими и утратили окружавшій первыхъ шогуновъ ореолъ военнаго могущества. Они соперничали въ пышности съ микадо и требовали себѣ равныхъ съ нимъ почестей. Въ концѣ концовъ они даже совсѣмъ отказали микадо въ слѣдующихъ ему по закону знакахъ вѣрноподдани-

ческаго почтенія. Такимъ образомъ, они, съ одной стороны, перестали внушать страхъ, а съ другой — возбудили противъ себя неудовольствіе недостаткомъ видимаго уваженія къ источнику власти—микадо.

Въ половинѣ XVI вѣка они держались болѣе по инерціи, и нужно было только обладать нѣкоторою предприимчивостью, чтобы лишить ихъ власти. Такая предприимчивость досталась въ удѣль Оты Набунаги, перваго изъ трехъ крупныхъ историческихъ дѣятелей Японіи второй половины XVI вѣка. Эти три человѣка — Набунага, Хидейоши и Іеязу — сыграли большую роль въ исторіи Японіи. Они прекратили, наконецъ, истощавшія ее междоусобицы и положили начало тому порядку вещей, который длился до самой революціи 1868 года.

10.

Набунага и христіанство въ Японіи.

Ота Набунага вель свое происхожденіе отъ стариннаго рода Таира, разбитаго нѣкогда Іуритомой. Къ началу XVI вѣка одна его вѣтвь, Ота, снова усилилась, приобрѣла значительныя земли въ центрѣ Японіи, и стала соперничать съ другими могущественными родами. Въ срединѣ XVI вѣка, глава ея, Набунага, сблизился съ шогуномъ и получилъ званіе полководца. Но скоро между обоими возникли несогласія. Набунага, пользуясь преданностью войскъ, арестовалъ внезапно прежняго шогуна, низложилъ его и объявилъ самое званіе шо-

гуна уничтоженнымъ (1564 г.). Все это произошло такъ быстро, что микадо узналъ объ этомъ только *post factum*. Понятно, что при такихъ условіяхъ уничтоженіе должности шогуна не вернуло микадо реальной власти. Въ дѣйствительности, она просто перешла къ Набунага, хотя онъ принялъ только званіе наи-дан-джина, т.-е. перваго министра.

Набунага отличался большой энергіей и выдающимися военными талантами. Устранивъ шогуна, онъ немедленно принялся за успокоеніе страны. Онъ напомнилъ даймюсамъ о ихъ зависимости отъ микадо и напомнилъ самымъ дѣйствительнымъ способомъ — съ оружіемъ въ рукахъ. Тамъ, гдѣ вспыхивали раздоры, и феодалы отказывались подчиниться верховному суду правительства, являлся Набунага съ войскомъ, и мечомъ водворялъ миръ. Въ нѣсколько лѣтъ онъ усмирилъ почти всѣхъ непокорныхъ феодаловъ и заставилъ ихъ положить оружіе. Но самую непримиримую борьбу онъ вель съ буддійскими монастырями.

Мы упоминали уже, что буддійскіе монастыри одними изъ первыхъ стали пріобрѣтать частную земельную собственность. Постепенно изъ пожертвованій благочестивыхъ микадо и частныхъ лицъ у нихъ составились очень значительныя земельныя угодья, въ которыхъ духовныя лица пользовались всѣми сеньорьяльными правами. Однимъ словомъ, они превратились въ такихъ же феодальныхъ владѣльцевъ, какъ и даймюсы, и ни мало не отставали отъ нихъ въ воинственныхъ нравахъ. Въ этомъ

отношеніи исторія буддизма представляетъ значительныя аналогіи съ исторіей католической церкви въ Европѣ. Буддійское духовенство такъ же, какъ и католическое, не желало ограничиться одной духовной областью, оно также стремилось къ свѣтской власти, явившейся и тутъ источникомъ громадныхъ злоупотребленій. Въ довершеніе аналогіи въ XIV и XV вв. среди японскихъ буддистовъ возникло сильное реформаторское теченіе. Появилось нѣсколько новыхъ сектъ, и нѣкоторыя изъ нихъ стояли не исключительно на религиозной почвѣ. Самыя популярныя изъ нихъ, секты Шинъ и Ничиренъ носили даже до нѣкоторой степени революціонный характеръ. Между этими сектами и приверженцами стараго ортодоксальнаго буддизма шла жаркая борьба. Очень часто изъ области преній борьба эта переходила въ область кулачной расправы, и земли тѣхъ или другихъ монастырей становились ареною кровавыхъ столкновеній. Къ началу XVI вѣка эти религиозныя распри достигли своего апогея. Явилось нѣсколько религиозныхъ центровъ, привлекавшихъ къ себѣ массы народа и служившихъ очагами постоянныхъ волненій.

Набунага рѣшилъ покончить со всѣмъ этимъ. Самъ онъ получилъ воспитаніе въ шинтоистскомъ монастырѣ, и въ немъ съ дѣтства укоренилась ненависть и презрѣніе къ буддійскимъ монахамъ, безъ различія направленій. Секты, какъ различныя теченія религиозной мысли, мало интересовали его, онъ смотрѣлъ на нихъ, главнымъ образомъ, какъ на

источникъ смутъ. Больше же всего онъ вооружался противъ свѣтской власти монастырей, и ортодоксальныхъ, и перешедшихъ въ сектантство. Для того, чтобы положить конецъ всему этому, онъ рѣшилъ уничтожить нѣсколько особенно могущественныхъ монастырей. Прежде всего онъ отправился къ острову Бива, гдѣ былъ монастырь секты Шинъ, привлекавшій къ себѣ десятки тысячъ богомольцевъ.

У подножія горы онъ остановился и приказалъ своимъ генераламъ сжечь монастырь. Тѣ сначала были смущены такимъ приказаніемъ и отказывались повиноваться. Тогда Набунага сказалъ имъ цѣлую рѣчь, доказывая, что отъ этихъ монастырей исходитъ главная смута въ странѣ. Сами монахи только пьютъ и ѣдятъ, обирая легковѣрныхъ людей и нарушаютъ даже собственные уставы, а своихъ поклонниковъ возбуждаютъ къ неповиновенію. Поэтому на нихъ надо смотрѣть, какъ на мятежниковъ и поступать съ ними такъ же, какъ онъ поступалъ съ непокорными дайміосами.

Убѣжденные его краснорѣчіемъ, генералы не протестовали болѣе, и монастырь былъ уничтоженъ. Множество монаховъ было перебито при этомъ, а земли ихъ отобраны въ казну. Такая же участь постигла и другой монастырь, принадлежавшій сектѣ Ничиренъ. Вообще, могуществу буддійскихъ монастырей Набунага нанесъ сильный ударъ, отъ котораго они долго не могли оправиться.

Въ противовѣсъ буддистамъ Набунага оказы-

валь большое покровительство христіанамъ, незадолго передъ тѣмъ впервые появившимся въ Японіи. Вся исторія христіанства въ Японіи занимаетъ менѣе одного столѣтія. Мы остановимся на ней теперь, чтобы не возвращаться къ ней въ нѣсколько пріемовъ.

Первымъ христіанскимъ миссіонеромъ въ Японіи былъ іезуитскій патеръ Францискъ Ксаверій, причисленный позднѣе за свою миссіонерскую дѣятельность къ лику святыхъ. Онъ проповѣдывалъ сначала въ Китаѣ, а потомъ, послѣ вторичнаго путешествія Пинто въ Японію, отправился туда съ двумя обращенными имъ ранѣе японцами. Въ Японіи онъ прожилъ всего два года. съ 1549 по 1551 годъ, и въ этотъ небольшой періодъ достигъ тамъ громаднхъ результатовъ. Вокругъ него образовалась цѣлая японская паства. Ходили рассказы, что онъ совершаетъ чудеса, и любопытные стекались къ нему со всего юга Японіи. Послѣ его отъѣзда и смерти въ 1551 году, дѣло христіанской проповѣди шло такъ же успѣшно. Къ концу XVI вѣка новообращенные считались уже десятками и сотнями тысячъ. Наболѣе осторожные историки опредѣляютъ максимальное количество христіанъ въ ту эпоху въ 600.000, большинство же полагаетъ, что ихъ было болѣе милліона.

Такой громадный успѣхъ христіанства или, лучше сказать, католицизма, на первыхъ порахъ объясняется, конечно, различными причинами. Мы уже говорили, что въ ту эпоху въ Японіи началось вообще

сильное религіозное броженіе, и внутри буддизма образовались различныя секты. Новая религія, окруженная еще большимъ блескомъ и пышностью, чѣмъ буддизмъ, сильно дѣйствовала на впечатлительныхъ японцевъ. Обѣщаніе непосредственной загробной награды выгодно отличало въ ихъ глазахъ новую вѣру отъ буддизма съ его безконечнымъ рядомъ существованій. Іезуитскій орденъ, организовавшій первую японскую миссію, не щадилъ средствъ для ея процвѣтанія. Значительныя суммы, какими располагали проповѣдники новой религіи, тоже не остались безъ вліянія на судьбу ихъ проповѣди. Вѣчно нуждающіеся въ деньгахъ дайміосы, видя ихъ богатство, чувствовали къ нимъ невольное уваженіе и охотно вступали съ ними въ болѣе тѣсныя отношенія. Ко времени возвышенія Набунаги весь островъ Кіу-Сіу былъ уже заселенъ новообращенными христіанами. Набунага увидѣлъ въ нихъ естественныхъ союзниковъ противъ ненавистныхъ ему буддійскихъ бонзъ. Буддійскіе монахи казались ему, главнымъ образомъ, опасными своимъ вторженіемъ въ свѣтскія дѣла, своимъ растущимъ землевладѣніемъ и своими раздорами, приводившими къ вооруженнымъ столкновеніямъ между сторонниками разныхъ сектъ. Въ христіанскихъ же патерахъ онъ видѣлъ исключительно религіозныхъ миссіонеровъ, чуждыхъ всякихъ мірскихъ стремленій.

Но очень скоро новыя проповѣдники заставили измѣнить первоначальное мнѣніе о себѣ; соотвѣт-
Японія.

ственно съ этимъ круто перемѣнилось и отношеніе къ нимъ, искренно дружелюбное вначалѣ. Быстрые успѣхи іезуитовъ привлекли въ Японію множество миссіонеровъ разныхъ другихъ католическихъ орденовъ — францисканцевъ, доминиканцевъ и августинцевъ. Вмѣстѣ съ стремленіемъ заполучить новыхъ овецъ въ свое стадо, они принесли съ собой тотъ духъ нетерпимости и религіознаго фанатизма, который царилъ въ ту эпоху въ Европѣ — особенно въ Испаніи, откуда пріѣзжало большинство изъ нихъ. Эта религіозная нетерпимость проявлялась не только по отношенію къ мѣстнымъ языческимъ вѣрованіямъ, но и во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ различныхъ католическихъ орденовъ. На новой почвѣ между ними сейчасъ же разгорѣлась старая вражда, еще болѣе яростная тутъ, гдѣ дѣло шло о новообращенныхъ душахъ. Взаимныя обвиненія, угрозы, жалобы Риму, отлученія отъ церкви — весь арсеналь выработанныхъ въ старомъ отечествѣ приемовъ борьбы, пускался въ ходъ здѣсь къ соблазну прозелитовъ и къ большой радости буддійскихъ бонзъ.

Способы религіозной пропаганды тоже не всегда были безукоризненны. Прежде всего миссіонеры старались обыкновенно пріобрѣсти вліяніе на мѣстнаго дайміоса. Благодаря возможности не стѣсняться въ денежныхъ средствахъ имъ это по большей части легко удавалось. Если дайміось изъявлялъ согласіе креститься, остальное дѣлалось при его помощи самымъ упрощеннымъ способомъ. По-

буждаемый своимъ духовнымъ отцомъ, а, быть можетъ, и принуждаемый имъ, дайміосъ издавалъ приказъ, повелѣвающій всѣмъ его подданнымъ принять новую вѣру, а буддистскимъ и шинтоистскимъ монахамъ — оставить его владѣнія. Нерѣдко такіе приказы подкрѣплялись еще и оружіемъ. Миссіонерамъ оставалось только пожинать обильную жатву. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ отчетовъ іезуитскихъ патеровъ, рисующихъ ихъ успѣхи. „Въ 1577 году лордъ (дайміосъ) острова Амакузы издалъ указъ, которымъ его подданнымъ — все равно бонзамъ или дворянамъ (самураямъ), ремесленникамъ или торговцамъ — предписывалось принять христіанство или оставить его владѣнія. Они почти всѣ подчинились и приняли крещеніе, такъ что въ короткое время въ его владѣніяхъ образовалось болѣе двадцати церквей. Богъ творитъ чудеса, чтобы укрѣпить вѣрныхъ въ ихъ вѣрѣ“. Но не всегда дѣло обходилось такъ мирно. „Король Омуры (опять-таки дайміосъ, — миссіонеры плохо разбирались въ политическомъ строѣ страны), сдѣлавшійся христіаниномъ въ 1562 г., объявилъ открытую войну дьяволамъ (т.-е. бонзамъ). Онъ разослалъ нѣсколько отрядовъ по своему королевству, чтобы разрушать храмы и уничтожать идоловъ, не обращая вниманія на ярость бонзъ“. Дайміосъ области Бунго превратилъ въ пепель одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ буддійскихъ храмовъ и разрушилъ триста монастырей. Іезуитскій патерь замѣчаетъ по этому поводу: „Пламенное усердіе этого принца

явно доказываетъ силу его христіанской вѣры и любви“¹.

Такого рода доказательства христіанской любви не могли, конечно, расположить населеніе къ новой вѣрѣ, которую въ началѣ оно встрѣтило очень сочувственно. Но всего больше вооружала противъ иностранцевъ вообще и противъ миссіонеровъ въ частности ихъ торговля рабами. Этотъ ужасный видъ торговли совершенно не былъ извѣстенъ до тѣхъ поръ въ Японіи. Если тамъ и существовала продажа крѣпостныхъ, то это была во всякомъ случаѣ продажа съ землей и въ предѣлахъ одной и той же страны, скорѣй перемѣна подданства, чѣмъ перепродажа. Европейцы, наоборотъ, широко развивали эту торговлю во всѣхъ вновь открытыхъ странахъ. Они же попытались привить ее и въ Японіи. Страна была страшно разорена въ ту пору, и доставать рабовъ не представляло особыхъ затрудненій. Всевозможные европейскіе авантюристы, нахлынувшіе туда вслѣдъ за миссіонерами, и хитростью, и силою, и деньгами безъ труда овладѣвали людьми и уводили ихъ на продажу въ другія страны. Миссіонеры, если и не участвовали непосредственно въ этихъ гнусныхъ продѣлкахъ, во всякомъ случаѣ покрывали ихъ своимъ авторитетомъ.

Не мудрено, что черезъ сорокъ лѣтъ послѣ перваго появленія Франциска Ксаверія и черезъ два-

---

¹ Griffis „The micado's Empire“ стр. 253.

дцать лѣтъ послѣ Набунаги, въ 1587 г., микадо издаетъ декретъ объ изгнаніи иноземныхъ миссіонеровъ. Въ началѣ декретъ этотъ не оказалъ особеннаго вліянія. Миссіонеры, разсчитывая на свое мѣстное вліяніе и на слабость центральнаго правительства, продолжали свою дѣятельность и открыто смѣялись надъ всѣми указами микадо. Тогда противъ нихъ рѣшено было употребить болѣе крутыя мѣры. Въ 1596 г. нѣсколько францисканскихъ и іезуитскихъ патеровъ были схвачены и казнены въ Нагасаки.

Послѣ того снова наступило временное затишье, которымъ воспользовались миссіонеры для укрѣпленія своего вліянія на югѣ. Возникло даже подозрѣніе, что они замышляютъ предать Японію въ руки иноземцевъ. Встревоженный этимъ, тогдашній шогунъ Іеязу рѣшился на энергичную мѣру, онъ приказалъ схватить всѣхъ христіанскихъ проповѣдниковъ, къ какому бы ордену и какой бы націи они ни принадлежали, посадить ихъ на джонки и вывезти изъ предѣловъ страны.

Всего было вывезено около 300 священниковъ, но и послѣ того оказалось, что ихъ осталось еще значительное количество, и въ слѣдующемъ году онъ рѣшилъ оружіемъ разгромить главный оплотъ ихъ—Осаку. По словамъ іезуитскихъ историковъ, во время этого похода Іеязу погибло до 100.000 христіанъ. Съ этихъ поръ преслѣдованія христіанъ не прекращались до 1624 г., когда былъ изданъ эдиктъ объ изгнаніи не только миссіонеровъ, но и

всѣхъ вообще иностранцевъ, исключая китайцевъ и голландцевъ. Несмотря на такія крутыя мѣры христіанство не сразу угасло въ Японіи. Среди многихъ обращенныхъ только для счета душъ тамъ оказалась довольно значительная группа искренно принявшихъ новую религію. Они не хотѣли такъ легко разстаться съ ней и продолжали оставаться христіанами, несмотря на всѣ запрещенія и даже гоненія. Исторія этихъ одинокихъ христіанскихъ общинъ въ Японіи полна примѣрами геройской твердости и горячей преданности вѣрѣ. Накопецъ, въ 1637 г., доведенные до отчаянія преслѣдованіями, японскіе христіане, по большей части простые земледѣльцы, овладѣли замкомъ Шимбара на Кіу-Сіу и подняли знамя возстанія. Войска, посланныя на усмиреніе ихъ, встрѣтили мужественное и отчаянное сопротивленіе. Только по истеченіи двухъ мѣсяцевъ упорной осады съ воды и суши крѣпость была взята. Большая часть осажденныхъ были перебиты или сброшены въ море, со скалы Паппенбургъ, остатки бѣжали на Формозу.

Послѣ этого былъ изданъ новый эдиктъ, возвѣщавшій, что „вредная секта“, наконецъ, истреблена окончательно. Этимъ же эдиктомъ подтверждалось, что покуда солнце свѣтитъ надъ Японіей ни одинъ иностранецъ не будетъ жить въ ней, и ни одинъ японецъ не покинетъ ее. Исключеніе опять-таки было сдѣлано для нѣсколькихъ десятковъ голландцевъ, получившихъ разрѣшеніе жить въ мѣстечкѣ Дешима близъ Нагасаки. Разъ въ годъ

къ нимъ приходилъ голландскій корабль изъ Индіи, и происходилъ обмѣнъ японскихъ товаровъ на голландскіе. Такое исключительное благоволеніе японскаго правительства къ голландцамъ объясняется тѣмъ, что они никогда не занимались миссіонерствомъ, не вмѣшивались во внутреннюю политику страны и безпрекословно подчинялись налагаемому на нихъ ограниченіямъ. Торговля же съ ними приносила несомнѣнныя выгоды.

Послѣ 1637 года христіанство можно считать уничтоженнымъ въ Японіи, и страна опять больше чѣмъ на два вѣка совершенно замкнулась для иноземныхъ вліяній. Едва ли не единственными слѣдами вѣкового знакомства съ европейцами осталось тамъ употребленіе огнестрѣльнаго оружія, табаку и нѣсколько европейскихъ словъ, сохранившихся въ языкѣ. Внѣшняя торговля опять стала ограничиваться тихоокеанскими побережьями, а буддійскіе бонзы снова стали укрѣплять свое пошатнувшееся было могущество. Мы вернемся, впрочемъ, нѣсколько назадъ, къ тому времени, когда Набунага еще велъ борьбу и съ ними, и съ непокорными вассалами.

Набунага стоялъ во главѣ правительства всего 9 лѣтъ, съ 1573 по 1582 г. Но за этотъ короткий періодъ ему удалось сдѣлать многое для объединенія Японіи и прекращенія въ ней внутреннихъ раздоровъ. Конечно, преслѣдуя эту цѣль, Набунага не останавливался передъ средствами, онъ велъ борьбу съ феодалами и монахами круто, же-

стоко, порой безчеловѣчно. На своихъ враговъ онъ наводилъ панической ужасъ. Нѣкоторые европейцы, описывая кровопролитную исторію его владычества, не находятъ словъ, чтобы заклеить этого варвара среди варваровъ, сравниваютъ его съ Нерономъ и даже съ Навуходносоромъ. Намъ кажется, что нѣтъ надобности забираться такъ далеко въ глубь время. Стоитъ только припомнить, что и въ Европѣ это была эпоха, когда царствовали Филиппъ II и Генрихъ VIII, прославившіеся на весь міръ своей жестокостью, а у насъ современникомъ Набуаги былъ Іоаннъ Грозный. Во всякомъ случаѣ, въ Японіи жестокость Набуаги не осталась безъ возмездія. Онъ палъ отъ руки одного изъ глубоко оскорбленныхъ имъ дайміосовъ.

11.

Объединеніе страны. — Хидейоши и Іезу.

Въ моментъ внезапной смерти Набуаги оба его сына были въ отдаленныхъ провинціяхъ, и мстителемъ за него явился одинъ изъ его генераловъ —

- Хидейоши. Хидейоши былъ первый въ Японіи чело­вѣкъ, выбившійся изъ низшихъ слоевъ народа и достигшій высокаго положенія, не принадлежа къ знатнымъ родамъ. Онъ былъ сынъ крестьянина. Раннее дѣтство его окружено цѣлымъ рядомъ легендъ. Досто­вѣрно одно, что какимъ-то случайнымъ образомъ онъ попалъ въ войско Набуаги, понравился ему своей смѣлостью и находчивостью

и сталъ быстро возвышаться по ступенямъ военной иерархіи. Когда Набунага палъ отъ руки убійць, Хидейоши былъ уже генераломъ и сражался съ однимъ изъ феодальныхъ властителей. Онъ быстро сообразилъ, какъ проложить себѣ путь къ дальнѣйшему возвышенію. Не теряя ни минуты, онъ съ войскомъ пошелъ на Кіото, куда только что явился Акеши, убившій Набунагу. Въ три дня онъ разбилъ силы Акеши и умертвилъ его самого. Теперь власть была фактически въ его рукахъ, тѣмъ болѣе, что онъ дѣйствовалъ именемъ внука Набунаги, отъ его старшаго, умершаго сына. Остальные два сына были для него неопасны. Единственную опасность представлялъ зять Набунаги, тоже воинственный полководецъ Шибата. Съ нимъ Хидейоши рѣшилъ помѣряться силами. Не ожидая, пока тотъ придетъ въ Кіото оспаривать у него власть, онъ самъ пошелъ ему навстрѣчу и осадилъ его замокъ. Послѣ долгаго сопротивленія Шибата увидѣлъ, что дѣло его проиграно и, по японскому обыкновенію, чтобы не отдаться живымъ въ руки врага, совершилъ надъ собой хара-кири.

Хидейоши такъ же, какъ и Набунага, никогда не былъ шогуномъ, но онъ потребовалъ, чтобы ему былъ данъ титулъ к в а м б а к у — одинъ изъ высшихъ придворныхъ чиновъ. Въ просторѣчій же онъ именовался обыкновенно Таико-сама (великій господинъ). Впрочемъ, у него и кромѣ того было много прозвищъ. Такъ, за нимъ съ дѣтства осталось прозвище „сару-матзу“, т.-е. хилая обезьяна,

данное ему за его безобразіе. Когда онъ возвысился, враги стали называть его „сару-кванъ“ (коронованная обезьяна).

Во время своего владычества Хидейоши энергично продолжалъ начатое Набунагой усмиреніе феодаловъ и объединеніе страны. Его біографы находятъ, что онъ обладалъ болѣе широкимъ государственнымъ умомъ, чѣмъ Набунага, и что реформы, предпріятыя въ послѣдствіи Іеязу, были, въ сущности, задуманы Таико-самой. Во всякомъ случаѣ, онъ подготовилъ почву для этихъ реформъ, заставивъ всѣхъ феодаловъ положить оружіе и признать фактически власть центральнаго правительства. Послѣднимъ предпріятіемъ Хидейоши былъ походъ въ Корею.

При послѣднихъ шогунахъ изъ рода Ашикага Корея совершенно перестала выплачивать дань Японіи. Хидейоши рѣшилъ напомнить ей ея бывшую зависимость. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало сравняться въ славѣ съ Іоритомо и даже превзойти его. Однажды, когда онъ увиѣлъ изображеніе Іоритимо въ Камакурѣ, онъ воскликнулъ: „Ты — другъ мой. Вся власть на землѣ (въ Японіи) принадлежала тебѣ. Только ты и я способны на это. Но ты происходилъ изъ знатнаго рода, а я — изъ крестьянъ. И я намѣренъ покорить весь міръ, даже Китай. Что ты объ этомъ думаешь?“

Онъ снарядилъ большой флотъ и отправилъ его въ Корею. Самъ онъ былъ уже слишкомъ старъ, чтобы лично стать во главѣ своей арміи. Онъ

оставался въ Японіи и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за успѣхами своихъ войскъ, безъ труда разбивавшихъ корейцевъ. Но окончательнаго торжества японцевъ ему не суждено было дожидаться. Онъ умеръ въ срединѣ похода, а полководцы, поспѣшно заключили миръ и, выговоривъ нѣкоторую контрибуцію, вернулись назадъ.

Хидейоши прилагалъ много заботъ къ улучшенію японскаго флота вообще. Японскіе корабли въ эту эпоху достигли большого совершенства. По постройкѣ они считаются выше кораблей Колумба и не уступаютъ голландскимъ и португальскимъ торговымъ судамъ того времени.

И Набунага, и Хидейоши въ періодъ своего владычества умѣли держать даймюсовъ въ повиновеніи и заставлятъ ихъ считаться съ центральнымъ правительствомъ. Но оба они достигли этого только съ помощью оружія, путемъ непосредственнаго принужденія. Они не смогли еще внушить тѣмъ идеи о необходимости и неизбѣжности объединенія всей страны вокругъ одного государственнаго центра. Поэтому со смертью каждаго изъ нихъ снова вспыхивали волненія. Привыкшіе къ полной независимости, даймюсы надѣялись, что по смерти ихъ врага кончится и ихъ подчиненіе центральной власти. Каждый разъ возстановленное съ такимъ трудомъ объединеніе страны снова грозило распадаться. Такъ было и по смерти Хидейоши. Сразу образовалось нѣсколько враждующихъ партій. Одна выставяла претендентомъ сына Хидейоши—Хидей-

ори; другая — племянника Набунаги, который считался, между прочимъ, покровителемъ христіанъ. Третья, наконецъ, объединилась подъ предводительствомъ Іеязу, опытнаго военачальника, сражавшагося еще въ войскахъ Набунаги и Хидейоши, происходившаго изъ могущественнаго рода Токугава. Представители знатныхъ родовъ сразу почувствовали въ Іеязу опаснаго противника, который въ случаѣ побѣды заставитъ ихъ тяжело почувствовать свою власть. Они всѣ объединились противъ него и долго и упорно оказывали ему сопротивленіе. Послѣдняя жестокая битва произошла въ 1600 году у Секигахары, близъ озера Бива. Іеязу одержалъ рѣшительную побѣду. Битва при Секигахарѣ—самая жестокая и кровопролитная въ японской исторіи. Японскіе историки полагаютъ, что убито было до 40.000 человекъ, но это, по всей вѣроятности, преувеличеніе. Большая часть предводителей союзной арміи совершила надъ собой хара-кири.

Побѣда Іеязу считается поворотнымъ моментомъ въ исторіи Японіи. Нѣкоторые историки придаютъ ей совершенно исключительное значеніе: „Эта битва, — пишетъ Гриффисъ,—опредѣлила судьбу Японіи болѣе чѣмъ на два столѣтія, опредѣлила паденіе рода Набунаги и Хидейоши и упроченіе шогуната въ родѣ Токугава, она рѣшила судьбу христіанства, обособленіе Японіи отъ всего міра, утвержденіе системы дуализма и феодализма, славу и величіе Іедо и миръ въ Японіи на 268 лѣтъ“¹.

¹ Griffis, ст. 266.

Въ этихъ словахъ, конечно, очень много преувеличенія. Кромѣ чисто личнаго вопроса о преобладаніи одного рода надъ другимъ, — и то въ значительной степени обусловленнаго исключительнымъ могуществомъ рода Токугава, — всѣ остальные вопросы, рѣшавшіеся въ этой битвѣ, были уже предрѣшены исторіей. Мы видѣли, что судьба христіанскихъ миссіонеровъ была обусловлена внутренними причинами, а не случайными симпатіями или антипатіями къ нимъ правителей. Мы видѣли, что феодализмъ закончилъ свою эволюцію къ тому времени, и страна настоятельно требовала объединенія и мира. И это объединеніе уже было въ значительной степени осуществлено непосредственными предшественниками Іеязу. Битва при Секигахарѣ была только послѣдней отчаянной попыткой сопротивленія со стороны неуступающихъ еще силъ прошлаго, но попыткой заранѣе обреченной на неудачу. Конечно, это страшное пораженіе нанесло имъ окончательный ударъ, и Іеязу могъ безъ помѣхи заняться теперь выработкой основъ того новаго строя, который водворился съ тѣхъ поръ въ Японіи на два съ половиною вѣка. Сущность этого строя была уже опредѣлена ходомъ событій — она заключалась въ объединеніи, въ централизаци. Она несомнѣнно должна была привести Японію къ такой же абсолютной полицейски-бюрократической монархіи, какая явилась и въ европейскихъ государствахъ на смѣну феодализма. Отличительной чертой японской монархіи служить лишь

дуалистическій характеръ центральной власти. Власть была одна, но носителемъ считался микадо, а осуществлялъ ее, какъ бы по уполномочію, шогунъ.

Вся детальная разработка основъ новаго строя принадлежитъ цѣликомъ Іеязу и сохранилась почти безъ измѣненія въ теченіе всего періода, пока шогунатъ находился въ наслѣдственномъ владѣніи его рода. Мы остановимся теперь на характеристикѣ этого строя, обезпечившаго Японіи миръ и возможность дальнѣйшаго культурнаго развитія и позволившаго ей накопить силы для слѣдующаго шага въ историческомъ развитіи — ограниченія центральной власти.

12.

Господство абсолютизма.—Политическій и экономическій строй.

XVII и XVIII вѣка въ Японіи очень часто называютъ временемъ расцвѣта феодализма. Это такъ же вѣрно, какъ если бы мы назвали эпохой исключительнаго господства феодализма тѣ же самые вѣка во Франціи. Дѣйствительно, въ экономической области феодальныя отношенія продолжаютъ царить и накладывать по прежнему отпечатокъ на всѣ социальныя отношенія. Феодальныя путы, сковывающія населеніе, еще очень крѣпки и сильно мѣшаютъ свободному развитію хозяйственной жизни страны. Но политическій строй покоится уже совершенно на другихъ основахъ. Отъ прежней независимости

отдѣльныхъ владѣльцевъ не остается и слѣда. Въмѣсто того водворяется власть одного центрального правительства, подчиняющаго себѣ всю страну. Сначала эта центральная власть даетъ странѣ отдохнуть, а потомъ въ свою очередь подчиняетъ ее своему не менѣе тяжелому гнету.

Вся полнота правительственной власти и теперь, какъ во времена реформъ „таиква“, считается принадлежащей микадо. Микадо—единный неограниченный монархъ. Онъ сохраняетъ свое божественное происхожденіе и обладаетъ божественной абсолютной властью надъ всѣми подданными. Но онъ слишкомъ высокъ, чтобы непосредственно пользоваться своею властью для управленія людскими дѣлами. Поэтому онъ поручаетъ это управленіе, т.-е. довѣряетъ свою власть, своему уполномоченному—шогуну.

Этотъ хитрый силлогизмъ былъ изобрѣтенъ, конечно, шогунами, чтобы узурпировать всю власть микадо, оставаясь подъ охраною ихъ божественнаго происхожденія. Естественнымъ слѣдствіемъ этого разсужденія было то, что за микадо сохранился только декорумъ власти, вся же ея сущность перешла къ шогуну. Шогуны изъ рода Токугава прекрасно понимали, всѣ выгоды своего положенія и старались всячески укрѣпить его, обставляя всякой пышностью и всякимъ почетомъ микадо, и въ то же время лишая его всякой возможности имѣть непосредственныя сношенія со страной. Микадо жилъ въ Кіото, окруженный бле-

стящимъ дворомъ, чины котораго (куге) считались выше всѣхъ остальныхъ правительственныхъ чиновниковъ и даймюсовъ и даже выше самого шогуна, но въ то же время не имѣли никакой реальной власти ни надъ чѣмъ. Киото былъ высокой и заповѣдной страной. Ни одинъ даймюсъ, не говоря уже о другихъ, не могъ показываться туда, подъ страхомъ большого наказанія. Особа микадо была слишкомъ высока, и своимъ приближеніемъ простой смертный могъ оскорбить ее. Въ дѣйствительности, причиной этого запрещенія служить, конечно, боязнь, чтобы даймюсы не вошли въ сношенія съ микадо и не начали интриговать противъ шогуна.

Въ этомъ дуализмѣ власти, олицетворявшейся въ микадо, а осуществлявшейся шогуномъ, заключается главное отличіе японскаго абсолютизма, водворившагося въ началѣ XVII вѣка, отъ Европейскаго. Въ сущности, этотъ дуализмъ имѣлъ очень мало значенія, и о немъ вспомнили, какъ мы увидимъ, только тогда, когда пошатнулось положеніе самого абсолютизма. Въ первые два вѣка его существованія такой двухсторонній характеръ происхожденія власти не сказывался ни въ чемъ. На дѣлѣ власть была единая и сосредоточивалась она въ рукахъ шогуна. Микадо былъ только какъ бы его верховной санкціей. Всѣ же подданные и вся страна имѣли дѣло только съ шогуномъ.

Сфера непосредственнаго вліянія микадо ограничивалась Киото, который былъ выдѣленъ и представлялъ совершенно особый придворный городъ.

Японія.

Жена шогуна.

Шогунъ.

Но и то нѣкоторыя должности въ немъ замѣщались шогуномъ. Остальная страна вся находилась въ управленіи шогуна. При этомъ характеръ управленія нѣсколько отличался въ двухъ частяхъ страны, — въ тѣхъ областяхъ, которыя составляли раньше владѣнія рода Токугава, и теперь превратились въ что въ родѣ государственныхъ земель, — и въ бывшихъ владѣніяхъ независимыхъ дайміосовъ. Личные вассалы шогуна, считавшіеся прежде самураями, теперь были переименованы въ фудай-дайміосовъ и сравнены вообще въ правахъ съ остальными дайміосами. Центральное правительство (говоря о правительствѣ, мы будемъ теперь подразумѣвать исключительно правительство шогуна) состояло изъ самаго шогуна и нѣкотораго рода совѣта министровъ „горору“, состоявшаго изъ 5 членовъ и помогавшаго ему въ дѣлахъ общаго управленія страной. Все центральное управленіе шогуна въ цѣломъ называлось „бакуфу“.

При верховномъ совѣтѣ было еще особое отдѣленіе изъ шести членовъ, которые имѣли назначеніе надзирать за выполненіемъ всѣхъ вообще предписаній центральной власти, за дѣйствіями чиновниковъ и, главнымъ образомъ, за поведеніемъ дайміосовъ. Агенты этого центрального жандармскаго учрежденія были распространены по всей странѣ, они старались проникать всюду, даже въ семьи, надзирать за всѣмъ, даже за образомъ мыслей дайміосовъ, бывшихъ въ началѣ особенно опасными для правительства, и обо всемъ доносить шогуну.

Японія.

Эта система шпіонства, чрезвычайно тщательно разработанная первыми شوгунами, составляла одну изъ главныхъ опоръ ихъ власти. Посредствомъ своихъ шпіоновъ они могли узнавать о всякомъ зародышѣ неудовольствія и прекращать его раньше, чѣмъ оно могло развиваться. Этой остроумной системѣ они считали себя обязанными за то, что со времени водворенія ихъ рода, всякія смуты въ странѣ исчезли, и порядокъ ни разу серьезно не нарушался. Но, конечно, система эта могла поддерживать и дѣйствительно поддерживала порядокъ только до тѣхъ поръ, пока весь связанный съ ней государственный строй соотвѣтствовалъ реальнымъ потребностямъ страны, а какъ только въ странѣ развились новыя силы и новыя потребности, не вмѣщавшіяся въ данномъ государственномъ строѣ, такъ эта система самозащиты оказалась совершенно неспособной охранить его.

Второй опорой власти шогуновъ должна была служить централизованная бюрократія, въ рукахъ которой сосредоточилось постепенно все управленіе страны. На слѣдующей ступени послѣ государственнаго совѣта, имѣвшаго функціи общегосударственныя и, кромѣ того, представлявшаго высшую судебную власть, стояли нѣсколько министерскихъ коллегій или бугіосъ. Первоначально ихъ было три, въ послѣдствіи ихъ число увеличилось. Главныя изъ нихъ были—коллегія финансовъ, коллегія внутреннихъ дѣлъ или полиціи, коллегія городского управленія и коллегія церковныхъ дѣлъ. Позднѣе, къ

нимъ присоединилась еще коллегія иностранныхъ сношеній. Въ вѣдѣніи этихъ центральныхъ учрежденій сосредоточивалась въ послѣднемъ итогѣ вся администрація страны, какъ той ея части, которая составляла бывшее феодальное владѣніе рода Токугава, такъ и остальной. Мѣстное управление въ той и другой частяхъ имѣло значительные пункты различія. Область, составлявшая такъ сказать государственную собственность и обнимавшая къ тому времени около половины страны, была раздѣлена на провинціи, каждая изъ которыхъ управлялась намѣстникомъ. Власть его была нѣсколько шире власти нашего губернатора, такъ какъ она носила не только административный, но и судебный характеръ. Около намѣстника стоялъ совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго управленія. Провинціи были раздѣлены на болѣе мелкіе участки, во главѣ управленія которыхъ стоялъ чиновникъ, называвшійся „даикванъ“. по типу ближе всего стоящій къ нашему земскому начальнику. Онъ совмѣщалъ въ себѣ и административныя, и судебныя, и даже нѣкоторыя хозяйственныя функціи. На немъ лежалъ сборъ податей, и онъ даже имѣлъ нѣкоторое вліяніе на установленіе ихъ, такъ какъ онъ же представлялъ необходимыя для того данныя центральной власти; онъ назначалъ низшихъ сельскихъ властей, онъ разбиралъ судебныя дѣла, однимъ словомъ, по тогдашней японской поговоркѣ „счастье и несчастье уѣзда зависятъ отъ даиквана“. Всѣ правительственные чиновники, начиная отъ членовъ верховнаго

совѣта и кончая даикваномъ, назначались исключительно изъ вассаловъ шогунa, высшіе изъ фудайдайміосовъ, низшіе изъ простыхъ самураевъ.

Во главѣ каждаго отдѣльнаго селенія стоялъ назначенный даикваномъ и подчиненный ему старшина—нануши или шояя. Онъ слѣдилъ за порядкомъ, принималъ подати, велъ регистры населенія и судилъ за небольшіе проступки. Помощниками его были низшія сельскія власти, избираемая населеніемъ, въ родѣ нашихъ старость.

Каждое селеніе распадалось на нѣсколько группъ, не менѣе пяти семействъ въ каждой. Группы эти, куми или гуми, представляли нѣчто въ родѣ артелей, всѣ члены которыхъ обязаны были поддерживать и помогать другъ другу во всѣхъ трудныхъ случаяхъ жизни, обрабатывать землю въ случаѣ болѣзни, сообща помогать на постройкахъ и т. п. Эти гуми очень напоминаютъ общины, организованныя во время реформъ таиква съ тою только разницею, что тамъ и земля была въ общинномъ пользованіи, теперь же всякій домохозяинъ былъ собственникомъ своего участка. Всѣ домохозяева одной гуми избирали сообща одного представителя, который участвовалъ въ общемъ сходѣ всего селенія. Вообще извѣстными правами пользовались только отцы семействъ. Семья попрежнему составляла одну хозяйственную единицу, и сыновья, даже взрослые, не выдѣлялись до смерти отца. По смерти же его весь его участокъ долженъ былъ по закону переходить къ старшему сыну, младшіе же

сыновья должны были оставаться при немъ. Но жизнь, конечно, не допускала такого стѣсненія правъ личности, и законы противъ семейныхъ раздѣловъ съ увеличеніемъ населенія стали постоянно нарушаться. Во всякомъ случаѣ быть членами куми и участвовать въ сельскомъ управленіи могли только самостоятельные домохозяева. Сходъ, состоявшій изъ выборныхъ куми и собиравшійся подъ предѣтельствомъ нануши, рѣшалъ всѣ сельскія дѣла, распредѣлялъ натуральныя повинности, налагаемыя даикваномъ и т. п.

Въ составъ членовъ сельской общины входилъ и мѣстный крупный землевладѣлецъ изъ бывшихъ самураевъ шогуна или вассаловъ отдѣльныхъ дайміосовъ. На земляхъ шогуна онъ былъ иногда подчиненъ даиквану, а иногда непосредственно намѣстнику, но ни въ какомъ случаѣ не старшинѣ. Эти бывшіе мелкіе вассалы, оставшіеся на землѣ и не превратившіеся въ воиновъ, составили классъ наиболѣе крупныхъ землевладѣльцевъ Японіи. При переворотѣ 1868 г. они не лишились своихъ правъ на землю, какъ дайміосы, и потомки ихъ до сихъ поръ остаются болѣе или менѣе крупными помѣщиками.

Положеніе сельскаго населенія на государственныхъ земляхъ было въ общемъ нѣсколько лучше, чѣмъ на земляхъ дайміосовъ. Подати взимались и тутъ громадныя, не менѣе 50⁰/₀ сбора, но шогуны все-таки обращали вниманіе на то, чтобы не разорить окончательно земледѣльческое населеніе, ко-

торое доставляло наибольшій доходъ государству. Такъ, въ XVIII в. по всей странѣ были устроены запасные магазины, изъ которыхъ въ случаѣ неурожая населенію продавался по умѣреннымъ цѣнамъ рисъ. Рядомъ съ этимъ стали издаваться законы, требующіе того же и отъ даймюсовъ.

На земляхъ, принадлежавшихъ даймюсамъ, управление сельскаго населенія было устроено такъ же, какъ и во владѣніяхъ шогуна. Отдѣльныя селенія распались на такія же группы—гумми, и во главѣ ихъ тоже былъ старшина, сходъ и старосты. Только вмѣсто правительственныхъ чиновниковъ во главѣ мѣстнаго управленія стояли чиновники, назначенные даймюсомъ. И подати, еще болѣе высокія тутъ, уплачивались не шогуну и его чиновникамъ, а по прежнему даймюсу. Въ болѣе крупныхъ „ханахъ“,— какъ назывались ихъ владѣнія въ отличіе отъ провинцій „кеновъ“,— даймюсы являлись въ роли намѣстниковъ, въ болѣе мелкихъ они какъ бы замѣняли даиквана съ тою только разницей, что они были подчинены непосредственно шогуну, и отъ провинціальныхъ намѣстниковъ ни въ какомъ случаѣ не зависѣли.

Внутри своихъ хановъ они сохранили почти всѣ свои прежнія права, дѣлавшія ихъ гнетъ такимъ тяжелымъ для населенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ они приобрѣли нѣкоторыя новыя обязанности, превратившія ихъ постепенно въ послушныя орудія центральной власти. Прежде всего на нихъ были возложены нѣкоторые обязательные налоги. Ради со-

храненія за ними внѣшняго вида независимости, эти налоги назывались „подарками“. Но подарки эти были обязательны, состояли частью изъ сырыхъ продуктовъ, частью изъ денегъ и дѣлались ежегодно въ опредѣленные сроки шогуну. Затѣмъ ежегодно дайміосы обязаны были являться въ Іедо лично, чтобы докладывать шогуну о положеніи дѣлъ въ ихъ владѣніяхъ. Со временемъ вошло въ обычай, а потомъ было укрѣплено закономъ, чтобы каждый дайміосъ имѣлъ въ Іедо собственный домъ и проводилъ въ немъ одинъ годъ изъ двухъ. Семьи же ихъ оставались въ Іедо на постоянное жительство, составляя какъ бы живой залогъ въ рукахъ шогуна. Въ случаѣ неповиновенія какого-нибудь дайміоса, шогунъ могъ захватить его семью. Наконецъ, право суда надъ дайміосами было очень расширено и окончательно подчинило ихъ шогуну. Теперь шогунъ разбиралъ не только ссоры между дайміосами, но и всякій проступокъ каждаго отдѣльнаго дайміоса. При этомъ онъ могъ налагать на него слѣдующія наказанія: 1) выполнение какихъ-нибудь исключительныхъ работъ, дорого стоящихъ построекъ и т. п., 2) передача своего владѣнія наслѣднику, 3) переводъ на другой менѣ доходный участокъ, 4) полное отнятіе участка и, наконецъ, 5) смертная казнь посредствомъ хакири и уничтоженіе самого рода провинившагося дайміоса.

Такимъ образомъ, шогунъ присвоилъ себѣ право переводить дайміосовъ изъ одного феода въ

другой и даже совсѣмъ лишать ихъ владѣнія земель. Положимъ, вначалѣ это разсматривалось какъ мѣра наказанія въ случаяхъ важныхъ преступленій. Но шогуну очень скоро стали пользоваться этимъ въ политическихъ цѣляхъ, ссылая казавшихся имъ опасными дайміосовъ въ отдаленные участки или совсѣмъ лишая ихъ власти. Это право суда было страшнымъ оружіемъ въ рукахъ шогуна.

Послѣднимъ шагомъ въ смыслѣ подчиненія дайміоса шогунамъ было требованіе утвержденія въ правахъ наслѣдства каждаго новаго владѣльца феода. Сначала это было введено просто какъ формальность, какъ требованіе этикета. Новый владѣлецъ долженъ былъ въ знакъ почтенія представляться шогуну и при этомъ получалъ отъ него бумагу, удостовѣряющую его права. Но постепенно этотъ обычай пріобрѣлъ совершенно реальное содержаніе, шогунъ присвоилъ себѣ право рѣшать по существу вопросъ объ утвержденіи или нѣтъ новаго владѣльца, слѣдовательно, онъ могъ по произволу не утвердить въ правахъ владѣнія негоднаго ему наслѣдника.

Рядомъ съ этимъ дайміосы были обставлены множествомъ другихъ стѣснительныхъ требованій. Такъ, они должны были получать отъ шогуна разрѣшеніе на бракъ, на усыновленіе, на продажу части своей земли и т. п. Въ концѣ концовъ, по словамъ Токузы Фукуды, „несмотря на сохраненіе рыцарской внѣшности и рыцарскихъ пріемовъ дайміосы превратились изъ независимой

Япония.

Придворные шогуна.

аристократіи, борющейся съ центральнымъ правительствомъ, въ блестящую и ничтожную придворную знать, вращающуюся вокругъ одного солнца“¹. По большей части они даже не управляли лично своими владѣніями, а поручали это особымъ управляющимъ.

Наряду съ этими новыми обязанностями, ставшими прежняго феодала, въ сущности, въ положеніе такого же правительственнаго чиновника, какъ и намѣстникъ, дайміосы сохранили одну чрезвычайно важную привилегію — привилегію имѣть собственное войско, и самимъ приводить его по требованію шогуну. Но привилегія эта, которой дайміосы по традиціи очень дорожили, и которая въ послѣдствіи дѣйствительно сослужила имъ большую службу, оказывалась при данныхъ условіяхъ тяжелымъ бременемъ. Военныя столкновенія послѣ водворенія въ Іедо рода Токугавы прекратились совсѣмъ, а между тѣмъ содержаніе многочисленныхъ самураевъ стоило очень дорого. Изъ своихъ увеличивающихся доходовъ дайміосы должны были и платить государственныя подати подъ видомъ приношеній шогуну, и содержать свой значительный штатъ. Выдѣлять теперь участки своимъ самураямъ, совершенно оторвавшимся отъ земли за долгій періодъ непрестанныхъ войнъ, было не изъ чего и имъ приходилось платить постоянное жалованье, обыкновенно рисомъ. Однимъ словомъ,

¹ Tokuzo Fukuda, стр. 133

положеніе феодальной аристократіи во всѣхъ отношеніяхъ становилось все болѣе и болѣе труднымъ.

13.

Состояніе общества въ XVII в.

Дайміосы, фудай-дайміосы и самураи, — были ли они на государственной службѣ или нѣтъ, — считались принадлежащими къ высшему, благородному сословію, сословію имѣющему право носить мечъ.

Все вообще населеніе по новымъ законамъ раздѣлялось на четыре сословія: 1) благородные, носящіе мечъ, 2) земледѣльцы, 3) ремесленники и 4) купцы. Въ этихъ сословіяхъ стояли люди, занимающіеся профессіями, считавшимися неблагородными (актеры, танцовщицы) или нечистыми (живодеры, скорняки). Внутри эти сословія, подраздѣлялись еще на многочисленныя группы. Различныя подраздѣленія благороднаго сословія имѣвшія особыя наименованія, положительно неисчислимы. Сословія эти не носили такого безусловно замкнутаго характера, какъ индійскія касты, на примѣръ; переходъ изъ одного въ другое былъ возможенъ, хотя совершался, главнымъ образомъ, посредствомъ усыновленія. Но общимъ правиломъ во всякомъ случаѣ была наследственность всѣхъ сословіи и всѣхъ родовъ занятій.

Купцы и ремесленники стояли совершенно особнякомъ отъ первыхъ двухъ сословіи. Они жили

въ городахъ и имѣли свою особую организацію и администрацію. Для управленія городами существовало даже специальное высшее правительственное учрежденіе. Ему были подвѣдомственны сначала только 16 городовъ, находившихся на земляхъ шогуна. Въ каждомъ изъ этихъ городовъ былъ особый намѣстникъ по назначенію шогуна и при немъ совѣтъ изъ городскихъ старшинъ. Внутри города были раздѣлены на группы, сходныя по характеру съ сельскими куми. Но здѣсь эти куми не имѣли такого важнаго значенія, какъ въ деревняхъ, а съ теченіемъ времени, когда образовалась очень значительная разница между состояніями городскихъ жителей, эти организаціи мало-по-малу совершенно исчезли, между тѣмъ какъ въ деревняхъ онѣ сохранялись въ полной силѣ до самого переворота. Города, основанные на земляхъ даймюсовъ, управлялись или непосредственно ими, или ихъ уполномоченными, но внутренняя организація ихъ была та же, что и въ остальныхъ городахъ.

Жители городовъ къ этому времени уже всѣ занимались или ремеслами, или торговлей. И тѣ и другіе были организованы въ гильдіи, хотя прежде драконовское законодательство, охранявшее гильдіи, было отмѣнено. Впрочемъ, и при отсутствіи законовъ, каравшихъ смертною казнью на занятіе ремесломъ внѣ гильдіи, фактически это оставалось невозможнымъ. Одиночка ремесленникъ не въ состояніи былъ бы конкурировать съ гильдіями, пользовавшимися значительными привилегіями. Регла-

менты гильдій были очень детально разработаны, и права и обязанности каждого члена определены самым тщательным образом. Членами гильдій могли быть только домохозяева, т.-е. отцы семействъ или отдѣленные сыновья. Семья и здѣсь, какъ и въ земледѣльческомъ сословіи, считалась нерасторжимой единицей, и отдѣльные члены ея всегда занимались сообща одной и той же работой. Продолжать занятіе отца считалось обязательнымъ для сыновей, причѣмъ по смерти отца старшій сынъ, если онъ могъ представить доказательства своего искусства, обыкновенно принимался въ члены гильдіи.

Купеческія гильдіи были тоже обставлены самой детальной регламентировкой. Словомъ, вся жизнь горожанъ, не только ихъ права и обязанности въ отношеніи къ власти, но и ихъ хозяйственные отношенія, были разъ навсегда заключены въ опредѣленные рамки и закрѣплены закономъ.

Это стремленіе создать твердые незыблемые устои для жизни всего народа проникало собой всю дѣятельность первыхъ шогуновъ изъ рода Токугавы. Начавъ съ объединенія страны путемъ оружія, Іеязу, а потомъ и его преемники, особенно его внукъ Іемитсу, стремились всѣми силами упрочить это объединеніе и навсегда обезпечить миръ Японіи. Для этого недостаточно было создать пригодные органы управленія — централизованную и проникнутую полицейскимъ духомъ бюрократію, — надо было жизнь самого общества влить въ твердо

установленныя формы и возможно прочнѣе закрѣпить ее въ нихъ. Они понимали, или, быть можетъ, инстинктивно чувствовали, что только тогда все зданіе получить устойчивый фундаментъ и приметъ законченный видъ. Во всякомъ случаѣ они съ рѣдкимъ упорствомъ проводили эту мысль на практикѣ. Они твердо установили дѣленіе общества въ сословія и поддерживали ихъ обособленность. Лишивъ высшее сословіе реальной власти, они въ то же время всячески поддерживали его внѣшній престижъ, увеличивали строгость этикета, особенно въ отношеніяхъ низшихъ сословій къ высшему. Этикетъ этотъ доведенъ былъ до мельчайшихъ деталей поведенія и обнималъ собою всю жизнь высшаго сословія. Прежніе рыцарскіе обычаи не только не были упразднены теперь, когда исчезла ихъ внутренняя сущность, но, напротивъ, были еще болѣе разработаны и закрѣплены. Отчасти, въ этомъ сказывалась, быть можетъ, сила традиціи, благодаря которой бытовья формы часто переживаютъ сущность соціальныхъ отношеній, отчасти же — дальновидная мысль законодателя, желавшаго закрѣпить данныя формы общественныхъ отношеній, закрѣпить самое общество.

Подавляющая масса сложныхъ требованій этикета, поражающихъ въ Японіи и теперь, ведетъ свое начало съ той эпохи. Тысячи поклоновъ, условныхъ жестовъ, трафаретныхъ улыбокъ должны были сопровождать всякую встрѣчу между людьми, особенно встрѣчу низшаго съ высшимъ. Это по-

стоянно напоминало о разницѣ происхожденія и подчеркивало сословную обособленность. Къ этому же вели и „законы о роскоши“, запрещавшіе низшимъ классамъ окружать себя такою же роскошью, какъ представители благороднаго сословія.

Установленныя закономъ торговья и ремесленныя гильдіи, строго соблюдаемая наслѣдственность всѣхъ видовъ занятій и, наконецъ, почти полная нерасторжимость семейныхъ узъ — все это проводило еще далѣе принципъ обособленія разныхъ группъ населенія и неизмѣняемости соціальныхъ отношеній. Всякому человѣку указано было разъ навсегда его мѣсто въ обществѣ, ему нечего было опасаться потерять его, но нечего и надѣяться измѣнить. Жизнь влита была въ строго опредѣленное русло, а администрація и полиція слѣдили за тѣмъ, чтобы она гдѣ-нибудь не начала подмывать плотины.

Все это не было, конечно, достигнуто сразу, по щучьему велѣнію, вся первая половина XVII вѣка была заполнена этимъ стремленіемъ со стороны правительства закрѣпить общество, чтобы такимъ образомъ убить въ зародышъ самую возможность волненій, беспорядковъ и тѣмъ болѣе вооруженныхъ столкновеній внутри страны. Но во всякомъ случаѣ направленіе, въ которомъ должна была развиваться дѣятельность правительства, было дано еще Іеязу.

Самыя формы административнаго механизма Іеязу, — также какъ и законодатели реформъ

таиква, — заимствовалъ въ значительной степени изъ Китая. Но тогда какъ въ ту эпоху мысль законодателя шла въ разрѣзъ съ социальными тенденціями того момента, въ данное время она, наоборотъ, вполне отвѣчала назрѣвшимъ потребностямъ въ спокойствіи и развитіи мирной культуры. Поэтому реформа таиква потерпѣла крушеніе, а реформы Іеязу создали строй, просуществовавшій 2¹/₂ в.

Заимствовавъ изъ Китая структуру административнаго механизма, Іеязу оттуда же привлекъ и высокую санкцію проектированнаго имъ незыблемаго строя. Этой санкціей долженъ былъ служить конфуціанизмъ. Трудно найти морально-философскую теорію, которая болѣе соответствовала бы идеалу устойчиваго и неподвижнаго социальнo-политическаго строя. Душа конфуціанства — консерватизмъ. Вся его мораль зиждется на послушаніи и вѣрности: вѣрности установленнымъ отношеніямъ и послушаніи младшихъ и по возрасту, и по социальному положенію — старшимъ. Понятіе грѣха сливается съ понятіемъ проступка или преступленія.

Это смѣшеніе понятій цѣликомъ отразилось на законодательствѣ Іеязу и на оставленномъ имъ въ назиданіе потомкамъ „Завѣщаніи“. Недостатокъ добродѣтели часто карается тамъ уголовнымъ порядкомъ, а нарушеніе закона разсматривается, какъ грѣхъ. Такой взглядъ, конечно, очень способствовалъ упроченію установленнаго строя, также какъ и покорность, положенная въ основу нравственности.

Полное соотвѣтствіе конфуціанства новому порядку, водворившемуся въ Японіи съ начала XVII вѣка, породило даже мнѣніе, что самый этотъ порядокъ возникъ именно благодаря ему. Но съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться уже по одному тому, что ученіе Конфуція было извѣстно въ Японіи со времени первыхъ сношеній ея съ Китаемъ, и тѣмъ не менѣе въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія оно оставалось только въ области морали, не оказывая вліянія на политику. Несомнѣнно только то, что Іеязу, дѣйствительно, оказывалъ активное покровительство китайской литературѣ вообще и конфуціанской философіи въ частности. Китайскій языкъ сталъ обязательнымъ въ школахъ, занятія китайской литературой всячески поощрялись. Съ этого времени китайскія вліянія окончательно торжествуютъ, въ японской школѣ и въ японской наукѣ до тѣхъ поръ, пока противъ нихъ не поднимается сознательная идейная борьба.

Іеязу и его первые преемники могли съ полнымъ правомъ считать, что цѣль ихъ достигнута. Японія представляла теперь единое государство, въ которомъ вмѣсто прежнихъ раздоровъ водворился миръ и порядокъ. Страна отдыхала. И благіе результаты этого не замедлили сказаться. Культура быстро двинулась впередъ. Заброшенныя поля снова начали воздѣлываться, города отстраивались, торговля и промышленность, избавленныя отъ вѣчныхъ опасеній, широко развивались.

Духовная жизнь тоже испытала на себѣ вліяніе

болѣе благоприятныхъ условий. Въ городахъ стали основываться школы, частныя и правительственныя, главнымъ образомъ, для самураевъ, и даже библиотеки. Типографское искусство, извѣстное въ Японіи еще ранѣе изъ Китая, только теперь получило широкое примѣненіе, благодаря устроенной Іеязу казенной типографіи. Китайскіе классики были переведены на японскій языкъ и изданы по приказанію Іеязу. Покровительствуя наукъ вообще, онъ первый обратилъ вниманіе на японскія древности, — приказывалъ разыскивать и сохранять древнія лѣтописи и другіе документы, имѣющіе историческую цѣнность, и даже основалъ специальное учрежденіе, занимавшееся переписываніемъ старинныхъ рукописей и архивовъ отдѣльныхъ дайміосовъ. Благодаря этому стало возможно серьезное изученіе исторіи. Въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка по почину дайміоса области Мито группа японскихъ ученыхъ приступила къ составленію первой подробной японской исторіи, написанной по-китайски и законченной только къ концу XVII вѣка. Исслѣдованіе это составило 243 тома.

Въ 1625 году появилось и другое извѣстное историческое сочиненіе, называвшееся „Таико“ и описывавшее время господства Хидейоши. Оно состояло изъ 11 томовъ и было написано на японскомъ языкѣ. Рядомъ съ историческими сочиненіями стали появляться и самостоятельные ученые труды по другимъ областямъ. При этомъ другія отрасли науки находились въ это время подъ еще Японія.

болѣ сильнымъ вліяніемъ Китая, чѣмъ исторія. Медицинскія сочиненія такъ же, какъ и философскіе трактаты, носили на себѣ явный отпечатокъ китайщины и конфуціанства. Но тѣмъ не менѣе на почвѣ этого чужеземнаго вліянія выросли и собственныя теоріи, нѣкоторые японскіе ученые того времени пользовались широкой извѣстностью въ своей странѣ и основали даже собственныя школы.

Разные виды искусства и изящная литература тоже достигли въ эту эпоху высшаго процвѣтанія. Живопись, развивавшаяся въ первые вѣка послѣ распространенія буддизма, главнымъ образомъ, около буддійскихъ монастырей и носившая по преимуществу религиозный характеръ, пережила въ концѣ XV и въ XVI вѣкѣ эпоху секуляризаціи и приняла болѣе близкій къ жизни характеръ. Въ XVII вѣкѣ появляется цѣлая плеяда японскихъ художниковъ, среди которыхъ есть имена, не потерявшія и до сихъ поръ значенія для живописи не только въ Японіи, но и въ Европѣ. Рядомъ съ этимъ въ этотъ же періодъ достигаютъ высшаго совершенства и знаменитыя японскія изящныя ремесла — выжиганье по дереву, лакировка, рисованіе по фарфору и т. п.

Для художественной литературы XVII вѣкъ тоже не прошелъ безслѣдно. Но тогда какъ наука въ эту эпоху испытала сильное вліяніе китаизма и вслѣдствіе этого осталась совершенно недоступной для широкихъ круговъ населенія, литература, наоборотъ, сильно популяризовалась. Благодаря боль-

шей безопасности жизни и относительно большому благосостоянію, наступившему вслѣдъ за водвореніемъ Токугавы, потребность въ чтеніи, въ книгѣ страшно возросла и распространилась. Въ предыдущіе вѣка роскошь книги могли позволить себѣ только могущественные феодалы или придворные, обеспеченные и болѣе или менѣе огражденные отъ опасностей въ своихъ замкахъ, и еще монахи въ буддійскихъ монастыряхъ. Вслѣдствіе этого и литература носила или духовный, или утонченно-свѣтскій характеръ. Произведенія рыцарской эпохи, не особенно многочисленныя по количеству, достигали иногда высокой степени совершенства по формѣ. Теперь рядомъ съ феодальной аристократіей явился другой читатель, несравненно менѣе утонченный во вкусахъ, но зато гораздо болѣе многочисленный—горожанинъ. И въ отвѣтъ на это широкой волной хлынула новая литература, болѣе грубая, но отвѣчающая многообразнымъ запросамъ новаго читателя, его настоящей потребности въ духовной пищѣ. Въ этому времени относится возникновеніе многихъ новыхъ видовъ литературы: популярныя драмы, историческіе романы, рассказы изъ народной жизни, комическія пѣсенки и легкія юмористическія сценки, въ родѣ водевилей.

14.

Разложеніе абсолютизма. — Экономическія затрудненія.

Въ теченіе XVII вѣка и матеріальная и духовная культура Японіи сразу сдѣлали большіе успѣхи.

Послѣ долгаго періода безплодныхъ войнъ и умственного застоя во всѣхъ отрасляхъ жизни шла усиленная работа. И всѣмъ этимъ страна была обязана относительному порядку и благоустройству, водворившемуся въ ней вмѣстѣ съ династіей Токугавъ. Для даннаго времени централизованная монархія, заступившая мѣсто феодальной анархіи, была выгодна для страны. Но была одна черта въ новомъ строѣ, благодаря которой значеніе его для страны со временемъ стало мѣняться, и мѣняться настолько, что положительныя его стороны превратились въ отрицательныя, и вмѣсто несомнѣнной пользы онъ сталъ приносить явный вредъ. Черта эта — его косность, именно то, что въ глазахъ его основателей придавало ему главную цѣну.

Когда строй этотъ только создавался, онъ отвѣчалъ потребностямъ страны, онъ далъ возможность развиваться ея естественнымъ силамъ. Но когда эти силы развились до нѣкотораго предѣла, онъ въ немъ же встрѣтили препятствіе, мѣшавшее ихъ дальнѣйшему росту.

Прежде всего это явленіе сказалось въ экономической области. Формы экономическихъ отношеній, закрѣпленныя даннымъ строемъ, сначала вполне удовлетворяли существовавшимъ потребностямъ, но потомъ, съ развитіемъ самихъ потребностей, тѣ же самыя формы оказались стѣснительными. А между тѣмъ, какъ и все въ этомъ строѣ, онъ отличался совершенной косностью, нерастяжимостью. Всѣ тѣ успѣхи, которые могутъ быть сдѣланы въ рамкахъ

натурального хозяйства, были уже достигнуты, а естественный переходъ къ денежному хозяйству не могъ совершиться на почвѣ даннаго строя. Получился заколдованный кругъ, изъ котораго страна не могла выбиться, не разбивъ связывавшихъ ея путь.

Земледѣльческое населеніе, оправившееся и отдохнувшее послѣ водворенія мира, стало быстро расти. Между тѣмъ, изъ той же земли, при тѣхъ же пріемахъ хозяйства нельзя было извлечь больше. Въ то же время дайміосы, обремененные всевозможными обязательными расходами, старались всячески увеличить обложеніе, такъ что мѣстами оно доходило до невѣроятной высоты. Были мѣстности, гдѣ земледѣлецъ долженъ былъ выплачивать владѣльцу 80⁰/₀ сбора. Приходилось заирать подъ обработку неудобныя земли, а на нихъ трудъ земледѣльца иногда пропадалъ почти даромъ. Происходили неурожай, еще больше подрывавшіе народное хозяйство. Между тѣмъ, улучшить технику, завести болѣе выгодныя культуры, напримѣръ, чайныя или шелковичныя плантаціи, и тѣмъ увеличить производительность той же земли, было невозможно. Не только у земледѣльческаго населенія, но даже у самихъ дайміосовъ, для которыхъ это тоже было бы выгодно, не хватало на это денегъ. Слѣдствіемъ этого было почти повсемѣстное разореніе сельскаго населенія и въ зависимости отъ этого обѣднѣніе всей страны.

Въ области обрабатывающей промышленности

шелъ подобный же процессъ. Ремесленная форма производства достигла полного расцвѣта и уже дальше не могла удовлетворять назрѣвшимъ потребностямъ. Окаменѣвшія формы гильдій, охраняемыхъ всевозможными исключительными законами, не давали никакого простора частной инициативѣ, мѣшали введенію техническихъ усовершенствованій, расширенію производства. Гильдіи, достигшія высшаго расцвѣта къ концу XVIII вѣка, начали клониться къ упадку. Онѣ не могли конкурировать съ проникавшими въ страну, несмотря на всѣ запрещенія, европейскими и американскими товарами, онѣ не могли удешевить своего производства. Въ то же время дайміосы и правительственные чиновники старались тянуть съ нихъ возможно больше, а разоренное населеніе представляло собой плохого покупателя. На эти затрудненія гильдіи могли отвѣчать только однимъ — требованіемъ и отъ дайміосовъ, и отъ правительства все большихъ привилегій, все большей защиты своего монопольнаго характера. Весь восемнадцатый вѣкъ наполненъ настойчивыми петиціями гильдій, просившихъ разныхъ льготъ,—главнымъ образомъ, запрещенія частнымъ лицамъ заниматься тѣми же производствами и наивозможно болѣе высокихъ пошлинъ на ввозимые изъ Китая и Кореи товары. Этимъ онѣ могли, по крайней мѣрѣ, охранить себя отъ конкуренціи, и, если не понизить стоимости производства, то, по крайней мѣрѣ, держать въ своихъ рукахъ цѣны на товары и произвольно повышать ихъ. Прави-

тельство и даймоусы, въ значительной степени зависѣвшіе отъ нихъ, — такъ какъ налоги съ нихъ служили главнымъ источникомъ доходовъ, — не имѣли возможности отказывать имъ. Издавались законы, строго каравшіе за занятіе разными ремеслами лицъ, не принадлежавшихъ къ гильдіямъ, а на иностранные товары налагались почти запретительныя пошлины. Ввозившіяся изъ Китая шелковыя ткани, напримѣръ, облагались такими таможенными пошлинами, что онѣ должны были продаваться на 200 — 300% дороже своей нормальной цѣны. Конечно онѣ такъ же, какъ другіе предметы роскоши, могли покупаться только исключительно богатыми людьми и то въ рѣдкихъ случаяхъ и не могли составить конкуренціи гильдіямъ. Предметы же общаго потребленія почти совершенно не могли ввозиться изъ Китая въ это время. Торговля европейскими товарами, происходившая черезъ посредство голландцевъ въ Дешимъ, была поставлена въ еще болѣе стѣснительныя условія. Вся она находилась въ рукахъ одной Нагасакской гильдіи. Помимо нея никто не могъ непосредственно покупать товары у голландскихъ купцовъ. Нагасакская гильдія скупала ихъ всѣ и потомъ уже по собственному произволу назначала цѣны.

Такимъ образомъ, гильдейское законодательство, вмѣсто того, чтобы, уступая требованіямъ времени, ослабѣвать, крѣпло еще болѣе. А отъ этого страдало и населеніе, такъ какъ цѣны на всѣ товары страшно росли, и вся страна, такъ какъ ея произ-

водительныя силы не имѣли выхода — свободныя руки не находили работы, и естественныя богатства не эксплуатировались. Словомъ, страна опять остановилась въ своемъ развитіи: она не только не богатѣла, но даже стала бѣднѣть.

И отдѣльные дайміосы, и правительство испытывали постоянный недостатокъ денегъ, но въ своихъ поискахъ за ними только еще ухудшали и безъ того трудное экономическое положеніе. Съ одной стороны, чтобы пользоваться доходами съ гильдій, они увеличивали ихъ привилегіи и тѣмъ убивали возможность дальнѣйшаго промышленнаго развитія страны. Съ другой—когда доходовъ все-таки оказывалось недостаточно, они пробовали непосредственно увеличить количество денегъ.

Уже съ половины XVIII вѣка шогуны, испытывая постоянныя финансовыя затрудненія, начинаютъ прибѣгать къ такимъ же финансовымъ опытамъ, какіе продѣлывались около этого времени и въ Европѣ. Они начинаютъ произвольно выпускать значительныя количества бумажныхъ денегъ и такимъ путемъ увеличивать количество денежныхъ знаковъ, не обезпеченныхъ имѣющимся у государства золотомъ. Впрочемъ, въ то же самое время среди японскихъ ученыхъ возникаетъ экономическая школа, сильно возстающая противъ этого. Самый видный изъ этихъ ученыхъ, извѣстный японскій экономистъ XVIII вѣка, Араи-Куми, въ своихъ трудахъ по экономическимъ и финансовымъ вопросамъ упорно доказывалъ, что денежные знаки не

представляют собой богатства, и что въ концѣ концовъ обиліе ихъ приведетъ къ обезцѣненію ихъ, къ еще большему уменьшенію полноцѣнныхъ денегъ и къ еще большимъ экономическимъ неурядицамъ. По его выраженію, „худыя деньги прогоняютъ хорошія“. Дѣйствительность вполнѣ оправдала его предсказанія. Бумажныя деньги быстро наводнили страну, на югѣ, напримѣръ, одно время обращались почти исключительно бумажки, потомъ онѣ стали страшно падать, вызывая громадныя экономическія затрудненія, такъ что въ концѣ концовъ пришлось отмѣнить закономъ эту неудачную финансовую мѣру. Араи - Куми былъ призванъ управлять финансовымъ вѣдомствомъ, и на время снова было восстановлено правильное денежное обращеніе. Но потомъ новыя финансовыя затрудненія заставили забыть первый урокъ и снова стали повторяться попытки поправить финансовыя дѣла, надѣлавъ побольше денежныхъ знаковъ. Хуже всего то, что подобные опыты производились не только центральнымъ правительствомъ, но даже отдѣльными наиболѣе крупными дайміосами, сохранившими отъ прежнихъ временъ право чеканки монеты. Это, конечно, еще больше увеличивало экономическую неурядицу; такъ, въ разныхъ мѣстахъ стали обращаться разныя деньги, имѣвшія разную цѣнность. Правительство видѣло это зло, но не въ силахъ было помѣшать ему.

Вообще по мѣрѣ осложненія экономическаго положенія страны и ухудшенія государственныхъ

финансовъ положеніе правительства стало постепенно расшатываться. Явилось слишкомъ много недовольныхъ элементовъ, съ которыми ему трудно было справиться. Дѣйствительно, почти всѣ слои общества имѣли теперь причины для неудовольствія. Самую реальную причину имѣло, конечно, сельское населеніе, несшее на себѣ страшный экономическій гнетъ. Земли у него было мало, на его шеѣ сидѣли непроизводительные классы — дайміосы и самураи, съ него же тянуло и государство. Кромѣ того, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка Японію посѣтилъ цѣлый рядъ неурожаевъ, а съ 1833 года они стали почти хроническими. Сельское населеніе отвѣчало на это глухимъ ропотомъ и частичными возмущеніями. Въ началѣ XIX вѣка въ разныхъ концахъ имперіи начали вспыхивать крестьянскіе бунты. Но, конечно, это были чисто стихійныя вспышки, не направленныя ни къ какой сознательной общей цѣли, и поэтому затушить ихъ вздробь не представляло особенной трудности. И крупные дайміосы, если это происходило на ихъ земляхъ, и правительство безъ труда усмиряли взбунтовавшуюся рабочую силу, и пулями внушали ей уваженіе къ законному порядку.

Нѣсколько труднѣе было справиться съ горожанами. Они были и сознательнѣе, и богаче земледѣльцевъ и потому представляли элементъ, съ которымъ надо было обращаться болѣе осторожно и бережно. Мы уже видѣли, что торговое и промышленное населеніе городовъ, организованное въ

гильдіи, часто вступало даже въ торгъ съ правительствомъ и урывало у него значительныя льготы. Правительство волей-неволей шло на такія сдѣлки, — невыгодныя, конечно, для страны, — такъ какъ оно чувствовало свою зависимость отъ разбогатѣвшихъ горожанъ. Этимъ путемъ, оно, съ одной стороны, пользовалось доходами съ гильдій, а съ другой — обеспечивало себѣ ихъ молчаливую поддержку.

Но рядомъ съ гильдіями въ городахъ начиналъ возникать еще слой населенія, не находившій въ данномъ обществѣ никакого приложенія для своихъ силъ. Слой этотъ образовался изъ различныхъ элементовъ, оказавшихся, такъ сказать, за штатомъ, благодаря черезчуръ уже неподвижнымъ, негибкимъ формамъ соціальныхъ отношеній. Прежде всего тутъ были младшіе сыновья ремесленниковъ и торговцевъ, не получившихъ доступа въ гильдіи и промышлявшихъ самыми разнообразными способами, въ качествѣ мелкихъ торговцевъ, разносчиковъ или фокусниковъ, актеровъ и т. п. Постепенно и изъ деревни стали выдѣляться люди, присоединявшіеся къ нимъ же. Земля уже не въ силахъ была прокормить всего живущаго на ней населенія, и часть его, по большей части тоже младшіе сыновья, не получавшіе доли въ отцовскомъ наслѣдіи, уходила искать заработка на сторону. Пробавлялись они какой-нибудь тяжелой ручной работой, постояннаго заработка въ большинствѣ случаевъ не имѣли и представляли, вмѣстѣ съ первыми, низшій слой городского населенія, тоже недовольный

своимъ положеніемъ, но тоже мало сознательный и ничѣмъ не объединенный и поэтому болѣе опасный для общественной тишины и спокойствія, чѣмъ для государственнаго порядка. Въ случаяхъ возникавшихъ волненій, которыя съ начала XIX вѣка оиять стали вспыхивать то тутъ, то тамъ, они представляли готовый элементъ для беспорядковъ, но самъ по себѣ этотъ городской пролетаріатъ не составлялъ въ то время силы.

15.

Отношеніе высшаго сословія къ правительству.

Несравненно болѣе сильно и болѣе сознательно въ массѣ было въ ту эпоху высшее сословіе. Но оно тоже очень дифференцировалось къ этому времени. Чтобы яснѣе представить себѣ ходъ дальнѣйшихъ событій, намъ придется нѣсколько подробнѣе остановиться на отношеніи къ правительству различныхъ группъ, на которыя оно распалось.

Высшій слой привилегированнаго сословія состоялъ изъ бывшихъ независимыхъ феодаловъ-дайміосовъ, оставшихся и при новомъ строѣ во главѣ своихъ владѣній, и изъ бывшихъ личныхъ вассаловъ шогуна — фудай-дайміосовъ.

Все первое время правленія шогуновъ изъ рода Токугавы было, какъ мы видѣли, наполнено борьбой съ независимыми дайміосами сначала съ помощью оружія, потомъ путемъ законодательства. Къ концу XVII вѣка сопротивление дайміосовъ было

сломлено. Изъ „перваго — между равными“, какимъ былъ вначалѣ шогунъ, онъ превратился въ полновластнаго монарха, обращающагося съ дайміосами, какъ со своими подданными. Его безчисленные шпионы, разсѣянные по всей странѣ, слѣдили за малѣйшими проявленіями недовольства и доносили ему обо всемъ, и страшное наказаніе — перемѣна дѣдовскаго владѣнія на какой-нибудь отдаленный участокъ или даже смертная казнь и уничтоженіе самой фамиліи провинившагося — не заставляло себя ждать. И власть, и сила были въ рукахъ шогуна, и онъ широко пользовался ими. А дайміосы смирялись. Смирялись, но, конечно, не забывали ни своей прежней силы, ни своего прежняго значенія. Шогунъ въ ихъ глазахъ олицетворялъ собою паденіе ихъ прежняго могущества, и, подчиняясь ему поневолѣ, они ненавидѣли его. Онъ въ ихъ глазахъ былъ узурпаторомъ, силою отнявшимъ власть, принадлежавшую прежде имъ, и еще притомъ отнявшимъ ее даже не на законномъ основаніи. Шогунъ вѣдь не былъ государь, онъ былъ только первый министръ, а между тѣмъ онъ пользовался всѣми правами верховной власти. Быть можетъ, микадо, еслибы онъ держалъ въ своихъ рукахъ управленіе страной, не довелъ бы до такой степени подчиненіе знати.

Испытывая на себѣ постоянный тяжелый гнетъ, исходившій непосредственно отъ шогуна, дайміосы забывали, что шогунъ опасенъ для нихъ, именно, какъ представитель центральной власти, и что если

бы правительственная власть не передовѣрялась шогуноу, а находилась непосредственно въ рукахъ микадо, положеніе отъ этого нисколько не измѣнилось бы. Разница была бы только въ томъ, что тогда правитель, боровшійся съ ними, назывался бы микадо, а теперь онъ назывался шогунъ. Но во всякомъ случаѣ такъ, какъ исторически создавалось положеніе, носителемъ центральной власти былъ шогунъ, а микадо стоялъ гдѣ-то въ сторонѣ, какъ какая-то невѣдомая, быть можетъ, и благодѣтельная сила.

Пока центральное правительство въ лицѣ шогуна было сильно, до тѣхъ поръ эти мысли, если они и бродили въ чьихъ-нибудь головахъ, на дѣлѣ не проявлялись. Но когда финансовое положеніе правительства пошатнулось, когда его реальная сила, опиравшаяся на благосостояніе страны, стала убывать,—а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всегда это бываетъ, и сами носители власти стали мельчать и вырождаться, теряя личный авторитетъ,—тогда эта затаянная ненависть начала выбиваться наружу и стало оживать заглушенное стремленіе къ независимости. Послѣдніе ничтожные шогуны уже не осмѣливались, какъ прежде, круто расправляться съ дайміосами, опасаясь, что въ случаѣ открытаго возмущенія, они не въ состояніи будутъ тотчасъ же подавить его. Дайміосы чувствовали это и пользовались. Начинаясь обратный процессъ. Они снова прочнѣ осѣдали въ своихъ владѣніяхъ, безконтрольнѣ пользовались властью надъ населеніемъ, заводили

подъ рукой запрещенныя сношенія съ иностранными купцами, начавшими опять появляться у береговъ Японіи, и втайнѣ мечтали свергнуть ненавистное иго шогуна и опять стать независимыми. Но, конечно, они понимали, что страна не можетъ распасться на рядъ совершенно обособленныхъ владѣній, беззащитныхъ въ виду сильныхъ сосѣдей. Какое-нибудь единство было необходимо. Оно въ ихъ глазахъ олицетворялось въ образѣ далекаго отъ міра микадо, который всѣхъ объединить, но никого не подавить. Поэтому, укрѣпляясь въ своихъ владѣніяхъ, дайміосы въ то же время пробують тайно заводить сношенія съ забытымъ дворомъ въ Кіото. Уже съ конца XVIII вѣка начинаются, несмотря на строгія запрещенія шогуна, попытки наиболѣе крупныхъ дайміосовъ войти въ непосредственное общеніе съ микадо. Шогунъ всѣми силами борется противъ этого, повторяетъ запрещенія осквернять священную землю Кіото, гдѣ можетъ, налагаетъ наказанія, но ничто не помогаетъ. Между дайміосами и Кіото ѣздятъ гонцы, а порой и сами болѣе рѣшительные дайміосы отваживаются вступать на священную землю, гдѣ ихъ присутствіе, конечно, никого не оскорбляетъ.

Микадо, давно отрѣшившійся отъ дѣлъ и отвыкшій отъ мысли играть какую-нибудь роль за границами своего заколдованнаго царства, подъ вліяніемъ новыхъ союзниковъ вспоминаетъ о своей забытой власти, понемногу входитъ во вкусъ политики и заодно со своими взбунтовавшимися под-

данными начинаетъ интриговать противъ своего полномочнаго довѣреннаго. Онъ тоже давно за-былъ, что этотъ довѣренный править въ сущности его именемъ и отъ его лица покоряетъ центральной власти феодаловъ. Онъ, такъ же какъ и они, начинаетъ видѣть въ немъ узурпатора, поработившаго и его такъ же, какъ ихъ.

Недовольство, зародившееся въ Кіото, — не столько, можетъ быть, у самого микадо, сколько у его придворныхъ, пожелавшихъ на дѣлѣ проявить то значеніе, которое принадлежало имъ по рангу, наносить сильный ударъ шогуну. Онъ могъ бороться съ дайміосами, чувствуя за собой опору верховной санкціи микадо. Теперь у него подрываютъ эту опору, и положеніе его сразу становится болѣе шаткимъ, хотя Кіото и не имѣетъ за собой никакой реальной силы. Дѣйствительно, получается двусмысленное положеніе. Шогунъ представитель верховной власти въ странѣ, а самъ носитель верховной власти, тотъ, отъ кого по идеѣ онъ ее получилъ, начинаетъ отказывать ему въ довѣрїи. Конечно, это вначалѣ ничего не мѣняетъ въ соотношенїи силъ, такъ какъ реальная власть и всѣ ея органы попрежнему находятся въ рукахъ шогуна, но это очень облегчить со временемъ борьбу съ нимъ.

Органы эти, весь административный механизмъ былъ устроенъ именно съ тѣмъ расчетомъ, чтобы при помощи централизованной бюрократїи сосредоточить всю власть въ рукахъ шогуна.

Киото.

Старый Императорскій Дворецъ въ Киото.

И первое время своего существованія она исполняла свою роль ко благу обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, т.-е. она внесла несравненно больше порядка, благоустройства и законности въ жизнь населенія и явилась послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства. Но бюрократія — вездѣ бюрократія. Ея отрицательныя стороны скоро заслонили нѣкоторую долю пользы, принесенную ею вначалѣ. Не связанная никакими интересами съ мѣстнымъ населеніемъ, она стремилась только выжимать изъ него все, что возможно, не заботясь нисколько о поднятіи его благосостоянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ она все разрасталась, дѣлопроизводство ея все усложнялось, все дальше удаляясь отъ реальныхъ нуждъ населенія и все больше превращаясь въ мертвую канцелярщину съ безконечнымъ бумагомараньемъ вмѣсто насущнаго дѣла. Стоимость ея содержанія тоже, конечно, постепенно возрастала и ложилась тяжелымъ бременемъ все на то же населеніе. Въ XVIII в. на жалованье чиновникамъ уходило болѣе $\frac{2}{3}$ всего государственнаго бюджета Японіи.

По мысли Іеязу всѣ правительственныя должности должны были замѣщаться исключительно личными вассалами шогуна, высшія—фудаи-дайміосами, низшія—простыми самураями. Сдѣлано это было, конечно, для того, чтобы не передавать правительственныя функціи въ руки непокорныхъ дайміосовъ и ихъ вассаловъ и чтобы поручать ихъ людямъ, привыкшимъ къ личному повиновенію главѣ рода

Японія.

Токугавы. При этомъ правительственные чиновники назначались и смѣщались по волѣ шогунa или соотвѣтствующихъ властей, поставленныхъ имъ же. Но съ теченіемъ времени это отличіе чиновниковъ отъ дайміосовъ, дѣлавшее ихъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства, стало понемногу исчезать. Наслѣдственный характеръ всѣхъ вообще занятій сталъ распространяться и на чиновничьи функціи. Высшія должности — намѣстниковъ въ провинціяхъ и даиквановъ—стали сначала удерживаться пожизненно, а потомъ и переходить по наследству, т.-е., въ то время, какъ шогунъ старался превратить независимыхъ дайміосовъ въ своихъ намѣстниковъ, его собственные чиновники стремились превратиться въ самостоятельныхъ сатраповъ, доводя до минимума свою отвѣтственность передъ центральнымъ правительствомъ. Ихъ существенное отличіе отъ дайміосовъ заключалось въ томъ, что они не имѣли никакихъ правъ на землю управляемаго ими населенія и не имѣли собственныхъ земельныхъ владѣній. Къ началу XIX в. эти высшіе чиновники, подражая и въ этомъ феодаламъ, мѣстами перестали даже лично исполнять свои функціи; они поручали ихъ довѣреннымъ, а сами предпочитали спокойно проживать въ Іедо или въ другихъ крупныхъ городахъ свои доходы, такъ что очень многія должности превратились просто въ почетныя наследственные синекуры. Усердно работали только низшіе чиновники. Но дѣла отъ этого не ускорились, такъ какъ по всякому отвѣтственному вопросу

имъ приходилось сноситься со своимъ начальствомъ; а то обыкновенно не торопилось съ отвѣтомъ.

Прекрасную иллюстрацію японской бюрократіи этого времени можно найти въ книгѣ Головнина „Въ плѣну у японцевъ“. Въ 1811 г., какъ мы уже упоминали, русскій капитанъ Головинъ былъ захваченъ въ плѣнъ японцами. Чуть не съ перваго момента японцы убѣдились, что захватъ его былъ въ сущности основанъ на недоразумѣніи,—капитанъ Головинъ не имѣлъ никакихъ враждебныхъ намѣреній. Оставалось только отпустить его, что они въ концѣ концовъ и сдѣлали, совершенно добровольно, не причинивъ ему ни малѣйшаго зла. Но произошло это почти черезъ три года. Все это время было занято безконечной канцелярской волокитой. Дѣло его разсматривалось въ іерархическомъ порядкѣ всѣми властями, доходило до центрального правительства شوгуна и снова возвращалось на мѣсто для новой безконечной переписки. Впрочемъ, русскаго капитана эти порядки не особенно удивляли. Онъ относился къ нимъ съ философскимъ спокойствіемъ и, можетъ быть, благодаря этому, онъ далъ въ своей книгѣ безпристрастную и почти во всѣхъ частностяхъ правильную характеристику тогдашняго государственнаго строя Японіи ¹.

Такая бюрократія уже не могла быть твердой опорой для центральной власти. Государственный строй, казавшійся такимъ незыблемымъ два вѣка

¹ „Записки В. М. Головнина въ плѣну у японцевъ въ 1811, 1812 и 1813 гг.“ Спб. 1851 г.

назадъ, заколебался. Снова страна переживала двоякій—и экономическій, и политическій кризисъ. Но только положеніе теперь было несравненно сложнѣе, чѣмъ въ концѣ XVI вѣка. Тогда вся страна нуждалась въ одномъ—въ объединеніи и порядкѣ какой угодно цѣной. Цѣна оказалась дорогой, но цѣль была достигнута. Теперь жизнь общества очень усложнилась, и потребности различныхъ группъ населенія нельзя уже было свести къ одному знаменателю. Недовольство существующимъ строемъ было общее, обуславливалось же оно совершенно различными причинами. Низшіе слои населенія, вся народная масса нуждалась въ раскрѣпощеніи, въ личной и экономической свободѣ, а привилегированныя группы — и дайміосы, и гильдіи — требовали возвращенія назадъ, — еще большихъ привилегій для еще большей эксплуатаціи того же самага населенія. Но роль феодализма давно уже была сыграна, мечты феодаловъ заранѣе были обречены на гибель, и, помогая расшатывать полицейское правительство, они подготовляли вмѣстѣ съ нимъ и свою собственную окончательную гибель.

Конечно, далеко не все высшее сословіе было проникнуто такими ретроградными взглядами. Среди самураевъ, самой многочисленной и самой просвѣщенной части его, господствовало, въ общемъ, совершенно иное настроеніе. Положеніе самураевъ въ новыхъ общественныхъ условіяхъ совершенно измѣнилось. Во время расцвѣта феодализма саму-

раи составляли все тогдашнее общество—его силу, его цвѣтъ. Теперь, съ измѣненіемъ соціальныхъ условій, и роль самураевъ измѣнилась. Самый смыслъ ихъ существованія исчезъ, а между тѣмъ форма осталась и постепенно наполнилась другимъ содержаніемъ. Прежде, это были воины, всегда носившіе два меча, постоянно готовые пустить ихъ въ ходъ и почти постоянно имѣвшіе къ тому случай. Теперь, мечи — знакъ благороднаго происхожденія—у нихъ остались, но законныхъ поводовъ пускать ихъ въ ходъ уже не было. Два вѣка въ странѣ царилъ миръ. Постоянныя военныя упражненія, наполнявшія прежде ихъ досуги въ промежуткахъ между походами, теперь потеряли свой смыслъ и постепенно отходили въ область прошлаго. Заниматься какимъ-нибудь производительнымъ трудомъ—промышленностью, торговлей—для нихъ по-прежнему считалось унижительнымъ, да и гильдейская организація и той, и другой не давала имъ туда доступа. Нѣкоторая, небольшая часть ихъ, какъ мы уже упоминали выше, прежніе вассалы дайміосовъ, осѣла на своихъ участкахъ и превратилась въ помѣщиковъ. Большинство считалось на службѣ у дайміосовъ и у шогуна, составляло ихъ войска и получало отъ нихъ жалованье рисомъ. Жалованья этого имъ обыкновенно не хватало, такъ какъ платить много дайміосы не могли, а благородное званіе обязывало къ извѣстнымъ расходамъ, и потому самураи были по большей части въ такомъ же долгу у купцовъ, какъ и сами дайміосы. На-

конецъ, многіе изъ самураевъ теряли и эту прицѣпку къ жизни. Дайміосамъ не было никакой надобности, да не было и возможности увеличивать свои войска, и безъ того ихъ содержаніе обременяло ихъ неблестящіе финансы. Между тѣмъ, естественный приростъ населенія происходилъ и въ средѣ самураевъ, и опять младшіе сыновья оказывались за бортомъ. Они уходили изъ своихъ мѣстъ и тоже искали себѣ пропитанія. Прежде они шли, главнымъ образомъ, въ буддійскіе монастыри и дѣлались монахами, теперь они шли въ города и дѣлались учителями, врачами, писателями, учеными. Но и жившіе по своимъ провинціямъ самураи, не имѣвшіе въ сущности никакихъ обязательныхъ занятій, тоже мало-по-малу принялись за книгу. Это было единственное занятіе, которымъ они, не унижая себя, могли наполнять свои невольные досуги. Громадное большинство, почти всѣ литераторы и ученые, которыми такъ богаты XVIII и XIX вв. въ Японіи, происходили изъ среды самураевъ. И изъ этой же среды возникла первая сознательная оппозиція существующему строю. Изъ военной аристократіи, поддерживавшей феодальный строй, самураи постепенно превратились въ самый просвѣщенный и самый прогрессивный въ массѣ слой населенія—интеллигенцію страны, взявшую на себя починъ борьбы съ полицейскимъ государствомъ.

Сознательнѣе, чѣмъ кто-либо, относились эти лучшіе изъ самураевъ къ переживаемому моменту. Они видѣли бѣдствія разореннаго народа, его уни-

зительное безправіе и горячо сострадали ему; они видѣли экономическія неурядицы, грозившія разорить страну; они видѣли слабость правительства и разрозненность общества, грозившія, въ случаѣ перваго столкновенія, предать родину въ руки болѣе сильнаго непріятеля, и въ нихъ пробуждался горячій и отважный патріотизмъ; они чувствовали на себѣ оскорбительный гнетъ полицейски-шпіонскаго режима, и въ нихъ загоралось возмущеніе и желаніе во что бы то ни стало найти выходъ.

Не весь, конечно, классъ самураевъ былъ охваченъ подобными мыслями. Правильнѣе, пожалуй, даже будетъ сказать, что въ массѣ онѣ едва только зарождались, а были, конечно, среди самураевъ и такіе, которые совсѣмъ не задавались подобными вопросами, тупо довольствуясь настоящимъ. Изъ нихъ впослѣдствіи вышли приверженцы реакціонныхъ дайміосовъ. Но рядомъ съ ними тутъ и тамъ работала свободная мысль, стремясь найти способы помочь родинѣ.

Глава III.

Эпоха переворота.

Революціонное броженіе въ обществѣ.

Коренной переворотъ, измѣнившій цѣликомъ весь соціально-политическій строй Японіи, совершился, конечно, не въ одинъ годъ, хотя его и принято называть переворотомъ 1868 г. Въ 1868 г. произошло лишь окончательное низложеніе شوгуна, уже раньше потерявшаго дѣйствительное значеніе. Начало его нужно отнести къ тому времени, когда даймиосы стали впервые открыто проявлять неповиновеніе шоугуну, а дворъ въ Кіото явно выказалъ неодобреніе ему,—т.-е. къ концу пятидесятихъ годовъ. Окончаніе же его произошло лишь въ 1889 году, когда утвержденіемъ конституціи былъ завершёнъ новый государственный строй Японіи. Интересно, что первый періодъ, имѣвшій цѣлью реставрацію законнаго микадо, былъ наполненъ кровопролитіемъ, носилъ

револуціонный характеръ; второй же, заключавшійся въ измѣненіи всѣхъ основъ государственнаго строя, протекалъ, въ общемъ, совершенно мирно. Въ первомъ періодѣ во главѣ движенія стояли крупные дайміосы, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи организованныя силы; во второмъ они постепенно отступаютъ на второй планъ, руководство же движеніемъ переходитъ въ руки самураевъ, не игравшихъ первое время никакой самостоятельной роли.

Что же касается подготовительнаго періода, то его надо отнести, конечно, къ гораздо болѣе раннему времени. Глухое недовольство существующимъ строемъ стало зарождаться, какъ мы видѣли, еще въ эпоху расцвѣта абсолютизма. Постепенно, вмѣстѣ съ внутреннимъ разложеніемъ абсолютизма, оно все росло и крѣпло, и, наконецъ, ко второй половинѣ XVIII вѣка, вылилось въ настоящее револуціонное броженіе, охватившее все высшее сословіе и съ минуты на минуту грозившее принять форму возстанія.

Еще съ начала XVII вѣка среди высшаго сословія Японіи, въ особенности же среди самураевъ, стали широко развиваться занятія разными отраслями науки и литературой. Отчасти благодаря стараніямъ правительства, отчасти благодаря тому, что въ средніе вѣка Японія сильно отстала въ умственномъ отношеніи отъ Китая, первоначально вся ея научная дѣятельность развивалась, какъ мы уже говорили, подъ сильнымъ вліяніемъ китайщины.

Научныя сочиненія писались на китайскомъ языкѣ, литература заимствовала образцы изъ Китая, а философскія ученія цѣликомъ переносились съ азиатскаго материка. Въ философіи вліяніе Китая продолжало безраздѣльно царить до самаго момента реставраціи, но въ другихъ областяхъ противъ него довольно скоро началась оппозиція, постепенно приобретающая все болѣе широкое вліяніе.

Зародышъ этой оппозиціи былъ положенъ внимательнымъ изученіемъ родной исторіи, начатымъ еще при жизни Іеязу.

Мы уже упоминали выше о громадномъ историческомъ трудѣ, предпринятомъ по инициативѣ дайміоса провинціи Мито еще въ началѣ XVII вѣка, и доведенномъ до конца только къ первымъ годамъ XVIII. Эта капитальная историческая работа, имѣющая общее названіе Даи-Нихонъ-Ши, и составлявшаяся въ теченіе цѣлаго вѣка самими свѣдущими людьми страны, легла въ основу всѣхъ послѣдующихъ историческихъ сочиненій. Имѣя передъ собой добросовѣстный сводъ историческихъ фактовъ, послѣдующіе историки могли уже болѣе подробно характеризовать отдѣльныя эпохи или разрабатывать общую прагматическую исторію страны.

Первый опытъ подобной работы далъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ начала XVIII вѣка, Хакусеки. Онъ впервые попытался очертить исторію внутренняго развитія страны за 2000 лѣтъ, причемъ онъ особенно внимательно останавливался на

моментахъ внутреннихъ кризисовъ и революціонныхъ переворотовъ. Хакусеки работалъ не только въ области исторіи. У него есть также географическія, экономическія и финансовыя работы. Изъ послѣднихъ наиболѣе извѣстны сочиненія „О принципахъ финансовъ“ и „О денежномъ обращеніи“. Общее количество его трудовъ доходить до 300 и даже болѣе.

Хакусеки пользовался большой славой среди своихъ современниковъ. Одно время шогунъ Іенобу призвалъ его даже ко двору, и Хакусеки числился чѣмъ-то вродѣ придворнаго исторіографа. По порученію Іенобу онъ написалъ исторію дайміосовъ съ 1600 по 1680 г. Но со смертію Іенобу окончились и сыпавшіяся на историка милости. Правительство оказалось недовольно его работами, и послѣдніе годы своей жизни Хакусеки провелъ въ изгнаніи. Умеръ онъ въ 1715 г.

Первые историческіе труды писались еще обыкновенно на китайскомъ языкѣ, но постепенно авторы, изучавшіе древніе памятники, написанные, конечно, по-японски, стали и сами употреблять родной языкъ. Вмѣстѣ съ этимъ изученіе родной старины пробуждало въ нихъ и національную гордость, вызывало стремленіе избавиться отъ чужеземнаго вліянія и стать на свои ноги въ умственномъ отношеніи. Мало-по-малу изъ этого выросло широкое націоналистическое теченіе, поставившее своимъ лозунгомъ борьбу съ китайщиной во всѣхъ ея проявленіяхъ и пропаганду родного языка, род-

ной религіи—Шинто, и родной науки. Позднѣ къ этому присоединился и націонализмъ въ политикѣ.

Родоначальникомъ этого націоналистическаго движенія считается Кейтчиу, самурай по происхожденію, ушедшій въ ранней молодости въ монастырь, чтобы всецѣло посвятить себя научнымъ занятіямъ. Всю свою жизнь онъ занимался собираніемъ памятниковъ древней письменности. Онъ написалъ нѣсколько трудовъ по изученію древней японской литературы, не потерявшихъ значенія и до послѣдняго времени. Кромѣ того, онъ и самъ былъ поэтомъ, слагая стихи въ духъ народной поэзіи. Умеръ Кейтчиу въ 1701 г., оставивъ по себѣ цѣлую школу своихъ учениковъ, продолжавшихъ работать въ томъ же направленіи и передававшихъ его завѣты.

Самымъ знаменитымъ изъ его дальнѣйшихъ послѣдователей былъ Мотоори Норинага, родившійся въ 1730 г. Онъ тоже происходилъ изъ самураевъ. Съ дѣтства его предназначали къ медицинской карьерѣ, но его влекло въ другую сторону. Онъ рано натолкнулся на труды Кейтчиу и съ тѣхъ поръ занятія родной исторіей и родной литературой заслонили для него все. Всю свою жизнь онъ работалъ въ этой области и издалъ болѣе 100 томовъ своихъ сочиненій. Наибольшее значеніе изъ нихъ имѣетъ разборъ древнѣйшей японской лѣтописи „Койки“. Кромѣ цѣлаго ряда трудовъ по древней японской исторіи, литературѣ и по изученію самаго языка, онъ написалъ еще нѣсколько полемическихъ

трактатовъ противъ китайщины, — китайскаго языка и китайской литературы.

Увлекаясь изслѣдованьями въ области родной литературы, Мотоори и самъ отдалъ дань поэзіи. Ему принадлежитъ извѣстное четверостишіе — сжатая поэтическая характеристика Японіи:

„Если спросятъ тебя,
Гдѣ душа острова Ямато —
То цвѣтокъ вишни на склонахъ горъ,
Изливающій свой ароматъ на зарѣ“.

Моотори, первый изъ ученыхъ націоналистовъ, ввелъ въ свои историческіе труды элементъ политики и коснулся современнаго положенія вещей. Одно его сочиненіе, „Тама Кусиге“, посвящено специально выясненію причинъ тяжелаго положенія его родины. Онъ описываетъ въ немъ бѣдствія земледѣльческаго населенія и выражаетъ глубокое сочувствіе къ нему. Онъ считаетъ, что аграрные бунты, начавшіеся уже въ ту эпоху, вполне понятны и служатъ скорѣе обвиненіемъ противъ дайміосовъ и правительственныхъ чиновниковъ, чѣмъ противъ голодающаго и невѣжественнаго населенія. Но онъ еще не доходитъ до мысли о коренномъ переустройствѣ всего государственнаго строя. По его мнѣнію, главное зло происходитъ отъ обилія чиновниковъ и отъ ихъ злоупотребленій. Поэтому надо скорѣе приступить къ реформамъ, клонящимся къ уменьшенію количества и улучшенію качества чиновниковъ.

Несмотря на такую умѣренность его полити-

ческих чайнй, правительство шогунa, всегда очень внимательное къ малѣйшимъ проявленіямъ неудовольствія со стороны подданныхъ, обратило вниманіе на литературную дѣятельность Мотоори. Въ 1778 г. одно изъ его сочиненій было запрещено. Съ этого момента правительство, раньше всячески покровительствовавшее наукѣ и литературѣ, начинаетъ относиться и къ той и къ другой подозрительно. До тѣхъ поръ оно видѣло въ нихъ скорѣе отвлеченіе отъ опасныхъ воинственныхъ склонностей феодальнаго дворянства, пріятное времяпрепровожденіе въ часы досуга, а иногда и полезное занятіе, изъ котораго при случаѣ правительство можетъ извлечь для себя выгоду. Теперь оно почувствовало тутъ какую-то новую силу, не поддающуюся его власти, ускользающую отъ всѣхъ его полицейскихъ скорпіоновъ. Но примириться съ этимъ оно, конечно, не могло. И вотъ въ Японіи начинается эра цензурнаго гнета и политическихъ преслѣдованій, падающая только вмѣстѣ съ режимомъ.

Историческія сочиненія, цѣлыя философскія системы, несогласныя съ видами правительства, запрещаются или уничтожаются. Авторы ихъ высылаются въ отдаленныя провинціи, лишаются права печатать что бы то ни было, заключаются въ тюрьмы. Еще въ концѣ XVIII вѣка шогунъ Іенари запретилъ распространеніе всѣхъ философскихъ теорій, противорѣчившихъ принятому въ Японіи конфуціанскому ученію, Чу-хи или Чузи. Конфуціанизмъ въ изложеніи Чу-хи освящалъ существующій

строй, слѣдовательно, всякое колебаніе его авторитета, всякое сомнѣніе въ его неопровержимости должно быть признано опаснымъ. Между прочимъ, подверглась запрещенію идеалистическая философія Уангъ-янгъ-мина, стремившагося поднять значеніе личности.

Такой же строгой цензурѣ подвергались и историческія сочиненія, изъ которыхъ многія такъ и не увидѣли свѣта, но зато усердно распространялись въ рукописныхъ спискахъ. Конечно, преслѣдованіе правительства шогуна не только не прекратило распространеніе идей, которыя оно считало вредными, но, наоборотъ, еще усилило ихъ.

Прежде историческія сочиненія казались опасными только своимъ націонализмомъ, своей борьбой съ китайщиною въ области науки и литературы, теперь они объявили борьбу существующему строю, самому правительству. Тотъ гнетъ правительства, который просвѣщенные люди замѣчали и прежде, теперь они ощутили на самихъ себѣ, а это, конечно, придало остроту ихъ настроенію. Они теперь не только понимали, но и чувствовали все зло современнаго строя. Они обращались къ прошлому, къ исторіи уже съ новыми запросами. Они искали тамъ иного, болѣе справедливаго, менѣе угнетающаго строя, и имъ казалось, что они находили его. Смягченное временемъ прошлое всегда имѣетъ нѣчто притягательное. А тутъ въ этомъ прошломъ они находили черты рѣзко противоположныя ненавистному настоящему и уже по этому одному симпа-

тичныя имъ. Особенно привлекательнымъ казался для нихъ древнѣйшій періодъ японской исторіи и больше всего эпоха реформъ таиква, а также предшествовавшій ей родовой укладъ. Весь социально-экономическій строй того времени казался имъ основаннымъ на началахъ равенства и справедливости. Не было богатыхъ и бѣдныхъ, всѣ имѣли одинаковую долю въ эксплуатаціи главнаго богатства страны — земли; частной собственности на землю не существовало совсѣмъ и даже владѣніе ею было общиннымъ. Всѣ были равны между собой и передъ отеческой властью микадо. Теперь все измѣнилось. Глубокая социальная рознь расколола общество на паріевъ и привилегированныхъ, а во главѣ всталъ деспотическій произволъ шогунa. Точно такъ же, какъ и дайміосы, они не отдавали себѣ яснаго отчета, что шогунъ угнеталъ страну и ихъ, не какъ шогунъ изъ рода Токугавы, а какъ представитель деспотическаго абсолютизма вообще, и что если бы та же самая власть находилась непосредственно въ рукахъ микадо, то дѣло обстояло бы не лучше. Они видѣли, что страшное усиленіе центральной власти началось со времени водворенія Токугавы, и свою ненависть къ депотизму вообще переносили на шогуновъ. По отношенію къ данному моменту они были правы, такъ какъ вся власть, дѣйствительно, олицетворялась шогуномъ, въ будущемъ же время научило ихъ расширить свои идеалы.

Въ противовѣсъ ненавистному и такому реальному шогуну они выдвигали далекаго идиллическаго

Фукузава.

Виконтъ Мори.

Японія.

Окубо.

Кидо.

микадо, который нѣкогда какъ отецъ правилъ своимъ народомъ, всѣмъ доступный и всегда справедливый. Въ лицѣ микадо они олицетворяли иной, лучшей, болѣе справедливый въ экономической области и болѣе свободный въ политическомъ отношеніи строй. И они страстно мечтали о низложеніи شوгуна и воцареніи вновь микадо. Въ этомъ пунктѣ націоналисты-романтики встрѣтились съ дайміосами и нѣкоторое время пошли съ ними рука объ руку, иногда увлекая нѣкоторыхъ изъ нихъ за собой, а иногда допуская ради нихъ нѣкоторые компромиссы. И тѣмъ, и другимъ ненавистенъ былъ шогуноу, и тѣ, и другіе мечтали о возстановленіи микадо. Конечно, и причины ихъ ненависти, и цѣли возстановленія правъ микадо были у нихъ совершенно разныя, но до поры до времени пути ихъ сходились, а тамъ время показало, за кѣмъ долженъ былъ остаться перевѣсъ.

Для правительства обѣ группы — и идеалисты-романтики, и реакціонные дайміосы — были одинаково опасны. Но съ могущественными дайміосами было, конечно, труднѣе бороться, чѣмъ съ самураями, будь они писатели, ученые или просто политическіе заговорщики. Съ 20-хъ годовъ XIX вѣка число политическихъ процессовъ и цензурныхъ изъятій особенно увеличивается. Въ 1836 г. подвергается запрещенію историческое сочиненіе извѣстнаго японскаго ученаго Хираты, въ которомъ онъ доказывалъ, что шогуны не болѣе, какъ узурпаторы, незаконно захватившіе власть, и что истинные мо-

Японія.

нархи Японіи — микадо должны быть восстановлены въ своихъ правахъ. Въ 1841 г. самъ Хирата былъ высланъ въ свою родную провинцію Дева, и ему было запрещено печатать что бы то ни было. Въ 1843 г. одинъ изъ рода дайміосовъ провинціи Мито, Наріаки былъ арестованъ по подозрѣнію въ противоправительственной агитаціи и посаженъ въ тюрьму, гдѣ онъ просидѣлъ до 1853 г. Но эти мѣры ни къ чему не приводили. Въ томъ же 1836 г., когда было запрещено сочиненіе Хираты, появилась работа Раи Саніо „Нихонъ Гуанси“, посвященная спеціально исторіи шогуновъ, начиная съ XII вѣка и доказывающая, что они были не болѣе какъ узурпаторы. Сочиненіе это имѣло громадный успѣхъ и распространялось въ сотняхъ списковъ. Шогуны были совершенно безсильны въ борьбѣ съ революціонными идеями. Несмотря на строгія кары, запрещенныя сочиненія переписывались и читались съ еще большимъ увлеченіемъ, и движеніе росло, ломая всѣ преграды. Особенно сильно было оно въ южныхъ провинціяхъ.

Молодежь, та самая молодежь, изъ которой въ послѣдствіи вышли главные дѣятели переворота, теперь училась, волновалась текущими событіями и строила смѣлые планы. Возникли кружки, невольно приводящіе на память наши кружки сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. Одинъ изъ такихъ кружковъ описываетъ біографъ едва ли не самаго замѣчательнаго дѣятеля переворота 1868 г. — Окубо.

Окубо Тосимисти происходилъ изъ самураевъ провинці Мито. Съ дѣтства онъ отличался большими дарованіями, крайней любознательностью и замѣчательной твердостью и прямою характера. На своихъ товарищей онъ всегда оказывалъ огромное вліяніе. Въ ранней молодости вокругъ него образовался кружокъ друзей, съ нѣкоторыми изъ которыхъ онъ вмѣстѣ выступилъ въ послѣдствіи на арену общественной дѣятельности. Наиболѣе извѣстные изъ нихъ Нагунама Кахе, Каіедо Набунози и Саиго Такамори. Съ послѣднимъ Окубо съ дѣтства связывала особенно тѣсная дружба. Рука объ руку вступили они на путь политической борьбы, но въ послѣдствіи жизнь далеко развела ихъ, они стали непримиримыми политическими противниками. Но въ сороковые годы ни малѣйшаго диссонанса не звучало еще въ тѣсномъ товарищескомъ кружкѣ. „Они имѣли обыкновеніе по вечерамъ собираться у одного изъ друзей. За чаемъ велись безконечные разговоры, иногда читали. Давались торжественныя обѣщанія никогда не забывать этихъ собраній. Друзья изучали сначала Чузи, но скоро Окубо увлекъ ихъ перейти къ Ито Мосмону, излагавшему философію Уангъ-Янгъ-Мина. Чузи — рабъ традиціи, сторонникъ объективной реальности — не привлекъ ихъ; но теоріи Уангъ-Янгъ-Мина, идеалиста съ оттѣнкомъ стоицизма, воодушевляли ихъ. Большое значеніе, придаваемое совершенствованію своего „я“ и воспитанію воли, приводило въ восторгъ юношей, мечтавшихъ о великихъ подвигахъ. Въ

это время учение Уангъ-Янгъ-Мина было запрещено правительствомъ, какъ еретическое. Это придавало собраніямъ аромать конспиранціи. Конечно, во время этихъ собраній обсуждались событія дня. Скоро политика властно вторглась въ ихъ жизнь и разсѣяла ихъ золотыя мечты и безкорыстные планы¹.

Если исключить отсюда чуждые звуки китайскихъ и японскихъ именъ, то не прозвучитъ ли этотъ отрывокъ чѣмъ-то знакомымъ, не встанутъ ли въ памяти кружки Бѣлинскаго, Станкевича, не пахнетъ ли настроеніемъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ у насъ? И эта аналогія не ограничивается однимъ настроеніемъ передовой молодежи. Въ самыхъ обстоятельствахъ, вызвавшихъ у насъ реформы шестидесятыхъ годовъ, а въ Японіи переворотъ 68 г., было много общаго, несмотря на значительныя мѣстныя различія. Точно такъ же, какъ и Россія, Японія переживала трудный экономическій моментъ. Положеніе земледѣльческаго населенія и тутъ, и тамъ было крайне тяжело; государственные финансы — плохи. И въ обоихъ случаяхъ главной причиной этого служилъ крѣпостническій гнетъ. Наконецъ, и внѣшній толчокъ, ускорившій наступленіе эпохи реформъ въ обоихъ случаяхъ былъ аналогиченъ. У насъ — крымская кампанія, тамъ — опасеніе разгрома со стороны европейцевъ. Лучшіе люди среди образованной японской молодежи такъ же, какъ и у насъ, глубоко чувствовали всю тяжесть переживаемаго момента и

¹) М. Gourant „Okoubo“, Paris, 1904 г., стр. 45. Изъ серіи „Ministres et hommes d'état“.

ясно понимали, въ какомъ направленіи искать выхода. Но въ странѣ они нашли мало сознательныхъ элементовъ, на которые они могли бы опереться въ достиженіи своихъ плановъ. Естественнымъ образомъ, они обращались къ правительству для проведенія необходимыхъ и неотложныхъ реформъ. И въ этомъ отношеніи создалось положеніе во многомъ аналогичное съ нашимъ. Передовая интеллигенція шла рука объ руку съ правительствомъ. Только дальнѣйшій ходъ движенія принялъ тамъ иной оборотъ, чѣмъ у насъ.

До сихъ поръ, характеризуя начавшееся въ странѣ революціонное броженіе, мы останавливались исключительно на роли высшихъ классовъ. Само собой понятно, что сознательное отношеніе къ переживаемому моменту было больше распространено въ ихъ средѣ, какъ въ средѣ болѣе культурной и образованной. Но реальное положеніе рабочей массы было безъ всякаго сомнѣнія еще неизмѣримо тяжелѣе. И экономическія, и политическія неурядицы, переживаемыя страной, въ послѣднемъ итогѣ всегда ложились на него. Податной гнетъ почти цѣликомъ перекладывался на него, и политическое безправіе самымъ ощутительнымъ образомъ испытывалось имъ. Но самая громадность этого двоякаго гнета лишала его возможности отдать себѣ отчетъ въ его причинахъ, подавляла его сознание. Въ массѣ оно отвѣчало только глухимъ ропотомъ и отдѣльными стихійными возмущеніями, не объединенными общей сознательной цѣлью.

Борьба съ ними для правительства вслѣдствіе этого была не особенно затруднительна. Но все это справедливо только въ отношеніи всей массы крестьянскаго населенія. Мы не должны забывать, что при всей угнетенности и подавленности народа въ Японіи онъ уже давно вышелъ изъ первобытной варварской стадіи культуры. Еще въ началѣ XIX в. Головинъ отмѣчалъ тотъ фактъ, что „если вообще взять народъ, то японцы имѣютъ лучшее понятіе о вещахъ, нежели нижній классъ людей въ Европѣ“ и даже находилъ, что японцы въ массѣ „самый просвѣщенный народъ во всей подсолнечной“. Просвѣщеніе здѣсь надо, конечно, понимать въ самомъ примитивномъ смыслѣ. Но даже простая грамотность высоко поднимаетъ людей надъ полуживотными, съ которыми можно безнаказанно совершать все, что угодно. Правительство это прекрасно сознавало. И поэтому даже незначительные признаки сознанія среди крестьянской массы пугали его больше, чѣмъ совершенно стихійные бунты, легко поддающіеся усмирению силою. Мы не рѣшились бы утверждать, что подобныя проявленія сознательнаго недовольства и открытое требованіе справедливости со стороны крестьянъ были особенно частымъ явленіемъ въ первой половинѣ прошлаго вѣка въ Японіи. Но во всякомъ случаѣ они бывали, и уже это одно имѣетъ громадное значеніе. Мы приведемъ только одинъ документъ, доказывающій, что, по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ, кре-

стьяне ясно понимали всю серьезность положенія, переживаемаго страной и, съ своей стороны, указывали выходъ.

Въ 1850 году старшина деревни Огуши послалъ шогуну отъ имени своихъ односельчанъ петицію объ уменьшеніи произвола и гнета, становящагося невыносимымъ и грозящаго, по ихъ мнѣнію, серьезными послѣдствіями для всего народа. Петиція начинается съ характеристики высшихъ классовъ населенія, въ особенности чиновниковъ и военныхъ. „Безполезно, — говоритъ авторъ, — издавать распоряженія, требующія отъ крестьянъ и другихъ гражданъ бережливости и трудолюбія, когда стоящія у власти лица, долгъ которыхъ показывать народу хорошій примѣръ—сами погрязли въ роскоши и праздности“. Далѣе онъ переходитъ къ самому правительству и упрекаетъ шогуновъ въ такой же расточительности и тратѣ народныхъ средствъ на бесполезныя сооруженія. „Согласно ли это съ намѣреніями славнаго основателя вашей династїи? Посмотрите на алтари въ Изе и иныхъ мѣстахъ и на императорскія гробницы послѣдующихъ вѣковъ. Употреблялись ли золото и серебро для украшенія ихъ?“ Обращаясь затѣмъ къ вассаламъ шогуна, онъ обвиняетъ ихъ въ тиранїи, хищничествѣ и безнравственности. „Самураи одѣваются богато, — восклицаетъ онъ, — но какъ презрѣнны они кажутся въ глазахъ тѣхъ крестьянъ, которые знаютъ, какимъ путемъ добыто то, что они имѣютъ!“

Потомъ записка переходитъ къ характеристикѣ отдѣльныхъ мѣръ правительства и находитъ ихъ крайне нецѣлесообразными. Опасаясь крестьянскихъ бунтовъ, правительство въ то время издало декретъ, запрещающій кому бы то ни было, кромѣ военныхъ, носить оружіе. Авторъ петиціи считаетъ это запрещеніе совершенно незаконнымъ и, кромѣ того, опаснымъ. „Можетъ быть, — пишетъ онъ, — декретъ изданъ въ предположеніи, что Японія неприступна по своему естественному положенію и защищена со всѣхъ сторонъ. Но когда она получить оскорбленіе отъ иностраннаго государства, то можетъ явиться необходимость созвать милицію. И кто знаетъ, что люди подобные Тоіотоми¹ не появятся опять среди представителей низшихъ классовъ?“ Всего черезъ пять лѣтъ это предположеніе начало сбываться, и правительству, быть можетъ, не разъ пришлось пожалѣть, что оно лишило себя поддержки народа. Волей-неволей ему оставалось только положиться исключительно на свои собственныя организованныя силы, а ихъ оказалось болѣе чѣмъ недостаточно.

Записка кончается слѣдующими знаменательными словами: „Если дворъ шогуна и военный классъ вообще будутъ настаивать на настоящемъ репрессивномъ образѣ дѣйствій правительства, то небо посѣтитъ эту страну еще болѣе великими бѣдствіями; и если этого не поймутъ во время, то

Тоіотоми Хидеёоши.

послѣдствіемъ можетъ быть возмущеніе гражданъ. Я поэтому умоляю, чтобы начертанія славнаго основателя династіи не забывались; чтобы простота и бережливость были руководящими началами для администраціи, и чтобы была объявлена общая амнистія, согласная съ волею небесъ и способная успокоить народъ. Если эти скромные совѣты мои будутъ исполнены, то угрожающее бѣдствіе разсѣется передъ свѣтомъ добродѣтели. Вопросъ о томъ, будетъ обезпечена или нѣтъ безопасность страны, разрѣшится въ зависимости отъ того, будетъ или нѣтъ администрація допускать произволь. Я прошу того, чтобы страна могла наслаждаться миромъ и спокойствіемъ и чтобы народъ могъ быть счастливъ и благоденствовать¹.

Вмѣсто того, чтобы считаться съ подобными выраженіями искренняго мнѣнія, правительство всѣми силами старалось подавить ихъ проявленія. Попытки крестьянъ заявить о своихъ нуждахъ встрѣчались строгими карами, доходившими до смертной казни. Извѣстенъ фактъ, какъ одинъ деревенскій старшина пришелъ спеціально въ Іедо, чтобы просить шогуна о защитѣ противъ произвола мѣстнаго дайміоса. Но никто не отважился принять его просьбу и явиться посредникомъ между нимъ и правительствомъ. Тогда онъ рѣшился на отчаянный шагъ. Онъ подстерегъ на дорогѣ паланкинъ

Алиса Бэконъ, стр. 188—190.

правителя, бросился къ нему, остановилъ процессію и сунулъ въ руки шогуна бумагу. Подобный поступокъ считался величайшимъ преступленіемъ. Виновику былъ схваченъ и преданъ смертной казни.

Конечно, подобными приемами трудно надѣяться искоренить недовольство и водворить порядокъ. Чѣмъ больше усиливалась правительственная репрессія, тѣмъ больше росло возбужденіе въ обществѣ, охватывая все болѣе широкіе круги.

Недалеко было исполненіе рокового для правительства предсказанья крестьянской петиціи. Достаточно было небольшого толчка, чтобъ превратить тлѣющія вездѣ искры и отдѣльныя вспышки въ одинъ общій пожаръ, охватившій всю страну. Въ этомъ пожарѣ суждено было погибнуть правительству шогуна, не сумѣвшему понять потребностей народа. Но самая страна вышла изъ него обновленной, полной животворныхъ силъ.

2.

Вторженіе иностранцевъ и низложеніе шогуна.

Къ шестидесятымъ годамъ девятнадцатаго вѣка положеніе дѣлъ въ странѣ запуталось до послѣдней степени. Неурожаи слѣдовали за неурожаями, разоряя населеніе и истощая казну; крестьяне отвѣчали на нихъ бунтами. Дайміосы роптали и открыто ѣздили въ Кіото, пренебрегая запрещеніями шогуна. Люди всѣхъ сословій, не находившіе себѣ работы, бродили по странѣ и увеличивали смуту.

Правительство бросалось во всѣ стороны, въ безплодныхъ попыткахъ заткнуть то тѣ, то другія дыры. Въ 1841 г. оно попыталось было даже уничтожить гильдіи, чтобы дать выходъ безпокойнымъ элементамъ, не находившимъ себѣ мѣста, и понизить цѣны на продукты, достигшія невѣроятной высоты. Но эта мѣра такъ противорѣчила всему крѣпостническому строю общества и вызвала такой ропотъ среди крупныхъ торговцевъ и промышленниковъ, что пришлось очень скоро отмѣнить ее. Для поправленія финансовъ оставались только новыя попытки усиленнаго выпуска денегъ, но онѣ въ итогъ вносили еще больше смуты и безпорядка, не улучшая положенія казны.

Въ довершеніе всего уже съ начала XIX вѣка торговыя суда разныхъ европейскихъ странъ снова начинаютъ попытки завязать торговыя сношенія съ Японіей, а при неудачѣ не стѣсняются даже пускать въ ходъ силу. Съ сѣвера тревожатъ русскіе, владѣнія которыхъ подходятъ къ сѣвернымъ границамъ страны, съ востока американцы, съ юга, главнымъ образомъ, англичане. Еще въ 1805 г. русское посольство съ Рѣзановымъ во главѣ приѣзжало въ Нагасаки и пыталось побудить правительство Японіи вступить въ договорныя отношенія съ Россіей, но попытка эта не привела ни къ чему. Предложеніе Рѣзанова было рѣшительно отклонено. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1806 г. русскій лейтенантъ Хвостовъ съ двумя судами дѣлаеть рядъ нападений на Сахалинъ и Курильскіе острова, гра-

бить жителей прибрежныхъ селеній, захватываетъ два японскія торговыя судна, забираетъ съ нихъ всѣ цѣнные товары и уводитъ въ плѣнъ нѣсколькихъ японцевъ. Это возбуждаетъ такой страхъ и недовѣріе въ японцахъ, что, когда четыре года спустя къ тѣмъ же берегамъ пристаеетъ уже дѣйствительно съ мирными намѣреніями капитанъ Головининъ, они заманиваютъ его въ ловушку и берутъ въ плѣнъ.

Съ конца сороковыхъ годовъ открытіе нѣкоторыхъ китайскихъ гаваней и начавшаяся въ Калифорніи золотая горячка особенно увеличиваютъ торговое движеніе по Великому океану, отъ американскаго къ азіатскому берегу. Японскіе острова, лежащіе какъ разъ на дорогѣ, представляютъ единственную станцію, необходимую на такомъ длинномъ пути. Попытки остановокъ тамъ происходятъ чуть не ежегодно. Положеніе правительства еще ухудшается. Съ одной стороны, основной законъ имперіи не допускаетъ присутствія иностранцевъ, населеніе относится къ нимъ съ недовѣріемъ, и гильдіи всѣми силами протестуютъ противъ ввоза иноземныхъ товаровъ. Съ другой стороны, оно не имѣетъ силъ помѣшать имъ, такъ какъ у него не хватаетъ средствъ, чтобы улучшить войско и вооруженіе, и, кромѣ того, оно не можетъ разсчитывать на единодушную поддержку могущественныхъ дайміосовъ.

Въ 1853 году происходитъ событіе, заставляющее правительство принять хоть въ этомъ вопросѣ

какое-нибудь окончательное рѣшеніе. 8-го іюля въ бухту Іедо входитъ американская военная эскадра, состоящая изъ четырехъ большихъ судовъ, подъ командой коммодора Перри. Она не проявляетъ, впрочемъ, никакихъ воинственныхъ намѣреній. Коммодоръ Перри желаетъ только передать письмо президента Соединенныхъ Штатовъ къ правителю Японіи—шогуну. Сначала ему въ этомъ отказываютъ, такъ какъ иностранцы не имѣютъ права приставать къ японскимъ гаванямъ, и всѣ сношенія съ ними могутъ происходить только при посредствѣ голландцевъ. Но коммодоръ настаиваетъ, и его аргументы—въ видѣ четырехъ военныхъ судовъ—такъ убѣдительны, что не остается ничего другого, какъ принять письмо президента и обѣщать отвѣтъ на него до истеченія года. Коммодоръ Перри удовлетворяется пока этимъ и уходитъ въ Китай.

Письмо президента не заключало въ себѣ ни угрозы, ни неисполнимыхъ требованій. Въ самой любезной формѣ оно предлагало правителю Японіи вступить въ дружественныя сношенія съ Соединенными Штатами, какъ подобаешь двумъ сосѣднимъ странамъ. Отъ этого можетъ произойти только обоюдная выгода. Для себя Соединенные Штаты желаютъ лишь дозволенія ихъ судамъ останавливаться въ какихъ-нибудь японскихъ гаваняхъ, чтобы возобновлять запасы угля и прѣсной воды. Пункты будущаго договора предоставляется выработать коммодору Перри, совмѣстно съ уполномоченными японскаго правительства.

Какъ ни были умѣренны желанія американцевъ, для Японіи удовлетвореніе ихъ представляло вопросъ большой важности. Допустить американцевъ въ какія-нибудь другія гавани, кромѣ Дешимы, значило впустить въ страну европейскіе товары, значило подорвать гильдіи, значило пошатнуть весь экономическій строй и, кромѣ того, нарушить всѣ традиціи.

Какъ разъ во время обсужденія всѣхъ этихъ вопросовъ, 25-го августа 1853 г. умеръ шогунъ Іеяши. Хотя бюрократическая машина была настолько налажена, что смѣна одного правителя другимъ не представляла событія особенно большой важности, но все-таки водвореніе новаго شوгуна было по традиціи связано съ большими расходами, а для казны въ то время даже такое напряженіе имѣло значеніе. Шогуну былъ провозглашенъ сынъ Іеяши—Іезада.

Вслѣдъ за этимъ въ Нагасаки появилась русская эскадра адмирала Путятина, въ составѣ судовъ которой находился, между прочимъ, и фрегатъ „Паллада“. Путятинъ съ своей стороны предложилъ шогуну установить дружественныя торговыя сношенія съ Россіей. Англійская эскадра, хотя и не входила въ бухты, но крейсировала въ китайскихъ водахъ, и каждый моментъ могла явиться съ подобными же требованіями.

Все это не содѣйствовало спокойному обсужденію важныхъ предложеній президента Соединенныхъ Штатовъ. Хотя иноземныя эскадры и не

имѣли, повидимому, враждебныхъ намѣреній, но едва ли могло быть сомнѣніе, что въ случаѣ отказа онѣ пустятъ въ ходъ силу для подкрѣпленія своихъ желаній. А что могло противопоставить имъ правительство шоугуна? Плохо вооруженное войско, внутреннія неурядицы и пустую казну.

13-го февраля 1854 года коммодоръ Перри явился за отвѣтомъ и естественнымъ образомъ правительство безъ дальнѣйшихъ промедленій приступило съ нимъ къ выработкѣ проекта договора, стараясь только по возможности сузить рамки правъ, даваемыхъ вновь иностранцамъ. 31-го марта проектъ былъ выработанъ и посланъ на утвержденіе въ Вашингтонъ. Договоръ состоялъ изъ XII статей, сущность которыхъ сводилась къ слѣдующему: Японія и Соединенные Штаты вступаютъ въ мирныя, дружественныя сношенія. Японія открываетъ для американскихъ судовъ двѣ гавани—Шимода на восточномъ берегу Ниппона немедленно, и черезъ годъ Хакодате — на Іезо. Въ этихъ гаваняхъ суда могутъ покупать всѣ необходимые для нихъ запасы, но исключительно черезъ правительство чиновниковъ. Торговля иностранными товарами будетъ подчинена японскимъ законамъ. Въ Шимодѣ можетъ жить американскій консулъ и агенты. Американцы, живущіе въ обоихъ указанныхъ портахъ, могутъ безпрепятственно выѣзжать за черту ихъ и подлежать охранѣ мѣстныхъ законовъ. Договоръ вступаетъ въ силу черезъ 18 мѣсяцевъ по подписаніи.

Немедленно по заключеніи этого договора англійскій, русскій и голландскій адмиралы явились въ Нагасаки просить и для своихъ странъ такихъ же привилегій. Отказать имъ не было ни повода, ни возможности. Напротивъ, пришлось еще къ первымъ двумъ портамъ прибавить третій — Нагасаки.

Какъ только вѣсть о подписаніи договора распространилась, въ странѣ началось сильное волненіе. Многіе дайміосы были рѣшительно противъ допущенія иностранцевъ, другіе, особенно въ южныхъ провинціяхъ Мито, Кошу, Сатсума, Тоза и др., видѣли въ этомъ удобный предлогъ для открытаго возмущенія противъ шогуна. Какъ! Шогунъ принимаетъ такое важное рѣшеніе, нарушающее основные законы, безъ вѣдома страны, безъ вѣдома законнаго монарха. Онъ ведетъ переговоры съ иностранцами отъ своего имени, не давая имъ даже заподозрить, что онъ только уполномоченный, а настоящій монархъ—микадо. По существу во всемъ этомъ не было ничего незаконнаго, такъ какъ по смыслу закона микадо передовѣрялъ всю свою власть шогуну, и тотъ управлялъ страной совершенно самостоятельно, не испрашивая никогда разрѣшенія микадо на отдѣльные акты.

Тѣмъ не менѣе и самъ шогунъ не былъ уже въ такой мѣрѣ, какъ прежде, увѣренъ въ своей силѣ. Чтобъ заглушить неудовольствіе, онъ написалъ микадо письмо, въ которомъ сообщалъ ему о предстоящемъ черезъ 1¹/₂ года открытіи гаваней и

приводилъ ему свои резоны. Микадо сухо отвѣтилъ ему, что онъ можетъ поступать, какъ находить нужнымъ, но микадо не одобряетъ его.

Такой отвѣтъ еще болѣе возбудилъ враговъ шоугуна, хотя они все еще не рѣшались дѣйствовать силой. Только споры становились все ожесточеннѣе, и лозунгъ „почитай микадо и изгоняй варваровъ“ уже сталъ раздаваться то тутъ, то тамъ. До иностранцевъ тоже достигли отголоски этихъ волненій, и они впервые узнали, что шоугунъ, котораго они считали полновластнымъ монархомъ, не всѣми въ Японіи признается законнымъ главою правительства. Для нихъ это имѣло большое значеніе, такъ какъ подвергало сомнѣнію заключенные ими договоры. Во всякомъ случаѣ, они рѣшили дѣйствовать, не принимая этого во вниманіе. Въ августѣ 1856 года представитель Соединенныхъ Штатовъ, Гаррисъ явился, какъ было условлено, въ Шимоду. Правительство, хотя и съ большими колебаніями, разрѣшило ему поселиться тамъ, и даже въ слѣдующемъ году шоугунъ принялъ его въ аудіенціи. Сэръ Гаррисъ понималъ шаткость положенія правительства, видѣлъ враждебное отношеніе къ иностранцамъ двора въ Кіото и торопился какъ можно скорѣе упрочить положеніе американцевъ. Пользуясь слабостью шоугуна, онъ добился отъ него заключенія новыхъ торговыхъ договоровъ, по которымъ права иноземныхъ купцовъ были очень расширены. Между прочимъ, имъ предоставлялось право вести торговлю въ Іедо и Осакѣ.

Японія.

Теперь уже проявились и реальныя послѣдствія открытія портовъ, хлынули иностранныя товары, производя цѣлую революцію въ цѣнахъ и разоряя мѣстныхъ купцовъ и промышленниковъ. Ропотъ сдѣлался всеобщимъ, и положеніе иностранцевъ стало довольно-таки рискованнымъ. Начались тайныя убійства пріѣзжихъ купцовъ. Правительство шогуна чувствовало всю опасность этого, но не въ силахъ было положить конецъ беспорядкамъ.

Среди всѣхъ этихъ тревогъ шогунъ Іезада, человѣкъ еще молодой и здоровый, внезапно умеръ. Прямыхъ наслѣдниковъ у него не было, и послѣ долгихъ пререканій среди самого правительства шогуномъ объявленъ былъ одинъ его родственникъ, двѣнадцатилѣтній мальчикъ. Регентомъ же до его совершеннолѣтія назначенъ былъ Ии-Камонъ-но-Ками, человѣкъ очень энергичный, сразу ставшій главой партіи шогуна. Онъ уже раньше игралъ главную роль при заключеніи вторичнаго договора съ сэромъ Гаррисомъ, и теперь его назначеніе регентомъ показалось въ Кіото прямымъ вызовомъ. Преданные микадо дайміосы собирались въ Кіото и побуждали микадо дѣйствовать рѣшительнѣе и требовать отъ шогуна изгнанія варваровъ. Но правительство зашло слишкомъ далеко, чтобы отступать назадъ, и Ии-но-Ками былъ не такой человѣкъ, чтобы признать себя побѣжденнымъ. 23-го марта 1860 года онъ былъ убитъ фанатическими приверженцами старины въ Іедо, передъ окнами дворца шогуна. Для правительства это было громаднымъ

уларомъ. Его престижъ настолько упалъ, что оно не могло даже наказать его убійць, съ триумфомъ понесшихъ его голову въ резиденцію провинці Мито.

Пользуясь замѣшательствомъ, наступившимъ въ Іедо, микадо самъ назначилъ опекуномъ къ малолѣтнему шогуну одного изъ преданныхъ ему дайміосовъ.

Между Іедо и Кіото водворилось временное перемиріе. Молодой шогунъ былъ привезенъ въ Кіото и представленъ микадо; вслѣдъ затѣмъ его женили на сестрѣ микадо.

Но все это было совсѣмъ не на руку крупнымъ дайміосамъ, которые мечтали вовсе не о примиреніи между микадо и шогуномъ, а о полномъ низложеніи шогуна. Какъ только молодой шогунъ вернулся въ Іедо, между двумя правительствами снова начались недоразумѣнія. Теперь уже въ странѣ, дѣйствительно, господствовало двоевластіе, и никто не могъ разобрать хорошенько, кто можетъ повѣлывать и кто обязанъ повиноваться. Изъ обѣихъ столицъ исходили указы, часто противорѣчивые, иногда взаимно уничтожающіе другъ друга. Снова возобновились нападенія на иностранцевъ. Въ январѣ 1861 г. былъ убитъ секретарь американскаго консульства, въ іюлѣ было совершено открытое нападеніе на англійское консульство. А между тѣмъ, послѣ первыхъ пертурбацій, вызванныхъ появленіемъ иностранныхъ товаровъ, оживленіе торговли стало сказываться и положительнымъ образомъ.

Пустующая казна шогуна быстро наполнялась, благодаря международной торговлѣ, развивавшейся въ его городахъ. Правительство укрѣпилось въ намѣреніи энергично защищать принятое имъ въ отношеніи иностранцевъ рѣшеніе и не обращать вниманіе на неудовольствіе въ Кіото.

Взаимныя отношенія двухъ властей снова обострились.

Въ этотъ моментъ нѣкоторые изъ дайміосовъ, опасаясь новаго усиленія шогуна, рѣшили пустить въ ходъ силу и принудить шогуна къ повиновенію. Въ Кіото съѣхались нѣсколько крупныхъ дайміосовъ, а съ юга изъ Сатсумы тронулось цѣлое войско подъ предводительствомъ Шимадзы. На совѣщаніи въ Кіото рѣшено было послать Шимадзу въ Іедо и требовать отъ шогуна настоятельно изгнанія иностранцевъ. Посольство это не имѣло успѣха, правительство шогуна стояло на своемъ. Но на обратномъ пути Шимадзы случилось обстоятельство, ускорившее развязку запутавшагося узла.

Невдалекѣ отъ Іедо торжественный поѣздъ Шимадзу встрѣтилъ небольшую кавалькаду европейцевъ, катавшихъ въ окрестностяхъ Іокогамы. По японскому этикету всѣ путники, встрѣчающіе поѣздъ дайміоса, должны уступать ему дорогу и сторониться. Англичане, не зная этого, спокойно продолжали путь. Но когда они поравнялись съ паланкиномъ Шимадзы, возмущенные такимъ неуваженіемъ самураи окружили ихъ, размахивая мечами, и одинъ изъ нихъ смертельно ранилъ м-ра Ричард-

сона. Остальные англичане отдѣлались легкими пораненіями и благополучно ускакали въ Іокогаму. Это случилось въ сентябрь 1862 г.

Англійское консульство немедленно потребовало отъ правительства удовлетворенія въ видѣ примѣрнаго наказанія виновнаго и денежнаго вознагражденія въ размѣрѣ 100.000 фунт. стерл. отъ правительства и такой же суммы отъ дайміоса Сатсумы. شوгуно отвѣтилъ, что съ своей стороны онъ уплатитъ свою долю, но наказать виновнаго и взыскать пеню съ непокорнаго дайміоса онъ не въ состояніи. Послѣ долгихъ переговоровъ англійская эскадра въ составѣ семи военныхъ судовъ направилась къ Сатсумѣ и подвергла бомбардировкѣ резиденцію дайміоса — Кагошиму, на южномъ берегу Кіу-Сіу. Всѣ новые сатсумскіе корабли были захвачены и потоплены. Требуемая деньги послѣ того были немедленно уплачены.

Приблизительно въ это же время въ сѣверной части Кіу-Сіу произошло другое обстоятельство, тоже имѣвшее серьезныя послѣдствія. Еще на сѣздѣ дайміосовъ въ Кіото лѣтомъ 1862 года было рѣшено въ случаѣ неповиновенія шоугуна изгнать собственными силами иностранцевъ. Срокомъ для исполненія этого было назначено лѣто 1863 г. Но къ этому времени микадо и большинство дайміосовъ оставили этотъ планъ, находя его во многихъ отношеніяхъ неудобнымъ, и только одинъ дайміосъ провинціи Чоши рѣшилъ за свой страхъ привести его въ исполненіе. Провинція Чоши была

расположена по обѣимъ берегамъ Симоносекскаго пролива, и вотъ, когда 25-го іюня 63 года по Симоносекскому проливу проходилъ небольшой американскій торговый пароходъ, съ берега стали обстрѣливать его изъ пушекъ. Онъ успѣлъ уйти безъ большого вреда. Но черезъ нѣсколько дней то же самое произошло съ французскимъ пароходомъ, а еще черезъ день съ голландскимъ.

Какъ только вѣсть объ этомъ дошла до Іюко-гамы, оттуда тотчасъ же было послано американское военное судно, чтобы немедленно наказать за оскорбленіе американскаго флага. Къ нему присоединилось французское и голладское военныя суда, и соединенными силами они совершенно уничтожили береговыя укрѣпленія Симоносекскаго пролива и обратили жителей въ бѣгство. Вмѣстѣ съ этимъ иностранные консула потребовали у правительства въ вознагражденіе за убытки громадную сумму въ 3 милліона долларовъ.

Пока переговоры объ этомъ шли въ Іедо, около Кіото разыгрывался новый актъ борьбы. Родъ Чошу рѣшилъ попытаться силою принудить микадо къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ шогуна. Собравъ значительное войско не только изъ своихъ самураевъ, но и изъ бродячихъ рониновъ, дайміосъ Чошу направился къ Кіото. Но въ Іедо своевременно узнали объ этомъ, и ему навстрѣчу были посланы болѣе значительныя военныя силы шогуна и нѣсколько вѣрныхъ ему дайміосовъ. Войска Чоши послѣ жестокой битвы были разбиты

на голову, и бѣглецы скрылись въ своей провинціи. Враги шогуна притихли. Тайные сторонники рода Чоши были по распоряженію шогуна изгнаны изъ Кіото и лишены своихъ званій.

Почти одновременно съ неудачной битвой на сѣверѣ, на югѣ силы Чошу тоже потерпѣли большой уронъ. 5-го сентября 1864 г. соединенная эскадра, состоявшая изъ 9 англійскихъ, 4 голландскихъ, 3 французскихъ и одного американскаго судна, совершенно разгромила Симоносеки и принудила дайміоса пойти на всѣ уступки.

Двойная бомбардировка Симоносеки и Кагошимы показала дайміосамъ южныхъ провинцій все превосходство европейскаго оружія и военнаго строя. Съ этихъ поръ на югѣ началась дѣятельная подготовка къ будущимъ военнымъ дѣйствіямъ противъ шогуна, безъ которыхъ, очевидно, нельзя было обойтись. Шогунъ все еще былъ слишкомъ силенъ, чтобы его можно было низложить однимъ декретомъ микадо. Съ своей стороны недовольные элементы стягивались на югъ, тамъ формировалось войско по новымъ образцамъ, спѣшно закупались и изготовлялись орудія и снаряды. Подготовлялась серьезная междоусобная война.

Всѣ эти приготовления сильно тревожили иностранныхъ представителей. Несмотря на побѣду, одержанную шогуномъ, они чувствовали, что силы его убываютъ, и что недалеко время, когда Кіото можетъ оказаться сильнѣе его. Въ виду этого, они считали необходимымъ добиться санкціи своихъ дого-

воровъ отъ микадо, пользуясь тѣмъ моментомъ, когда шогунъ приобрѣлъ надъ нимъ временный перевѣсъ.

Во главѣ правительства шогуна стоялъ въ это время регентъ Хитсотсубаши, смѣнившій Ии-но-Ками. Хитсотсубаши ясно понималъ всю невозможность нарушить договоры съ иностранцами и сумѣлъ убѣдить микадо не отказывать имъ въ ихъ просьбѣ, такъ какъ иначе ему же придется нести послѣдствія этого. Иностранцы могутъ направить свои силы и противъ Кіото. Микадо, лишенный поддержки своихъ друзей, согласился, и 23-го октября 1866 года далъ, наконецъ, просимую санкцію.

На югѣ, между тѣмъ, уже поднималось возстаніе. Во главѣ его стоялъ Саиго Такамори изъ рода Шимадзы. Посланныя шогуномъ войска терпѣли пораженія, и мятежники, стремившіеся возстановить власть законнаго монарха, подвигались все ближе и ближе къ сѣверу. Весь югъ страны былъ охваченъ жестокой междоусобной войной.

Въ это время, 13-го октября 1866 года, восемнадцатилѣтній шогунъ умеръ такъ же скоропостижно, какъ и его предшественникъ, не назначивъ себѣ никакого наслѣдника. Естественнымъ образомъ выборъ палъ на его родственника Хитсотсубаши, завѣдывавшаго и при жизни его всѣми дѣлами. Микадо одобрилъ этотъ выборъ, и 6-го января 1867 года Хитсотсубаши былъ провозглашенъ шогуномъ. Онъ извѣстенъ болѣе подъ китайскимъ именемъ Кеики.

Японія.

Послѣдній шогунъ Токугава Кеики.

Въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ умеръ царствовавшій въ то время микадо Комен и на престолъ вступилъ его сынъ Мутсу Гито, царствующій въ Японіи и до сихъ поръ. Въ то время ему было 14 лѣтъ. Ко двору въ Кіото снова съѣхались главные дайміосы въ сопровожденіи лучшихъ изъ своихъ самураевъ.

Долгое время они совѣщались о томъ, какимъ способомъ положить конецъ внутреннимъ беспорядкамъ, разорывшимъ страну и обезсилывавшимъ ее въ виду болѣе сильныхъ враговъ. Наконецъ, дайміось Тозы предложилъ сдѣлать послѣднюю попытку окончить дѣло миромъ.

Онъ написалъ длинное и откровенное письмо шогуну, убѣждая его поступиться своею властью для блага страны. „Причина нынѣшнихъ беспорядковъ, -- писалъ онъ, -- заключается въ томъ, что управленіе исходитъ изъ двухъ центровъ, и очи, и уши страны должны быть обращены въ два противоположныя направленія. Ходъ событій привелъ къ революціи, и старая система не можетъ долѣе существовать. Вы должны вернуть власть въ руки монарха и положить тѣмъ основаніе, стоя на которомъ, Японія можетъ сдѣлаться равной другимъ странамъ“.

Что подѣйствовало въ данномъ случаѣ на Кеики, сознаніе ли безнадежности его положенія, или дѣйствительно желаніе блага родины, или просто личная слабость, но только, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, онъ послѣ нѣкотораго колебанія послалъ микадо свое отреченіе. Онъ заявилъ, что отнынѣ и на-

всегда онъ слагаетъ съ себя званіе шогуна и передаетъ свою власть въ руки микадо. Впредь до установленія новаго управленія страной онъ предлагалъ нести на себѣ всѣ заботы по управленію дѣлами, только уже не въ качествѣ шогуна. Это произошло 19-го ноября 1867 г. Одновременно съ этимъ въ посланіи къ своимъ вассаламъ и приверженцамъ онъ объяснилъ мотивы своего поступка именно тѣми аргументами, которые приводилъ въ своемъ письмѣ дайміосъ Тозы.

Такого же рода объяснительное письмо, онъ послалъ и представителямъ иностранныхъ державъ.

„Я пришелъ къ убѣжденію, — писалъ онъ въ немъ, — что страна не можетъ дольше успѣшно управляться, пока власть будетъ раздѣлена между императоромъ и мною . . . Поэтому я, для блага моей страны, извѣстилъ императора, что я отказываюсь отъ власти правителя съ тѣмъ, чтобы созвано было собраніе дайміосовъ, которое рѣшить, какимъ образомъ и къмъ должна впредь управляться страна.

„Поступая такъ, я нарушаю свои собственные интересы и отказываюсь отъ власти, унаслѣдованной мною отъ моихъ предковъ, ради болѣе важныхъ интересовъ страны. Въ силу этого я удаляюсь съ поля дѣйствій, вмѣсто того чтобы противопоставить силу силъ . . . Что касается того, кто истинный монархъ Японіи, то относительно этого ни у кого въ Японіи не можетъ быть никакого сомнѣнія. Императоръ есть монархъ.

„Моей цѣлью съ самаго начала было исполнять волю націи. Къ этому же должно стремиться и будущее правительство. Если нація рѣшитъ, что я долженъ отречься отъ власти, я заранѣе готовъ отречься для блага страны . . . У меня нѣтъ никакой цѣли, кромѣ слѣдующей: Честно любя свою страну и народъ, я отказываюсь отъ власти, полученной мною отъ предковъ, имѣя въ виду созвать собраніе высшаго сословія страны, которое должно безпристрастно обсудить вопросъ, и заранѣе рѣшаясь подчиниться мнѣнію большинства о будущемъ устройствѣ правленія“¹.

Въ Кіото отреченіе шогуна произвело громадный эффектъ. Немедленно же были приняты всѣ мѣры, чтобы укрѣпить создавшееся положеніе и не дать шогуну возможности одуматься.

Дворцовая охрана, находившаяся въ рукахъ преданныхъ шогуну дайміосовъ, была передана родамъ Сатсумы, Тозы, Овари и Ечизень. Родъ Чошу, бывший въ опалѣ съ 63 г., получилъ амнистію такъ же, какъ и придворные, пострадавшіе одновременно съ нимъ. Званіе шогуна и все правительство шогуна—бакуфу было объявлено несуществующимъ. И, наконецъ, было учреждено временное правительство, состоявшее изъ придворныхъ (куге) и преданныхъ микадо дайміосовъ, вѣдавшихъ съ этого момента всѣ дѣла управленія.

Первымъ же актомъ этого новаго правительства, было заявленіе, обращенное къ микадо. Зая-

¹ „The Nineteenth Century“, 1904 г. July.

вление это очень интересно во многихъ отношеніяхъ. Во первыхъ, оно показываетъ, со стороны окружавшей престоль группы, ясное представленіе о важности переживаемаго момента. Во вторыхъ, оно въ общихъ чертахъ намѣчаетъ направленіе будущей дѣятельности правительства, и направленіе это оказывается далеко не такимъ враждебнымъ по отношенію къ европейцамъ, какъ можно было ожидать отъ приверженцевъ микадо, зарекомендовавшихъ себя яростными врагами всего иноземнаго. Событія заставили ихъ незамѣтно для самихъ себя диаметрально измѣнить точку зрѣнія. Мы позволимъ себѣ привести наиболѣе характерный отрывокъ этого интереснаго документа.

„... Мы испытываемъ нѣкоторую тревогу, — писали они, — при мысли о томъ, что мы могли бы послѣдовать дурному примѣру китайцевъ, которые однихъ себя считали великими и достойными уваженія, а на иностранцевъ смотрѣли немногимъ лучше чѣмъ на звѣрей, а въ концѣ концовъ стали терпѣть отъ этихъ самыхъ иностранцевъ и должны были подчиниться имъ же.

„Поэтому намъ кажется, послѣ зрѣлаго размысленія, что самая важная задача, предстоящая намъ въ настоящій моментъ, заключается въ томъ, чтобы понять потребности времени и начать великое дѣло реформированія націи. Ввиду этого чрезвычайно важно опредѣлить наше отношеніе къ данному вопросу.

„До сихъ поръ наша имперія держалась въ от-

даленіи отъ другихъ странъ и не имѣла понятія о силахъ внѣшняго міра, мы думали только о томъ, чтобы причинять себѣ какъ можно меньше безпокойства, и въ своемъ попятномъ движеніи мы рисковали быть завоеванными иностранцами.

„Посѣщая иноземныя страны и изучая, что тамъ есть хорошаго, сравнивая ихъ постоянное движеніе впередъ, ихъ разумное управленіе, ихъ прекрасную военную организацію и обезпеченность ихъ населенія съ нашимъ теперешнимъ состояніемъ, мы легко можемъ указать причины благоденствія и упадка...

„Чтобы поднять упавшій престижъ императора и заставить уважать его власть, необходимо принять твердыя рѣшенія и покончить съ узкими и тупоумными понятіями, господствовавшими до сихъ поръ.

„Мы просимъ, чтобы высшіе чины Двора открыли свои глаза и, соединившись съ тѣми, кто стоитъ ниже ихъ, установили отношенія искреннія, простыя и дружескія, и чтобы, исправивъ наши недостатки тѣмъ, что есть лучшаго у иностранцевъ, мы установили на будущее время прочную форму правленія. Мы просимъ ихъ помочь императору принять мудрыя рѣшенія и отдать себѣ отчетъ въ положеніи страны; оставить глупую привычку бранить иностранцевъ собаками, козлами и варварами, измѣнить заимствованныя изъ Китая придворныя церемоніи, допустить иностранныхъ представителей ко двору, какъ дѣлается у всѣхъ народовъ, и опубликовать это къ свѣдѣнію всей страны, чтобы простой народъ зналъ, какъ смотрѣть на этотъ во-

прось. Это наша самая серьезная просьба, представляемая со всей почтительностью и смиреніемъ“¹.

Декретъ объ упраздненіи шогуната былъ написанъ 3-го января 1868 г. Этотъ день считается поворотнымъ пунктомъ японской исторіи.

15 января былъ изданъ манифестъ, объявляющій во всеобщее свѣдѣніе о возстановленіи въ полномъ объемѣ власти микадо. Вотъ его дословный текстъ:

„Мы возвѣщаемъ симъ государямъ и подданнымъ всѣхъ иноземныхъ странъ, что шогунъ Токугава Кеики отрекся отъ своей правительственной власти, и впредь все управленіе будетъ совершаться подъ нашимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, и всѣ государственныя дѣла будутъ исполняться именемъ императора, а не шогуна, какъ было до сихъ поръ. Впослѣдствіи будутъ назначены спеціальныя чиновники, чтобы вести сношенія съ иноземными странами. Послы иноземныхъ государствъ должны сообразоваться съ выраженной нами здѣсь волей“².

Въ Японіи съ этого момента считается новая эра, называемая эрою Меиджи (т.-е. эпоха просвѣщеннаго мира). Въ дѣйствительности, новая эра наступила далеко не такъ внезапно, — прошло еще много времени, раньше чѣмъ новое правительство совершенно обезпечило себя извнѣ и окончательно организовалось внутри.

Среди сторонниковъ шогуна вѣсть о его отреченіи вызвала неописуемое смятеніе и негодованіе.

¹ „The Nineteenth Century“ Juli 1904 г.

² Stead, „Japan by the Japanese“, ст. 1.

Они далеко еще не считали своего дѣла окончательно проиграннымъ, и такой преждевременный отказъ отъ борьбы казался имъ просто трусостью.

Со всѣхъ сторонъ приверженцы шогуна съѣзжались въ Осаку, куда пріѣхалъ и Кеики послѣ своего прощальнаго визита въ Кіото. Всѣми силами они старались возбудить честолюбіе Кеики и убѣдить его вернуть свои права. Въ концѣ концовъ они достигли своего. Кеики далъ имъ разрѣшеніе собрать войска и двинуться вмѣстѣ съ нимъ въ Кіото. Когда въ Кіото узнали объ этомъ, тамъ рѣшили сдѣлать еще одну миролюбивую попытку. Дайміосы Овари и Ечизена были посланы къ бывшему шогуну для переговоровъ. Они предлагали ему пріѣхать въ Кіото одному и занять мѣсто въ формируемомъ правительствѣ. Кеики соглашался, но подъ условіемъ, чтобы молодой микадо удалилъ отъ себя „дурныхъ совѣтниковъ“, т.-е. это значило, чтобы онъ снова изгналъ изъ Кіото преданныхъ ему дайміосовъ и окружилъ себя сторонниками шогуна. На это посланные не могли, конечно, согласиться. Они уѣхали въ Кіото ни съ чѣмъ, и оттуда было послано предписаніе южнымъ провинціямъ послать свои войска для защиты микадо.

Встрѣча враждебныхъ силъ произошла на дорогѣ отъ Осаки къ Кіото. Войска шогуна были гораздо многочисленнѣе, но европейское оружіе и четыре года упражненій въ новыхъ военныхъ приемахъ склонили перевѣсъ на сторону южанъ. Три дня, съ 27-го по 30-е января 69 г. длилась жесто-

ченна битва, и, наконецъ, войска шогуну были обращены въ безпорядочное бѣгство. Противники преслѣдовали ихъ до самой Осаки, и тамъ Кеики едва успѣлъ спастись, сѣвъ на корабль. Разбитый и уничтоженный, вернулся онъ въ Иедо. Его первый министръ настаивалъ, чтобы онъ произвелъ надъ собой хара-кири, чтобы спасти, по крайней мѣрѣ, честь дома Токугавы. Но онъ не согласился на это. Тогда его министръ самъ покончилъ съ собой этимъ же способомъ.

Въ Иедо къ бывшему шогуну прибыли посланные микадо самураи Катзу и Окубо. Кеики далъ имъ торжественное обѣщаніе, что не подниметь больше меча противъ своего законнаго монарха. Съ этихъ поръ онъ удалился въ частную жизнь и не дѣлалъ больше ни одной попытки нарушить внутренній миръ въ своей родинѣ.

Приверженцы его не такъ скоро смирились. Междоусобная война длилась еще нѣсколько мѣсяцевъ. Но войска шогуну нигдѣ не встрѣчали сочувствія и поддержки, такъ что имъ пришлось, наконецъ, удалиться на Иезо, гдѣ они провозгласили республику. 27-го іюня 69 г. силы ихъ были окончательно разбиты войсками микадо, и республика уничтожена.

3.

Выработка основъ новаго строя.

Съ момента окончательнаго пораженія послѣднихъ сторонниковъ Кеики имя шогуну, больше

Японія.

Императоръ Мутсу Гито.

двухъ вѣковъ наводившее трепеть на страну, совершенно исчезаетъ изъ японской исторіи. Приверженцы старины еще не разъ пытаются силою остановить могучее теченіе, начавшееся въ Кіото, но они принуждены пользоваться другими лозунгами. Шогунъ умеръ и уже не можетъ воскреснуть.

Шогунъ—вѣнецъ всего крѣпостническаго строя, шогунъ — глава раззорительной бюрократіи, шогунъ—деспотъ, отравившій страну ядомъ шпіонства, конечно, былъ по справедливости ненавистенъ всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ въ Японіи. Для нихъ онъ былъ символомъ всѣхъ отрицательныхъ сторонъ ихъ строя. Пораженіе его было не только торжествомъ враждебныхъ ему дайміосовъ, оно было торжествомъ всѣхъ, страдавшихъ подъ гнетомъ деспотическаго строя, всѣхъ сознавшихъ вредъ его.

Между тѣмъ, въ данный моментъ самое существованіе шогуната въ Японіи оказалось очень выгоднымъ для прогрессивной партіи. Всѣ отрицательныя стороны крѣпостничества и деспотизма были по традиціи связаны съ шогунотъ. Съ именемъ микадо соединялось представленіе о чемъ-то неопредѣленномъ, но благодѣтельномъ. Положимъ, это благо понималось различно различными элементами, ненавидѣвшими шогуна и участвовавшими въ сверженіи его. Но во всякомъ случаѣ съ понятіемъ о микадо не были по традиціи связаны представленія объ исключительныхъ привилегіяхъ однихъ и объ крѣпостническомъ порабощеніи другихъ. Съ какимъ соціально - политическимъ строемъ сольется далѣе Японія.

понятіе микадо, зависѣло отъ взаимоотношенія реальныхъ интересовъ общества и отъ сознательной воли группы людей, составлявшихъ въ данный моментъ правительство.

Какъ мы уже не разъ говорили, реальные интересы различныхъ группъ населенія были или казались въ тотъ моментъ далеко не одинаковы. Въ то время какъ эгоистическій интересъ однихъ требовалъ еще большей исключительности и закрѣпощенія, для другихъ не только выгодно, но прямо необходимо было уничтоженіе всѣхъ крѣпостническихъ путей и извѣстныя гарантіи, обезпечивающія личности возможность свободнаго развитія своихъ силъ.

Повидимому, эти интересы настолько противоположны, что столкновенія между ними должны были быть неизбѣжны. А между тѣмъ все созиданіе новаго соціально-политическаго строя направляется съ перваго момента въ сторону раскрѣпощенія и гарантій для личности, и противоположныя тенденціи, хотя и прорываются иногда въ формѣ мѣстнаго ропота или даже бунтовъ, ни разу не получаютъ преобладанія. Въ общемъ коренное переустройство общества происходитъ совершенно мирно.

Причина этого заключается въ томъ, что измѣненіе строя въ сторону болѣе прогрессивныхъ началъ удовлетворяло, во-первыхъ, интересамъ громаднаго большинства населенія, а слѣдовательно внутреннимъ интересамъ всей страны; во-вторыхъ, оно обезпечивало единство государства и, слѣдова-

тельно, его цѣлость извнѣ, и, въ-третьихъ, оно со-отвѣтствовало взглядамъ и идеаламъ передовой части тогдашняго общества — лучшихъ изъ самураевъ.

Даймюсы начали борьбу съ шогуномъ ради возвращенія своихъ привилегій. Первымъ поводомъ для этой борьбы послужило допущеніе иностранцевъ, которыхъ они боялись, какъ всего новаго, могущаго подорвать основные устои выгоднаго для нихъ строя. Но какъ только они достигаютъ цѣли и свергаютъ шогуна, — событія оказываются сильнѣе ихъ, и движеніе развивается въ направленіи прямо противоположномъ тому, о какомъ они мечтали вначалѣ.

Паденіе шогуна касалось не ихъ однихъ. Все, что было лучшаго въ странѣ, радовалось и ликовало вмѣстѣ съ ними. Пали ненавистныя оковы, связывавшія свободную мысль, и она неудержимой волной хлынула впередъ. Все, что запрещалось и преслѣдовалось прежнимъ строемъ, теперь естественнымъ образомъ казалось дозволеннымъ. Всѣ, кто прежде вынуждены были молчать, а послѣднее время съ напряженнымъ вниманіемъ всматривались въ совершающіяся событія или съ оружіемъ въ рукахъ принимали въ нихъ участіе, теперь заговорили. Переводились и печатались иностранныя сочиненія, издавались собственныя книги, брошюры, писались проекты, возникла первая японская газета. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ обсуждалось значеніе происшедшихъ событій, обсуждался павшій режимъ и высказывались пожеланія относительно

будущаго. Вмѣстѣ съ шогунѣмъ подвергался безпощадной критикѣ и весь созданный имъ строй. Указывалось на вредъ крѣпостного режима, мѣшавшаго свободному развитію производительныхъ силъ страны, указывалось на опасность раздробленія ея на отдѣльныя феодальныя владѣнія съ независимыми владѣтелями во главѣ. Эти мысли и раньше были у многихъ, но только теперь онѣ властно вылились наружу и дѣйствительно охватили всѣхъ лучшихъ людей въ странѣ.

Правительство не имѣло ни силъ, ни желанія положить конецъ этому празднику освобожденной мысли.

Во-первыхъ, ему предстояло немедленно разрѣшить нѣкоторыя настоятельныя задачи, и оно не могло разрѣшить ихъ иначе, какъ въ направленіи, желательномъ для прогрессивной партіи, во-вторыхъ, лучшіе изъ представителей этой партіи съ перваго же момента очутились въ рядахъ новаго правительства и очень скоро заняли въ немъ главныя мѣста.

Временное правительство, учрежденное тотчасъ же по низложеніи шогуна, т.-е. въ январѣ 1868 года, состояло изъ президента, которымъ былъ назначенъ членъ императорской фамиліи принцъ Ари-сугава, двухъ вице-президентовъ, тоже изъ рода микадо, 4-хъ членовъ отъ придворной знати и 6 членовъ отъ дайміосовъ. Младшими помощниками имъ были назначены самураи: Окуба, Саиго, Кидо, Гото, Хирозава, Ито, Имухе Курода.

Черезъ нѣскольکو времени область вѣдѣній верховнаго совѣта дифференцировалась, изъ него выдѣлились министерства, вѣдавшія каждое особой отраслью управленія. Членами верховнаго совѣта и министрами назначались исключительно дайміосы и придворные, самураи же не могли получать мѣста выше помощниковъ. Но при этомъ одно изъ первыхъ постановленій новаго правительства гласило, что повышенія даются только за заслуги. Къ 1871 году составъ правительства существенно измѣнился, всѣ важнѣйшіе посты были заняты самураями, ни одинъ изъ дайміосовъ не сохранилъ своего первоначальнаго положенія. Одинъ этотъ фактъ достаточно говоритъ за то, на чьей сторонѣ была лучшая подготовка и способности.

Прежде всего новому правительству предстояло урегулировать свои отношенія съ иностранными державами. Пока рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ шогуна, дайміосы съ легкимъ сердцемъ совѣтовали ему прогнать иноземцевъ. Теперь, когда власть перешла въ ихъ руки, они убѣдились, что сдѣлать это не такъ-то легко. Во всякомъ случаѣ, при теперешнемъ состояніи казны и войска и при господствующимъ еще въ странѣ безпорядкамъ объ этомъ и думать было нельзя. Напротивъ, надо было постараться убѣдить иностранныхъ представителей, что новое правительство относится къ нимъ съ полнымъ дружелюбіемъ и готово выполнить всѣ принятые ранѣе обязательства. Первый манифестъ новаго правительства, приведенный нами выше, уже

подавалъ надежду, что прежнихъ преслѣдованій со стороны правительства микадо иностранцамъ опасаться нечего. Но надо было яснѣе проявить свое теперешнее отношеніе къ нимъ. Новое правительство не остановилось передъ этимъ. Смѣло нарушая весь прежній этикетъ и традиціи, оно публично заявило, что молодой микадо приметъ въ аудіенціи консуловъ, и имъ было послано приглашеніе на 23-е марта.

Но если дворъ въ Кіото такъ быстро измѣнилъ свою тактику, то народъ не могъ такъ же скоро отказаться отъ своихъ предубѣжденій. Эта аудіенція сразу нарушала двѣ привычныхъ идеи, — во-первыхъ, что иностранцы — ненавистные варвары, во-вторыхъ, что микадо недоступенъ для простыхъ смертныхъ, а тѣмъ болѣе для варваровъ.

Молодое правительство рѣшило съ перваго момента не давать закабалять себя отжившимъ предрасудкамъ. Аудіенція состоялась, но на пути во дворецъ на англійскаго консула напало нѣсколько фанатиковъ, не причинившихъ ему, къ счастью, серьезнаго вреда. На слѣдующій же день былъ изданъ декретъ, въ которомъ микадо заявлялъ, что всякое нападеніе на иностранцевъ будетъ впредь разсматриваться, какъ оскорбленіе ему, — такъ какъ онъ взялъ ихъ подъ свою отвѣтственность, — и потому будетъ наказываться по всей строгости законовъ.

Принявъ эти первыя неотложныя мѣры, правительство рѣшило, раньше чѣмъ приступать къ необходимымъ реформамъ, узнать мнѣніе страны, или

по крайней мѣрѣ тѣхъ, кто могъ считать себя участниками въ переворотѣ, т.-е. дайміосовъ. Немедленно же было послано предложеніе всѣмъ дайміосамъ прислать двухъ представителей изъ каждаго хана. 17-го апрѣля 1868 г. микадо является въ верховный совѣтъ и въ присутствіи всѣхъ придворныхъ и временнаго правительства произноситъ клятву передъ богами неба и земли: „искать способныхъ людей, искоренять злоупотребленія, предоставлять каждому безъ различія классовъ устраивать жизнь согласно своему желанію, объединить имперію одними законами и управлять согласно съ общественнымъ мнѣніемъ“¹.

Уже эта клятва при всей своей неопредѣленности давала почувствовать, какими идеями проникнуто новое правительство и въ какомъ направленіи оно намѣрено развивать свою дѣятельность. Несомнѣнно, что имъ руководятъ уже не реакціонные дайміосы, такъ какъ объединеніе страны подъ одними законами и разрѣшеніе всякому устраивать жизнь сообразно своимъ желаніямъ, далеко не соответствовало ихъ интересамъ. Въ то же время возражать противъ этого теперь, когда отъ единства страны зависѣла ея цѣлость и независимость извнѣ, было, конечно, немислимо.

Но микадо шель еще дальше. Наряду съ объединеніемъ страны онъ говорилъ объ управленіи ею согласно съ общественнымъ мнѣніемъ.

¹ Gourant „Okoubo“, стр. 123.

Никакого формального обѣщанія въ этомъ не заключалось. Тѣмъ не менѣ эти слова показываютъ, что рядомъ съ юнымъ микадо съ перваго дня его воцаренія стояли люди, имѣвшіе въ виду болѣе свободное государственное устройство, быть можетъ, еще не принявшее въ ихъ сознаниі вполнѣ конкретной формы. Во главѣ этой опредѣленной прогрессивной партіи внутри самого правительства стоятъ Окубо и Кидо. Оба они люди вполнѣ подготовленные къ той выдающейся роли, которую имъ приходится теперь играть. Они хорошо изучили тяжелое положеніе своей родины и знаютъ, чего ей недостаетъ, оба получили серьезное японское образованіе и оба не чужды западно-европейской цивилизаціи, съ которой успѣли ознакомиться со времени перваго открытія гаваней. Съ Мутсу-Гито они сблизились еще при жизни его отца. Въ то время, когда дайміосы завязали сношенія съ Кіото, они постоянно посылали туда вмѣсто себя своихъ самураевъ, выбирая, конечно, наиболѣе образованныхъ изъ нихъ. Такъ что будущая прогрессивная группа была съ давнихъ поръ въ постоянныхъ отношеніяхъ съ дворомъ микадо и завоевала довѣріе будущаго императора, когда онъ былъ еще мальчикомъ.

Съ перваго момента реставраціи всѣ усилія ихъ и окружающей ихъ группы заключаются въ томъ, чтобы дать своей странѣ такой государственный строй, при которомъ всѣ ея богатая природныя силы могли бы свободно развиваться. Потребность

Японія.

Императрица Гаруко.

въ этомъ ощущалась уже давно, отъ нихъ зави-
сѣло только, насколько быстро и безболѣзненно
совершить страна переходъ отъ старыхъ отжи-
вшихъ формъ къ новымъ назрѣвшимъ.

Положеніе этой прогрессивной группы было
трудное. Сознательно на ея сторонѣ стояла лишь
нѣкоторая наиболѣе просвѣщенная часть самураевъ,
изъ которыхъ происходили они сами. Громадная
масса населенія, въ интересахъ которой они дѣй-
ствовали, была еще недостаточно сознательна и
не могла оказать имъ никакой поддержки. Боль-
шинство даймюсовъ и приверженныхъ имъ самураевъ
были опредѣленно враждебны имъ. Только юный
микадо съ самаго начала сталъ на сторону моло-
дой прогрессивной группы и тѣмъ значительно об-
легчилъ ея положеніе. Во всякомъ случаѣ имъ
предстояла громадная работа и трудная борьба.

Но они приступили къ ней съ глубокой вѣрой
въ ея необходимость и съ свѣтлой надеждой на
успѣхъ. Ихъ главнымъ союзникомъ была жизнь,
доказавшая на дѣлѣ всю необходимость и плодотворность
предпринятыхъ ими реформъ. И этотъ союзникъ ни разу не измѣнялъ имъ, несмотря на всѣ
частичныя неудачи и разочарованія, постигавшія ихъ.

Первый же шагъ, предпринятый ими навстрѣ-
чу общественному мнѣнію, принесъ имъ жесто-
кое разочарованіе. — 17-го апрѣля было торже-
ственно открыто собраніе даймюсовъ и ихъ пред-
ставителей для обсужденія важныхъ вопросовъ
управленія.

Микадо снова открылъ его рѣчью, въ которой онъ давалъ слѣдующія торжественныя обѣщанія:

„1. Должно быть организовано совѣщательное собраніе, и всѣ мѣры будутъ вырабатываться согласно съ общественнымъ мнѣніемъ.

„2. Принципы политическаго и соціальнаго строя должны внимательно изучаться какъ высшими, такъ и низшими классами нашего народа.

„3. Каждый членъ общества долженъ пользоваться защитой и помощью въ достиженіи всѣхъ хорошихъ цѣлей.

„4. Всѣ нелѣпыя обычаи прежнихъ временъ должны быть оставлены, и въ основу дѣятельности должна быть положена справедливость и безпристрастіе.

„5. Умъ и способности должны быть привлекаемы со всѣхъ концовъ міра для прочнаго возведенія основъ государства“¹.

Но когда перешли къ обсужденію отдѣльныхъ вопросовъ, результатъ оказался прямо противоположный выставленнымъ въ рѣчи микадо тезисамъ. При рѣшеніи вопросовъ объ отмѣнѣ разныхъ отжившихъ обычаевъ, въ родѣ ношенія привилегированными классами традиціонныхъ двухъ мечей и т. п., громадное большинство высказалось отрицательно, т.-е. стояло за сохраненіе ихъ. Вообще собраніе, какъ и слѣдовало ожидать по его составу, оказалось не только консервативнымъ, но пря-

¹ D. Murray. „Japan“. 1904 г., стр. 380.

мо реакціоннымъ. Очень скоро оно было распущено, не достигнувъ никакого результата. Черезъ нѣсколько времени оно было созвано вторично при участіи чиновниковъ, но результатъ получился точь-въ-точь такой же.

Въ этомъ, конечно, не было ничего удивительнаго, такъ какъ оба раза совѣщательныя собранія состояли исключительно изъ представителей привилегированныхъ группъ населенія, которымъ вовсе невыгодно было уничтоженіе привилегій, выдѣляющихъ ихъ въ особую касту. Тѣ же классы населенія, которые были по существу наиболѣе заинтересованы въ предположенныхъ правительствомъ реформахъ, не имѣли никакихъ органовъ для заявленія своихъ желаній, и ихъ мнѣніе не могло доходить до правительства.

Прежде чѣмъ спрашивать ихъ мнѣніе, надо было дать имъ возможность сформировать его и способъ высказать его. Сколько бы правительство ни повторяло, что оно будетъ руководствоваться общественнымъ мнѣніемъ и привлекать къ управленію страной умъ и способности изъ всѣхъ классовъ общества, все это должно было остаться пустыми словами, пока общество дѣлилось на благородныхъ и неблагородныхъ, на господъ и рабовъ. До тѣхъ поръ въ странѣ не могло быть свободнаго общественного мнѣнія, пока земледѣлецъ или ремесленникъ долженъ былъ падать ницъ при проходѣ дайміоса, и самурай могъ за малѣйшее оскорбленіе безнаказанно срубить ему голову своимъ благород-

нымъ мечемъ. Прежде надо было уничтожить крѣпостнической строй, одинаково развращавшій и высшихъ, и низшихъ, а потомъ уже призывать общество къ выраженію своего мнѣнія по вопросамъ государственнаго управленія. Необходимѣйшія социальныя реформы должны предшествовать политическимъ. Молодое правительство сейчасъ же почувствовало это и отложило на нѣкоторое время обращенія къ странѣ.

Къ этому времени уже значительная часть перваго состава верховнаго совѣта измѣнилась, дай-мюсы почти всѣ отстранились, хотя и не безъ борьбы, а изъ придворныхъ остались только Ивакура и Санджо. Всѣ остальные были самураи. Но молодежь, окружавшая микадо, чувствовала еще на себѣ гнетъ придворной атмосферы, царившей въ Киото и мѣшавшей имъ отдѣлаться отъ стѣснительныхъ традицій. Въ началѣ 1869 года Окубо вноситъ смѣлое предложеніе перенести столицу изъ Киото. Монархъ долженъ стоять лицомъ къ лицу со своимъ народомъ, говоритъ онъ, а здѣсь его отдѣляетъ цѣлая стѣна придворной знати и вѣковыхъ предрасудковъ. Предложеніе это выслушивается вначалѣ съ ужасомъ. Оставить Киото, гдѣ болѣе тысячи лѣтъ безвыѣздно жилъ микадо, это было равносильно величайшей революціи. Но Мутсу-Гито согласился. Въ Киото это рѣшеніе произвело сильнѣйшее волненіе. Когда наступилъ день выѣзда, тысячная толпа собралась у дворца и съ рыданіями умоляла монарха не по-

кидать священную землю. Но молодой микадо былъ непоколебимъ. Онъ приказалъ нести свои носилки, не обращая вниманія на фанатиковъ, кидавшихся подъ ноги носильщиковъ. Изъ Кіото Мутсу-Гито отправился въ Осаку, провель тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ посѣтилъ Іедо и снова вернулся въ Кіото, чтобы жениться на принцессѣ Гаруко, нынѣшней императрицѣ Японіи. Послѣ свадьбы онъ окончательно переселился въ Іедо, переименованный съ этого момента въ Токио.

Въ новой обстановкѣ подготовительная работа правительства пошла еще болѣе ускореннымъ темпомъ, не связанная стѣснительными рамками традиціоннаго этикета. Идеи, одушевлявшія кружокъ, работавшій въ Токио, стали все шире распространяться въ странѣ, завоеывая все больше сторонниковъ. Даже среди дайміосовъ многіе стали приходить къ убѣжденію, что время феодализма уже прошло и что имъ не вернуть своихъ прежнихъ привилегій. Въ сущности, въ экономическомъ отношеніи ихъ феодальныя владѣнія уже давно были имъ скорѣе въ тягость. Почти всѣ они были въ долгу у крупныхъ купцовъ и при современномъ положеніи хозяйства не въ силахъ были улучшить положеніе ни свое, ни народное. Кромѣ того, столкновеніе съ европейцами на югѣ показало имъ, до какой степени они безсильны въ одиночку противъ западныхъ государствъ, и убѣдило ихъ въ томъ, что объединеніе страны — первое условіе ея силы и независимости.

Вообще, одушевление, стремление на дѣлѣ послужить родинѣ коснулось и ихъ, по крайней мѣрѣ, лучшихъ изъ нихъ. 5-го мая 1869 года четыре крупныхъ даймюса Сатсумы, Чоши, Тозы и Хизень представили микадо заявленіе, въ которомъ они отказывались отъ всѣхъ феодальныхъ правъ на свои земли и живущее на нихъ населеніе.

Конечно, уничтоженіе остатковъ феодализма висѣло въ воздухѣ, это былъ первый необходимый шагъ къ свободному развитію страны, но все это не отнимаетъ нравственную цѣнность поступка четырехъ даймюсовъ. Они еще такъ недавно свергли ненавистную власть шогуна, что могли въ извѣстной степени считать себя хозяевами положенія и попытаться воспользоваться этимъ, чтобы хоть на время удержать за собой свои привилегіи. Можетъ быть, это и не удалось бы имъ, но, во всякомъ случаѣ, это поглотило бы много времени и силъ, а, быть можетъ, и много крови. Ихъ великодушный порывъ избавилъ страну отъ многихъ бѣдствій.

Примѣръ самыхъ могущественныхъ изъ даймюсовъ подѣйствовалъ заразительно и на остальныхъ. Волна великодушныхъ чувствъ поднялась въ странѣ и заставила принести эгоистическія соображенія въ жертву общему благу. 241 даймюсъ единодушно заявили микадо отказъ отъ всѣхъ своихъ феодальныхъ правъ. Только 17 человекъ упорно не хотѣли добровольно отказаться отъ своего положенія и ждали, пока ихъ принудили закономъ.

Казалось, что дайміосамъ было легче отказаться отъ своихъ, хотя и не всегда выгодныхъ, но, во всякомъ случаѣ, существенныхъ правъ, чѣмъ отъ внѣшнихъ привилегій, за сохраненіе которыхъ они такъ упорно стояли на собранія въ Кіото.

Теперь правительству предстояло урегулировать новый порядокъ вещей въ бывшихъ владѣніяхъ дайміосовъ. Въ теченіе года дайміосы еще оставались на мѣстахъ, управляя дѣлами. Въ это время въ Токио вырабатывался новый порядокъ управленія. 21-го августа 1871 г. правительственнымъ декретомъ всѣ ханы были объявлены уничтоженными, и страна раздѣлена на 75 провинцій или кеновъ, съ правительственными чиновниками во главѣ. Дайміосамъ правительство обязалось въ вознагражденіе за понесенные ими убытки выплачивать около $\frac{1}{10}$ части ихъ прежнихъ доходовъ. Впослѣдствіи эта рента капитализуется, и имъ предлагается сначала добровольно, а потомъ и принудительно получить вмѣсто пожизненной ренты опредѣленныя суммы единовременно.

Въ томъ же самомъ году былъ изданъ еще рядъ указовъ, освободившихъ общество отъ остатковъ крѣпостничества.

Уничтожены неблагородныя и нечистыя касты, и всѣ занятія признаны одинаковыми. Разрѣшены браки между лицами разныхъ сословій. Уничтожены сословныя привилегіи, и всѣ подчинены однимъ и тѣмъ же законамъ. Всѣмъ людямъ разрѣшено заниматься какими угодно профессіями, въ томъ числѣ

всѣми отраслями торговли и промышленности. Всѣ привилегіи гильдій, такимъ образомъ, были уничтожены.

Этимъ крупнымъ реформамъ, измѣнившимъ въ корнѣ весь соціальный строй, сопутствовалъ рядъ болѣе мелкихъ указовъ, уничтожавшихъ традиціонныя привилегіи высшихъ классовъ, въ родѣ ношенія двухъ мечей, установленныхъ формъ одежды, привѣтствій и т. п.

Весь этотъ рядъ крупныхъ и мелкихъ реформъ произвелъ въ странѣ цѣлую революцію, съ восторгомъ встрѣченную одними и съ глубокимъ неодобреніемъ другими. Въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ реакціонные элементы на время совсѣмъ стушевываются. Могучій стихійный освободительный порывъ, разбившій подгнившіе устои прежняго строя, заставилъ ихъ примолкнуть и выжидать событий. Но какъ только жизнь входитъ постепенно въ болѣе спокойное русло, и новые порядки начинаютъ пускать корни въ жизни, такъ они наталкиваются то тутъ, то тамъ на слѣпое недовѣріе или даже на прямое сопротивленіе. Къ естественному страху передъ новизной тутъ примѣшивались и экономическія причины. Дайміосы, согласившіеся на всѣ предложенія правительства подъ вліяніемъ охватившаго ихъ одушевленія, находили теперь, что они заключили очень невыгодную сдѣлку. Обязательный выкупъ ренты на неособенно прибыльныхъ условіяхъ, объявленный въ 1873 г., болѣе всего раздражилъ ихъ. На югѣ опять начинается бро-

женіе, но на этотъ разъ уже не въ пользу микадо, а противъ него, или, лучше сказать, противъ прогрессивнаго большинства правительства. Въ 1874 году вспыхиваетъ возстаніе въ Сагѣ, въ 1876 — въ Чошу, въ 1877—въ Сатсумѣ. Два послѣднія изъ нихъ отличаются особымъ ожесточеніемъ. Во главѣ ихъ стоятъ прежніе предводители южныхъ войскъ — Шимадзу и Саиго Такамори. Саиго уже давно отдѣлился отъ правительства, не сочувствуя его лихорадочной реформаціонной дѣятельности. Но правительство и особенно его близкій другъ Окубо были увѣрены въ его лойяльности, и Саиго былъ назначенъ главнокомандующимъ части вновь организованныхъ войскъ.

Тяжелымъ ударомъ для Окубы было извѣстіе, что на югѣ снова поднимается реакціонное знамя, и что во главѣ фанатиковъ стоитъ его другъ — Саиго. Противъ него тотчасъ же были посланы императорскія войска подъ предводительствомъ генерала Кавамуры. 24-го сентября 1877 года произошло рѣшительное сраженіе, въ которомъ войско Саиго было разбито на голову. Самъ онъ получилъ тяжелую рану и, чтобы не достаться живымъ въ руки непріятелей, попросилъ одного своего лейтенанта отрубить ему голову.

Силы реакціи были сломлены окончательно. Больше уже она не проявлялась открыто. Только еще одинъ жестокій ударъ нанесла она прогрессивному движенію. Двое фанатическихъ приверженцевъ Саиго рѣшили отмстить правительству за

его смерть. 14-го мая 1878 года въ глухомъ переулкѣ Токио они напали на Окубо и убили его.

Для прогрессивной группы правительства это была тяжелая потеря, тѣмъ болѣе тяжелая, что незадолго передъ тѣмъ умеръ и другой выдающійся государственный дѣятель — Кидо.

Но направленіе правительственной дѣятельности было уже твердо опредѣлено, и эти печальныя потери не могли серьезно отозваться на немъ. На смѣну выбывшимъ явились другіе. Одна изъ главныхъ ролей выпала теперь на долю Ито.

Правительству предстояло еще много серьезныхъ задачъ. Оно должно было свести въ систему раздробленное ранѣ судебное законодательство, оно должно было упорядочить податную систему, оно должно было реформировать войско, оно должно было поставить на новыхъ началахъ систему народнаго образованія, и, наконецъ, оно должно было завершить тотъ государственный строй, который оно имѣло въ виду съ перваго момента реставраціи.

Во все продолженіе 70-хъ и 80-хъ годовъ въ Токио идетъ интенсивная работа, выражающаяся въ цѣломъ рядѣ мѣропріятій, направленныхъ къ упрощенію новаго строя. Вводится всеобщая воинская повинность, вырабатывается новый уголовный кодексъ, вводится система прогрессивнаго подоходнаго налога, вся страна покрывается сѣтью правительственныхъ и частныхъ школъ. Но въ разгарѣ всѣхъ этихъ многообразныхъ работъ молодое правительство

ни на минуту не забываетъ своей основной задачи, выставленной имъ еще въ первой торжественной рѣчи микадо. Оно не забываетъ, что дало обѣщаніе управлять страной согласно съ общественнымъ мнѣніемъ. Постепенно оно развернуло эту неопредѣленную формулу въ опредѣленное намѣреніе передать управленіе страной въ руки народа.

Еще съ 1875 года въ Токио была образована постоянная коммиссія для выработки основъ будущей конституціи. Членами этой коммисіи были Окубо, Кидо, Ито и Итагаки. Эта коммиссія сразу выработала нѣсколько очень существенныхъ мѣръ. Прежде всего она постановила учредить высшую судебную инстанцію — Шинчъ-инъ и строго провести раздѣленіе судебной и административной власти на всѣхъ ихъ ступеняхъ. Далѣе, она проектировала высшее законодательное учрежденіе — Генро-инъ (сенатъ) и урегулировала сѣзды провинціальныхъ чиновниковъ.

Но самая важная реформа, предложенная ею, касалась мѣстнаго управленія. До тѣхъ поръ все провинціальное управленіе было сосредоточено въ рукахъ правительственныхъ чиновниковъ, т.-е. новое правительство опиралось въ сущности на ту же бюрократію, какъ и шогунъ. Теперь рѣшено было ввести въ провинціяхъ выборное самоуправленіе. Въ выборахъ могли принимать участіе всѣ жители провинціи, платившіе не менѣе 5 іенъ налога. Избранные представители населенія составляли

собрание, собиравшееся разъ въ годъ, вотировавшее годовой бюджетъ провинціи и избиравшее свои постоянные органы для завѣдыванія мѣстными дѣлами. Законъ, утверждавшій это мѣстное самоуправленіе, былъ подписанъ 22-го іюля 1878 года. Съ этого момента мѣстное управленіе стало постепенно реформироваться. Все большее число функций переходило изъ рукъ правительственныхъ чиновниковъ въ вѣдѣніе мѣстныхъ избирательныхъ органовъ.

Этотъ законъ былъ крупнымъ шагомъ на пути къ коренной реформѣ центрального управленія. Населеніе, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая его часть, стала привыкать къ идеѣ самоуправления, явились органы, которые хоть до нѣкоторой степени могли служить выразителями общественнаго мнѣнія страны.

А между тѣмъ старыя формы административнаго строя продолжали давить на личность, лишать ее необходимаго права участія въ созидательной работѣ правительства. Въ нѣкоторыхъ кругахъ общества, особенно среди нарождавшагося промышленнаго класса, появились признаки неудовольствія тѣмъ, что правительство медлитъ осуществить обѣщанную реформу государственнаго строя. Чтобы не осложнять положенія внутренними смутами, правительство поспѣшило успокоить страну.

12 октября 1881 года былъ изданъ высочайшій декретъ, торжественно подтвердившій обѣщаніе даровать странѣ конституцію и опредѣлившій сро-

комъ ея введенія 1890 годъ. Текстъ этого декрета представляетъ извѣстный интересъ, вслѣдствіе чего мы приводимъ его буквально:

„Унаслѣдовавъ престолъ, занимаемый нашей династіей болѣе 2.500 лѣтъ, и осуществляя по праву отъ нашего собственнаго имени всю полноту переданной намъ нашими предками власти, мы давно имѣли ввиду постепенно ввести конституціонную форму правленія съ тою цѣлью, чтобы наши преемники на престолѣ руководствовались установленнымъ закономъ.

„Имѣя въ виду именно эту цѣль, мы учредили въ 8-й годъ Меиджи (1876) Сенатъ и въ 11-й годъ Меиджи провинціальныя собранія, положивъ, такимъ образомъ, основанія для главныхъ реформъ; причемъ мы считали, что эти наши дѣйствія должны съ самаго начала убѣдить васъ, нашихъ подданныхъ, въ нашей рѣшимости въ этомъ отношеніи.

„Системы управленія различны въ различныхъ странахъ, но быстрыя и внезапныя измѣненія не могутъ быть произведены безъ большихъ неудобствъ.

„Наши предки въ небесахъ наблюдаютъ за нашими поступками, и мы признаемъ нашу отвѣтственность передъ ними за добросовѣстное исполненіе нашихъ высокихъ обязанностей въ согласіи съ принципами и съ приумноженіемъ славы, завѣщанной намъ ими.

„Потому мы симъ объявляемъ, что въ 23 году Меиджи (1890) мы откроемъ парламентъ, чтобы

осуществить на дѣлѣ объявленное нами рѣшеніе, и мы поручаемъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, образующимъ наши комиссіи, сдѣлать въ этотъ срокъ всѣ необходимыя приготовленія для этого.

„Что касается ограниченія императорскихъ прерогативъ и учрежденія парламента, мы рѣшимъ это въ будущемъ и въ должное время объявимъ о томъ.

„Мы усматриваемъ, что народъ нашъ имѣетъ склонность идти впередъ слишкомъ быстро и безъ той обдуманности и осторожности, которая только одни въ состояніи сдѣлать прогрессъ прочнымъ, и мы предупреждаемъ нашихъ подданныхъ, и высоко и низко стоящихъ, что они должны хорошо помнить нашу волю и, что тѣ, кто будетъ требовать внезапныхъ и рѣзкихъ переворотовъ, нарушающихъ миръ и спокойствіе, вызовутъ наше неудовольствіе“.¹

Этотъ декретъ ясно показываетъ, что сознаніе необходимости конституціи было уже достаточно распространено въ средѣ интеллигенціи, и правительство считало себя обязаннымъ сдерживать черезчуръ пылкихъ сторонниковъ ея.

Съ этихъ поръ принимался рядъ подготовительныхъ мѣръ для окончательнаго введенія конституціи. Наконецъ, 11-го февраля 1889 года микадо торжественно объявляетъ учрежденіе конституціонной формы правленія и первый присягаетъ въ вѣрности конституціи. Немедленно же назначаются

---

¹ Stead „Japan by the Japanese“, ст. 4.

общіе выборы, и въ слѣдующемъ 1890 г. открывается первая сессія японскаго парламента.

Этимъ моментомъ заканчивается „эпоха великихъ реформъ“ въ Японіи. Страна окончательно входитъ въ новый фазисъ государственнаго и общественнаго развитія.

Мы перейдемъ далѣе къ характеристикѣ тѣхъ формъ, въ какія вылилась при новыхъ условіяхъ ея социальная и политическая жизнь. Конечно, онѣ еще не могли до сихъ поръ установиться окончательно и въ новыхъ учрежденіяхъ практика показала много существенныхъ недочетовъ, но это нисколько не уменьшаетъ значенія того, что уже сдѣлано. Отъ прежняго рабства, проникавшаго во времена владычества شوгуновъ съ верху до низу всю жизнь, теперь не осталось и слѣда. Величайшій переворотъ, — отъ рабства къ свободѣ, — произошелъ тамъ въ теченіе жизни одного поколѣнія и съ минимальнымъ количествомъ жертвъ. Чрезвычайно благопріятнымъ условіемъ, облегчившимъ для Японіи этотъ, обыкновенно такой трудный переворотъ, было существовавшее тамъ прежде двоевластіе. Благодаря ему, представитель абсолютной власти не считался законнымъ монархомъ, а законный монархъ не былъ носителемъ реальной власти. Такимъ образомъ, можно было свергнуть реального монарха—шогуна, не разрушая монархической легенды, и ограничить монархическую власть подъ видомъ возстановленія правъ законнаго монарха.

Глава IV.

Современное положеніе Японіи.

1.

Громаднымъ преимуществомъ для Японіи было то обстоятельство, что въ моментъ серьезнаго внутренняго перелома, переживавшагося страной, во главѣ ея стояло правительство, твердо рѣшившееся не препятствовать движенью впередъ и, наоборотъ, всячески облегчать его.

Мы уже видѣли, что наступившій въ Японіи переворотъ всѣхъ основъ экономическаго и политическаго строя былъ вызванъ глубокими историческими причинами. Такъ или иначе онъ долженъ былъ произойти, и конечно, не во власти правительства было воспрепятствовать ему совершиться. Законы историческаго роста непреложны, такъ же какъ и законы роста органическаго.

Помѣшать странѣ, изжившей данныя экономическія отношенія или переросшей данный политическій строй, перейти къ слѣдующей фазѣ разви-

тія—не властно никакое правительство. Точно такъ же какъ ничья воля не можетъ помѣшать ребенку, если онъ живъ, превратиться во взросло^{го} чело^вѣка. Но сдѣлать этотъ ростъ труднымъ и болѣзненнымъ вполнѣ во власти чело^вѣка.

Японское правительство съ самаго момента реставраціи усвоило эту несложную идею. Оно видѣло необъятную сложность задачъ, стоявшихъ передъ страной, понимало неизбежность коренного переустройства формъ быта и рѣшило съ своей стороны не задерживать, а облегчать движеніе. Направленіе движенія было predetermined реальными потребностями населенія, но сознательно къ нему относилось лишь небольшое меньшинство. Никакая внѣшняя сила не принуждала правительство встать на сторону этого меньшинства. Оно могло бы еще долгое время пытаться сдерживать стихійное недовольство массъ и сознательный ропотъ немногихъ, понимавшихъ положеніе, но не обладавшихъ реальными силами, чтобы вліять на него. Конечно, въ концѣ концовъ жизнь взяла бы свое, и необходимыя реформы были бы отняты у правительства, но лишь послѣ тяжелой, быть можетъ, кровопролитной борьбы. Трудно сказать, предвидѣло ли это молодое правительство, во всякомъ случаѣ оно дѣйствовало такъ, какъ если бы предвидѣло.

Еще въ первыхъ неопредѣленныхъ рѣчахъ молодого микадо звучало обѣщаніе призвать страну къ участію въ дѣлахъ переустройства ея внутрен-

няго быта. Группа самураевъ, окружавшихъ ми-кадо, понимала, что осуществить всѣ необходимыя для Японіи реформы посредствомъ разлагающагося механизма созданной шогунами бюрократіи невозможно. Вывести страну изъ состоянія экономическаго и культурнаго застоя могутъ только живыя общественныя силы. Но эти общественныя силы были еще совершенно неорганизованы и недостаточно сознательно относились къ предстоявшимъ имъ задачамъ. Надо было разбудить ихъ, организовать и привлечь къ участию въ государственной работѣ. Но для націи единственной школой политическаго развитія служить только политическая жизнь. Поэтому, послѣ самыхъ первыхъ необходимыхъ социальныхъ реформъ, занявшихъ семидесятыя годы, правительство ясно и открыто заявило, что оно имѣетъ въ виду даровать странѣ конституцію, т. е. привлечь представителей народа къ государственной дѣятельности. Слѣдующее десятилѣтіе было заполнено подготовительной работой, закончившейся нѣсколько ранѣе предполагаемаго, т. е. не къ 1890-му, а къ 1889-му году.

Несомнѣнно, новый государственный строй, объявленный актомъ 12-го февраля 1889 года, имѣетъ въ себѣ очень много и очень существенныхъ недостатковъ. Но на него и не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на нѣчто окончательное. Это только первый шагъ, переходная ступень отъ прежняго, еще такъ недавно похороненнаго, деспотически-крѣпостническаго строя къ справедливымъ государственнымъ

формамъ будущаго. Его главное достоинство заключается въ томъ, что онъ въ себѣ самомъ носитъ возможность улучшения, залогъ дальнѣйшаго мирнаго развитія страны.

2.

Государственный строй.

Проектъ японской конституціи былъ выработанъ въ окончательной формѣ маркизомъ Ито. Изучивъ предварительно конституціонный строй различныхъ европейскихъ государствъ, маркизъ Ито заимствовалъ отсюда тѣ формы конституціоннаго режима, которыя казались ему наиболѣе соотвѣтствующими потребностямъ его страны въ данный моментъ.

„Я былъ одинъ изъ первыхъ японцевъ, — пишетъ онъ, — посѣтившихъ иноземныя страны, и я могъ это сдѣлать только тайкомъ, выѣхавъ въ Шанхай въ 1863 г. Страна была только что открыта для иностранцевъ, а японскимъ подданнымъ не разрѣшалось покидать свое отечество.

„Я всегда стоялъ за распространеніе въ Японіи основъ западной цивилизаціи, и мнѣ было разрѣшено использовать свои силы, содѣйствуя прогрессу и преобразованію японскаго государства. Въ теченіе тридцати четырехъ лѣтъ моей службы я всегда старался содѣйствовать, — иногда даже силою бороться съ враждебными теченіями, — проведенію необходимыхъ для прогресса Японіи мѣръ ...

„Я провелъ много времени вдали отъ Японіи,

изучая государственный строй разныхъ государствъ, такъ какъ императоръ поручилъ мнѣ важную задачу составить проектъ новой японской конституціи. Работа эта была очень трудная и требовала большой обдуманности. Въ Японіи никогда не было конституціи въ современномъ смыслѣ этого слова .. Я долженъ былъ все время помнить, что это не временная реформа и предвидѣть въ будущемъ всѣ mogućія произойти послѣдствія. вмѣстѣ съ этимъ громадную важность имѣло сохраненіе священныхъ и вѣчныхъ правъ монарха. Съ помощью моихъ секретарей и сотрудниковъ, — такъ же преданныхъ дѣлу какъ и я, — я выполнилъ мою задачу такъ хорошо, какъ могъ, и не безъ чувства внутренняго удовлетворенія я вижу, что со времени провозглашенія конституціи не оказалось еще необходимости измѣнять ее“¹.

Точка зрѣнія маркиза Ито заключалась въ томъ, что вся масса населенія въ Японіи не достигла еще того гражданскаго уровня, который позволяетъ передать всецѣло управленіе страной въ руки народа. Для настоящаго момента онъ считалъ возможнымъ допустить участіе населенія въ дѣлахъ управленія лишь въ очень ограниченной степени. Вслѣдствіе этого, японская конституція въ самыхъ основныхъ чертахъ значительно отстаетъ отъ большинства европейскихъ конституцій.

Первымъ актомъ, превратившимъ всеобщія на-

---

¹ Stead, „Japan by the Japanese“, стр. 64 — 65.

пряженные ожиданія въ увѣренность, былъ высочайшій манифестъ, возвѣстившій, что наступилъ срокъ осуществленія обѣщаній, раздававшихся съ высоты трона еще съ 1868 года. Этотъ манифестъ былъ обнародованъ 11 февраля 1889 года и одновременно съ нимъ опубликовано самое провозглашеніе конституціи. Оба эти документа представляютъ значительный интересъ, ввиду чего мы позволяемъ себѣ привести ихъ цѣликомъ.

Императорскій манифестъ при провозглашеніи конституціи:

„Счастіе нашей страны и благосостояніе нашихъ подданныхъ составляетъ радость и гордость нашего сердца, вслѣдствіе этого, — опираясь на высшую власть, унаслѣдованную нами отъ нашихъ предковъ, — мы объявляемъ настоящій непреложный основной законъ на пользу нашихъ настоящихъ подданныхъ и ихъ потомковъ.

„Императоръ, основатель нашей династіи, и наши другіе императорскіе предки, при помощи и содѣяствіи предковъ нашихъ подданныхъ, положили начало нашей имперіи на основахъ, которыя должны существовать вѣчно. Настоящее блестящее дѣяніе, которое должно украсить исторію нашей страны, обязано славнымъ добродѣтелямъ нашихъ священныхъ императорскихъ предковъ и вѣрности и доблестности нашихъ подданныхъ, ихъ любви къ своей странѣ и ихъ общественному пониманію. Принимая во вниманіе, что наши подданные суть потомки вѣрныхъ и доблестныхъ подданныхъ нашихъ импе-

раторскихъ предковъ, мы не сомнѣваемся, что наши подданные будутъ сообразоваться съ нашими взглядами и будутъ сочувствовать всѣмъ нашимъ начинаніямъ, и что, дружно помогая другъ другу, они осуществятъ вмѣстѣ съ нами нашу надежду умножить славу нашей страны внутри и извнѣ и помогутъ укрѣпленію на вѣчныя времена дѣла, завѣщаннаго намъ нашими предками“¹.

Одновременно съ этимъ опубликованъ былъ самый актъ провозглашенія имперской конституціи:

„Унаслѣдовавъ, благодаря доблестямъ нашихъ предковъ, престоль, передававшійся неизмѣнно по наслѣдству въ вѣчныя времена, и желая содѣйствовать процвѣтанію и способствовать развитію нравственныхъ и умственныхъ силъ нашихъ возлюбленныхъ подданныхъ, что всегда составляло излюбленное попеченіе и благосклонную заботу нашихъ предковъ, надѣясь укрѣпить благосостояніе государства въ единеніи съ нашимъ народомъ и при его содѣйствіи, мы симъ объявляемъ, во исполненіе нашего императорскаго рескрипта 14-го дня, 10-го мѣсяца 14-го года Меиджи, основной государственной законъ, исполненіе принциповъ котораго должно служить руководствомъ нашего поведенія и опредѣлить, съ чѣмъ должны сообразоваться наши потомки и наши подданные и ихъ потомки на вѣчныя времена.

„Права высшей государственной власти унаслѣдованы нами отъ нашихъ предковъ и должны быть

---

¹ Stead, „Japan by the Japanese“, стр. 6.

переданы нашимъ потомкамъ; и мы, и они должны впредь согласовать ихъ съ требованьями конституціи симъ данной и подтвержденной.

„Мы объявляемъ нынѣ, что мы будемъ уважать и защищать права и благосостояніе нашего народа и обеспечимъ неприкосновенность этого вѣчнымъ соблюденіемъ настоящей конституціи и законовъ.

„Имперскій парламентъ долженъ быть созванъ въ 23 годъ Меиджи, и время его открытія должно быть срокомъ, когда вступить въ силу настоящая конституція.

„Если въ будущемъ окажется необходимымъ измѣнить какія-нибудь постановленія данной конституціи, мы или наши потомки должны воспользоваться нашимъ правомъ инициативы и представить проектъ этого имперскому парламенту. Имперскій парламентъ долженъ высказаться по этому поводу, согласно условіямъ, предоставленнымъ настоящей конституціей, и никакимъ инымъ способомъ ни наши потомки, ни наши подданные не могутъ пытаться произвести какое либо измѣненіе въ ней.

„Наши министры должны быть отвѣтственны за соблюденіе настоящей конституціи, и наши настояще и будущіе подданные должны принять на себя долгъ вѣрности настоящей конституціи“¹.

Вслѣдъ за изданіемъ обоихъ этихъ манифестовъ императоръ принесъ присягу въ вѣрности конституціи и объявилъ выборы въ парламентъ. Первая сес-

---

¹ Ib. стр. 7.

сія парламента открылась 29 ноября 1890 года. Слѣдовательно, этотъ день и надо считать срокомъ окончательнаго вступленія въ силу японской конституціи.

Обратимся теперь къ болѣе детальному разсмотрѣнію ея основъ ¹.

Японская конституція установила окончательно полную, личную, и имущественную свободу всѣхъ японскихъ гражданъ и равенство всѣхъ передъ законами. Всякій японскій подданный пользуется личной неприкосновенностью. Никто не имѣетъ права войти въ его жилище противъ его воли или обыскать его иначе, какъ въ случаяхъ, строго опредѣленныхъ закономъ (§ 25); самъ онъ тоже не можетъ быть арестованъ, привлеченъ къ дознанію или заключенъ въ тюрьму иначе, какъ въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ (§ 23). Тайна частной переписки ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть нарушена (§ 26). Имущество японскаго гражданина неприкосновенно (§ 27). Всѣ японскіе граждане пользуются безусловной свободой вѣроисповѣданія (§ 27), слова, печати, собраній и союзовъ (§ 29)). Только въ исключительныхъ случаяхъ, путемъ законодательныхъ актовъ, можетъ быть временно ограничена эта свобода. Передъ лицомъ закона всѣ японскіе граждане пользуются полнымъ равенствомъ. Всѣ прежнія сословныя и групповыя привилегіи считаются уничтоженными. Всѣ граждане могутъ избирать себѣ любое мѣстожительство

---

¹ См. Приложение I, текстъ конституціи.

Японія.

Маркизь Ито.

и занятіе (§ 22), такимъ образомъ, всѣ гильдейскія монополіи признаются незаконными; всѣ имѣютъ доступъ ко всякимъ государственнымъ должностямъ (§ 19); всѣ подлежатъ дѣйствию одного суда, не допускающаго никакихъ изъятій; всѣ подчинены одинаковому обложенію (§ 21); всѣ обязаны отбывать воинскую повинность (§ 20). Въ отношеніи къ верховной власти подданные имѣютъ только неограниченное право петицій какъ на имя микадо, такъ и къ парламенту.

Право на участіе въ дѣлахъ государственнаго управленія японскихъ гражданъ ограничено до сихъ поръ довольно высокимъ имущественнымъ цензомъ. При учрежденіи конституціи въ 1889 г. право избирательнаго голоса имѣлъ всякій японскій подданный, старше 25 лѣтъ, живущій не менѣе года въ данной области, платящій 15 іенъ въ годъ прямыми налогами и не подлежащій ограниченіямъ въ правахъ по закону. Въ настоящее время размѣръ ценза уменьшенъ до 10 іенъ прямыми налогами. Избираемы могутъ быть всѣ японскіе подданные, старше 30 лѣтъ, не подлежащіе ограниченію въ правахъ по закону.

Избранные путемъ прямой подачи голосовъ представители всей страны въ числѣ 300 (теперь это число повышено до 369) составляютъ нижнюю палату японскаго парламента, по-японски — „теикоушкой“.

Верхняя палата состоитъ изъ членовъ императорской фамиліи, изъ представителей бывшихъ при-
Японія.

дворныхъ и дайміосовъ, получившихъ теперь одно почетное званіе — „квасоку“, по ихъ выбору и изъ лицъ, назначаеваемыхъ императоромъ за особія заслуги.

Парламенту принадлежитъ законодательная власть въ странѣ. Каждая палата имѣтъ право вносить проекты законовъ, которые затѣмъ обсуждаются обѣими палатами и, если оказываются принятыми, подлежатъ обнародованію. Въ парламентъ же поступаютъ на обсужденіе проекты законовъ, предлагаемыхъ исполнительной властью (§ 38). Новые налоги могутъ вводиться только посредствомъ законодательныхъ актовъ и требуютъ, слѣдовательно, тоже утвержденія парламента (§ 62). Ежегодный государственный бюджетъ долженъ вноситься на обсужденіе парламента и не можетъ быть принятъ безъ его санкціи (§ 64). Парламентъ созывается и распускается императоромъ, но сессіи его должны происходить ежегодно (§ 41) и продолжаться не менѣе трехъ мѣсяцевъ (§ 42). Въ случаѣ распушенія парламента до истеченія законнаго срока, новые выборы должны быть объявлены немедленно, и новая сессія должна начаться не позже, чѣмъ черезъ пять мѣсяцевъ (§ 45). Засѣданія обѣихъ палатъ публичны, члены правительства всегда имѣютъ въ нихъ право голоса (§ 54).

Исполнительная власть вся цѣликомъ принадлежитъ императору — микадо или тенно (божественный императоръ), какъ его всего чаще называютъ въ Японіи. Императоръ обнародуетъ законы, про-

шедшіе черезъ парламентъ (§ 5) и издаетъ указы въ исполненіе ихъ. Въ исключительныхъ случаяхъ, въ промежуткахъ между сессіями парламента, императоръ можетъ издавать новые указы, имѣющіе силу закона. Но такіе указы должны представляться въ первую же послѣ того сессію парламента, и въ случаѣ, если парламентъ выскажется противъ нихъ, они немедленно теряютъ силу (§ 8). Императоръ объявляетъ войну и заключаетъ миръ (§ 13). Но необходимые для войны кредиты вотируетъ парламентъ. Императоръ является главою всѣхъ военныхъ силъ, сухопутныхъ и морскихъ (§ 11). Въ области гражданскаго управленія императоръ— глава правительства. Онъ назначаетъ и смѣщаетъ всѣхъ министровъ и утверждаетъ назначеніе всѣхъ главныхъ чиновъ управленія. Министры ответственны только передъ нимъ. Министровъ всѣхъ десять: 1) министръ-президентъ, безъ портфеля, 2) министръ внутреннихъ дѣлъ, 3) министръ иностранныхъ дѣлъ, 4) министръ земледѣлія, 5) министръ юстиціи, 6) министръ народнаго просвѣщенія, 7) министръ финансовъ, 8) военный министръ, 9) министръ флота и 10) министръ путей сообщенія.

Судебная власть совершенно отдѣлена отъ исполнительной и законодательной. Судьи назначаются императоромъ изъ лицъ, получившихъ юридическое образованіе, но несмѣняемы имъ. Они могутъ быть лишены должности только вслѣдствіе уголовного преступленія или предусмотрѣннаго закономъ дисциплинарнаго проступка (§ 58). Судъ происхо-

дять всегда гласно. Закрытыя засѣданія могутъ назначаться въ случаяхъ, оскорбляющихъ правственность, по указанію закона или по постановленію суда.

Послѣдняя глава конституціоннаго акта 11-го февраля 1889 года предусматриваетъ возможность измѣненія данной конституціи. Такое измѣненіе можетъ быть сдѣлано только въ томъ случаѣ, если въ засѣданіи присутствуетъ болѣе $\frac{2}{3}$ наличныхъ членовъ парламента и если за него выскажутся болѣе двухъ третей присутствующихъ въ обѣихъ палатахъ. Право инициативы въ дѣлѣ пересмотра конституціи принадлежитъ императору.

По своему характеру государственный строй, утвержденный въ Японіи актомъ 11-го февраля, можетъ быть названъ конституціоннымъ, но не парламентарнымъ. Верховная власть уже не принадлежитъ цѣликомъ императору. Отъ нея совершенно отняты судебныя функціи, а въ законодательной области она ограничена обязательнымъ участіемъ парламента. Но въ то же время парламента не имѣетъ никакихъ способовъ прямого воздѣйствія на исполнительную власть. Назначеніе министровъ зависитъ не отъ него, и министры передъ нимъ не отвѣтственны. Положимъ, косвенно парламента имѣетъ все-таки возможность оказывать вліяніе на правительство. Онъ можетъ дѣлать министрамъ запросы и представленія и обращаться съ петиціями къ императору. Такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ у него въ рукахъ находится могу-

щественное орудіе — неутвержденіе бюджетовъ и проектовъ новыхъ налоговъ, то фактически исполнительная власть все-таки находится въ нѣкоторой зависимости отъ народнаго представительства. И хотя микадо совершенно свободенъ въ назначеніи министровъ, но обычно онъ выбираетъ ихъ изъ лицъ, опирающихся на парламентское большинство.

Вопросъ объ отвѣтственности министровъ служить въ Японіи темой постоянныхъ обсужденій и въ печати, и въ парламентѣ. До сихъ поръ онъ еще не могъ быть перерѣшенъ, но не надо забывать, что со времени введенія конституціи тамъ прошло всего 15 лѣтъ. Очень возможно, что въ недалекомъ будущемъ этотъ пунктъ японской конституціи будетъ измѣненъ въ смыслѣ предоставленія народному представительству большаго контроля, надъ дѣйствіями исполнительной власти.

Въ настоящій моментъ японская конституція сходна въ этомъ отношеніи съ германской, гдѣ тоже министерство назначается императоромъ и не отвѣтственно передъ рейхстагомъ. Но въ другихъ, еще болѣе существенныхъ чертахъ, японская конституція не можетъ быть еще сопоставлена съ германской. Въ Германіи нѣтъ раздѣленія рейхстага на двѣ палаты, и главное, тамъ нѣтъ никакого имущественнаго ценза для избирателей. Все взрослое мужское населеніе имѣетъ права участія въ выборахъ народныхъ представителей. Въ Японіи, наоборотъ, избирательное право ограничено очень высокимъ имущественнымъ цензомъ. Вслѣдствіе этого, лишь

небольшая сравнительно часть населенія, и, конечно, наиболѣе зажиточная, участвуетъ въ парламентскихъ выборахъ. Составители японской конституціи считали, что японскій народъ еще не дозрѣлъ до всеобщаго избирательнаго права, но съ тѣхъ поръ и въ печати, и внутри самого парламента идетъ усиленная борьба съ этимъ мнѣніемъ. Раздаются голоса за пересмотръ законовъ о выборахъ въ парламентъ. По мнѣнію сторонниковъ пересмотра, народъ получаетъ политическое воспитаніе только на дѣлѣ, и до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ принимать непосредственнаго участія въ дѣлахъ управленія, его гражданское самосознаніе останется смутнымъ.

Въ 1900 году былъ сдѣланъ нѣкоторый шагъ въ этомъ направленіи. Имущественный цензъ былъ пониженъ съ 15 до 10 іенъ прямыми налогами. Послѣ этого въ выборахъ могло принять участие втрое большее количество избирателей. Тѣмъ не менѣе и теперь право голоса въ Японіи имѣетъ лишь $1\frac{1}{2}$ милліона человекъ. По сравненію съ европейскими конституціонными странами это выходитъ, конечно, очень небольшой процентъ населенія. Во Франціи, напримѣръ, при 38 милліонахъ населенія, т.-е. на 5 милліонъ меньше, чѣмъ въ Японіи, количество избирателей достигаетъ 10 милліонъ. Въ Австріи при 25-ти мил. населенія—избирателей 7 милліонъ.

Въ обѣихъ этихъ странахъ такъ же, какъ и въ Германіи, въ настоящее время введена всеобщая подача голосовъ,—въ Австріи, впрочемъ, только съ

1896 года,—такъ что ихъ, конечно, нельзя и сравнивать съ Японіей. Но и въ Англии, гдѣ до сихъ поръ право голоса обуславливается нѣкоторымъ имущественнымъ цензомъ (плата за квартиру въ 10 фунт., т.-е. 100 руб. въ годъ), число избирателей все-таки $6\frac{1}{2}$ милліоновъ, т.-е. въ четыре раза больше, чѣмъ въ Японіи, при населеніи почти равномъ съ ней.

Вслѣдствіе этого, главная масса населенія — земледѣльческій и рабочій классы,—не принимаетъ пока никакого активнаго участія въ политической жизни страны. Среднее крестьянское хозяйство, по даннымъ Ратгена ¹⁾, уплачиваетъ въ Японіи около $7\frac{1}{2}$ іенъ поземельнаго налога въ годъ, причемъ колебанія происходятъ, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ отъ $3\frac{1}{2}$ до $9\frac{1}{2}$ іенъ. Слѣдовательно, мелкіе землевладѣльцы въ массѣ не могутъ попадать въ число избирателей. Само собой понятно, что, хотя пассивное избирательное право и не ограничено никакимъ имущественнымъ цензомъ, но они, конечно, имѣютъ еще меньше шансовъ быть выбраны. По словамъ маркиза Ито въ его „Комментаріяхъ“ къ конституціи Японіи избранные въ парламентъ члены должны служить представителями не своихъ избирателей, но всей страны. Тѣмъ не менѣе, конечно, интересы тѣхъ группъ населенія, которыя

---

¹ К. Rathgen. „Japans Landwirtschaft und Statshaushalt“, 1891 г., стр. 580.

² Hirobume Ito. „Commentaries on the Constitution of the Empire of Japan“.

являются и избирателями, и избираемыми, представляются лучше, чѣмъ тѣхъ, которые совершенно устранены отъ непосредственнаго участія въ выборахъ.

Въ 1894 г., т.-е. еще до пониженія ценза, составъ представителей въ парламентъ распредѣлялся на слѣдующія группы:

Землевладѣльцевъ	145
Торговцевъ и промышленниковъ	56
Занимающихся либеральн. проф.	32
Чиновниковъ	11
Безъ опредѣленныхъ проф.	55

Послѣ 1900 число представителей было увеличено до 369, причемъ значительно возросъ процентъ представителей городского населенія, но рабочая и крестьянская масса все еще не получила доступа къ выборамъ. Можно надѣяться, что со временемъ единодушныя усилія прессы и либеральнаго меньшинства парламента добьются и далѣе расширенія конституціи въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что въ этомъ направленіи идетъ все время дѣятельная агитація.

За свой короткій вѣкъ японскій парламентъ провелъ уже очень много серьезныхъ мѣропріятій и въ сферѣ государственнаго обложенія, и въ сферѣ народнаго образованія, и въ другихъ областяхъ. Намъ придется еще говорить о нихъ, касаясь разныхъ сторонъ жизни пореформенной Японіи. Тѣмъ не менѣе на него со всѣхъ сторонъ сыплются всевозможные упреки. Японскихъ парламентскихъ дѣя-

телей упрекають за политиканство и за подкупность, за отсутствіе твердо установленных политических партій, за постоянную перетасовку тѣхъ, которыя есть, за ихъ непринципальный часто характеръ и за постоянную беспорядочную борьбу между ними. Во всѣхъ этихъ нападкахъ есть значительная доля правды, и, конечно, перечисленные недостатки представляютъ громадное зло, мѣшающее правильному функционированію государственнаго механизма. Что касается подкуповъ, — этого бича всѣхъ конституціонныхъ и еще болѣе неконституціонныхъ странъ, — то въ Японіи условіемъ, облегчающимъ ихъ во время выборовъ, является незначительное относительно число избирателей. Съ пониженіемъ ценза возможность подкуповъ будетъ сильно затруднена и они, естественнымъ образомъ, нѣсколько уменьшатся. Полнаго же уничтоженія ихъ Японіи, конечно, еще очень долго ждать, такъ какъ даже въ такой культурной странѣ, какъ Англія; они до сихъ поръ не вывелись окончательно.

Японскія парламентскія партіи, дѣйствительно, часто группируются теперь не столько вокругъ опредѣленнаго политическаго знамени, сколько вокругъ того или другаго лица, и ихъ взаимныя отношенія иногда чрезвычайно неопредѣленны и запутаны. Въ значительной степени тутъ сказывается еще послѣдствіе прежняго времени, когда люди группировались не по своимъ классовымъ интересамъ и политическимъ мнѣніямъ, а по принадлежности къ тому или другому крупному фео-

дальному роду или клану. Теперь эта группировка на кланы исчезла совершенно, но нѣкоторые слѣды ея все еще даютъ себя чувствовать. Случается, что люди, интересы которыхъ совершенно различны, группируются по старой памяти вокругъ выдающагося представителя ихъ прежней феодальной области. Съ теченіемъ времени это само собой стухаетъ. Прегніе роды, потерявшіе всякое значеніе въ жизни, постепенно исчезаютъ и изъ памяти, и выдающіеся политическіе дѣятели перестаютъ считаться представителями того или другого прегняго рода.

Дюмоляръ заканчиваетъ свою главу о японской политикѣ сожалѣніемъ о томъ, что съ арены общественной дѣятельности въ Японіи постепенно сходятъ выдающіеся политическіе дѣятели эпохи реформъ, и на смѣну имъ идетъ средній политическій работникъ. Въ этомъ онъ видитъ громадное зло современной Японіи.

Намъ кажется, что это явленіе совершенно естественное и не предвѣщающее ничего особенно дурного для Японіи. Въ періоды крупныхъ историческихъ переворотовъ, въ періоды ломки всего стараго и созиданія первыхъ основъ будущаго изъ среды народа обычно выдѣляются самыя сильныя, самыя крупныя личности. Они подготовлялись долгими вѣками политическаго застоя, когда наиболѣе одаренные люди должны были искать выхода для своихъ способностей въ другихъ областяхъ или совершенно заглушать ихъ. Въ моментъ высшаго

напряженія политической жизни другія области духовной дѣятельности теряютъ свою притягательную силу, и всѣ лучшіе люди націи отдаются политической борьбѣ. На фонѣ общаго безмолвія едва пробуждающейся страны ихъ смѣлые голоса звучать особенно громко, ихъ личности производятъ особенно величественное впечатлѣніе. Но когда героическій періодъ кончается, и жизнь заявляетъ свои права вездѣ, тогда таланты распределяются болѣе равномерно, и политика не является ихъ исключительной ареной. вмѣстѣ съ тѣмъ вокругъ одинокихъ прежде вершинъ вырастаетъ цѣлый лѣсъ новыхъ дѣятелей, среди котораго они уже перестаютъ казаться такими великанами, какъ раньше. Въ этой массѣ новыхъ дѣятелей, конечно, есть люди всякихъ калибровъ, отъ очень высокаго до средняго и, быть можетъ, даже весьма невысокаго. Это вполне понятно, въ массѣ люди не бываютъ героями, но зато это уже не единицы, а масса, и она представляетъ не мнѣніе этихъ единицъ, а дѣйствительное общественное мнѣніе, всегда выражающее собой интересы преобладающей массы населенія.

3.

Внутреннее управление.—Судь.—Армия и флотъ.

Внутреннее управленіе Японіи нельзя еще считать окончательно сложившимся. Оно постепенно реформируется, но до сихъ поръ еще очень значительная часть его находится попрежнему въ ру-

какъ централизованной бюрократіи. Въ подробности бюрократическаго механизма современной Японіи мы не будемъ входить, такъ какъ онъ не представляетъ собой ничего ни особенно характернаго, ни интереснаго. Количество чиновниковъ тамъ все-таки чрезвычайно велико, хотя, по сравненію съ прошлымъ, расходъ на содержаніе ихъ составляетъ неизмѣримо меньшій процентъ государственнаго бюджета. Во времена шогуната Токугавъ содержаніе бюрократіи составляло $\frac{2}{8}$ всѣхъ государственныхъ расходовъ, теперь же на жалованье чиновникамъ, включая сюда и служащихъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, затрачивается около 20 милліоновъ іенъ¹, что составляетъ менѣе $\frac{1}{10}$ годового бюджета. По общимъ отзывамъ изучавшихъ Японію, выгоднымъ отличіемъ ея правительственныхъ учрежденій какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ, служитъ то, что въ нихъ пока, можетъ быть, благодаря ихъ молодости, очень мало официальной лжи. Если при какомъ-нибудь учрежденіи показано такое-то количество школъ, то можно съ увѣренностью сказать, что они, дѣйствительно, функционируютъ. Если въ интенданствѣ числится такое-то количество мундировъ и сапогъ, то можно безъ опасеній разсчитывать одѣтъ въ нихъ не цифры въ графѣ солдатъ, а реальныхъ людей. Случаи казнокрадства тамъ до сихъ поръ тоже почти совершенно неизвѣстны. Это тѣмъ болѣе

¹ Іена приблизительно равна рублю.

удивительно, что жалованья чиновниковъ въ Японіи чрезвычайно низки. Министры получаютъ не болѣе 6,000 іенъ, члены палатъ—2,000. Средній же окладъ японскаго чиновника до смѣшного малъ. Общее количество служащихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ Японіи было въ 1898 г. 56.500 чел. Всѣ они въ сложности получали 15.025.931 іенъ содержанія въ годъ¹. Слѣдовательно, въ среднемъ чиновникъ получаетъ 270 іенъ въ годъ жалованья. Конечно, эти цифры нельзя сравнивать съ нашими, такъ какъ жизнь въ Японіи значительно дешевле нашей. Но даже и внося соотвѣтствующую поправку, все-таки нельзя не сказать, что японскій чиновникъ довольствуется очень скромнымъ содержаніемъ, сравнительно съ европейскимъ.

Мѣстное управленіе Японіи обладаетъ смѣшаннымъ характеромъ. Нѣкоторыя стороны его продолжаютъ находиться въ вѣдѣніи бюрократіи, другія отошли уже къ мѣстному самоуправленію. Во главѣ каждой провинціи стоитъ и намѣстникъ, назначаемый министромъ внутреннихъ дѣлъ, и органъ выборнаго управленія. Но сферы вѣдѣнія обѣихъ мѣстныхъ властей строго разграничены, и намѣстникъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла мѣстнаго управленія. Контроль надъ ними принадлежитъ только непосредственно министру.

Въ мѣстныхъ выборахъ принимаютъ участіе всѣ мѣстные жители мужского пола, не моложе 25-ти

---

¹ Богуславскій, „Японія“, стр. 155.

лѣтъ, уплачивающіе не менѣе двухъ іенъ въ годъ прямыми налогами. Подъ этотъ минимумъ подходитъ вся масса осѣдлаго крестьянскаго населенія, такъ что въ мѣстномъ управленіи оно принимаетъ такое же непосредственное участіе, какъ и всѣ остальные жители провинціи. Избиратели выбираютъ представителей въ мѣстное собраніе, собирающееся періодически нѣсколько разъ въ годъ и избирающее уже изъ своей среды предсѣдателя и членовъ постояннаго органа самоуправленія. Въ сферу вѣдѣнія этихъ мѣстныхъ самоуправленій входитъ народное образованіе, народная медицина, санитарная часть, благотворительныя учрежденія, дорожная повинность, мѣстная полиція и содержаніе тюремъ. Доходы ихъ состоятъ изъ мѣстнаго поземельнаго налога, налога на строенія, патентовъ и т. п. Главная часть расходовъ идетъ на образованіе, медицину и дороги. За послѣдніе шесть лѣтъ расходы эти почти удвоились, съ 25^{1/2} мил. іенъ до 40,6 милл.

Городское хозяйство въ городахъ съ населеніемъ, превышающимъ 20 тысячъ, находится всецѣло въ вѣдѣніи мѣстнаго самоуправленія. Въ меньшихъ городскихъ поселеніяхъ оно носитъ смѣшанный характеръ. Городскіе выборы отличаются отъ земскихъ тѣмъ, что въ городахъ избиратели дѣлятся на три класса по суммѣ платимыхъ ими налоговъ, такъ что менѣе состоятельное городское населеніе представлено, въ общемъ, хуже, чѣмъ болѣе зажиточное. Во главѣ городского управленія стоитъ выборный городской голова, одинъ или

два помощника и совѣтъ изъ нѣсколькихъ членовъ, отъ 6 до 12, въ зависимости отъ количества жителей города. Кромѣ того, есть еще собраніе представителей, отъ 30 до 50 человекъ, собирающееся періодически и рѣшающее всѣ важные вопросы городского управленія.

До 1868 года въ Японіи, какъ и во всѣхъ мало культурныхъ странахъ, судебныя функціи соединялись съ административной властью. Правительственные чиновники—губернаторы и даикваны, а въ феодалныхъ владѣніяхъ даймиосы являлись мѣстными судебными инстанціями, и только высшая судебная власть представлялась спеціальнымъ учрежденіемъ. Послѣ реставраціи въ этомъ отношеніи была произведена коренная реформа, получившая окончательную формулировку въ конституціи 1889 года. Въ основу этой реформы было положено полное отдѣленіе судебной власти отъ административной, проведенное по всѣмъ инстанціямъ, начиная отъ высшихъ и кончая самыми низшими. Въ общемъ, современное уголовное законодательство Японіи ближе всего по типу къ французскому. При разработкѣ его основывались, главнымъ образомъ, на кодексъ Наполеона. Впослѣдствіи въ этомъ первоначальномъ проектѣ былъ сдѣланъ рядъ частичныхъ измѣненій, благодаря указаніямъ практики. Теперь въ Японіи существуетъ слѣдующая лѣстница судебныхъ учреждений. Маловажныя преступленія или проступки судятся мировыми судьями; болѣе

серьезныя—окружными судами. Слѣдующей инстанціей служатъ апелляціонныя суды, въ которые можно приносить жалобы на дѣйствія окружного суда въ апелляціонномъ порядкѣ. Кассационныя жалобы приносятся въ кассационный судъ. Высшій кассационный судъ—одинъ; апелляціонныхъ же судовъ—7. Окружные суды существуютъ во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ Японіи, ихъ всего 49. Мировыя же учрежденія имѣются повсемѣстно.

Судъ въ Японіи до послѣдняго времени былъ исключительно коронный, судьи назначаются правительствомъ, хотя и не смѣняемы имъ, и подлежатъ отвѣтственности исключительно по суду. Суда присяжныхъ нѣтъ совсѣмъ. Прокуроры такъ же, какъ и судьи, назначаются изъ лицъ, получившихъ юридическое образованіе; адвокаты же представляютъ собой свободную профессію. Защитѣ тамъ отводится болѣе широкая роль, чѣмъ у насъ. Адвокатъ допускается и къ предварительному слѣдствію, безъ его участія судебный слѣдователь не можетъ вести допроса обвиняемаго и свидѣтелей. Задержаніе челоуѣка, обвиняемаго въ преступленіи, можетъ быть произведено только по постановленію мѣстнаго судьи. Чины полиціи могутъ самостоятельно арестовать его только въ томъ случаѣ, если они застигнутъ его на мѣстѣ преступленія.

Уложеніе о наказаніяхъ было издано въ окончательномъ видѣ въ 1880 г. Оно представляетъ собой опытъ переработки основныхъ началъ, заимствованныхъ изъ кодекса Наполеона, согласно

мѣстному обычному праву. Смертная казнь за наиболѣе тяжкія преступленія до сихъ поръ не отмѣнена тамъ, хотя на практикѣ примѣненіе ея за послѣдніе годы значительно сокращается. Если мы возьмемъ цифры приговоренныхъ къ смертной казни за послѣдніе шестнадцать лѣтъ, то получимъ слѣдующую табличку:

Годы.	Количество пригово- ренныхъ къ смертной казни.
1886	179
1887	112
1888	81
1889	66
1890	89
1891	84
1892	74
1893	79
1894	74
1895	113
1896	87
1897	87
1898	66
1899	47
1900	34
1901	26 ¹ .

Очевидно, что въ послѣдніе годы это страшное наказаніе примѣняется уже не съ такой легкостью, и надо надѣяться, что цивилизація, все шире и глубже прививающаяся въ Японіи, наконецъ, отодвинетъ его въ область прошлаго.

¹ Résumé statistique, 1902 г., ст. 122; Rés. st. 1897, ст. 124; Rés. st. 1892, ст. 124. Stead, ст. 514.

Слѣдующей мѣрой наказанія, замѣняющей смертную казнь, служатъ каторжныя работы на разные сроки. Наконецъ, самымъ распространеннымъ видомъ наказанія, и тамъ, какъ въ большинствѣ странъ, служить тюремное заключеніе. Всѣхъ мѣстъ заключенія въ Японіи въ 1899 г. было 142, а количество содержащихся къ декабрю 1899 г. составляло 60.960 человѣкъ¹. Большая часть этихъ тюремъ, особенно въ отдаленныхъ провинціяхъ, сохранилась еще отъ старыхъ временъ и напоминаетъ тѣ первобытныя учрежденія, въ которыхъ пришлось провести два года Головнину. Вотъ какъ онъ описываетъ ту камеру, въ которой помѣщался первые мѣсяцы заключенія, пока не былъ готовъ домъ, выстроенный специально для русскихъ плѣнниковъ. „Она (моя камера) была въ длину и въ ширину по шести шаговъ; вышиною футовъ восьми; отъ коридора отдѣлялась деревянною рѣшеткою изъ довольно толстыхъ брусевъ, въ которой и двери были съ замкомъ; въ стѣнахъ находились два окна съ крѣпкими деревянными рѣшетками снаружи и съ бумажными ширмами внутри, которыя я могъ отодвигать и задвигать по волѣ; одно окно было обращено къ стѣнѣ какого-то строенія, отстоявшей отъ моей стѣны шагахъ въ двухъ, а другое къ полуденной сторонѣ ограды нашей темницы; изъ этого окна я могъ видѣть горы, поля, часть Сангарскаго пролива и противоположный намъ берегъ Японіи;

¹ Résumé statistique, 1902 г., ст. 110.

посреди каморки стояла деревянная скамейка такой величины, что я едва могъ лежать на ней, а на полу въ одной сторонѣ постланы были три или четыре рогожки—вотъ и вся моя мебель¹. Цѣлый рядъ такихъ камеръ выходилъ въ одинъ общій корридоръ, по которому прохаживалась стража, а иногда туда же выпускались и заключенные. Тюремныя правила въ этихъ тюрьмахъ очень нестроги, арестантовъ легко выпускаютъ на дворъ, окруженный оградой, допускаютъ на свиданья съ ними родныхъ и знакомыхъ и позволяютъ получать съ воли всевозможныя вещи. Вообще по отзыву Головнина японцы очень снисходительные тюремщики; они пытаются чѣмъ возможно облегчить участь заключенныхъ и съ своей стороны не прибавляютъ ничего лишняго къ основному наказанію—лишенію свободы.

Главнымъ недостаткомъ этихъ старинныхъ тюремъ было ихъ плохое санитарное состояніе. Онѣ были тѣсны, и плохо защищены отъ холода зимой, вслѣдствіе чего тамъ часто развивались всякаго рода болѣзни. Въ послѣднее время правительство обратило большое вниманіе на тюремное дѣло и устроило рядъ тюремъ, снабженныхъ всѣми новѣйшими усовершенствованіями. Слѣдствіемъ этого явилось быстрое паденіе заболѣваемости и смертности среди заключенныхъ.

Кромѣ улучшенія санитарныхъ условій, въ этихъ

¹ Головнинъ, „Въ плѣну у японцевъ“, ст. 65.

новыхъ тюрьмахъ вводятся для заключенныхъ разнаго рода работы. Часть этихъ работъ обязательна и идетъ на покрытіе расходовъ казны по ихъ содержанію, а часть продается въ пользу арестантовъ и доставляетъ имъ заработокъ, съ помощью котораго они могутъ прикупить кое-что къ моменту выхода изъ тюрьмы.

Въ послѣднее время въ Японіи поднялись голоса противъ раціональности продолжительнаго тюремнаго заключенія, не какъ карательной, а какъ исправительной мѣры. Съ этой второй точки зрѣнія оно приноситъ по большей части больше вреда, чѣмъ пользы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда преступникъ не представляетъ опасности для общества, изолированье его не можетъ считаться разумнымъ. Исходя изъ этого, тюремное вѣдомство вошло въ министерство юстиціи съ предложеніемъ сокращать сроки тѣмъ изъ заключенныхъ, которые своимъ поведеніемъ въ тюрьмѣ доказали свое исправленіе. По обсужденіи этого проекта рѣшено было освобождать изъ заключенія, по истеченіи трехъ четвертей срока, арестантовъ, не навлекшихъ на себя дисциплинарныхъ наказаній за время заключенія. Въ послѣдніе годы этотъ проектъ уже примѣняется на практикѣ. Въ 1897 году было освобождено 321 заключенныхъ, въ 98 — 338, въ 99 — 398; въ 900 — 346. До истеченія назначеннаго по приговору срока заключенія всѣ они находятся подъ наблюденіемъ полиціи, такъ какъ освобожденіе ихъ называется условнымъ, и они могутъ быть снова

взяты подъ стражу, безъ особаго слѣдствія, если совершать какой-нибудь проступокъ или преступленіе.

Было бы безъ сомнѣнія чрезвычайно интересно показать движеніе преступности въ Японіи, такъ какъ увеличеніе или уменьшеніе преступленій служить очень важнымъ показателемъ культурности страны. Но для этого мы имѣемъ пока слишкомъ мало данныхъ. Во первыхъ, новое уголовное законодательство дѣйствуетъ тамъ лишь съ восьмидесятихъ годовъ, во-вторыхъ, и статистика преступности правильно ведется лишь съ этого же времени, слѣдовательно, мы можемъ сравнивать данныя не болѣе чѣмъ за двадцать лѣтъ, а это слишкомъ малый срокъ для какихъ бы то ни было выводовъ. Тѣмъ не менѣе мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя цифры за послѣднее десятилѣтіе съ 1891 по 1900 г.

Годы.	Преступленія противъ личности.	Преступленія противъ собственности.
1891	9.355	97.030
1892	10.886	108.489
1893	12.143	106.867
1894	13.340	111.144
1895	11.590	95.354
1896	12.009	92.921
1897	13.239	100.079
1898	13.500	100.903
1899	11.789	75.632
1900	7.432	50.430 ¹⁾

Повторяемъ, никакихъ положительныхъ выводовъ изъ этихъ цифръ сдѣлать нельзя, но тѣмъ не

¹ Rés. statist. 1897 г., ст. 122; Rés. st. 1902 г., ст. 122.

менѣ, мы вправѣ сказать, что за послѣднее десятилѣтіе наблюдается нѣкоторая тенденція къ уменьшенію преступленій, особенно если принять во вниманіе значительный приростъ населенія за тотъ же срокъ, благодаря чему абсолютное число преступленій надо относить къ большому количеству населенія и процентъ преступниковъ оказывается меньшимъ. Тенденція эта болѣе замѣтна на преступленіяхъ противъ собственности, чѣмъ на преступленіяхъ противъ личности. Это и понятно. Уменьшеніе преступленій противъ личности завистить отъ общаго поднятія уровня народной нравственности, которае не можетъ сказаться въ такой короткій срокъ. Между тѣмъ преступленія противъ собственности стоятъ въ прямой связи съ экономическимъ положеніемъ населенія и могутъ колебаться непосредственно вслѣдъ за измѣненіемъ матерьяльныхъ условій народной жизни. И уменьшеніе въ Японіи количества преступленій противъ собственности за послѣдніе годы можетъ служить лишнимъ подтвержденіемъ того, что измѣненіе политическаго и экономическаго строя подняло въ общемъ благосостояніе массъ.

Реорганизация суда на европейскихъ началахъ сыграла существенную роль въ международномъ положеніи Японіи. Первая десятилѣтія послѣ открытія гаваней въ Японіи, какъ и во всѣхъ мало культурныхъ странахъ, иностранные подданные были изъяты изъ юрисдикціи мѣстныхъ судовъ: Европейскія государства настолько не довѣряли

старымъ судебнымъ учрежденіямъ Японіи, что не соглашались передать въ ихъ руки охрану личности и правъ своихъ подданныхъ и ставили непрѣмнымъ условіемъ договорныхъ отношеній съ Японіей существованіе особаго консульскаго суда для иноземныхъ подданныхъ. Это выдѣленіе иностранцевъ сильно задѣвало національную гордость Японіи, такъ какъ ставило ее на низшую ступень въ сравненіи съ европейскими государствами. Только послѣ того какъ новые суды были повсемѣстно учреждены въ Японіи и на практикѣ доказали свою пригодность, европейскія государства одно за другимъ признали возможнымъ отказаться отъ привилегіи экстерриторьяльности для своихъ подданныхъ и подчинить ихъ вѣдѣнію мѣстныхъ судовъ. Пересмотръ всѣхъ договоровъ со включеніемъ этого новаго пункта состоялся лишь въ концѣ девяностыхъ годовъ, и экстерриторьяльность была окончательно уничтожена въ 1899 году.

Военное управленіе въ Японіи находится въ вѣдѣніи военнаго и морскаго министерствъ.

Объединенная армія организована была въ Японіи послѣ уничтоженія феодализма, т. е. въ 1872 г., но закончена организація ея только въ 1896 г. Теперь японская армія ни въ какихъ существенныхъ чертахъ не отличается отъ европейскихъ. Комплектуется она на основаніи закона о всеобщей воинской повинности изъ японскихъ подданныхъ,

достигшихъ 20-лѣтняго возраста. Освобождаетъ отъ службы только физическая негодность или лишеніе правъ. Отсрочка дается на 7 лѣтъ по болѣзни, по семейному положенію (единственный взрослый сынъ у престарѣлыхъ родителей) и по занятіямъ — учителямъ, священникамъ и чиновникамъ. Если черезъ семь лѣтъ причины, избавляющія отъ службы, не измѣняются, то человѣкъ освобождается отъ нея окончательно. Срокъ службы трехлѣтній.

Маршалъ Ояма въ статьѣ о составѣ японской арміи приводитъ слѣдующія цифровыя данныя о рекрутскомъ наборѣ за 1901 г. Общее количество явившихся на призывъ молодыхъ людей было 539,282 чел. Распределены они были слѣдующимъ образомъ:

На дѣйствительную службу принято	187,907
Дана отсрочка	108,016
Зачислены въ резервъ	194,003
Освобождены отъ службы	34,278
Прочіе	15,076
Итого	539,280 ¹

Общая численность арміи, находящейся подъ ружьемъ, въ мирное время, по даннымъ Богуславскаго, — 141,600 ч., въ военное время — 358,800. ² Далѣе идетъ резервъ, соотвѣтствующій нашему ополченію, въ который зачисляется излишекъ молодыхъ людей, являющихся ежегодно на призывъ,

¹ Stead, „Japan by the japanese“. Ст. маршала Оямы „Армія“, стр. 117.

² Богуславскій, „Японія“, стр. 292.

Япония.

Маршалъ Ойяма.

Маршалъ Ямагата.

потомъ запасъ, въ который перечисляются солдаты, пробывшіе тригода на службѣ или въ резервѣ, и, наконецъ, — ополченіе.

Въ настоящее время приводимые полковникомъ Богуславскимъ цифровые расчеты представляются сильно устарѣвшими, такъ какъ дѣйствительность показала, что Японія можетъ мобилизовать значительно бѣльшую армію, чѣмъ предполагалось. Вопросъ о томъ, какимъ образомъ пополняется эта армія въ такой короткій срокъ, не можетъ считаться окончательно выясненнымъ. Существуетъ мнѣніе, что японскій резервъ, или по нашему ополченіе, обучается военнымъ приемамъ наравнѣ съ новобранцами, находящимися на дѣйствительной службѣ. Для этого извѣстное количество резервистовъ ежегодно собираютъ въ особыя команды и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ обучаютъ. Кромѣ того, опредѣленную часть солдатъ каждый годъ увольняютъ на довольно большіе сроки въ отпускъ, и ихъ мѣста заполняютъ резервистами, отправляющими службу наравнѣ съ солдатами. Такимъ образомъ, наряду съ арміей всегда имѣется значительный резервъ обученныхъ солдатъ, которыхъ остается только обмундировать и снабдить оружіемъ.

Японскій солдатъ проходитъ очень строгую военную школу и въ смыслѣ военной выучки и военной дисциплины не уступаетъ солдатамъ ни одной европейской арміи. Но, требуя отъ него чрезвычайно большого напряженія во время отбыванія срока службы, военное начальство въ то же время

чрезвычайно заботится о томъ, чтобы ставить солдатъ въ наилучшія по возможности условія жизни. По отзывамъ европейцевъ, японскія казармы положительно не оставляютъ желать ничего лучшаго. Вотъ какъ описываетъ ихъ нѣмецкій путешественникъ Гессе Вартегъ: „Спальни, предназначенныя обыкновенно для 20, 30 солдатъ, очень высокія комнаты, веселыя, свѣтлыя, просторныя, съ очень недурными кроватями съ постелями и подушками, съ достаточнымъ количествомъ столовъ и скамеекъ. Все отличается полнѣйшей чистотой. При всякой казармѣ безъ исключенія есть лазаретъ и нѣсколько просторныхъ бань съ холодной и горячей водой, гдѣ солдаты могутъ, если хотятъ, мыться хоть по два раза въ день. Кухня тоже отличается величайшей чистотой, пища не особенно роскошная“, ¹ но всегда свѣжая и въ достаточномъ количествѣ. Далѣе авторъ съ особеннымъ одобреніемъ описываетъ постановку врачебно-санитарной части при арміи. Организовавъ такъ недавно свою армію вообще, японцы обратили вниманіе далеко не исключительно на военный строй и вооруженіе, они сразу позаботились снабдить свои войска вполне достаточной медицинской помощью. Въ 1877 году въ Японіи былъ основанъ собственный отдѣлъ Краснаго Креста, насчитывавшій въ 1897 году уже 28,000 членовъ, а въ настоящее время имѣющій уже болѣе 400,000 членовъ.

¹ Hesse Wartegg. „China und Japan“, стр. 470.

Японскій военный флотъ организованъ, въ сущности, окончательно только послѣ китайской войны, т.-е. послѣ 1895 года. Въ этомъ его значительное преимущество передъ флотами другихъ державъ. Всѣ главныя военныя суда выстроены въ послѣдніе годы по новѣйшимъ образцамъ и снабжены наилучшими орудіями. Всего численность японскаго флота достигала къ началу 1904 г., по даннымъ Богуславскаго, 168 судовъ. Но изъ нихъ большихъ судовъ, т. е. броненосцевъ и крейсеровъ перваго и втораго класса, къ началу нынѣшней войны было 28. Эти цифры совпадаютъ съ данными о численности японскаго флота, помѣщенными въ книгѣ Стэда „Japan by the Japanese“, гдѣ статья о флотѣ составлена товарищемъ министра флота адмираломъ Саито. Остальныя суда — это минныя транспорты, канонерки, миноносцы и разныя другія служебныя суда. Матросы набираются такъ же, какъ и солдаты, и срокъ службы во флотѣ, такъ же какъ и въ арміи, трехгодичный.

Офицеры и для арміи, и для флота производятся изъ лицъ, окончившихъ спеціальныя военныя и морскія учебныя заведенія. Общее количество офицеровъ въ 1898 году было по арміи 8,460 и по флоту — 1,410.

Тотъ историческій моментъ, въ который Японія вступила въ международныя отношенія съ другими цивилизованными странами, отмѣченъ вездѣ чрезвычайнымъ развитіемъ милитаризма. Волей-неволей Японіи пришлось считаться съ этимъ явленіемъ.

Если она желала обезпечить свою національную самостоятельность и занять равное мѣсто среди другихъ державъ, она по необходимости должна была прежде всего доставить себѣ равныя средства защиты. Это, конечно, не обошлось безъ большого финансоваго напряженія. И это было тѣмъ болѣе тяжело для Японіи, что совпало для нея съ труднымъ моментомъ ломки экономической жизни, перехода отъ натурального хозяйства къ денежному, первыхъ шаговъ крупной промышленности и необходимыхъ расходовъ, связанныхъ съ переходомъ отъ одного соціально-политическаго строя къ другому. Въ настоящее время военные расходы составляютъ тамъ крупную сумму въ 93 милліона іенъ, т. е. $\frac{1}{8}$ всего государственнаго бюджета, равнявшагося въ 1901 году 254.548,000 іенъ. Такой размѣръ военнаго бюджета объясняется отчасти временными причинами. Почти половина его идетъ на такъ называемые экстренные расходы, т. е. на необходимые еще крупные расходы по окончаніи реорганизациіи арміи и флота. Когда будетъ закончена эта подготовительная работа, непропорціональный ростъ военныхъ расходовъ, надо надѣяться, остановится.

Но несмотря на то, что, благодаря исключительнымъ военнымъ расходамъ, военный бюджетъ Японіи поднялся выше нормы, Японія все-таки стоитъ въ этомъ отношеніи въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ европейскія государства. Такъ, въ Россіи въ 1901 году военные расходы составляли

428.450,000 ¹. Если разложить эту сумму на число жителей Россіи, 133 милліона, то получится, что военные расходы падали въ 1901 г. на каждаго жителя въ размѣръ 3,2 рублей. Въ Японіи военные расходы за тотъ же годъ составляли 93,8 милліона, т.-е. при 46 мил. жителей это составляетъ 2,04 рубля на каждаго жителя.

Государственный бюджетъ Японіи вообще сильно возросъ за послѣднее десятилѣтіе. Въ 1891—1892 году онъ составлялъ всего 103.231,488 іенъ, въ 1902—1903 году онъ достигъ 282.432,964 ², т.-е. онъ увеличился болѣе, чѣмъ въ $2\frac{1}{2}$ раза. Но государственные финансы вслѣдствіе этого не пошатнулись, государственный долгъ за послѣдніе годы возросъ не особенно значительно, съ 420 мил. въ 1895 г. до 510 — въ 1901 г. ³, государственныя росписи въ послѣдніе годы сводятся безъ дефицитовъ, составлявшихъ тамъ прежде обычное явленіе.

При этомъ нельзя сказать, чтобы податной гнетъ, падающій на бѣднѣйшіе классы населенія, сколько-нибудь замѣтно возросъ. Единственную форму государственнаго налога на земледѣльческое населеніе составляетъ тамъ поземельный налогъ. За послѣдніе 20 лѣтъ онъ выросъ очень незначительно. Въ 1882—1883 году онъ составлялъ 43,3 мил.,

¹ Цифры, касающіяся Россіи, взяты изъ „Финансовыхъ итоговъ послѣдняго десятилѣтія“, М. Кашкарова, изд. 1904 г., т. II.

² „Financial and economical Annual of Japan“, официальное изданіе министерства финансовъ, Токио, 1903 г., стр. 9.

³ „Resumé statistique de l'Empire de Japon“, Токио, 1902 г., стр. 141.

въ 1901 — 1902 г. онъ составилъ 46,5 милліона ¹, т.-е. за 20 лѣтъ онъ увеличился всего на 3 милл., что въ значительной степени можно отнести на счетъ естественнаго прироста населенія и соотвѣтственнаго развитія хозяйства.

Для того, чтобы представить себѣ, какой тяжестью ложится государственный бюджетъ Японіи на все населеніе страны, любопытно сопоставить государственные расходы Японіи съ расходами главнѣйшихъ европейскихъ государствъ за одинъ годъ.

	1901 г.		
	Государств. расходы въ милліон. фр.	Изъ нихъ на защиту	Государств долгъ
Англія	5.867,00	2.542,93	18,847,4
Германія	7.243,22	1,265,76	17,437,8
Франція	3,602,33	1.022,28	31.119,2
Россія	5.197,34	1.123,96	17.284,9
Японія	685,89	252,50	1,305,0 ²

Такимъ образомъ, несмотря на большой ростъ государственнаго бюджета Японіи, масштабъ государственнаго хозяйства тамъ все-таки несравненно меньшій, чѣмъ въ европейскихъ странахъ. Здѣсь онъ уже давно считается милліардами, тамъ онъ не вышелъ еще изъ милліоновъ, и государственный долгъ Японіи неизмѣримо меньше долговъ великихъ державъ. Между тѣмъ, количество жителей Японіи незначительно разнится отъ европейскихъ

¹ Иб., стр. 137.

² Цифры, касающіяся европейскихъ странъ, взяты изъ Фр. Нитти: „Основныя начала фиансовой науки“, Москва, изд. 1904 г., цифры японскихъ расходовъ взяты изъ официальныхъ японскихъ источниковъ, цитированныхъ выше, но для удобства сравненія переведены тоже во франки, причемъ франкъ взятъ равнымъ 40 коп.

государствѣ, за исключеніемъ только Россіи. Тѣмъ не менѣе по сравненію даже съ Россіей государственные расходы ложатся тамъ на каждого жителя меньшей тягостью, чѣмъ у насъ. Раздѣливъ приведенныя выше суммы государственныхъ расходовъ Россіи и Японіи на количество жителей той и другой, мы получимъ, что на одного японца падаетъ въ годъ 15 франковъ государственныхъ расходовъ, а на одного русскаго 39 франковъ, или 5 іенъ въ Японіи и 11 р. 60 к. въ Россіи. Конечно, на это можно сказать, что жизнь въ Японіи дешевле, а деньги дороже, чѣмъ въ Россіи, и, слѣдовательно, 5 іенъ тамъ труднѣе заплатить, чѣмъ 5 рублей у насъ. Но рядомъ съ этимъ надо обратить вниманіе на то, что въ Японіи въ послѣднее время сдѣлана нѣкоторая попытка ввести болѣе справедливое распредѣленіе государственнаго обложенія, такъ чтобы главная тяжесть его не ложилась исключительно на наиболѣе бѣдные классы населенія. 19-го марта 1887 года въ Японіи введенъ прогрессивный подоходный налогъ. Этотъ налогъ уплачивается всѣми лицами, имѣющими въ годъ болѣе 300 іенъ дохода. При этомъ процентъ, взимаемый государствомъ, увеличивается по мѣрѣ роста дохода въ слѣдующей степени:

Лица, получающія отъ	300— 1,000	въ годъ, платятъ	1%
"	"	"	"
"	1,000—10,000	"	1½%
"	"	"	"
"	10,000—20,000	"	2%
"	"	"	"
"	20,000—30 000	"	2½%
"	"	"	"
"	30,000 и болѣе	"	3%

Поземельный и подоходный налоги составляютъ

два главныхъ вида прямыхъ государственныхъ налоговъ Японіи. Изъ косвенныхъ налоговъ самый большой доходъ государству даетъ налогъ на производство саке (рисовая водка), таможенный и гербовый сборы. Остальные косвенные налоги ложатся преимущественно не на предметы массоваго потребленія, такъ что уплачиваются они, главнымъ образомъ, не трудящейся массой населенія. Мы не будемъ входить въ детальное разсмотрѣніе разныхъ видовъ японскихъ налоговъ, приведемъ только мнѣніе такого компетентнаго лица, какъ англійскій финансистъ Робертъ Гиффинъ. По его словамъ, Японія имѣетъ теперь фискальную систему, „которой можетъ позавидовать любая прогрессивная европейская страна. Налоги большею частью прямые и распределены крайне справедливо, а подоходный налогъ — образецъ справедливости“¹.

Такимъ образомъ, финансовый гнетъ государства на населеніе нельзя считать чрезмѣрнымъ въ Японіи. Абсолютно онъ значительно ниже, чѣмъ въ европейскихъ государствахъ, и въ распределеніи его сдѣланъ нѣкоторый шагъ для внесенія большей справедливости. При нормальномъ теченіи вещей быстрый ростъ промышленности могъ бы дать возможность еще расширить государственное хозяйство, не рискуя подорвать народное благосостояніе. Но, конечно, исключительные расходы, связанные съ войной, не могутъ не нанести большого ущерба государственнымъ финансамъ Японіи.

¹ „Русскія Вѣдомости“, 22 мая 1904 г.

4.

Промышленныя підприємтія правительства.

Со времени реставраціи промышленная жизнь Японіи претерпѣла громаднѣйшій переворотъ. Промышленность изъ ремесленной и кустарной превратилась въ крупную фабричную, торговля въ десятки разъ увеличила свои обороты. Все это, конечно, совершалось не сразу, но все-таки сравнительно въ очень короткій періодъ. Цѣлый рядъ благоприятныхъ условій способствовалъ появленію и росту фабричной промышленности въ Японіи. Условія эти возникли не въ моментъ реставраціи, они существовали и до того, но соціально-политическій строй того времени мѣшалъ имъ проявиться. Небольшая территория Японіи и недостатокъ удобной земли уже давно лишали возможности все ея население кормиться, какъ прежде, исключительно земледѣіемъ. Нѣкоторые подспорные кустарные промыслы только отчасти облегчали мѣстами положеніе сельскаго населенія. Значительная его часть оставалась за бортомъ и шла въ города искать работы. Но гильдейская организація городскихъ ремеслъ не только не давала доступа къ промышленности этимъ выброшеннымъ изъ деревни элементамъ, но даже, наоборотъ, постоянно выбрасывала и изъ своей среды нѣкоторую часть оказывавшуюся лишней, благодаря нерастяжимымъ формамъ гильдейскихъ союзовъ. Такимъ образомъ, еще до воз-

Японія.

никновенія крупной промышленности тамъ образовался своего рода пролетаріатъ, ищущій работы.

Наряду съ этимъ, островной характеръ Японіи и удобство сообщенія съ близъ лежащими странами сулили заранѣе прекрасный рынокъ для ея товаровъ. Внутри страны искусственно поддерживаемый экономическій застой разорялъ ее, мѣшалъ эксплуатировать въ достаточномъ размѣрѣ ея естественныя богатства и силы.

Молодое правительство эпохи реставраціи сознавало все это, понимало, что нужно прежде всего уничтожить пути, связывавшія экономическую жизнь, и потомъ поддержать ея первые шаги на новомъ пути. Эта поддержка со стороны правительства была необходима, такъ какъ третьяго условія для развитія крупной промышленности — капиталовъ, въ странѣ почти не было. Но существованіе двухъ другихъ условій — рабочихъ рукъ, которыя не надо было отрывать отъ другого дѣла, и удобнаго внѣшняго рынка — облегчало задачу правительства и предвѣщало ему успѣхъ.

Громадная масса европейскихъ товаровъ, хлынувшая въ страну тотчасъ же послѣ открытія гаваней и находившая тамъ сбытъ, показывала, что и внутренній спросъ сильно выросъ тамъ за послѣднее время, и что крупная промышленность можетъ разсчитывать также и на внутренній рынокъ.

Разсчеты правительства вполне оправдались на дѣлѣ. Только въ теченіе перваго десятилѣтія ему пришлось оказывать постоянную поддержку круп-

ной промышленности и даже самому являться въ роли предпринимателя. Со второй половины восьмидесятихъ годовъ промышленность становится уже на свои ноги и быстро крѣпнеть и растеть.

Прежде всего, правительство озаботилось улучшеніемъ средствъ сообщенія, какъ внутреннихъ такъ и внѣшнихъ. Первое его крупное предпріятіе была постройка желѣзнодорожныхъ линій. Вмѣстѣ съ этимъ, оно всячески покровительствовало развитію торговаго флота Японіи и прилагало много заботъ къ упорядоченію почтоваго и введенію телеграфнаго сообщенія внутри страны.

Первая желѣзнодорожная линія между Токио и Йокогамой была открыта въ 1872 г. Съ тѣхъ поръ желѣзнодорожное строительство съ каждымъ годомъ все расширялось, причемъ первое десятилѣтіе по 1883 годъ оно находилось исключительно въ рукахъ правительства, далѣе въ немъ начинаютъ принимать участіе и частныя компаніи, и постепенно доля ихъ участія становится все больше. Слѣдующая табличка показываетъ ростъ желѣзнодорожныхъ линій и относительное участіе въ строительствѣ правительства и частныхъ лицъ, съ момента реставраціи до послѣдняго времени:

	Правительств. линій, въ англ. м.	Частныхъ линій
1872—1882 . . .	122	—
1882—1892 . . .	550	1.166
1882—1902 . . .	1.059	2.966

Къ 1903 году длина всѣхъ желѣзнодорожныхъ линій составила 4.237 англійскихъ миль, т.-е. 6.355

нашихъ версть. Абсолютно, это число очень невелико, но если принять во вниманіе небольшую территорію самой Японіи, то оно окажется довольно значительнымъ. Если взять отношеніе протяженія желѣзнодорожныхъ линій къ пространству поверхности въ Японіи и въ Россіи, то оно окажется не въ нашу пользу. Возьмемъ для сравненія одинъ и тотъ же 1900 годъ. Въ Японіи желѣзнодорожная сѣть въ этомъ году равнялась 5.996 в., въ Россіи 48.783 в. Территорія Японіи безъ колоній равняется 333.000 кв. в., территорія Россіи составляетъ 19.683.000 кв. в. Но для правильности сравненія возьмемъ только Европейскую Россію, имѣющую 4.763 кв. в. Изъ общей сѣти желѣзныхъ дорогъ придется въ такомъ случаѣ исключить сибирскія и средне-азиатскія линіи, имѣющія въ суммѣ болѣе 11 тыс. версть протяженія. Останется 37.000 версть. Оказывается, что въ Японіи одна верста желѣзнодорожныхъ линій приходится на 55 кв. в. пространства, а въ Европейской Россіи на 128 в. Слѣдовательно, желѣзнодорожная сѣть въ $2\frac{1}{2}$ раза гуще въ Японіи, чѣмъ въ Европейской Россіи, не смотря на то, что желѣзнодорожное строительство началось тамъ лишь съ 1872 г., а у насъ съ 1848 г. Количество пассажировъ, проѣзжающихъ по желѣзнымъ дорогамъ, служить тоже важнымъ показателемъ ихъ значенія для страны. Въ этомъ отношеніи Японія занимаетъ не послѣднее мѣсто по сравненію съ европейскими государствами, какъ показываютъ слѣдующія цифры:

Страны.	Колич. пассажир. за 1900—901 г.
Англія	1.172.395.900
Германія	848.092.000
Франція	453.193.000
Японія	113.138.983
Россія	101.570.000
Италія	60.029.673
Испанія	33.386.258 ¹ .

Доходность желѣзнодорожнаго хозяйства тоже постепенно растетъ, вмѣстѣ съ ростомъ его размѣровъ, при этомъ растетъ не только абсолютно, но и относительно. За десятилѣтіе съ 1890 г. по 1900 г. общая сумма доходовъ съ желѣзныхъ дорогъ поднялась съ 3.629.942 р. до 19.661.657 р. Доходъ на одну версту составилъ въ 1890 г. — 2.124 р., а въ 1900 г.—3.542 р. ². При этомъ проѣздной тарифъ тамъ вовсе невысокъ. Съ русскимъ его трудно сравнивать, такъ какъ тамъ нѣтъ поясного тарифа, какъ у насъ, но по сравненію съ нѣкоторыми западно - европейскими странами онъ значительно дешевле. Въ Японіи за одну версту въ третьемъ классѣ платится—1 коп., во второмъ—2 к., въ первомъ—3 к. Между тѣмъ, въ Германіи, напр., за одну версту платится 4 пфенига, т.-е. 2 коп., и т. д. Средняя скорость желѣзныхъ дорогъ такая же, какъ и у насъ—отъ 30—60 в. въ часъ. Функционируютъ японскія желѣзныя дороги, по отзывамъ европейцевъ, вполне исправно. „Можно

¹ Цифры взяты изъ „The Statesman's Year-book“, за 1903 г.

² „Résumé statistique de Japon“, 1892 г., ст. 61, 1902 г., ст. 61.

подумать, что онѣ существуютъ здѣсь уже многіе десятки лѣтъ“, говоритъ Вартегъ.

Рядомъ съ желѣзнодорожной дѣятельностью японское правительство все время поощряло судостроеніе и торговое мореплаваніе. Оно давало судостроительнымъ обществамъ и мореходнымъ компаніямъ ссуды и пособія на постройку верфей и для установленія правильныхъ какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ пароходныхъ рейсовъ. Самыя крупныя пароходныя фирмы Японіи „Мицубиши“ и „Нипонъ-Юсень-Каиша“. Къ настоящему времени торговый флотъ Японіи занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ среди торговыхъ флотовъ великихъ державъ. Въ 1871 году Японія имѣла всего 70 пароходовъ, вмѣстимостью въ совокупности въ 21.000 тоннъ. Въ 1899 году у нея насчитывалось 477 пароходовъ, имѣющихъ 474.000 тоннъ вмѣстимости. Для сравненія приведемъ табличку, показывающую количество пароходовъ и ихъ вмѣстимость въ Японіи, въ Соединенныхъ Штатахъ и въ нѣсколькихъ крупнѣйшихъ государствахъ Европы.

1899 г.	Число пароходовъ.	Количество тоннъ въ тысячахъ.
Англія	7.837	11.719
Германія	1.133	1.947
С.-А. Соедин. Штаты .	821	1.236
Франція	639	997
Норвегія	779	737
Испанія	488	538
Японія	477	474
Италія	282	446

1899 г.	Число паро- ходовъ	Количество тоннъ въ тысячахъ
Данія	360	403
Россія	456	393 ¹ .

Слѣдовательно, Японія за четверть вѣка настолько развила свое мореплаваніе, что ея торговый флотъ по количеству тоннъ занялъ седьмое мѣсто среди флотовъ остальныхъ государствъ, а по числу пароходовъ шестое. По количеству же большихъ пароходовъ даже третье. Выше нея стоятъ только Англія и Франція. Число собственныхъ верфей въ ней тоже значительно возросло, особенно за вторую половину 90-хъ годовъ. Въ 1895 году ихъ было 57, а въ 1899 г. уже 136. При этомъ въ послѣдніе годы нѣкоторые японскіе судостроительные заводы стали даже получать иностранные заказы. Такъ, заводъ Кавасаки строилъ въ 1902 году судно въ 700 тоннъ, заказанное китайцами, и въ томъ же году нѣсколько японскихъ заводовъ сразу получили отъ Соединенныхъ Штатовъ заказы на постройку шести канонерокъ.

Изъ японскихъ торговыхъ судовъ большая часть строится теперь въ собственныхъ верфяхъ. Уже въ 1899 году только 26,5% пароходовъ были выстроены за границей, всѣ же остальные въ Японіи. Нѣкоторые изъ этихъ заводовъ настолько велики, что въ нихъ одновременно могутъ строиться по нѣсколько довольно большихъ судовъ. Такъ, въ докѣ компаніи Мицубиши въ Нагасаки въ 1900 г.

¹ Богуславскій, стр. 387.

строились одновременно 9 судовъ, вмѣстимостью въ 21.000 тоннъ. Кромѣ Нагасаки, самые большіе судостроительные заводы находятся въ Токійскомъ заливѣ --- Урага и въ Кобе — Кавазаки. Казенныя верфи имѣются въ Іокосуко и въ Куре. По мнѣнію специалистовъ, японскія верфи не уступаютъ лучшимъ заводамъ Шанхая, Гонъ-Конга и Сингапура. Въ настоящее время въ нихъ могутъ не только строиться торговые пароходы, но даже капитально ремонтироваться и строиться военныя суда. Въ верфи въ Іокосуко въ данный моментъ строится одинъ крейсеръ и нѣсколько миноносцевъ.

Такимъ образомъ, въ своемъ судостроительствѣ Японія постепенно становится все болѣе независимой отъ другихъ державъ, и ея промышленность все болѣе удовлетворяетъ растущимъ нуждамъ ея внутреннихъ и международныхъ сношеній.

Почта, телеграфныя и телефонныя сношенія тоже составляли предметъ постоянныхъ заботъ новаго правительства. Въ настоящее время Японія имѣетъ около 35 тысячъ верстъ телеграфныхъ и около 4 тысячъ—телефонныхъ линий¹, что при ея территоріи составляетъ очень значительное количество. Почта, по отзывамъ рѣшительно всѣхъ путешественниковъ, функционируетъ тамъ идеально, и правительство не жалѣетъ затратъ на то, чтобъ предоставить жителямъ возможно больше удобствъ въ этомъ отношеніи.

¹ „Financial and Economical Annual of Japan“, стр. 132.

Японія.

Броненосецъ Шнкишима.

5.

Ростъ крупной фабричной промышленности.

Говоря о ростѣ фабричной промышленности первое время послѣ реставраціи, приходится тоже останавливаться, главнымъ образомъ, на дѣятельности правительства. И здѣсь оно является въ роли инициатора. Оно задалось цѣлью расшевелить экономическую жизнь страны и не останавливалось передъ дорого стоящими опытами въ этомъ направленіи. Всѣ семидесятые годы наполнены попытками организациі промышленныхъ предпріятій правительствомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ предпріятій должны были служить удовлетворенію собственно государственныхъ потребностей, къ числу такихъ относится устройство верфей, оружейные, пороховые и рельсо-прокатные заводы, монетныя фабрики, фабрики разныхъ обмундировочныхъ предметовъ и т. п. Всѣ этого рода производства не нуждались въ сбытѣ, они работали на опредѣленнаго заказчика и по большей части работали вполнѣ успѣшно. Государство не жалѣло затратъ на приглашеніе опытныхъ руководителей изъ-за границы, старалось сразу поставить дѣло правильно, и все-таки это ему обходилось дешевле, нежели выписка всего необходимаго изъ-за границы.

Нѣсколько въ иномъ положеніи оказывались правительственныя предпріятія, разсчитанныя на сбытъ. Здѣсь приходилось дѣйствовать ощупью, братьяся

за совершенно новое дѣло, не имѣя достаточныхъ свѣдѣній о рынкѣ, не обладая ни технической, ни коммерческой опытностью. Не мудрено, что многіе изъ этихъ первыхъ опытовъ оказывались неудачными и терпѣли крахъ. Товары получались плохого качества и не выдерживали конкуренціи съ иностранными, хотя и болѣе дорогими, но зато несравненно лучше выдѣланными; къ высокимъ же покровительственнымъ пошлинамъ правительство не считало возможнымъ прибѣгать. Или, и при удовлетворительномъ качествѣ они не находили себѣ достаточнаго сбыта внутри, а во внѣ все-таки еще не шли. Такимъ образомъ, возникло и погисло не малое число правительственныхъ фабрикъ и заводовъ—писчебумажныхъ, стеклянныхъ, прядильныхъ и ткацкихъ. Правительству, конечно, подобные неудачные опыты приносили значительный убытокъ, но для страны они были полезнымъ урокомъ. Являлся нѣкоторый опытъ, почва нащупывалась, и уже частныя предпріятія могли возникать съ большей надеждой на успѣхъ.

Съ начала восьмидесятыхъ годовъ все чаще и чаще начинаютъ основываться частныя коммерческія компаніи, частныя фабрики и заводы. Вмѣстѣ съ этимъ правительство постепенно прекращаетъ свою дѣятельность въ этомъ направленіи. Къ концу восьмидесятыхъ годовъ у правительства остались только: арсеналъ военнаго министерства въ Осакѣ, выдѣлывающій орудія и снаряды, верфи морского министерства въ Іосуке и въ Іокогамѣ, прекрасно

устроенныя, судостроительный и орудіиный заводъ въ Куре, изготовляющій орудія всѣхъ калибровъ, пороховые заводы въ Итабамѣ, сталелитейный заводъ Явате и арсеналь въ Токио. Кромѣ того, имѣется еще суконная фабрика въ Сенджи, представляющая солдатское сукно. Изъ заводовъ, не имѣющихъ отношенія къ нуждамъ арміи, правительство владѣеть только одной шелко-прядильней въ Томиокѣ.

Между тѣмъ, ростъ фабричнаго производства не только не замедляется, но наоборотъ, все усиливается и ускоряется. Крупная промышленность уже не нуждается въ поощреніяхъ и поддержкахъ; послѣ первыхъ невѣрныхъ шаговъ она сама себѣ прокладываетъ путь и завоевываетъ положеніе.

Изъ разныхъ отраслей фабричной дѣятельности больше всего развились въ Японіи производство шелковыхъ тканей, хлопчатобумажное, писчебумажное и спичечное производства и далѣе машиностроительное производство, начавшее сильнѣе развиваться въ самые послѣдніе годы.

Шелководство было съ давнихъ временъ извѣстно въ Японіи, но выдѣлка шелковыхъ тканей носила исключительно кустарный характеръ. И до сихъ поръ значительная часть этого производства продолжаетъ находиться въ рукахъ кустарей, хотя шелковыя фабрики въ послѣдніе годы стали возникать все чаще. Въ общемъ, выдѣлка шелку съ половины восьмидесятыхъ годовъ поднялась съ общей суммы на 12.084.071 іенъ въ 1885 г. до 143.739.198 іенъ въ 1898 г., т.-е. въ 12 разъ.

Хлопчатобумажное производство, напротивъ, является тамъ совершенно новою отраслю промышленности, такъ какъ хлопчатобумажныя плантаціи составляютъ большую рѣдкость въ Японіи. Несмотря на это, хлопчатобумажныя фабрики очень быстро привились тамъ. Первая большая бумагопрядильня была открыта въ Осакѣ въ 1882 г., устроенная частнымъ акціонернымъ обществомъ. Она сразу стала давать хорошій доходъ, и вслѣдъ за ней начали основываться другія.

Въ 1887 г. въ Японіи считалось уже	70.220	веретенъ.
„ 1891 „ „ „ „ „	352.980	„
„ 1895 „ „ „ „ „	518.736	„
„ 1899 „ „ „ „ „	2.074.475	„

Соотвѣтственно этому увеличился и размѣръ выдѣлки бумажныхъ тканей на ткацкихъ фабрикахъ. Въ 1889 г. онъ равнялся 312 т. кванъ, въ 1898 г. онъ достигъ 32.163.000 кванъ, т.-е. за 10 лѣтъ онъ выросъ въ 100 разъ. При этомъ не болѣе 10% хлопка, обрабатываемаго на этихъ фабрикахъ, получается съ мѣстныхъ плантацій, 90% выписывается изъ-за границы. Количество рабочихъ на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ равнялось въ 1899 г. 74.146 чел.

Спичечное производство, начавшееся тоже только съ половины 80-хъ годовъ, растетъ не менѣе быстро. Къ концу девяностыхъ годовъ число спичечныхъ фабрикъ было около 300, и количество рабочихъ достигало 80,000.

Одновременно съ этими главными производствами возникали и развивались и другія, постепенно приобретающія все большее значеніе. Ростъ ихъ особенно увеличился въ девяностыхъ годахъ. Наряду съ ткацкими, писчебумажными и спичечными фабриками стало основываться множество самыхъ разнообразныхъ: цементныхъ, керосиновыхъ, стеклянныхъ, спиртоочистительныхъ, химическихъ и фармацевтическихъ и пр.

Наибольшее значеніе изъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ видовъ фабрично-заводской промышленности имѣютъ возникающія въ послѣднее время машиностроительные заводы. Помимо упомянутыхъ уже нами правительственныхъ предпріятій этого рода, въ настоящее время есть уже нѣсколько частныхъ, все расширяющихъ свою дѣятельность. Такъ, въ Кобе дѣйствуетъ большой мѣдно-котельный и машино-строительный заводъ, изготовляющій машины для прядильныхъ фабрикъ и рудниковъ. А въ Осакѣ въ концѣ девяностыхъ годовъ открылся паровозостроительный заводъ, паровозы котораго уже работаютъ въ Японіи и на Формозѣ.

Общее число капиталовъ, вложенныхъ въ фабрично-заводскую промышленность въ Японіи, растетъ очень быстро, доказывая, что дѣятельность эта является теперь выгоднымъ помѣщеніемъ для нихъ. Съ 1894 по 1899 г. количество крупныхъ промышленныхъ предпріятій увеличилось съ 778 до 2,253, а вложенные въ нихъ капиталы съ 44.589,762 іенъ

до 147.783,280 іенъ ¹, т.-е. за 5 лѣтъ капиталъ, находящійся въ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ, увеличился болѣе чѣмъ втрое, а за послѣдніе 15 лѣтъ онъ возросъ въ 20 разъ.

Изъ разныхъ видовъ добывающей промышленности на первомъ планѣ стоитъ разработка каменнаго угля, увеличившаяся за двадцать лѣтъ въ 10 разъ. Въ 1878 г. въ Японіи добывалось 42 милліона пудовъ, а въ 1898—415 милліоновъ. Далѣе идетъ нефть, добыча которой тоже удесятилась за этотъ періодъ, съ 174 тысячъ до 1,880 тысячъ. Обиліе собственнаго каменнаго угля и нефти является громаднымъ подспорьемъ въ ростѣ японской промышленности вообще; Японія не должна выписывать для своихъ фабрикъ и заводовъ топливо изъ-за границы, она имѣетъ его въ достаточномъ количествѣ на мѣстѣ.

Добыча желѣза въ Японіи, хотя и увеличивается довольно значительно, но все же не можетъ удовлетворять растущимъ потребностямъ страны, такъ что желѣзо, какъ въ обработанномъ, такъ и въ необработанномъ видѣ, составляетъ важный предметъ ввоза. Кромѣ желѣза, изъ металловъ тамъ добывается мѣдь и свинецъ въ значительныхъ количествахъ, остальные—серебро, золото, олово—въ меньшихъ.

Картину общаго роста японской промышленности, какъ добывающей, такъ и обрабатывающей,

---

¹ „Resumé statistique de l'empire de Japon“, Tokio, 1902 г., стр. 74.

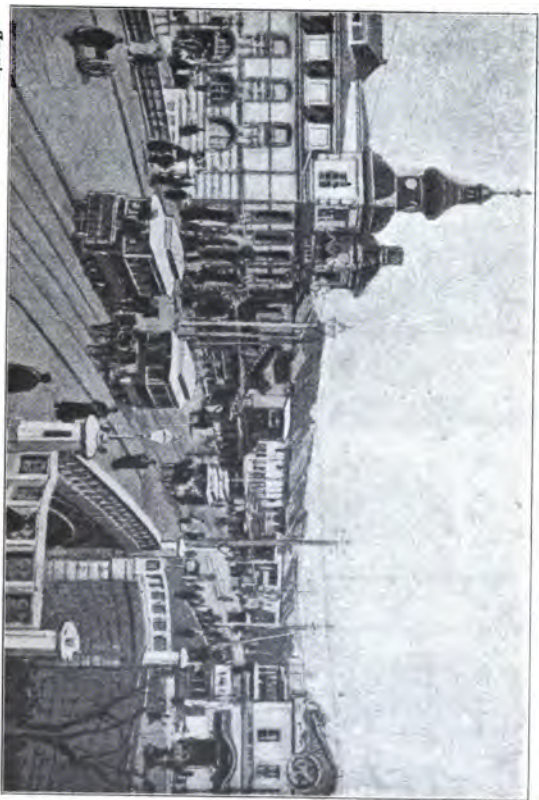
даетъ разсмотрѣніе данныхъ, касающихся движенія внѣшней торговли Японіи за послѣдній періодъ. Слѣдующая табличка даетъ представленіе о ростѣ внѣшней торговли съ 1868 по 1899 г.:

	Ввозъ	Вывозъ	Сумма оборотовъ
	Въ милліонахъ іенъ ¹ .		
Въ 1868 г.	10,6	15,5	26,1
„ 1877 „	27,4	23,3	50,7
„ 1884 „	29,6	33,8	63,4
„ 1888 „	65,4	65,7	131,1
„ 1894 „	117,4	113,2	230,6
„ 1899 „	220,4	214,9	435,3
„ 1901 „	255,8	252,3	508,1

Такимъ образомъ, сумма торговыхъ оборотовъ Японіи за 33 года увеличилась приблизительно въ 20 разъ. Главные предметы вывоза изъ Японіи составляютъ: шелкъ въ сыромъ и обработанномъ видѣ (37⁰/₀), хлопчатобумажныя издѣлья (14⁰/₀), каменный уголь (5⁰/₀), рисъ (5⁰/₀), чай (3⁰/₀), мѣдь (3⁰/₀), соломенныя издѣлья (3⁰/₀) и спички (3⁰/₀). Что касается ввоза, то на первомъ мѣстѣ стоятъ сырой хлопокъ (27⁰/₀), сахаръ (8⁰/₀), хлопчатобумажныя издѣлья (5⁰/₀), бобы (4⁰/₀) и т. д. Но если всмотрѣться повнимательнѣе въ измѣненіе отношенія между различными предметами ввоза и вывоза, то увидимъ, что въ вывозной торговлѣ Японіи начинаютъ играть все большую роль предметы обрабатывающей промышленности, тогда какъ ввозъ

¹ „Financial and Economical Annual of Japan“, Токио, 1903 г., стр. 74.

иностранныхъ издѣлій относительно сокращается. Такъ, еще въ 1883 году 93,4⁰/₀ всѣхъ товаровъ, вывезенныхъ изъ Японіи, составляли сырые продукты: рисъ, чай, сырой шелкъ, уголь, мѣдь и т. п. Всѣхъ же предметовъ обрабатывающей промышленности было вывезено лишь на 2,4 милліона іенъ, причемъ половину составляли кустарныя издѣлья, такъ что собственно фабричная промышленность доставила всего 3⁰/₀ вывоза не болѣе, какъ на 1,2 милліона. Въ 1899 году предметы добывающей промышленности составили всего 40⁰/₀ вывоза, слѣдовательно, обрабатывающая промышленность доставила уже 60⁰/₀, на сумму около 130 милліоновъ іенъ, т.-е. за 16 лѣтъ вывозъ предметовъ обрабатывающей промышленности увеличился болѣе, чѣмъ въ 50 разъ. И на первомъ мѣстѣ изъ различныхъ предметовъ обрабатывающей промышленности стали теперь хлопчатобумажныя ткани (14⁰/₀) и другіе продукты исключительно фабричнаго производства. Въ то же время въ области ввоза происходилъ совершенно обратный процессъ. Въ 1883 г. предметы обрабатывающей промышленности составляли 43,5⁰/₀; въ 1899 г. ввозъ всѣхъ заграничныхъ издѣлій составилъ лишь 17,4⁰/₀ всего ввоза. Соотвѣтственно съ этимъ количество сырья, необходимаго для фабричныхъ производствъ, значительно возросло. Въ 1883 г. оно составляло всего 2⁰/₀ ввоза, въ 1899 г. оно достигло 31,6⁰/₀ ввоза на сумму около 70 милліоновъ іенъ. Изъ всѣхъ этихъ цифръ ясно виденъ не только громадный

Японія.

Улиця вь Токію.

ростъ внѣшной торговли Японіи, но и быстрое развитіе ея фабричной промышленности, продукты которой играютъ въ ней все болѣе значительную роль.

Насколько широка въ настоящее время сама по себѣ внѣшняя торговля Японіи, видно, между прочимъ, изъ того, что въ ней принимаютъ участіе 25 различныхъ странъ; 25 странъ посылаютъ въ Японію свои товары и получаютъ, въ свою очередь, ея произведенія. Конечно, роль этихъ странъ въ торговыхъ оборотахъ съ Японіей далеко не одинакова. Неодинаково также ихъ относительное участіе во ввозѣ и вывозѣ изъ Японіи. Вывозитъ Японія больше всего въ Соединенные Штаты (30⁰/₀ всего вывоза). Туда идутъ, главнымъ образомъ, шелковыя ткани, шелкъ-сырецъ, цинковки и чай. Всего, болѣе чѣмъ на 60 мил. іенъ. Далѣе идетъ Китай (18,7⁰/₀), получающій изъ Японіи бумажныя ткани и пряжу, спички, уголь и разныя съѣдобныя водоросли. Третье мѣсто по вывозу изъ Японіи принадлежитъ Франціи (13,6⁰/₀), вывезшей въ 1899 г. товаровъ почти на 30 милліоновъ іенъ, т.-е. на 75 мил. франковъ. Туда Японія посылаетъ преимущественно мѣдь, шелкъ, рись и разныя мѣстныя бездѣлушки. Англія и ея колоніи вывозятъ, въ общемъ, на 20 мил. іенъ (около 10⁰/₀), причемъ въ Англію идетъ, главнымъ образомъ, рись и мѣдь, въ колоніи же уголь и промышленныя произведенія. Въ Корею, занимающую пятое мѣсто въ вывозной торговлѣ Японіи,

Японія.

отправляются исключительно продукты фабричнаго производства, болѣе всего хлопчатобумажныя ткани. Вывозъ въ Россію очень незначителенъ. Она получаетъ изъ Японіи рисъ, каменный уголь, ковры и разныя фарфоровыя и лакированныя бездѣлушки. Всего въ 1899 году оттуда вывезено въ Россію товаровъ на 3 съ небольшимъ милліона рублей. Въ вывозной торговлѣ Японіи Россіи принадлежитъ десятое мѣсто. Такое же приблизительно мѣсто она занимаетъ и по ввозу туда. Посылаетъ она туда преимущественно нефть, рыбу, сахаръ и разныя случайныя товары.

По ввозу въ Японію первое мѣсто занимаетъ Англія съ колоніями (41⁰/₀), хотя въ теченіе девяностыхъ годовъ ея торговыя обороты нѣсколько уменьшились, что объясняется развитіемъ хлопчатобумажнаго производства въ Японіи и уменьшеніемъ спроса на заграничныя мануфактурныя товары. Теперь Англія торгуетъ съ Японіей, главнымъ образомъ, желѣзомъ, сталью, чугуномъ и сырымъ хлопкомъ изъ Индіи. Въ 1899 г. одного хлопка было привезено въ Японію почти на 40 мил. іенъ. Всевозможныя машины получаютъ въ Японіи также чаще всего изъ Англіи и изъ Соединенныхъ Штатовъ. Кромѣ машинъ, Соединенные Штаты высылаютъ туда сырой хлопокъ, нефть, муку, желѣзо въ разныхъ видахъ и всевозможныя мануфактурныя издѣлія. Китай ввозитъ въ Японію исключительно сырыя произведенія, прежде всего жизненныя припасы: бобы,

рисъ, сахаръ и растительныя удобрения. Далѣ идутъ Германія, Франція и Бельгія, ввозящія на довольно крупныя суммы, и остальныя страны, участвующія лишь въ небольшихъ размѣрахъ въ торговлѣ съ Японіей.

Несмотря на такую обширную международную торговлю Японіи, число иностранцевъ, проживающихъ тамъ, очень невелико. Во всей странѣ въ 1900 г. насчитывалось всего 12.664 ¹ иноземныхъ подданныхъ. При этомъ больше половины этого числа (6.901)—китайцы. Такъ что европейцевъ и американцевъ вмѣстѣ не болѣе 5 тысячъ человекъ; всего больше англичанъ (20⁰/0), затѣмъ американцевъ (12⁰/0), нѣмцевъ, французовъ и корейцевъ. Количество русскихъ, живущихъ тамъ, ничтожно (въ 1900 г.—189). Кромѣ членовъ посольствъ, консульствъ и миссій, большая часть иностранцевъ, проживающихъ въ Японіи,—купцы. На всѣ остальныя профессіи приходится совершенно незначительный остатокъ. Говорить поэтому о томъ, что японская промышленность обязана своимъ существованіемъ не столько японцамъ, сколько иностранцамъ, по меньшей мѣрѣ странно. Какіе-нибудь 5.000 человекъ среди 45 миллионнаго населенія—это капля въ морѣ, и никакого рѣшающаго вліянія на японскую промышленность они не могли имѣть и не имѣли. Конечно, въ началѣ, при возникновеніи разныхъ новыхъ видовъ производства,

---

¹ „Résumé statistique“, стр. 15.

японцы часто приглашали иностранныхъ техниковъ и руководителей такъ же, какъ они приглашали иностранныхъ инструкторовъ въ свою армію. Но такъ же, какъ японская армія состоитъ теперь исключительно изъ японцевъ, такъ и японская промышленность растетъ и развивается совершенно самостоятельно. Участіе въ ней иностранцевъ гораздо меньше, чѣмъ въ любой европейской странѣ.

6. Рабочій вопросъ.

Крупная промышленность, такъ изумительно быстро выросшая въ Японіи, явилась для нея, несомнѣнно, положительнымъ факторомъ. Во-первыхъ, она подняла національное богатство страны и открыла возможность широкому развитію и матеріальной, и духовной культуры. Во-вторыхъ, и трудящимся слоямъ населенія она принесла нѣкоторую пользу. Говоря о Японіи, не приходится разсуждать на тему о томъ, что фабрика отрываетъ населеніе отъ болѣе здороваго и разумнаго земледѣльческаго труда. Не будемъ даже касаться вопроса о томъ, составляетъ ли обработка риса поясъ въ водѣ и нищенская жизнь японскаго крестьянина особенно здоровья и привлекательныя условія существованія. Во всякомъ случаѣ, не фабрика отрываетъ его отъ нихъ. Отрываетъ его малоземелье и быстрый ростъ населенія. Раньше, выброшенный изъ привычныхъ условій жизни, онъ скитался по дорогамъ впроголодь, промышляя чѣмъ

Богъ пошлетъ, теперь онъ идетъ на фабрики и получаетъ, хоть и небольшой, но опредѣленный заработокъ. Конечно, положеніе фабричнаго рабочаго въ Японіи очень тяжело, тяжелѣе, пожалуй, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ, заработокъ его очень невеликъ и рабочій день до самаго послѣдняго времени не былъ ничѣмъ ограниченъ. Но во всякомъ случаѣ есть въ этомъ положеніи нѣкоторые просвѣты, нѣкоторыя надежды на будущее, которыхъ не было раньше. Обыкновенно незавидныя условія жизни современнаго японскаго рабочаго сравниваютъ съ обезпеченнымъ относительно существованіемъ прежняго ремесленника, и, конечно, это сравненіе даетъ поводъ ко многимъ сѣтованіямъ по поводу желѣзныхъ формъ новаго производства, смѣнившихъ идиллически - патріархальныя отношенія, господствовавшія въ прежней ремесленной средѣ. Если покопаться поглубже, то и въ этой идилліи найдется не мало тѣневыхъ сторонъ, въ родѣ безконечнаго ученичества и полнаго произвола хозяина-мастера надъ своими подручными. Но, даже не пытаясь разрушать эту идиллію, мы напомнимъ только одно. Ремесленники въ старой Японіи составляли не трудящуюся массу, а привилегированное меньшинство, огражденное всевозможными исключительными законами, и современнаго рабочаго надо сравнивать не съ ними, а съ тѣмъ бродячимъ людомъ, который, не имѣя ни крова, ни пристанища, скитался по большимъ дорогамъ и по городамъ.

Дѣйствительно, заработокъ японскаго рабочаго очень невеликъ. Въ среднемъ, онъ колеблется отъ 30 до 55 сень ¹ въ день. При этомъ наименьшій заработокъ имѣютъ сельскохозяйственные и кустарные рабочіе, наибольшій—городскіе ремесленники и фабричные. Такъ, земледѣльческій работникъ получалъ въ 1901 г. 30 к. въ день, женщина-работница 19 к. Рабочій на шелковичной плантаціи—33 к., женщина—21 к., между тѣмъ какъ рабочій на кирпичномъ заводѣ получаетъ 56 к., каменотесъ—55 к. Но какъ ни малъ заработокъ японскаго рабочаго, онъ, во всякомъ случаѣ, очень замѣтно растетъ. Во всѣхъ безъ исключенія производствахъ за послѣдніе годы произошло значительное увеличеніе заработной платы. Въ среднемъ, поденный заработокъ японскаго рабочаго увеличивается на 10⁰/₀ въ годъ. Съ 1892 по 1901 г., т.-е. за десять лѣтъ, онъ выросъ, въ среднемъ, на 100 процентовъ, причемъ въ нѣкоторыхъ производствахъ увеличеніе это гораздо значительнѣе. Слѣдующая табличка показываетъ на конкретныхъ примѣрахъ ростъ заработной платы рабочаго за послѣднее десятилѣтіе:

Профессіи:	Поденн. плата въ сенахъ		Увеличен. въ процентахъ
	1892 г.	1901 г.	
Плотники	26	59	126%
Каменщики	30	67	123%
Кровельщики	24	54	125%

¹ Сена почти равна копейкѣ.

Профессіи:	Поденная плата въ сенахъ.		Увеличеніе въ процентахъ.
	1892 г.	1901 г.	
Пильщики	25	58	132%
Кузнецы	25	48	92%
Наборщики	22	39	80%
Экипажные мастера	26	49	90%
Рабочіе на бумажной фабрикѣ	26	53	103%
„ „ ткацкой „	12	29	141%
Красильщики	20	30	50%
Столяры	24	55	128%
Поденщики	22	39	80%

Количество этихъ примѣровъ можно было бы значительно увеличить ¹. Но всѣ они говорятъ одно и то же, что заработная плата, и до сихъ поръ еще далеко не сравнявшаяся съ заработкомъ европейскаго рабочаго, постоянно и правильно возрастаетъ. Нѣкоторые европейскіе писатели, пишущіе о Японіи, находятъ, что постоянный ростъ заработной платы, замѣчаемый вездѣ въ Японіи, служитъ угрозой для ея промышленности. Намъ кажется, что изъ этого факта можно сдѣлать какъ разъ обратные выводы. Если японская промышленность имѣетъ возможность повышать плату за трудъ, то, очевидно, она достаточно окрѣпла для этого. Въ началѣ, при самомъ возникновеніи промышленности, дешевый трудъ, конечно, былъ для нея благоприятнымъ моментомъ. При большихъ издержкахъ на поста-

¹) Данныя взяты изъ таблицы поденныхъ заработковъ за послѣдніе годы, приведенной въ „Financial and Economical Annual of Japan“, 1903 г., стр. 70—71, см. приложение II.

новку дѣла, при технической неопытности, она не могла бы выдержать конкуренціи съ иностранными товарами, если бы ей пришлось оплачивать трудъ своего рабочаго такъ, какъ онъ оплачивается въ Западной Европѣ. Но по мѣрѣ развитія промышленности, по мѣрѣ введенія всевозможныхъ техническихъ усовершенствованій, у нея явилась естественно возможность удешевлять производство не исключительно за счетъ эксплуатаціи труда рабочихъ. Въ то же время лучше оплачиваемый трудъ всегда производительнѣе, такъ что въ итогѣ это повышеніе заработной платы оказалось не только не пагубнымъ, но даже полезнымъ для японской промышленности.

Такое же значеніе имѣетъ и рабочее законодательство, очень долго отвергавшееся японскимъ парламентомъ и, наконецъ, внесенное туда въ формѣ выработаннаго проекта въ іюль 1900 года. До тѣхъ поръ Японія не имѣла никакого specialнаго рабочаго законодательства, и отношенія между предпринимателями и рабочими разсматривались, какъ частныя договорныя отношенія, подлежащія дѣйствию общихъ законовъ. Государство не брало на себя огражденіе рабочихъ, какъ слабѣйшей изъ договаривающихся сторонъ. Послѣдній проектъ рабочаго законодательства сдѣлалъ нѣкоторый шагъ въ этомъ направленіи. Положимъ, шагъ очень небольшой, такъ какъ новое законодательство еще крайне несовершенно и полно всевозможныхъ оговорокъ, могущихъ во многихъ случаяхъ свести къ

нулю его значеніе. Главнымъ недостаткомъ этого законодательства служить отсутствіе установленной закономъ максимальной продолжительности рабочаго дня для взрослыхъ рабочихъ. Этотъ существенный вопросъ предоставленъ „свободному“ договору между хозяиномъ и рабочими. Ограниченія есть только для дѣтскаго труда. Дѣтей до 9 лѣтъ законъ совершенно запрещаетъ употреблять для фабричныхъ работъ. Подростки до 14 лѣтъ не могутъ работать долѣе 11 часовъ въ день съ часовымъ перерывомъ и ни въ какомъ случаѣ не должны быть допускаемы къ ночнымъ работамъ. При этомъ каждое промышленное заведеніе должно имѣть школу и отпускать туда дѣтей до 14-лѣтняго возраста. Относительно взрослыхъ рабочихъ законъ обязываетъ предпринимателя только давать опредѣленные праздники и принимать указанные закономъ предохранительныя мѣры для охраны здоровья и жизни рабочаго. Въ случаѣ какого-нибудь несчастья, происшедшаго безъ умысла рабочаго, законъ требуетъ, чтобы хозяинъ оплатилъ его леченіе. Если онъ окажется неспособнымъ къ труду, хозяинъ обязывается выплачивать ему опредѣленную ренту, а если онъ умретъ — то обезпечить его семью.

Всѣ эти требованія законопроекта крайне умеренны и далеко не защищаютъ рабочаго отъ произвола хозяина. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе составъ японскаго парламента. Проектъ рабочаго законодательства

вотировался въ то время, когда избирательный цензъ не былъ еще даже пониженъ до 10 іенъ. Членами парламента были, слѣдовательно, исключительно представители зажиточныхъ классовъ. Изъ промышленнаго міра представлены были, конечно, только капиталисты-предприниматели. Уже теперь, когда цензъ пониженъ въ $1\frac{1}{2}$ раза, рабочее законодательство могло бы принять, а можетъ быть, и приметъ болѣе широкій и либеральный характеръ. Въ будущемъ, когда японская конституція уступитъ требованіямъ времени и раздвинетъ рамки народнаго представительства, на что есть въ настоящее время большія надежды, японскіе рабочіе получатъ сразу гораздо болѣе шансовъ на дѣйствительную защиту государства.

Къ тому времени рабочій классъ въ Японіи, по всей вѣроятности, настолько организуется, что представитъ собою серьезную силу, съ интересами которой предпринимателямъ придется очень и очень считаться. Уже и въ настоящее время внутренняя организація рабочихъ сдѣлала громадныя успѣхи въ Японіи. Въ нѣкоторыхъ производствахъ тамъ съ давнихъ поръ, еще съ начала 80-хъ годовъ, существуютъ смѣшанныя организаціи, въ которыхъ принимаютъ участіе какъ хозяева, такъ и рабочіе. Примѣромъ можетъ служить общество плотниковъ въ Токио, имѣвшее въ 1902 г. 1.300 членовъ рабочихъ и 300 хозяевъ. Но подобныя общества по большей части не достигаютъ цѣли, такъ какъ, хотя рабочіе и имѣютъ тамъ численный перевѣсъ, но ихъ зависимость отъ

своихъ сочленовъ хозяевъ лишаетъ ихъ самостоятельности и твердости въ отстаиваніи своихъ интересовъ. Въ послѣднее время тамъ основываютъ преимущественно самостоятельные рабочіе союзы. Первымъ изъ чисто рабочихъ союзовъ, поставившихъ себя исключительною цѣлью защиту интересовъ труда былъ такъ называемый „Братскій союзъ рабочихъ“, основанный въ 1897 г. и къ 1899 году насчитывавшій уже болѣе $5\frac{1}{2}$ тысячъ членовъ. Вслѣдъ за тѣмъ стали возникать союзы рабочихъ одного и того же производства. Изъ нихъ самыми значительными можно считать „Союзъ желѣзодѣлательныхъ рабочихъ“ и „Общество ниппонскихъ желѣзнодорожныхъ механиковъ“. Первый изъ нихъ насчитываетъ до 3.000 членовъ. Союзъ механиковъ, организованный по инициативѣ Катаямы, имѣетъ въ настоящее время болѣе 60.000 іенъ капитала. Вскорѣ по возникновеніи союзъ этотъ вступилъ въ борьбу съ предпринимателями и благодаря своимъ значительнымъ капиталамъ, дозволившимъ членамъ его долго держаться, достигъ очень серьезныхъ результатовъ. Желѣзная дорога вынуждена была ввести 8-часовой рабочій день и принять вновь всѣхъ почти уволенныхъ членовъ союза. Эта рѣшительная побѣда рабочихъ сильно оживила рабочее движеніе и ускорила возникновеніе множества новыхъ рабочихъ организацій. Въ одномъ Токио, по словамъ Дюмолара ¹, вовсе не склоннаго къ

---

¹ Dumolard, p. 189.

преувеличеніямъ въ этомъ отношеніи, ихъ насчитываются теперь сотни: четыре союза однихъ банщиковъ, три парикмахерскихъ подмастерьевъ, нѣсколько поваровъ и т. п. Нѣкоторые изъ нихъ очень значительны по количеству членовъ.

Всѣ эти рабочія ассоціаціи, замѣнившія собой консервативныя старыя гильдіи, возникаютъ, конечно, совершенно естественно благодаря новымъ формамъ производства, поставившимъ японскаго рабочаго въ такія же условія труда, какъ и европейскаго. Но, конечно, и здѣсь, какъ и въ Западной Европѣ, сознательное идейное руководство облегчаетъ работу объединенія рабочихъ. „Во многихъ и многихъ мѣстахъ, — пишетъ Дюмоларъ, — гдѣ прежде по вечерамъ японскій ремесленникъ или мелкій лавочникъ слушалъ, покуривая трубочку и попивая изъ маленькихъ чашекъ чай, чтеніе какихъ-нибудь любовныхъ романовъ или героическихъ сказаній о легендарныхъ битвахъ родовъ Таира и Минамото, теперь современные рассказчики украшаютъ цвѣтами японской поэзіи холодныя утопіи Генри Джоржа или Карла Маркса“¹. Конечно, нельзя приписывать всѣ успѣхи рабочаго движенія въ Японіи исключительно пропагандѣ нѣсколькихъ социаллистовъ-агитаторовъ. Это значительно превышаетъ силы молодой социалистической партіи въ Японіи. Ея дѣятельность только потому и имѣетъ тамъ несомнѣнный успѣхъ, что она встрѣчаетъ совер-

---

¹ *Иб.* р. 188.

шенно готовую почву и соотвѣтствуетъ реальнымъ потребностямъ рабочаго класса въ данный моментъ. Однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей социалистическаго движенія тамъ является Катаяма, редакторъ очень популярнаго журнала „Рабочій міръ“, выходящаго два раза въ мѣсяць. По словамъ самого Катаямы социалистическая партія, какъ настоящая политическая партія, только теперь начинаетъ организоваться въ Японіи. До сихъ поръ рабочее движеніе развивалось совершенно самостоятельно, и каждый рабочій союзъ ставилъ себѣ свои собственныя задачи, не объединенныя общей принципіальной цѣлью. Въ послѣдніе годы въ этомъ отношеніи замѣчается тенденція къ объединенію ихъ подъ общимъ знаменемъ. „При настоящихъ обстоятельствахъ, — пишетъ Катаяма, — въ рабочемъ классѣ замѣчается естественная склонность соединиться подъ знаменемъ политической партіи, и мало-по-малу рабочіе союзы превратятся въ политическія партіи. Эта тенденція имѣетъ серьезную причину. Она заключается въ растущемъ вліяніи социализма среди рабочаго класса, который постепенно начинаетъ проникаться его идеями. Ради достиженія своихъ цѣлей социализмъ долженъ заручиться политической опорой. Въ дальнѣйшихъ движеніяхъ надо направлять больше усилій на требованія всеобщей подачи голосовъ, чѣмъ на достиженіе увеличенія заработка. Широкая агитація въ пользу требованія политическихъ правъ должна больше поощряться, чѣмъ отдѣльныя стачки въ цѣ-

ляхъ сокращенія рабочаго дня. Все будущее движеніе должно носить политическій характеръ, и рабочій классъ долженъ объединиться въ политическую партію, чтобы противодѣйствовать вліянію капиталистовъ. Не слѣдуетъ организовать обособленныхъ движеній противъ отдѣльныхъ капиталистовъ или управляющихъ, наоборотъ, это должна быть борьба массы съ классами. Въ этомъ, по моему мнѣнію, заключается методъ рѣшенія проблемы будущаго и только при помощи его можетъ быть разрѣшенъ трудный вопросъ“ . Въ настоящее время социалистическая партія въ Японіи заявила себя рѣшительной и принципиальной противницей войны. Уже послѣ начала военныхъ дѣйствій противъ Россіи она не разъ выступала въ своихъ органахъ съ открытымъ протестомъ противъ дѣйствій правительства.

Во всякомъ случаѣ, организація рабочаго класса сдѣлала большіе успѣхи въ послѣдніе годы, и это имѣетъ большое значеніе для Японіи. Если даже признать, что условія жизни низшихъ слоевъ населенія были лучше до переворота, во всякомъ случаѣ, остановить развитіе капитализма тамъ теперь уже невозможно. Поэтому сознательныя усилія должны быть направлены не къ тому, чтобы вернуть прошлое, а къ тому чтобы ускорить будущее, которое несомнѣнно принесетъ облегченіе трудящимся массамъ.

---

¹, Stead „Japan by the japanese“; Labour — by Katayama, стр. 461.

7.

Народное образованіе.

Заботы объ улучшеніи матеріальной культуры страны не мѣшали японскому правительству относиться съ крайнимъ вниманіемъ къ поднятію умственнаго уровня населенія. Оно сознавало, что могущество государства зависитъ не столько отъ его военныхъ силъ и даже его богатства, сколько отъ степени образованія и сознательности его гражданъ. Эта мысль ясно выражена въ словахъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія Японіи графа Окума: „Первое, въ чемъ мы особенно нуждаемся,— говоритъ онъ,— это образованіе. Только путемъ образованія можетъ нашъ народъ приобрѣсти правильныя понятія о своихъ правахъ и обязанностяхъ при конституціонномъ правленіи. Тридцать лѣтъ тому назадъ едва ли знали, что такое образованіе. Въ настоящее время наше народное образованіе еще не сравнялось съ образованіемъ Соединенныхъ Штатовъ, Германіи или Франціи, но оно уже превосходитъ народное образованіе Италіи, Испаніи, даже Австраліи. Результаты его отразились на дѣйствіяхъ нашей арміи. Побѣды надъ китайцами одержаны нами, конечно, благодаря храбрости нашихъ войскъ и отчасти благодаря развитію у насъ народнаго образованія. Если бы наши военные были такъ же невѣжественны, какъ китайскіе, они не могли бы имѣть и половины тѣхъ побѣдъ,

какія одержали. Когда у насъ только - что была введена общая воинская повинность, большинство нашихъ солдатъ были безграмотны; теперь молодые люди, призываемые въ наборъ, оказываются образованными, и почти всѣ умѣютъ читать и писать. Въ тридцать слѣдующихъ лѣтъ мы надѣемся сдѣлать еще больше, чѣмъ было сдѣлано въ тридцать предыдущихъ, хотя и этого не мало. Я не думаю, что въ будущемъ нашей странѣ предстоитъ окончательно объевропестись. Мы будемъ продолжать развивать свою собственную цивилизацію, составленную изъ смѣси нашей и европейской. По мѣрѣ того, какъ европейская цивилизація будетъ болѣе и болѣе проникать къ намъ, наша собственная будетъ болѣе развиваться вмѣстѣ съ ней и благодаря ей. Въ настоящее именно время эти двѣ цивилизаціи соединяются. Сліяніе ихъ особенно замѣтно въ нашей литературѣ и искусствѣ. По мѣрѣ роста этого процесса, наша литература и наше искусство не будутъ вполнѣ уничтожаться, они разовьются рядомъ съ усиленнымъ введеніемъ иностранной литературы и иностраннаго искусства" ¹.

Слова эти совершенно соотвѣтствуютъ современной дѣйствительности и вполнѣ опредѣляютъ направление правительственной дѣятельности въ дѣлѣ народнаго образованія. Въ первомъ же эдиктѣ по поводу введенія новой системы народнаго образованія въ 1872 г. говорилось: „Законъ имѣетъ въ

---

¹ Petrie Watson, „Japan“, стр. 243.

Японія.

Графъ Окума.

виду такое распространение образования, при котором не могло бы быть деревни съ неграмотнымъ семействомъ и семейства съ неграмотнымъ членомъ". И надо признать, что за три десятка лѣтъ, протекихъ со времени обнародованія этого манифеста, Японія, если не вполне разрѣшила поставленную имъ задачу, то во всякомъ случаѣ сдѣлала громадный шагъ въ направленіи ея. Въ настоящее время Японія по народному образованію занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди наиболѣе цивилизованныхъ странъ. Однимъ изъ важныхъ показателей въ этомъ отношеніи могутъ служить данныя о воинской повинности. Слѣдующая табличка показываетъ процентъ грамотныхъ изъ числа призывныхъ въ Японіи и наиболѣе цивилизованныхъ странахъ, имѣющихъ у себя всеобщую воинскую повинность:

1897 г. ¹

Германія	98 ⁰ / ₀	грамотныхъ
Франція	85	"
Японія	70	"
Австрія	52	"
Россія	22	"

Слѣдовательно въ 1897 г. въ Японіи было 30⁰/₀ неграмотныхъ, изъ лицъ призывного возраста. Но съ тѣхъ поръ этотъ процентъ сильно уменьшился, такъ какъ количество школъ и количество учащихся въ нихъ, какъ показываютъ слѣдующія цифры, растутъ очень быстро:

¹ Богуславскій, стр. 184.
Японія.

Годы.	Число учебных заведений	Число учащихся
1887	27.500	2.833.350
1897	28.508	4.180.211
1902	29.335	5.265.006

Очень любопытно также обратить внимание на изменение процента учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ къ общему числу дѣтей школьнаго возраста :

	Процентъ учащихся мальчиковъ	Процентъ учащихся дѣвочекъ
1873	40 ⁰ / ₀	15%
1882	64%	30%
1893	72%	40%
1902	94%	82%

Если прибавить къ этому дѣтей, получающихъ домашнее образование, то можно смѣло сказать, что въ Японіи въ настоящее время учатся почти всѣ дѣвочки и всѣ мальчики, развѣ за самыми рѣдкими исключеніями. Слѣдовательно, черезъ нѣкоторое время, когда старое поколѣніе смѣнится новымъ, процентъ безграмотныхъ тамъ сведется къ нулю.

Такіе блестящіе успѣхи, достигнутые въ такой короткій промежутокъ времени, объясняются въ значительной степени тѣмъ обстоятельствомъ, что въ своихъ заботахъ о народномъ образованіи японское правительство обращало преимущественное вниманіе на устройство низшихъ школъ, иногда жертвуя имъ интересами средняго и высшаго образованія. Оно разсуждало при этомъ такъ, что среднее и

тѣмъ болѣе высшее образованіе составляютъ нѣ котораго рода роскошь, на которую государство можетъ затрачивать народныя средства только тогда, когда уже положенъ необходимый фундаментъ ввидѣ всеобщаго распространенія начальнаго образованія. Поэтому всячески поощряя частную инициативу въ дѣлѣ основанія всякаго рода общихъ и специальныхъ учебныхъ заведеній высшаго типа, оно ставило въ обязанность всѣмъ правительственнымъ и общественнымъ органамъ управленія заботу о начальномъ народномъ образованіи.

Въ основу начальнаго образованія въ Японіи положены два принципа: общеобязательность и свѣтскость. Всѣ дѣти отъ 6 до 10-лѣтняго возраста должны посѣщать школу, если ихъ родители не представляютъ какихъ-нибудь уважительныхъ причинъ, могущихъ избавить ихъ отъ этой необходимости (болѣзнь, слабость, возможность домашняго образованія и т. п.). Къ сожалѣнію, обученіе тамъ до сихъ поръ еще не бесплатно. За годъ плата за ученіе въ низшихъ школахъ колеблется отъ 4 до 6 іенъ. Конечно, цѣна эта очень небольшая, но все-таки для многихъ семей и она является большимъ обремененіемъ. Платность начальнаго обученія въ Японіи объясняется исключительно громадными затратами на его постановку, бывшими до сихъ поръ не по средствамъ правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда положеніе финансовъ позволяетъ, городскія и сельскія общества уполномочи-

ваются вводить у себя бесплатное обученіе. И въ настоящее время очень многіе ученики освобождаются отъ платы. Такъ, если одинъ ребенокъ изъ семьи уже учится въ школѣ, другого принимаютъ бесплатно. Свидѣтельство о бѣдности тоже избавляетъ отъ обязанности платить за дѣтей. Въ скоромъ времени, вѣроятно, принципъ бесплатности обученія будетъ поставленъ наряду съ принципомъ обязательности.

Второй принципъ свѣтскости образованія проведенъ въ японской школѣ съ полной послѣдовательностью. Яснѣе всего онъ формулированъ въ слѣдующей министерской инструкціи 3-го августа 1899 года: „Такъ какъ съ точки зрѣнія государства, — говорится тамъ, — существенно, чтобы общее образованіе было независимо отъ религіи, то этотъ послѣдній предметъ не долженъ преподаваться, и никакая религіозная церемонія не должна совершаться, хотя бы и во внѣклассное время, въ школахъ правительственныхъ, общественныхъ и во всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ программы курса подчинены правительственному или общественному контролю“.

Требованіе это исполняется безусловно во всѣхъ японскихъ школахъ. Ни одна изъ японскихъ религій не имѣетъ доступа въ школу. Религіозное воспитаніе цѣликомъ предоставлено родителямъ или духовнымъ лицамъ по ихъ выбору. Государство ничего въ этомъ отношеніи не навязываетъ и ничего не поощряетъ. „Японское правительство,—го-

ворить маркизь Ито, — не отступится отъ строгаго безпристрастія въ отношеніи религіи. Я самъ считаю науку, знаніе, культуру достаточной замѣной религіи. Мы будемъ идти по пути европейскаго изслѣдованія и изученія“¹.

Это обстоятельство, между прочимъ, очень невыгодно для всѣхъ вообще миссіонеровъ. Они имѣютъ право, какъ и всякій въ Японіи, основывать свои школы, но школы эти могутъ пользоваться официальными правами и давать льготы только въ томъ случаѣ, если въ нихъ не преподается религія. Иначе окончаніе ихъ не даетъ никакихъ правъ. Открывать школы исключительно свѣтскаго характера для миссіонеровъ, конечно, не представляетъ никакого интереса. Религіозныя же школы привлекаютъ крайне мало охотниковъ. Вслѣдствіе этого, миссіонерскихъ школъ въ Японіи вообще немного и онѣ немногочисленны. Въ 1902 г. во всѣхъ миссіонерскихъ школахъ Японіи было всего 2.482 ученика, изъ нихъ 1.631 дѣвочка и только 851 мальчикъ.

Но строгое проведеніе принципа свѣтскости никакъ нельзя считать оружіемъ, направленнымъ спеціально противъ иностранцевъ или миссіонеровъ, такъ какъ ни буддѣйскимъ, ни шинтоистскимъ школамъ тоже не дается официальныхъ правъ, а иностранцы не миссіонеры, какъ мы увидимъ ниже, свободно допускаются въ правительственныя учебныя заведенія, конечно, преимущественно высшія.

¹ Watson, „Japan“, 1904 г., стр. 238.

Начальныя школы въ Японіи раздѣляются на два разряда низшія и высшія. Въ низшихъ, съ четырехлѣтнимъ курсомъ, преподается японскій языкъ, чтеніе и письмо, ученіе о нравственности, ариѳметика и гимнастика. Очень большимъ обремененіемъ для школьнаго преподаванія является въ настоящее время азбука. Въ Японіи существуютъ въ сущности, двѣ азбуки. Одна изъ нихъ чисто японская—кана, состоитъ изъ 48 знаковъ, соотвѣтствующихъ нашимъ буквамъ. Но при помощи этой азбуки можно изображать лишь разговорныя слова. Литературный языкъ не поддается передачѣ съ помощью ея, такъ какъ въ него вошло большое количество китайскихъ словъ, требующихъ особаго написанія. Вслѣдствіе этого книги печатаются китайскими знаками, число которыхъ безконечно. Чтобы быть вполне грамотнымъ, т.-е. умѣть прочесть любую книгу или газету, надо знать отъ 2 до 3 тысячъ этихъ знаковъ. Ученые же знаютъ ихъ нѣсколько десятковъ. Изученіе этой грамоты, конечно, очень обременяетъ дѣтей, и въ настоящее время въ Японіи идетъ усиленная борьба противъ нея. При этомъ мнѣнія противниковъ китайскаго письма расходятся. Нѣкоторые предлагаютъ замѣнить его „каной“, нѣсколько переработавъ ее, другіе же считаютъ возможнымъ ввести прямо латинскій алфавитъ. Во всякомъ случаѣ то или другое рѣшеніе вопроса, вѣроятно, не заставитъ себя ждать и очень облегчитъ японскихъ школьниковъ.

Въ низшія начальныя школы поступають дѣти 6 лѣтъ. Количество низшихъ начальныхъ школъ и учителей въ нихъ вполне соотвѣтствуетъ въ настоящее время требованію обязательности обученія. Всѣ дѣти школьнаго возраста получаютъ туда доступъ, и на одного учителя приходится не болѣе 50 учениковъ. Въ высшихъ начальныхъ школахъ преподаются, кромѣ тѣхъ же предметовъ, какъ и въ низшихъ, еще японская исторія, географія и естествознаніе. Изъ второстепенныхъ предметовъ: пѣніе, черченіе и гимнастика.

Гимнастикѣ во всѣхъ японскихъ школахъ придается очень серьезное значеніе, и поставлена она тамъ, по отзывамъ посѣщавшихъ японскія школы европейцевъ, прекрасно, не хуже чѣмъ въ Англіи и Америкѣ. Самыя разнообразныя физическія упражненія, примѣняющіяся тамъ, имѣють цѣлью не только развитіе въ дѣтяхъ физической силы и ловкости, они должны въ то же время воспитывать въ нихъ и разныя нравственныя качества—находчивость, самообладаніе, выдержку и эстетическій вкусъ. Интересные примѣры такого рода игръ на открытомъ воздухѣ приводитъ въ статьѣ „Очеркъ современнаго образованія въ Японіи“ русскій путешественникъ, посѣщавшій разныя японскія школы въ минувшемъ году. „Въ одно изъ двукратныхъ посѣщеній японской начальной школы въ Фузанѣ,—пишетъ онъ,—я былъ свидѣтелемъ, между прочимъ, слѣдующей игры мальчиковъ: раздѣленные на двѣ группы, человекъ по 20 въ каждой, они спѣшно

складывали шалаши изъ бамбуковыхъ прутьевъ, обдѣланныхъ такъ, что ихъ можно было скрѣплять между собою различнымъ образомъ. Задача состояла въ томъ, чтобы каждая группа сложила такой шалашъ не дольше какъ въ 15 минутъ по рисунку, выбранному старшиной группы изъ числа пяти, предложенныхъ наставникомъ.

„Одна группа кончила работу въ 12 минутъ, а другая—въ 14 минутъ, и учитель послѣ тщательнаго осмотра работъ, призналъ побѣдительницей вторую группу, такъ какъ шалашъ ея, хотя болѣе сложный, чѣмъ шалашъ первой, оказался по его мнѣнію, прочнѣе. Какъ только мальчуганы выслушали это рѣшеніе, послѣ котораго побѣжденные должны были аплодировать побѣдителямъ, къ каждому изъ шалашей подбѣжала группа дѣвочекъ съ флагами и ленточками, которыми и начали украшать шалаши. Работа ихъ была также „конкурсная“—на время и на изящество, и также по рисунку, выбранному въ каждой группѣ дѣвочками руководителями.

„Въ другихъ частяхъ школьнаго двора происходили гимнастическія упражненія. Мальчики становились въ отдѣльныя пары, въ каждой изъ которыхъ соприкасающіяся между собою ноги, т.-е. правая нога одного мальчугана и лѣвая нога его сосѣда, связывались платкомъ выше щиколки, затѣмъ мальчики каждой пары обнимались другъ съ другомъ, положивъ сосѣдную съ товарищемъ руку черезъ его шею на плечо свободной руки, и

должны были бѣжать къ стоящему передъ каждой парой шесту... Выигрывали тѣ пары, которыя прибѣгали на мѣсто не только скорѣе, но и менѣе уклоняясь отъ прямой линіи на пути. Нѣкоторыя, видимо, болѣе опытныя пары продѣлывали это упражненіе съ большимъ искусствомъ; другія же, особенно одѣтыя въ геты, неуклюже прыгали, какъ воробы, иногда падая съ веселымъ смѣхомъ. Учитель сказалъ мнѣ, что, кромѣ задачи приученія къ ловкости и настойчивости, упражненіе это имѣетъ цѣлью скорѣе примирить дѣтей съ европейской обувью, „которая каждому изъ нихъ нужна будетъ при отбываніи воинской повинности“. По сосѣдству съ этими бѣгающими парами группа школьниковъ съ большимъ воодушевленіемъ предавалась упражненію, которое, можетъ быть, надо назвать немного рискованнымъ: мальчуганъ садился верхомъ на шею болѣе рослаго и крѣпкаго своего товарища, свѣсивъ спереди его плечъ свои ноги, которыя тотъ крѣпко придерживалъ руками. Такой „всадникъ“, съ двумя адъютантами по каждую руку его „коня“, сходился съ другою такою же группою изъ четырехъ мальчугановъ, причемъ каждый всадникъ долженъ былъ стараться обнять противника за шею и, усиливаясь стащить его съ „коня“, заставить просить пощады или послѣдняго, или всадника. Обязанность „адъютантовъ“ состояла въ томъ, чтобы, поддерживая „коня“, отнюдь не позволить ему упасть. Ни драки, ни какихъ-либо рѣзкихъ и намѣренно болѣзненныхъ для противника усилій

при этомъ не допускалось. Зорко слѣдившій за этой борьбой и регулирующій ее учитель на мое замѣчаніе, что она можетъ окончиться плохо для „коня“ или „всадника“, возразилъ мнѣ, что онъ такихъ случаевъ не знаетъ, что упражненію этому обучаютъ дѣтей исподволь, и что оно имѣетъ то достоинство, что приучаетъ дѣтей къ выдержкѣ характера, даже при возбужденномъ состояніи, такъ какъ здѣсь каждому изъ участниковъ борьбы отведена опредѣленная роль, выходъ за предѣлы которой очень не одобрился бы товарищами... Столь же разнообразныя гимнастическія упражненія и игры наблюдалъ я и въ другихъ школахъ—и, между прочимъ, въ начальной школѣ при учительской семинаріи въ Нагасакахъ“¹.

Курсъ въ начальныхъ школахъ продолжается не менѣе двухъ и не болѣе четырехъ лѣтъ, такъ что общій курсъ начального образованія обнимаетъ отъ 5 до 8 лѣтъ. Посѣщеніе высшихъ начальныхъ школъ тоже считается обязательнымъ, но въ настоящее время количество ихъ еще не вполнѣ удовлетворяетъ потребности, такъ что не всѣ, окончившіе низшую школу, находятъ тамъ мѣсто. Во всякомъ случаѣ, число ихъ съ каждымъ годомъ увеличивается.

Въ низшихъ начальныхъ школахъ допускается совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ, въ высшихъ оно ведется отдѣльно. По общимъ отзы-

¹ Алиса Бэконъ, „Женщина въ Японіи“, стр. 392.

вамъ европейцевъ, изучавшихъ школьное дѣло въ Японіи, начальныя школы устроены тамъ превосходно. Прекрасное помѣщеніе, веселый и оживленный видъ учениковъ производятъ пріятное впечатлѣніе на посѣтителя. Учителя не гонятся за педантической дисциплиной; въ классѣ часто раздаются дѣтскіе вопросы и слышится смѣхъ, но зато вниманіе учениковъ не утомляется, и они съ интересомъ слѣдятъ за преподаваніемъ.

Внѣшній видъ японской начальной школы и картина преподаванія въ ней настолько своеобразны и непохожи на наше привычное представленіе о сельской школѣ, что мы позволимъ себѣ привести подробное описаніе посѣщенія школы извѣстнымъ русскимъ путешественникомъ Шрейдеромъ.

„Наконецъ мы пришли въ школу, — пишетъ онъ. — Школьное зданіе, по своему наружному виду, ничѣмъ не отличалось отъ прочихъ японскихъ домовъ ... День былъ солнечный, жаркій, и почти всѣ раздвижныя рамы стѣнъ, затянутыя масляной бумагой, были задвинуты. Окна и дверей, по обыкновенію, не было, и когда мы съ Ойамой (маленькая японская школьница) вступили внутрь, оставивъ ботинки и сандалии у порога, то сначала почти ничего не могли разсмотрѣть, благодаря царившему здѣсь полусвѣту. Насъ встрѣтилъ пожилой японецъ, въ національномъ костюмѣ и огромныхъ круглыхъ очкахъ на носу. Узнавъ о цѣли моего посѣщенія, онъ привѣтливо пожалъ мнѣ руку по европейски и пригласилъ меня сѣсть на стоявшій

здѣсь единственный низенькій табуретъ, на которомъ возсѣдалъ до моего прихода онъ самъ.

„Попросивъ его не прерывать занятій съ многочисленной аудиторіей, состоявшей изъ мальчиковъ и дѣвочекъ шести-восьми-лѣтняго возраста, числомъ до 20,—я съ любопытствомъ сталъ оглядываться по сторонамъ, между тѣмъ какъ моя спутница, отвѣсивъ учителю низкій, поясной поклонъ, какъ это требуется по японскому этикету, усѣлась на свое мѣсто.

„Внутреннее убранство школы поражало своей оригинальностью. Полъ былъ весь устланъ циновками, содержать которыя въ образцовой чистотѣ, какой онѣ здѣсь отличались, было тѣмъ легче, что вся публика сидѣла въ однихъ чулкахъ. На полу ровными рядами расположились ученики около маленькихъ табуретокъ и низенькихъ конторокъ, снабженныхъ всѣми необходимыми письменными принадлежностями, т. е. приборомъ для разведенія туши, кисточкой, пачками мягкой японской бумаги, линейками и книгами. Кромѣ моей табуретки, конторокъ и ученическихъ табуретокъ, никакой другой мебели въ комнатѣ не было. Я невольно обратилъ вниманіе на манеру, съ какой держали себя здѣсь ученики. Я не замѣтилъ въ нихъ и тѣни растерянности, забитости и страха передъ учителемъ; всѣ глядѣли весело, бодро, и держали себя такъ же непринужденно и просто, какъ у себя дома.

„На стѣнахъ (постоянныхъ деревянныхъ было всего двѣ, остальные по обыкновенію раздвигались)

висѣло нѣсколько портретовъ: нынѣшняго императора Японіи, Мутсу Гито, министра народнаго просвѣщенія и еще нѣсколько другихъ, среди которыхъ мое вниманіе остановилъ на себѣ портретъ одного въ высшей степени интереснаго японца, въ костюмѣ, какого нынѣ здѣсь не носятъ. Замѣтивъ мое любопытство, учитель обязательно далъ мнѣ соотвѣтствующія разъясненія.

„Портретъ изображалъ знаменитаго въ Японіи Суговари Мичизане, одной изъ выдающихся и интереснѣйшихъ личностей этой страны...

„Благодарная память потомства сохранила воспоминаніе о его великихъ заслугахъ передъ страной и по настоящее время: по распоряженію правительства, портретъ его помѣщается нынѣ во всѣхъ школахъ, содержимыхъ за счетъ министерства народнаго просвѣщенія, какъ портретъ человѣка, „который долженъ служить идеаломъ для учащагося поколѣнія“. Кромѣ того, въ 25-й день cadaго мѣсяца всѣ школы устраиваютъ празднества въ честь Мичизане, а 25 іюня cadaго года память его чествуется общественнымъ праздникомъ „Матсури“.

„Между тѣмъ занятія въ школѣ продолжали идти своимъ чередомъ: шель урокъ чистописанія, ученики, и ученицы безшумно водили своими кисточками по бумагѣ. Всѣ они еще недавно начали учиться въ школѣ, и потому успѣхи ихъ были не блестящи; но по сверкающимъ глазенкамъ всей этой маленькой группы, свободно и живописно

расположившейся на корточкахъ, какъ кому поудобнѣе, видно было, что они очень увлечены своей работой, изъ силъ выбиваются, чтобы возможно болѣе четко вывести на бумагѣ какую-нибудь замысловатую букву. Сосѣди ежеминутно заглядывали другъ другу въ тетрадки, горячо спорили изъ-за какого-нибудь штриха или черточки, сравнивали тутъ же, не сходя съ мѣста свои работы, острили надъ какимъ-нибудь неправильно выведеннымъ хвостикомъ, и порою здѣсь стоялъ оживленный гомонъ, смѣхъ и веселье; звонкій и задорный голосокъ Оямы покрывалъ часто голоса всей школьной оравы.

„Къ моему удивленію, учитель не только не вскакивалъ съ мѣста для водворенія порядка и прекращенія „списыванья“, но, напротивъ, принималъ самое дѣятельное участіе въ возникающихъ спорахъ и пререканіяхъ товарищей и смотрѣлъ сквозь пальцы на весь этотъ шумъ, добродушно, съ комическимъ видомъ, затыкая себѣ уши лишь тогда, когда становилось ужъ слишкомъ шумно въ классѣ. Аудиторія въ этихъ случаяхъ моментально умолкала, и я слышалъ, какъ по рядамъ учениковъ пробѣгала укоризненный шепотъ.

„Замѣтивъ мое недоумѣніе, вызванное этими непривычными для меня школьными порядками, учитель, улыбнувшись, сказалъ мнѣ, что теперь еще тихо, такъ какъ его буйная молодежь нѣсколько стѣсняется присутствія иностранца; въ обыкновенное же время бываетъ еще шумнѣе и оживленнѣе.

„Видите ли, моя система, какъ и большинства японскихъ педагоговъ, заключается въ томъ, чтобъ дать свободно развиваться дарованію и способностямъ каждаго—это во-первыхъ; не насиловать ихъ—это во-вторыхъ; дать свободу взаимному соревнованію—это въ-третьихъ. Кромѣ того,—добавилъ онъ,—вѣдь я долженъ помнить, что я здѣсь не начальникъ, которому родители отдали подъ надзоръ своихъ дѣтей, а учитель, т.-е., что я являюсь здѣсь въ качествѣ человѣка, болѣе ихъ знающаго и свѣдущаго — и только. Зная это, я и стараюсь исключительно о томъ, чтобы всѣми возможными средствами вызвать въ нихъ интересъ къ ученью и поставить себя въ такія отношенія съ ними, чтобы они, не стѣсняясь, откровенно обращались ко мнѣ за всякимъ разъясненіемъ.

— „А приходится вамъ ихъ когда-нибудь наказывать?—спросилъ я учителя.

— „Да! И очень часто; мое наказаніе заключается въ томъ, что я заявляю имъ о своемъ неудовольствіи, обидѣтъ или не послушаться старшаго считается у насъ большимъ грѣхомъ, и на бѣднаго ребенка просто жалко смотрѣтъ: это для него худшее наказаніе.

— „Много-ли у васъ плохихъ учениковъ?—спросилъ я учителя.

— „У меня плохихъ вовсе нѣтъ; японская поговорка гласитъ: если плохъ ученикъ—значитъ, плохъ учитель; нужно только умѣть заинтересовать

ребенка ученьемъ, и онъ будетъ учиться сколько можетъ“¹.

Особенно великолѣпно устроены японскія начальныя школы въ колонизируемыхъ ею странахъ, на Формозѣ, напр., и въ Корей. Авторъ очерка „О современномъ состояніи образованія въ Японіи“ описываетъ видѣнныя имъ начальныя школы въ Фузанѣ и Гензанѣ. „Въ этой школѣ (въ Фузанѣ),— пишетъ онъ,—около тысячи человѣкъ; зданія ея и обширный дворъ при немъ на превосходномъ мѣстѣ поселенія могутъ удовлетворить самымъ серьезнымъ педагогическимъ требованіямъ“². Такая же школа существуетъ и въ Гензанѣ.

По закону попеченіе о народномъ образованіи и устройство начальныхъ школъ лежитъ на мѣстныхъ самоуправленіяхъ, провинціальныхъ и городскихъ. Правительство устраиваетъ начальныя школы тамъ, гдѣ недостатокъ средствъ мѣшаетъ мѣстнымъ управленіямъ содержать достаточное для всеобщаго образованія количество школъ.

Контингентъ учителей, необходимыхъ для начальныхъ школъ, поставляется, главнымъ образомъ, такъ называемыми нормальными школами, тоже подраздѣляющимися на два разряда, причемъ окончившіе первый разрядъ допускаются только въ низшія начальныя школы, а окончившіе оба, и въ высшія. Эти нормальныя школы ближе всего со-

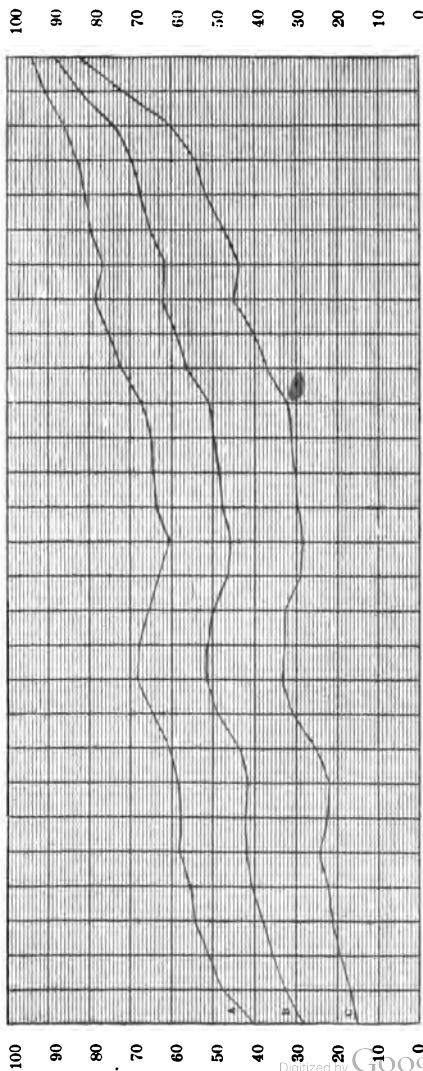
¹ Шрейдеръ, „Иоматойо и его семья“, М. Б., 1895 г., апрѣль, стр. 78—80.

² Алиса Беконъ, „Женщина въ Японіи“, стр. 392.

Діаграма.

Діаграма, показывающая число дѣтей, получившихъ образование, въ процентахъ по отношенію ко всему населенію школьнаго возраста, за двадцать лѣтъ (начиная съ 1873 года).

Діаграма А относится къ дѣтямъ мужескаго пола.
 В " " " " женскаго пола.
 С " " " " женскаго пола.

отвѣтствуютъ нашимъ учительскимъ семинаріямъ и институтамъ. Курсъ ученія въ нихъ продолжается отъ 5 до 8 лѣтъ—въ высшихъ, и отъ 2 до 4 въ низшихъ. Кромѣ теоретическихъ занятій всѣми предметами, входящими въ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ присоединеніемъ къ нимъ педагогики и психологій, въ нормальныхъ школахъ ведутся практическія занятія съ дѣтьми. При каждой нормальной школѣ устроены образцовыя начальныя школы высшаго и низшаго типа. Въ 1902 году нормальныхъ школъ было 54; учениковъ въ нихъ 11.900 мужчинъ и 2000 женщинъ. Количество оканчивающихъ въ нихъ вполне удовлетворяетъ растущей потребности въ учителяхъ для народныхъ школъ.

Большимъ минусомъ въ постановкѣ народнаго образованія въ Японіи служитъ крайне низкая оплата учительскаго труда. Среднее жалованье народнаго учителя колеблется отъ 10 до 15 іенъ въ мѣсяцъ при готовомъ помѣщеніи. Даже и при японскихъ цѣнахъ этого очень мало. Въ настоящій моментъ это не служитъ еще серьезной помѣхой къ постановкѣ народной школы. Въ народные учителя въ Японіи идутъ не ради дохода. Народное образованіе является теперь тамъ своего рода культомъ, на служеніе которому люди съ радостью отдаютъ свои силы и свои дарованія. Народный учитель не можетъ быть поставленъ на одну доску съ какимъ-нибудь мелкимъ чиновникомъ, идущимъ на такое же маленькое жалованіе ради хлѣба на Японію.

суцнаго. Онъ идетъ на свое трудное и скудно оплачиваемое дѣло ради высокой идеи. Какъ и у насъ, онъ „святель знанія на ниву народную“, и это сознаніе помогаетъ ему переносить многое. Но, конечно, государство не должно строить свои расчеты на эксплуатаціи такого идеализма, и министерство народнаго просвѣщенія въ Японіи вполнѣ сознаетъ это и стремится найти средства улучшить положеніе народныхъ учителей.

Наименѣе удовлетворительно поставлено въ Японіи среднее образованіе. Во-первыхъ, общеобразовательныхъ средне-учебныхъ заведеній крайне недостаточно по количеству, а во-вторыхъ, и постановка учебнаго дѣла въ нихъ оставляетъ желать многого.

Общее число среднихъ школъ въ Японіи было въ 1901 г. 242. Учащихся въ нихъ считалось 88.391 человекъ. Абсолютно нельзя сказать, чтобы это было очень мало, но, по сравненію съ количествомъ желающихъ поступить туда, это крайне недостаточно. Въ 1902 году во всѣ общеобразовательныя средне-учебныя заведенія Японіи выразили желаніе поступить 50.848 человекъ, изъ нихъ могло быть принято только 29.596 или 58,6⁰/₀, для остальныхъ не оказалось вакансій въ существующихъ школахъ. Въ среднія школы принимаютъ дѣтей не моложе 12 лѣтъ, имѣющихъ свидѣтельство объ окончаніи двухклассной высшей начальной школы. Курсъ обученія продолжается 6 лѣтъ. Въ программу занятій тамъ входятъ слѣдующіе пред-

меты: японская литература, китайская литература, исторія, географія, 2 европейскіе языка, англійскій и французскій или нѣмецкій, математика, естественная исторія, химія, физика, ученіе о нравственности и гимнастика. Главнымъ недостаткомъ постановки дѣла въ среднихъ школахъ считается чрезмѣрное обиліе предметовъ и черезчуръ высокія требованія отъ учениковъ. Жалобы на переутомленіе учащихся, къ сожалѣнію, не рѣдкость и въ Японіи. Единственнымъ противовѣсомъ противъ перегруженія программъ является тамъ прекрасная постановка физическаго воспитанія. На него въ японскихъ школахъ, начиная съ низшихъ начальныхъ и кончая высшими, вездѣ обращено самое серьезное вниманіе. Самыя разнообразныя физическія упражненія, гимнастика всѣхъ видовъ, подвижныя игры, состязанія въ силѣ, въ ловкости, въ быстротѣ бѣга и находчивости считаются обязательными во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ безъ исключенія, точно такъ же, какъ и въ низшихъ. По рациональности постановки физическаго воспитанія, какъ мы уже говорили выше, по отзывамъ специалистовъ, Японія можетъ съ успѣхомъ конкурировать съ Англійей.

Окончаніе курса средней школы не даетъ еще права на поступленіе въ университетъ. Для этого надо пройти одну изъ такъ называемыхъ высшихъ школь. Ихъ въ настоящее время всего восемь, и доступъ туда еще затруднительнѣе, чѣмъ въ среднія школы. Въ 1902 г. въ нихъ было принято

всего 36⁰/₀ всѣхъ кандидатовъ. Только по окончаніи четырехлѣтняго курса высшей школы молодой человѣкъ можетъ поступить въ университетъ. Такимъ образомъ, до университета онъ долженъ кончить четыре школы: двѣ начальныя и двѣ среднія, т.-е. проучиться 16 лѣтъ. Поступивъ въ низшую начальную школу 6 лѣтъ, онъ добирается до университета только къ 22-мъ. Это, конечно, ненормально поздно, и въ послѣднее время въ Японіи поднимается вопросъ о реформѣ средняго образованія. Предполагается уничтожить совсѣмъ высшія школы и соотвѣтственно съ этимъ пересмотрѣть программы среднихъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы среднее образованіе могло быть заканчиваемо къ 18—19 годамъ.

Университетовъ въ Японіи два—первый, въ Токио, основанный въ 1877 г., и второй въ Киото—въ 1897 г.

Токийскій университетъ имѣетъ шесть факультетовъ: медицинскій, юридическій, естественно-математическій, филологическій, агрономическій и инженерный.

При университетѣ есть нѣсколько научно-вспомогательныхъ учрежденій для практическихъ занятій и ученыхъ изслѣдованій. Университетскія клиники, по отзывамъ русскаго врача Шиманскаго ¹, проработавшаго тамъ нѣсколько лѣтъ, обставлены

---

¹ Отчетъ его былъ помѣщенъ въ „Журналъ акушерства и гинекологіи“ за 1899 г.

образцово и вполнѣ отвѣчаютъ послѣднимъ требованіямъ науки.

При естественно - математическомъ факультетѣ имѣется богатѣйшій ботанической садъ, выписывающій растенія изъ различныхъ частей свѣта и привлекающій массу посѣтителей своей красотой и безупречнымъ порядкомъ.

О сейсмологическомъ обществѣ и сейсмической обсерваторіи намъ уже приходилось упоминать, говоря о землетрясеніяхъ; кромѣ нихъ, тамъ есть еще астрономическая и морская біологическая лабораторія, устроенная въ бухтѣ Куаджиро, чрезвычайно богатой всевозможными видами морскихъ организмовъ. При филологическомъ факультетѣ есть специальная историографическая и археологическая коммиссія, занимающаяся изученіемъ японскихъ древностей.

При инженерной коммисіи организованы различныя образцовыя мастерскія, а при сельскохозяйственной на принадлежащей университету землѣ устроены опытыя поля, питомники и т. п. Наконецъ, при университетѣ же есть всевозможныя кабинеты: физическій, зоологическій, геологическій, антропологическій и богатая бібліотека не только на японскомъ и китайскомъ, но и на многихъ европейскихъ языкахъ (около 200.000 названій европейскихъ книгъ).

Въ настоящее время Токійскій университетъ уже не можетъ быть названъ исключительно учебнымъ заведеніемъ, онъ въ то же время и ученое учрежде-

ніе, изъ среды котораго выходятъ крупныя научныя силы, завоевывающія признаніе и въ Европѣ. Напомнимъ хотя бы знаменитаго японскаго бактериолога Китазато, прославившагося своими изслѣдованіями по чумѣ и изобрѣвшаго вмѣстѣ съ проф. Берингомъ противодифтеритную сыворотку. Другой японскій профессоръ Шига изобрѣлъ противодезинтерійную сыворотку, примѣняющуюся теперь и въ европейскихъ клиникахъ. О работахъ японскихъ ученыхъ въ области геологіи и сейсмологіи намъ уже приходилось упоминать. Въ этой отрасли наиболѣе извѣстны проф. Омори и Секія.

Въ 1901—2 г. всѣхъ слушателей въ токійскомъ университетѣ было 3121, причемъ изъ нихъ 15 иностранцевъ (8 китайцевъ, 3 корейца, 2 филиппинца, 1 индусъ и 1 американецъ). Профессоровъ и преподавателей 245, въ томъ числѣ 18 иностранцевъ (8 нѣмцевъ, 3 американца, 2 англичанина, 1 французъ, 1 русскій, 1 швейцарецъ, 1 итальянецъ и 1 китаецъ). Въ первые годы количество иностранныхъ преподавателей было, конечно, значительно больше. Но, по мѣрѣ того, какъ являлись японцы, подготовившіеся и за-границей, и дома къ занятію каеэдръ, они естественнымъ образомъ замѣняли иностранцевъ. Вообще въ 1902 году всѣхъ иностранцевъ, занимающихся преподаваніемъ въ Японіи, насчитывалось всего 66, причемъ треть изъ нихъ нѣмцы, потомъ англичане и американцы, остальные же считаются единицами.

Въ этомъ нежеланіи допускать иностранцевъ

къ преподаванію сказывается, конечно, стремленіе японцевъ къ независимости въ духовной области. Они охотно заимствуютъ у иностранцевъ то, что имъ кажется полезнымъ и пригоднымъ, охотно сами ѣдутъ учиться въ Европу, но по возможности избѣгаютъ отдавать въ ихъ руки воспитаніе молодежи. вмѣстѣ съ этимъ въ школахъ никогда не воспитывается намѣренно непріязнь и недовѣріе къ иностранцамъ. Въ той же министерской инструкціи 1899 г., о которой намъ уже приходилось упоминать, говорится между прочимъ: „Высоко чтите предковъ и обращайтесь съ вашими родителями съ теплой сердечностью, но не смотрите ни на кого, какъ на вашего врага, потому только, что онъ христіанинъ. Такъ какъ всѣ человѣческія существа суть братья и сестры, то нѣтъ основаній относиться недовѣрчиво къ иностранцамъ. Смотрите на нихъ, какъ на равныхъ, и дѣйствуйте правдиво во всѣхъ вашихъ сношеніяхъ съ ними. Остерегайтесь спланиваться для борьбы противъ иностранца и ненавидѣть его только потому, что онъ иностранецъ. Надо судить людей по ихъ поведенію, а не по ихъ національности“.

Отчасти въ дѣлѣ преподаванія сами европейцы виноваты въ нѣкоторомъ недовѣрїи къ нимъ со стороны японцевъ. Когда Японія была открыта для иностранцевъ, въ Европѣ о ней имѣлось довольно смутное представленіе. Казалось, что у этихъ варваровъ всякій европеецъ, по одному тому, что онъ европеецъ, можетъ сойти за ученаго. Люди,

которымъ не повезло въ своемъ отечествѣ, являлись въ Японію и предлагали свои услуги по части просвѣщенія подданныхъ микадо. И вначалѣ плохое знаніе иностранныхъ языковъ вводило японцевъ въ печальныя недоразумѣнія. Извѣстенъ случай, какъ вскорѣ послѣ переворота 1868 г. преподавателемъ въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній былъ приглашенъ американскій мясникъ. Но это недолго продолжалось. Японское правительство очень скоро замѣтило, что его довѣрчивостью воспользовались разные проходимцы, и приняло свои мѣры. Для иностранцевъ, ищущихъ мѣстъ преподавателей, въ 1874 году былъ установленъ своего рода государственнй экзаменъ, и въ первый же годъ многіе изъ кандидатовъ съ позоромъ провалились. Предполагаемый лекторъ англійской литературы не умѣлъ грамотно писать по англійски, а познанія математика не шли дальше уравненія 2-й степени. Не мудрено, что послѣ этого японцы стали относиться нѣсколько подозрительно къ носителямъ европейскаго просвѣщенія, хотя это не мѣшало настоящимъ европейскимъ ученымъ въ родѣ профессора Мильна, напр., по много лѣтъ подрядъ занимать каѳедры въ токійскомъ университетѣ.

Молодой университетъ въ Кіото еще далеко не сравнялся съ первымъ. Въ немъ пока открыто только 4 факультета: медицинскій, юридическій, естественно-математическій и инженерный. Количество студентовъ въ немъ тоже невелико: въ 1901 г. ихъ было всего около 500. Вполнѣ закончены

устройствомъ въ немъ только медицинскія клиники, въ которыхъ перебывало уже около 40 тысячъ амбулаторныхъ и около $1\frac{1}{2}$ тысячи госпитальныхъ больныхъ.

Кромѣ двухъ университетовъ, въ Японіи есть еще два высшія учебныя заведенія съ общеобразовательнымъ курсомъ. Это сенмонская школа и коллегія Фукузавы. Сенмонская школа имѣетъ три факультета: литературный, юридическій и политическій. Основана она графомъ Окума въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, съ цѣлью, главнымъ образомъ, готовить молодыхъ людей къ общественной дѣятельности и къ литературной карьерѣ. Курсъ въ ней трехлѣтній.

Коллегія Фукузавы самое старѣйшее въ Японіи учебное заведеніе, поставившее преподаваніе на европейскій ладъ. Основано оно еще при старомъ режимѣ въ 1858 году, и вначалѣ европейская наука вводилась туда съ крайней осторожностью, подъ вѣчными опасеніями преслѣдованій за нарушеніе закона. Послѣ реставраціи 1868 года коллегія сразу расцвѣла и привлекла къ себѣ много охотниковъ. Она совмѣщаетъ въ себѣ и среднее, и высшее учебное заведеніе. Мальчики поступаютъ туда по окончаніи 2-хъ-лѣтней высшей начальной школы и проходятъ сначала въ теченіе 7 лѣтъ курсъ среднеучебныхъ заведеній, а потомъ 3 года университетскій. Университетскій курсъ распадается на три отдѣленія: юридическое, политико-экономическое и литературное.

Наконецъ, кромѣ общеобразовательныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ Японіи есть еще не мало специальныхъ, изъ которыхъ мы упомянемъ 15 медицинскихъ школъ съ 4-хъ-лѣтнимъ курсомъ, 15 юридическихъ и политико-экономическихъ, 2 естественно-научныхъ, 6 для изученія языковъ, музыкальная академія и школа изящныхъ искусствъ. Собственно техническія школы, къ которымъ относятся также сельскохозяйственныя, занимаютъ въ Японіи особенно высокое мѣсто и по количеству, и по постановкѣ дѣла. Въ 1901 г. ихъ было счетомъ до 400, съ 36,787 учащимися. Относительно внутренней организаціи ихъ, кажется, нѣтъ двухъ мнѣній. Всѣ онѣ устроены крайне практично и снабжены всѣми новѣйшими пособіями. Особенностью постановки дѣла въ нихъ служитъ то, что онѣ всегда тѣсно связаны съ практическимъ промышленнымъ міромъ. Промышленныя и техническія корпораціи всегда непосредственно наблюдаютъ за ходомъ преподаванія въ тѣхъ школахъ, которыя относятся къ ихъ специальности, и дѣлаютъ соотвѣтствующія практическія указанія. Вслѣдствіе этого, ученики по окончаніи курса оказываются вполне приспособленными къ потребностямъ жизни и быстро находятъ приложеніе для своихъ знаній.

Намъ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о японскомъ студенчествѣ, но, къ сожалѣнію, отзывы европейцевъ, даже такихъ признанныхъ знатоковъ Японіи какъ Гриффисъ, Чэмберленъ и др., служатъ плохимъ матеріаломъ для этого. Всякій видитъ

то, что хочет, и не замѣчаетъ ничего иного каждый противорѣчить другому и даже часто самъ себѣ.

Вотъ для примѣра нѣсколько характеристикъ японскаго студента: „Онъ пылокъ, серьезень, усерденъ, жаждетъ знанія и проникнуть пламеннымъ патріотизмомъ“, — говоритъ одинъ англичанинъ, много лѣтъ занимавшійся преподаваніемъ въ Японіи ¹.

„У японскаго студента одинъ идеаль—получить дипломъ, чтобы обезпечить свое существованіе и удовлетворить самолюбіе,—говоритъ Дюмоларъ.— Ради этой цѣли онъ способенъ на величайшія усилія. Онъ будетъ слушать по 30 курсовъ въ недѣлю, если нужно, онъ будетъ вести записки и выучивать ихъ наизусть. Но не требуйте отъ него собственныхъ размышленій, научной любознательности, интереса къ чему-нибудь, выходящему за предѣлы экзамена,—вы вызовете у него улыбку“ .

Вы уже готовы поставить крестъ надъ японскими студентами. Повидимому, это тупицы, зубрилы и карьеристы. Но, по счастью, Чэмберленъ упрекаетъ ихъ совсѣмъ въ обратномъ.

„Ихъ главный недостатокъ, — говоритъ онъ,—желаніе забѣгать впередъ, руководить самимъ, а не подчиняться. Неповиновеніе составляетъ теперь обычное явленіе“ ³.

Эти слова внушаютъ уже другое опасеніе—въ

---

¹ Petrie Watson. „Japan“, стр. 206.

² Dumolard. „Le Japon politique, économique et social“, p. 214.

³ Chamberlain. „Things japonaise“, ст. 133.

верхоглядствѣ, въ легкомысліи этой молодежи. Но и тутъ вамъ нетрудно найти противовѣсъ:

„Трудолюбіе японскихъ студентовъ внѣ конкурса,—говоритъ профессоръ токійскаго университета, англичанинъ Чарльзъ Диккенсонъ Вестъ,—что касается способностей, то они не отличаются быстротой соображенія. Но если имъ есть время разобранъ что-нибудь, то они разберутъ вопросъ и усвоятъ его не хуже того, кто ихъ учитъ“¹.

Здѣсь, очевидно, имѣются въ виду не тѣ чисто внѣшнія способности усвоенія, какія находилъ у студентовъ Дюмоляръ. Но все-таки тутъ еще не чувствуется того, что такъ цѣнно въ молодежи, извѣстной широты, нѣкотораго идейнаго подъема. Зато у другихъ авторовъ мы можемъ найти жалобы именно на слишкомъ сильное увлеченіе студентовъ отвлеченными теоріями и нежеланіе заняться пріобрѣтеніемъ практически-полезныхъ знаній. Сначала Шопенгауэръ, а потомъ Ницше сводили съ ума японскихъ студентовъ.

„Головы нашихъ студентовъ,—жалуется японскій первый министръ баронъ Сонъ,—наполнены возвышенными идеями, но, къ несчастью, судьбы націй не зависятъ отъ философовъ“².

Нравственная оцѣнка японской молодежи тоже прямо-противоположна у различныхъ авторовъ: „У японской молодежи нѣтъ никакихъ идеаловъ, ни

¹ „Очеркъ образованія въ Японіи“ Н. П. А., стр. 423.

² Petrie Watson. „Japan“, p. 210.

моральныхъ, ни философскихъ, ни религіозныхъ,—увѣряеть Дюмоларь.—Въ ней совсѣмъ нѣтъ того, что принято называть совѣстью“¹.

А рядомъ съ этимъ Гриффисъ, несомнѣнно очень солидный и добросовѣстный изслѣдователь, пишетъ: „Я нашелъ въ нихъ почти всѣ благородныя чувства, служащія украшеніемъ человѣческой природы. Они проявили въ отношеніи ко мнѣ довѣрчивость, симпатію, уваженіе и даже любовь. Я никогда не имѣлъ столкновенія ни съ однимъ изъ нихъ“ .

Кромѣ всѣхъ этихъ одобреній и порицаній и взаимно уничтожающихъ другъ друга упрековъ, въ послѣднее время японскую молодежь стали особенно сильно упрекать за появившееся въ ея средѣ политическое броженіе. „Начиная съ 1888 г.,—говоритъ Чэмберленъ,—появился классъ распущенной молодежи, называемыхъ по японски „соши“, юныхъ агитаторовъ, которые, вообразивъ, что политика — ихъ область, навязываютъ себя и свои мнѣнія министрамъ . . . Будемъ надѣяться, что анархія никогда не посѣтитъ вновь Японіи. Иначе этотъ классъ молодежи явится готовымъ орудіемъ въ ея рукахъ“ .

Прислушавшись ко всѣмъ этимъ мнѣніямъ, мы можемъ заключить одно,—японская студенческая молодежь такая же, какъ и вездѣ. Какъ и вездѣ, въ

¹ Dumolard, p. 218.

² Griffis, „The Mikado Empire“, стр. 539.

³ Chamberlain, „Things japonaise“, стр. 133—134.

ней есть разные типы, разныя группы и разныя теченія. Но въ общемъ это несомнѣнно хорошая и здоровая, работающая, думающая и волнуемая молодежь.

Во всякомъ случаѣ, какова бы она ни была, изъ нея, и ни откуда болѣе, выходятъ всѣ тѣ тысячи врачей, адвокатовъ, инженеровъ, учителей, профессоровъ и писателей, однимъ словомъ, всѣхъ культурныхъ работниковъ современной Японіи. А именно этимъ работникамъ и обязана Японія своимъ изумительнымъ культурнымъ успѣхомъ за послѣднюю четверть вѣка.

8.

Искусство, литература, періодическая пресса.

Въ жизни японскаго народа искусство, и именно изобразительное искусство, — живопись и скульптура, — играло всегда замѣтную роль. Японцы, особенно въ прежнее время, любили окружать себя изящными, удовлетворяющими эстетическій вкусъ, предметами. Ихъ жилища, чрезвычайно простыя по архитектурѣ и внутренней меблировкѣ, почти всегда украшены какими-нибудь картинами, гравюрами и художественными вещицами. Всякая вещь, употребляющаяся въ домашнемъ обиходѣ, — посуда, ширмы, ящики, вѣера, зонтики, всегда украшены какими-нибудь художественными изображеніями, составляющими плодъ фантазіи мастера. Въ настоящее время ростъ фабричной промышленности

въ значительной степени вытѣсняетъ съ рынка эти произведенія художественнаго ремесла. Искусство поневолѣ должно было до нѣкоторой степени обособиться, отойти въ свою специальную область. Впрочемъ, живопись, какъ таковая, уже съ давнихъ поръ существовала въ Японіи рядомъ съ такъ называемой художественной промышленностью. Съ этой послѣдней въ Европѣ познакомились сравнительно давно, еще въ XVIII в., когда туда черезъ посредство голландцевъ стали проникать японскія лакированныя издѣлья, фарфоръ, ширмочки и другія изящныя бездѣлушки.

Но болѣе полное представленіе о японскомъ искусствѣ Европа получила только въ 60-хъ годахъ XIX в., когда на европейскихъ выставкахъ стали появляться картины японскихъ художниковъ. Образцы японской живописи произвели громадное впечатлѣніе на художниковъ, и, быть можетъ, раньше чѣмъ что-либо другое, поколебали укоренившійся взглядъ на Японію, какъ на некультурную варварскую страну. Другія стороны ея быта съ трудомъ поддавались изученію и доходили до публики сквозь призму одностороннихъ и часто пристрастныхъ наблюдателей, а эти произведенія заокеанскихъ мастеровъ являлись живыми свидѣтелями духовной культуры ихъ далекой родины. Многое въ этихъ картинахъ поражало европейца странностью, но многое говорило его чувству прекраснаго вполне понятнымъ языкомъ.

Самый матеріаль японскихъ картинъ настолько

отличается отъ европейскаго, что самъ по себѣ предполагаетъ существенную разницу въ выполненіи. Пишутся японскія картины, главнымъ образомъ, на тонкой шелковой матеріи или на особой плотной бумагѣ, при этомъ онѣ никогда не вставляются въ рамы, а хранятся въ свиткахъ и въ частныхъ домахъ никогда не вывѣшиваются болѣе чѣмъ по одной за разъ. Масляныя краски до знакомства съ Европой совсѣмъ не были извѣстны въ Японіи, точно такъ же, какъ карандашъ, уголь, перо—вообще всѣ твердыя принадлежности для рисованья. Японцы пишутъ исключительно мягкими волосяными кисточками съ помощію туши и акварельныхъ красокъ. Но этими простыми средствами японскіе художники достигаютъ удивительныхъ результатовъ. Глубокое чувство природы, изумительная точность и правда въ изображеніи деталей при поэтической, иногда фантастической концепціи, заставили многихъ европейскихъ художниковъ преклониться предъ японской живописью и привѣтствовать въ ней цѣнный вкладъ въ сокровищницу міроваго искусства.

Здѣсь не мѣсто пытаться дать сколько-нибудь полную характеристику японскаго искусства, требующую специальныхъ знаній и изученія на мѣстѣ. Извѣстный фактъ замѣтнаго вліянія японской живописи на европейскую во второй половинѣ XIX вѣка служитъ достаточнымъ доказательствомъ художественной цѣнности этого искусства.

Тонкое, богатое оттѣнками, вѣрное жизни и въ

Японія.

Пейзажъ.

Картина Гокусан.

26

то же время умѣвшее подняться надъ ней, это искусство могло расцвѣсть только на почвѣ своеобразной, но глубокой культуры. Такой утонченный даръ не дается въ удѣлъ варварскимъ некультурнымъ народамъ. Ихъ пониманіе природы всегда примитивно, средства эстетическихъ наслажденій грубы и однообразны. Но если тамъ, гдѣ мы подозревали варварство, мы находимъ цѣлое богатство художественныхъ образовъ, выработанные художественные приемы, тщательность отдѣлки, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что наше первоначальное предположеніе было ошибочно. Передъ нами навѣрно культура не вчерашняго дня, и корни того, что насъ поражаетъ теперь, уходятъ далеко въ гл. бѣ вѣковъ.

Любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что японское искусство, развивавшееся, конечно, совершенно самостоятельно, переживало въ общихъ чертахъ тѣ же главные фазисы, какъ и европейское. Вначалѣ оно было всецѣло подъ вліяніемъ религіи. Художники первыхъ вѣковъ по распространеніи буддизма писали исключительно на религіозныя темы, изображали Будду и буддійскихъ святыхъ, стараясь, главнымъ образомъ, воплощать религіозную мысль и мало заботясь о вѣрности природѣ. Такъ продолжалось до XV в., когда писалъ *Хо-Ден-са*, картины котораго проникнуты глубокимъ религіознымъ настроеніемъ. Послѣ него религіозная живопись уже не дала ни одного виднаго представителя. Въ ней все больше сказывается фальшь и

Японія.

рутина. Въ XV и XVI вѣкахъ возникаетъ реакція противъ этого направленія, и въ живописи начинается проявляться реализмъ. Появляется новая школа живописи, выдвигающая на первый планъ жанръ и изображающая, главнымъ образомъ, сцены изъ быта низшихъ классовъ населенія. Изъ живописцевъ этой школы особенно прославился *Коринъ*, достигшій изумительной экспрессивности въ изображаемыхъ имъ сценахъ. Съ конца XVII в. жанръ начинаетъ уступать первенствующее мѣсто пейзажу. Это преобладаніе пейзажной живописи продолжается и въ XVIII в. Только тутъ въ художественныхъ приемахъ появляется большая изысканность и утонченность. Въ началѣ XIX в. возникаетъ реакція противъ этой чрезмѣрной утонченности. Искусство до нѣкоторой степени демократизируется. Оно перестаетъ изощряться въ тщательности отдѣлки и стремится производить впечатлѣніе болѣе простыми способами. Въ эту эпоху сильно развивается декоративная живопись и гравированье.

Самымъ извѣстнымъ въ Европѣ представителемъ живописи этого періода былъ *Гокусаи*, жившій съ 1760 — 1849 г. Кромѣ многихъ большихъ картинъ, преимущественно пейзажей, Гокусаи оставилъ послѣ себя небольшіе этюды и, главнымъ образомъ, гравюры. Въ творчествѣ Гокусаи ярко выразились характерныя особенности японской манеры живописи вообще, — близость къ природѣ въ деталяхъ и умѣнье удивительно схватывать и передавать движенье. Иногда нѣсколькими бѣглыми, но

смѣлыми и вѣрными штрихами онъ можетъ изобразить сцену, полную экспрессіи и движенія. Японскіе живописцы всегда придавали большое значеніе этому искусству схватывать движеніе. Относительно одного изъ нихъ, Кана-оке, жившаго еще въ IX в., сохранилось даже преданіе, что онъ до такой степени живо изобразилъ мчащихся лошадей, что онѣ по ночамъ срывались съ картины и скакали по полямъ.

Въ изумительной вѣрности природѣ японцы тоже не знаютъ себѣ равныхъ. Особенно славятся они изображеніемъ животныхъ и нѣкоторыхъ породъ птицъ. Ихъ обезьянки положительно неподражаемы, такъ и чувствуется ихъ мягкая, лоснящаяся шерстка. Въ то же время это не рабское подражаніе природѣ, не фотографія. Въ каждомъ звѣркѣ уловлена его индивидуальность, въ каждомъ небольшомъ пейзажѣ передано его преобладающее настроеніе.

Наряду съ этими крупными достоинствами главнымъ недостаткомъ японской живописи служить плохое знаніе законовъ перспективы. Въ этомъ отношеніи знакомство съ европейскимъ искусствомъ многому научило японцевъ, и въ настоящее время они сдѣлали и въ этомъ направленіи большіе успѣхи.

Но вообще крупный переворотъ, потрясшій всѣ стороны жизни Японіи, сравнительно мало отразился въ области изобразительнаго искусства. Это и понятно. Законы художественнаго творчества лежатъ слишкомъ глубоко въ основахъ на-

родной психологіи, чтобы на нихъ могли вліять непосредственно происходящія въ области политической и экономической жизни катастрофы. Позднѣе, когда измѣнившіяся условія внѣшней жизни окажутъ вліяніе на сущность народнаго быта, а черезъ его посредство до извѣстной степени и на народный характеръ, тогда это измѣненіе отразится въ свою очередь и на свойствахъ художественнаго творчества, обогативъ его новыми вкладами. Пока же, въ періодъ броженія, то, что есть новаго въ этой области, носитъ по преимуществу несамостоятельный, подражательный характеръ и не представляетъ поэтому особаго интереса. Серьезнаго, самобытнаго прогресса за послѣднія десятилѣтія въ японской живописи не замѣчается.

Аналогичное явленіе мы можемъ прослѣдить и въ области японской художественной литературы. Переживаемый теперь Японіей моментъ никакъ нельзя назвать благопріятнымъ для нея. Художественная литература отражаетъ въ себѣ то, что уже сложилось въ жизни, отлилось въ опредѣленные формы, поддающіяся отвлеченію въ образы. Между тѣмъ вся жизнь Японіи теперь въ броженіи, все съ верху до низу перестраивается, старое подвергается переоцѣнкѣ, иногда откидывается, иногда наполняется новымъ содержаніемъ. Японскій народъ, долгіе годы томившійся подъ гнетомъ деспотическаго произвола, скованный рабскими формами соціальныхъ отношеній, теперь весь охваченъ творческой горячкой, какъ будто хочетъ навер-

стать упущенное время. Каждый день приносит съ собой нѣчто новое или уносить какой-нибудь обломокъ отжившей старины. Въ такія эпохи роль художественной литературы трудна и неблагоприятна. Она не можетъ поспѣть за быстро мчащимся потокомъ жизни, не можетъ уловить и запечатлѣть его. Ей приходится или обращаться къ прошлому, къ исторіи, гдѣ все уже кристаллизовалось и легко поддается художественному воспроизведенію, или довольствоваться мимолетными снимками, эскизами, фотографіями жизни, не пытаясь придать имъ обобщающій характеръ, или, въ худшемъ случаѣ, подражать чужимъ образцамъ, не претвореннымъ еще въ собственномъ сознаниі.

Всѣ эти особенности мы и можемъ найти въ японской литературѣ текущаго момента. Несомнѣнно, знакомство съ неисчерпаемыми богатствами европейской литературы не могло пройти безслѣдно для японской. Прежде всего это вліяніе сказалось въ прямомъ подражаніи иностраннымъ образцамъ. Вслѣдъ за переводами иностранныхъ авторовъ, начавшими появляться во множествѣ съ самаго момента открытія гаваней европейцамъ, невольно развилось стремленіе писать въ томъ же родѣ. какъ они, заимствовать у нихъ темы, манеру обработки, даже особенности языка. Появились драмы изъ Оиванской жизни, романы на тему объ Аппіи и Виргиніи, передѣлки Шекспира, Свифта, Жюль Верна и тому подобныя, не имѣющія никакой почвы, произведенія. Другіе авторы, нѣсколько

болѣе самостоятельныя, пытались сохранить само-бытность въ содержаніи, ограничивая заимствованіе только формой. Они оставляли мѣстомъ дѣйствія Японію, но старались европеизировать свои персонажи, ихъ чувства, мысли и даже языкъ.

Осаки Токутара (псевдонимъ Коё) можетъ служить примѣромъ этого рода писателей. Въ его романахъ чувствуется самымъ непосредственнымъ образомъ вліяніе французскихъ и англійскихъ образцовъ. Языкъ у него сжатый, отрывистый, близкій по конструкціи къ англійскому. Темы же несомнѣнно навѣяны французскими психологическими романами. Безконечныя любовныя іереміады его героевъ совершенно чужды и непонятны японскимъ читателямъ. Тѣмъ не менѣе его произведенія пользуются значительной популярностью, такъ какъ въ нихъ чувствуется нѣчто новое, къ чему такъ жадно стремятся теперь всѣ въ Японіи.

Къ этой же категоріи принадлежитъ и *Судо-Нансуи*, авторъ такъ называемыхъ политическихъ романовъ. Изъ его произведеній особенной извѣстностью пользуются „Новыя женщины“. Героиня этого романа, молочница, читающая Спенсера, съ увлеченіемъ разсуждающая о женскихъ правахъ, играющая въ лаунъ-тенисъ. Станный выборъ ея профессіи объясняется тоже принципіальными причинами. Молоко, какъ извѣстно, не употреблялось прежде въ пищу въ Японіи, и пропаганда его явилась чуть не революціей. Въ концѣ концовъ идейная молочница выходитъ замужъ за передового парла-

ментскаго дѣятеля. Художественныхъ достоинствъ въ этомъ романѣ немного, — на каждомъ шагу чувствуется подражаніе различнымъ европейскимъ писателямъ, — но значеніе его для Японіи никакъ нельзя отрицать, значеніе, конечно, скорѣй публицистическое, чѣмъ художественное. Японская молодежь читаетъ его съ такимъ же увлеченіемъ, какъ у насъ въ свое время читалось „Что дѣлать?“ Чернышевскаго.

Тенденціозная беллетристика не составляетъ новаго явленія въ Японіи. Пропаганда тѣхъ или другихъ идей, преимущественно нравственныхъ, нравственное воздѣйствіе на публику всегда считалось тамъ одною изъ главныхъ цѣлей какъ художественной литературы, такъ и театра. Въ статьѣ о японскомъ искусствѣ баронъ Суематсу пишетъ слѣдующее: „Въ Японіи идея „поощренія всего добраго и порицанія всего злого“ всегда имѣлась въ виду при писаніи романовъ или сочиненіи драматическихъ пьесъ. Я знаю, что есть противники этого взгляда. Они говорятъ, что на писаніе романовъ надо смотрѣть, какъ на искусство. Поэтому, если дана реальная дѣйствительность и обрисованы характеры, то цѣль этихъ произведеній достигнута. Я не думаю оспаривать этотъ аргументъ, я только констатирую, что въ Японіи смотрѣли на это иначе. У насъ всѣ характеры, выводимые на сценѣ, несутъ въ себѣ элементъ одобренія или порицанія, и всѣ эти пьесы и въ книгахъ и на сценѣ рассчитаны на то, чтобы

произвести то или другое сильное воздѣйствіе на душу читателя или зрителя“¹.

Такимъ образомъ элементъ пропаганды, встрѣчающійся въ современныхъ произведеніяхъ, не составляетъ чего-нибудь новаго, новы только проводимыя въ нихъ идеи.

Но, конечно, и теперь, какъ и прежде, далеко не всѣ авторы задаются такими публицистическими цѣлями. Многіе просто стремятся только познакомить своихъ читателей съ текущей жизнью, уловить ея характерныя черточки. Въ числѣ ихъ довольно видное мѣсто занимаетъ *Тсубутчи Юзо*, (псевдонимъ Шойо). Романы его написаны очень живо и иногда съ подлиннымъ юморомъ. Въ своемъ романѣ „Сосеи -Катаги“ онъ даетъ рядъ остроумныхъ сенокъ изъ жизни Токійскихъ студентовъ. Вообще, несмотря на явное подражаніе европейцамъ въ нѣкоторыхъ его вещахъ, — такъ, примѣръ, въ драмѣ „Юлій Цезарь“, представляющей переложеніе Шекспира, — Тсубутчи сознаетъ необходимость развивать собственныя художественныя традиціи, хотя и обогащенныя новыми пріобрѣтеньями. Для пропаганды своихъ взглядовъ Тсубутчи основалъ литературно-критическій журналъ „Вазеда Бунгаку“, въ которомъ онъ старается доказывать ихъ теоретически и въ то же время иллюстрировать примѣрами.

Что касается содержанія новыхъ художествен-

¹ Stead „Japan by the Japanese“, ст. 347.

ныхъ произведеній, то оно, конечно, обогащается естественнымъ образомъ вслѣдствіе осложненія самой жизни. Но форма требуетъ сознательной обработки и обновленія. Мы уже говорили о безусловной необходимости реформировать японское письмо, представляющее слишкомъ тяжелый и громоздкій инструментъ, совершенно напрасно обременяющій память. Такая же реформа предстоитъ, вѣроятно, и самому языку. Традиціонный литературный языкъ съ каждымъ днемъ все больше отстаетъ отъ современнаго разговорнаго языка. Многія понятія, вошедшія уже въ жизненный обиходъ, не находятъ себѣ соотвѣтствующихъ изображеній въ китайскихъ идеографахъ, которыми пользуется японская письменность, и поэтому не получаютъ доступа въ литературу. Но постепенно несомнѣнно завоеванія языка, сдѣланныя въ жизни, найдутъ себѣ дорогу и въ письменность и обогатятъ ее новыми формами и понятіями. Самая манера изложенія въ настоящее время замѣтно упрощается подъ вліяніемъ знакомства съ европейскими писателями, хотя пока это замѣчается почти исключительно на беллетристикѣ. Научныя и даже публицистическія произведенія въ большинствѣ случаевъ пишутся еще въ старой манерѣ. Зато нѣкоторые современные беллетристы сдѣлали въ отношеніи формы громадныя успѣхи. Такъ, напримѣръ, *Ивайа Саса-нама* издалъ цѣлый рядъ небольшихъ рассказовъ и волшебныхъ сказокъ на темы старинныхъ легендъ, почти безукоризненныхъ по стилю.

Мы не станемъ, конечно, перечислять всѣхъ именъ современныхъ японскихъ писателей: ихъ очень много, и они очень различны по характеру и цѣнности своихъ произведеній. Но изъ числа ихъ до сихъ поръ еще не выдѣлилось ни одного имени, пользующагося всеобщимъ и исключительнымъ признаніемъ. Это все болѣе или менѣе рядовые, болѣе или менѣе интересные, но не перво-классные писатели. Японскіе критики ставятъ ихъ въ общемъ ниже писателей періода Токугавъ.

То же самое можно сказать и про театръ. Современныя драмы и трагедіи, по мнѣнію специалистовъ, не могутъ сравниться съ излюбленными пьесами XVIII вѣка. Баронъ Суематсу заканчиваетъ свою статью о литературѣ слѣдующими словами: „Романовъ писалось и пишется теперь очень много. До сихъ поръ мы не произвели еще ни одного великаго писателя, равнаго талантамъ періода Токугавъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мы сдѣлали успѣхи. Въ то время какъ художественные писатели эпохи Токугавъ не обладали сами по себѣ большимъ образованіемъ, — современные авторы по большей части люди развитые и просвѣщенные; многіе изъ нихъ получили университетское образованіе и хорошо знакомы съ западной литературой. Если только публика поддержитъ ихъ и побудитъ продолжать ихъ дѣло, я вполне убѣжденъ, что они добьются успѣха. Я долженъ сказать, что новые люди современнаго поколѣнія писали также и драматическія произведенія. Однако до сихъ поръ

они не имѣли того, что можно назвать успѣхомъ. Ни одно изъ современныхъ произведеній не сравнялось съ „Чишингуши“ (47 рониновъ) и „Сендаихаги“ періода Токугавъ“¹.

Изъ всего сказаннаго можно сдѣлать заключеніе, что художественное творчество въ Японіи вообще находится въ настоящее время въ періодъ упадка. И въ этомъ заключеніи есть несомнѣнно большая доля истины. Ни живопись, ни литература, ни драматическое творчество не выдвинули въ послѣднія десятилѣтія именъ, которыя могли бы сравняться съ крупными художниками предыдущей эпохи. Съ этимъ мнѣніемъ, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ выше словъ барона Суематсу, согласны и сами японцы. И это вполне естественно. Творчество въ жизни имѣетъ несомнѣнно болѣе притягательную силу, чѣмъ творчество въ искусствѣ. И мы были бы болѣе удивлены, еслибъ въ періодъ такой интенсивной перестройки всѣхъ основъ жизни, въ моментъ напряженія всѣхъ созидательныхъ силъ націи мы встрѣтили бы тамъ расцвѣтъ спокойнаго художественнаго творчества. Когда жизнь окончательно отоляется въ новыя формы и установится, тогда настанетъ время ея отраженія — искусства. За то, что это время несомнѣнно наступитъ, говорить все прошлое японскаго народа, говорить его эстетическія склонности, говорить предшествовавшій расцвѣтъ художественнаго творчества и въ

1в. ст. 549.

литературѣ и въ живописи. Теперь же Японія переживаетъ моментъ, когда и силы, и интересы націи отвлечены отъ области искусства къ практической жизни и къ тѣмъ знаніямъ, какія имѣютъ болѣе непосредственное отношеніе къ ея устройству. Этотъ же фактъ подтверждается и наблюденіемъ надъ относительнымъ распространеніемъ печатныхъ произведеній, относящихся къ разнымъ отраслямъ.

За 1899 годъ общее количество всѣхъ печатныхъ произведеній, изданныхъ въ Японіи, равнялось 21.255. Если мы распредѣлимъ эти книги на нѣсколько крупныхъ группъ, то мы получимъ слѣдующую табличку:

	1899 г. Количество названій
Общественныя науки	5.720
Естественныя и матем. науки . . .	2.219
Религія, философія и нравствен . .	1.431
Прикладныя знанія	2.886
Художественныя произведенія . . .	1.609
Сочиненія по искусству	1.457
Справочн. изд., брошюры и проч. .	5.933 ¹

Изъ этихъ цифръ видно, что первое мѣсто въ ряду печатныхъ произведеній по количеству занимаютъ книги по общественнымъ наукамъ. Далѣе идутъ прикладныя знанія и естественныя и математическія науки, беллетристика же занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ.

¹ Цифры взяты изъ Таблицы печатныхъ произведеній въ „Résumé statistique“, за 1902 г., ст. 89.

Приведенныя нами цифры относятся исключительно къ оригинальнымъ произведеніямъ на японскомъ языкѣ. Между тѣмъ со времени открытія гаваней для европейцевъ переводная литература тоже стала очень быстро развиваться въ Японіи. Интересно, что изъ европейскихъ писателей прежде всего были переведены тоже не художники. Едва ли не первымъ въ японскомъ переводѣ появился Смайльсъ. За нимъ послѣдовали Джонъ Стюартъ Миль, Спенсеръ и Кантъ. Шопенгауэръ одно время оказывалъ громадное вліяніе на японскую молодежь. Но въ послѣдніе годы его совершенно затмилъ Ницше. Потомъ стали появляться и переводы великихъ художниковъ. Въ настоящее время почти всѣ европейскіе классики переведены уже на японскій языкъ. Изъ русскихъ авторовъ наибольшей извѣстностью тамъ пользуются Толстой, Достоевскій, Тургеневъ, Короленко и въ послѣдніе годы — Горькій. При этомъ относительно Толстого надо замѣтить, что его знаютъ тамъ, главнымъ образомъ, какъ моралиста и проповѣдника. Хотя его художественныя произведенія и ставятся тамъ очень высоко, но еще большее впечатлѣніе производитъ его моральное и философское ученье.

Количество печатныхъ произведеній, ежегодно выходящихъ въ странѣ, служить, конечно, очень важнымъ показателемъ ея культуры. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками данныхъ, чтобы сопоставить въ этомъ отношеніи Японію съ европейскими странами. Впрочемъ, Богуславскій при-

водитъ количество печатныхъ произведеній, появившихся въ Россіи, безъ Финляндіи, за 1894 г. Ихъ было 10,651. Въ Японіи въ томъ же году было издано 28.212 произведеній, что составляетъ въ Японіи одно печатное произведеніе на 1.600 чело-вѣкъ, а въ Россіи — одно печатное произведеніе на 11.000 ¹. При этомъ количество излагаемыхъ книгъ растетъ въ Японіи чрезвычайно быстро. Если мы возьмемъ данныя за послѣднія 15 лѣтъ, то получится увеличеніе на 115⁰/₀, т. к. въ 1884 г. было издано всего 9.893 сочиненія, а въ 1898 — 21.225.

Что касается періодической прессы, то ростъ ея за послѣдніе годы еще поразительнѣе. Періодическая пресса отражаетъ въ себѣ жизнь текущаго момента, отзываясь на запросы дня, поэтому въ періоды, когда пульсъ общественной жизни повышается, она пріобрѣтаетъ особое значеніе.

Нельзя сказать, чтобы газета совсѣмъ не была извѣстна въ Японіи до реставраціи. Наоборотъ, стремленіе знакомить обывателей съ важнѣйшими событіями общественной жизни существовало тамъ давно, и періодическія изданія, до нѣкоторой степени играющія роль газеты, имѣютъ тамъ почти трехвѣковую исторію. Еще въ началѣ XVII вѣка тамъ начали время отъ времени появляться бюллетени, содержащіе въ себѣ перечень важнѣйшихъ событій современной жизни. Печатались они съ деревянныхъ клише, выходили въ свѣтъ въ неопре-

¹ Богуславскій, „Японія“, ст. 185.

дѣленные сроки и даже рѣдко составлялись однимъ и тѣмъ же издателемъ. Объединяло ихъ лишь общее названіе „*Иоміури*“ (что значить „продаваемые въ розницу“) и общій характеръ опубликованія ко всеобщему свѣдѣнію всевозможныхъ новостей. Выходили эти своеобразныя газеты въ нѣсколькихъ наиболѣе крупныхъ центрахъ — Іедо, Осака и Кіото, и распродалась, главнымъ образомъ, тамъ же. Ни правильной подписки, ни разсылки по другимъ городамъ не было, конечно, организовано. Жители провинціи должны были ждать, пока кто-нибудь изъ столичныхъ знакомыхъ вспомнить о нихъ и перешлетъ съ оказіей номеръ. Да и въ тѣхъ городахъ, гдѣ они появлялись, съ распространеніемъ ихъ не особенно торопились. Только въ исключительныхъ случаяхъ ихъ спѣшили издать поскорѣе, и публика быстро раскупала ихъ. Такъ въ исторіи отмѣченъ тотъ фактъ, что происшедшій въ 1703 г. подвигъ 47 рониновъ, отомстившихъ за казнь своего дайміоса, былъ опубликованъ въ Іедо черезъ нѣсколько часовъ послѣ его совершенія ¹.

Кромѣ этихъ частныхъ бюллетеней, со времени шогуната Токугавъ издавались официальные вѣдомости о государственныхъ и другихъ событіяхъ, называемыя „Газета Юки“. Онѣ выходили ежедневно, кромѣ праздниковъ, и разсылались всѣмъ чиновникамъ и нѣкоторымъ привилегированнымъ лицамъ.

¹ Stead, „Japan by the Japanese“, статья Зумото, стр. 551.

Оба эти вида періодическихъ изданій продолжали издаваться вплоть до переворота. Въ 1871 г. въ Іокогамѣ появилась первая настоящая газета современнаго типа „Маиничи“. Впослѣдствіи изданіе ея было перенесено въ Токио, и тамъ она продолжаетъ выходить до настоящаго времени. Въ 1872 г. англичанинъ Блэкъ сталъ издавать въ Токио большую газету „Нишинъ-Шинджи-Ши“. Вслѣдъ за тѣмъ появились слѣдующія старѣйшія японскія газеты: „Ничи-Ничи“, „Хоши“, „Ниппонъ“ и „Юмиури Шимбунъ“, и газетное дѣло окончательно упрочилось въ Японіи.

Въ 1887 г., т.-е. черезъ 15 лѣтъ послѣ появленія первыхъ газетъ, въ Японіи насчитывалось уже 470 періодическихъ изданій, выходившихъ въ 96.000 экземпляровъ. Въ 1899 г., еще черезъ 12 лѣтъ, ихъ было уже 978, выходившихъ въ 464.500 экз. Среди всѣхъ этихъ періодическихъ изданій главное мѣсто принадлежитъ газетамъ. Въ одномъ Токио ихъ выходитъ въ настоящее время болѣе двадцати, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ до 100.000 подписчиковъ. Изъ нихъ „Иорозу Чохо“—газета уличнаго типа. Наиболѣе серьезными тамъ считаются „Джиджи Шимпо“ (Время) и „Ничи Ничи“; кромѣ этихъ двухъ есть еще 6 или 7 такъ называемыхъ большихъ газетъ, остальные принадлежатъ къ мелкой прессѣ. Всѣ эти газеты ежедневныя, но только одна изъ нихъ „Маизеки Шимбунъ“ имѣетъ вечернее изданіе. Впрочемъ, въ случаѣ полученія какихъ-нибудь важныхъ извѣстій, почти всѣ выпу-

скаютъ вечернія прибавленія, и тогда всѣ улицы наполняются мальчиками съ колокольчиками, продающими эти листки.

Провинціальная пресса тоже сильно развилась за послѣдніе годы. Почти въ каждомъ значительномъ городѣ есть одна или двѣ мѣстныхъ газеты, а осакская газета, на примѣръ, „Осака Асами“, конкурируетъ по распространенности съ „Иорозу Чохо“ въ Токио. Количество подписчиковъ у нея тоже равняется почти 100.000. Обычная подписная цѣна японской газеты отъ 30 — 60 сень въ мѣсяць или 1,2 сены за номеръ. Такая дешевизна газетъ сдѣлала сразу возможнымъ очень широкое распространеніе ихъ. Городское населеніе почти все читаетъ теперь газеты. Даже дженерикшу нерѣдко можно видѣть съ номеромъ газеты въ рукахъ.

Кромѣ газетъ, въ Японіи выходитъ также множество ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ журналовъ. Объ одномъ изъ нихъ, „Рабочій Миръ“, мы уже упоминали, онъ принадлежитъ къ числу наиболѣе принципальныхъ японскихъ журналовъ. Большинство остальныхъ или чисто литературные, или спеціально научные. По типу они ближе подходятъ къ европейскимъ „revues“, чѣмъ къ нашимъ „толстымъ журналамъ“. Изъ нихъ наибольшей извѣстностью пользуются „Теикоку Бунгаку“ — чисто литературный и „Тайо“ и „Секанно Ниппонъ“ — литературные и политическіе.

Помимо этихъ большихъ журналовъ, въ Японіи существуетъ множество ежемѣсячниковъ всевозмож-
Японія.

ныхъ обществъ, клубовъ и союзовъ, которыми такъ богата въ настоящее время Японія. Нѣкоторые изъ нихъ находятъ распространеніе и среди не членовъ обществъ.

Нѣкоторымъ показателемъ роста потребности въ книгѣ можетъ служить также количество библиотекъ. Первая большая библіотека была основана въ Токио въ 1872 г. Кромѣ этой императорской публичной библіотеки и университетской, въ японской столицѣ существуетъ въ настоящее время *шестьдесятъ* частныхъ библиотекъ ¹. Въ остальныхъ городахъ количество библиотекъ значительно меньше, но все-таки нѣтъ ни одного порядочнаго города, гдѣ не было бы двухъ-трехъ библиотекъ. Во многихъ изъ нихъ, на ряду съ японскими, имѣются книги и на европейскихъ языкахъ.

8.

Положеніе женщины въ Японіи.

Для того, чтобы понять то своеобразное положеніе, какое занимала въ Японіи женщина въ моментъ переворота, мы должны вернуться нѣсколько назадъ и бросить взглядъ на тѣ вліянія, подъ которыми исторически слагалась въ Японіи жизнь женщины.

На зарѣ исторіи, въ періодъ родового быта, жизнь женщины тамъ, какъ и вездѣ, складывалась вполне естественно, сообразно съ той ролью, какую

¹ E. Schultze. „Freie öffentliche Bibliotheken“, стр. 246.

она играла въ хозяйственной жизни. Женщина была необходимымъ работникомъ въ семьѣ и занимала въ ней такое же положеніе, какъ и остальные члены рода, т. е. подчиненное по отношенію къ главѣ рода и равное съ другими. Нѣкоторый недостатокъ въ женщинахъ, испытывавшійся племенемъ завоевателей, заставлялъ даже особенно цѣнить женщину и ставить ее иногда во главѣ маленькой семейной ячейки, не обладавшей, впрочемъ, никакой самостоятельностью въ отношеніи къ большому роду.

Въ этотъ легендарный періодъ японской исторіи женщина была даже императрицей Японіи, что уже не повторялось болѣе. Знаменитая Джинго и до сихъ поръ считается образцомъ мужества и воинственнаго духа, которому рекомендовалось подражать юношеству, конечно, преимущественно мужского пола.

Нѣкоторое вліяніе на судьбу японской женщины, имѣло распространеніе буддизма. Мы отмѣчали въ свое время то воздѣйствіе, какое оказалъ буддизмъ на ходъ японской исторіи. Говоря вообще, буддизмъ поднялъ значеніе личности и содѣйствовалъ тѣмъ распаденію тяжело давившихъ на человѣка оковъ рода. Но подъ личностью тутъ слѣдуетъ подразумѣвать, главнымъ образомъ, личность мужчины. Буддизмъ, съ своей сильной тенденціей къ аскетизму, невольно низводилъ женщину на болѣе низшую ступень сравнительно съ мужчиной. Гуманный и въ отношеніи

ея, какъ въ отношеніи всѣхъ вообще живыхъ существъ, онъ не рекомендовалъ ни притѣснять, ни унижать ее, — онъ только смотрѣлъ на нее, какъ на существо неравноцѣнное мужчинѣ. Этотъ взглядъ религіи, входя въ нравы, невольно накладывалъ свой отпечатокъ на отношенія между полами, вносилъ въ нихъ элементъ неравенства,—благожелательной опеки, съ одной стороны, и почтительнаго подчиненія — съ другой.

Осложненіе соціальныхъ условій, обособленіе феодалнаго дворянства еще сильнѣе воздѣйствовало въ томъ же направленіи. Женщина не могла принимать участія въ главномъ занятіи мужчинъ—войнахъ, и ей естественно отводилась второстепенная роль въ жизни. Въ замкахъ дайміосовъ и въ домахъ самураевъ женщины вели уединенную замкнутую жизнь, поглощенные хозяйственными работами, самоотверженно преданныя своимъ мужьямъ. Иногда, въ наиболѣе богатыхъ домахъ, избавленныя отъ мелочныхъ работъ по хозяйству, онѣ наполняли свои досуги литературными занятіями и часто въ отношеніи образованія далеко оставляли за собой своихъ мужей, проводившихъ время въ войнахъ и военныхъ упражненіяхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ свѣтскихъ женщинъ феодальной эпохи оставили замѣтное имя въ литературѣ. Но эти рѣдкія исключенія не нарушали общаго фона — подчиненія женщины. Элементъ рыцарскаго преклоненія женщинѣ, составлявшій неотъемленную принадлежность европейскаго феодализма, совершенно отсутствовалъ въ Японіи.

Японскіе странствующіе рыцари-ронины всегда готовы были вступиться за женщину, какъ за существо слабѣйшее и часто обиженное, но они никогда не ставили ее на пьедесталь и не поклонялись ей, какъ Европейскіе рыцари и трубадуры. Они никогда не забывали, что передъ ними существо низшее.

Особенно сильную роль сыгралъ въ этомъ отношеніи конфуціанизмъ. Онъ окончательно санкціонировалъ этотъ строй, основанный на подчиненіи женщины. Онъ принесъ съ собой въ Японію уже настоящее презрѣніе къ женщинѣ. Онъ видѣлъ въ ней не только низшее сравнительно съ мужчиной существо, но существо, специально предназначенное для службы мужчинѣ, его рабыню, его вещь. Всего полнѣе и ярче выразился этотъ взглядъ конфуціанизма на женщину въ знаменитомъ поученіи Кайбары, Омна Даигаку (Величайшее поученье для женщины), написанномъ имъ въ XVII вѣкѣ, но не потерявшемъ значенія и до сихъ поръ. Знаніе поученія Кайбары до самаго послѣдняго времени считалось обязательнымъ для всякой японской женщины, и изучать она его должна была съ дѣтства, чтобы въ плоть и кровь впитать его наставленія. Въ виду той важности, какую имѣло это поученіе — какъ идеаль правильныхъ семейныхъ отношеній, мы позволимъ себѣ привести большой отрывокъ его, цитируемый Чемберленомъ въ его „Things Japanese“ (стр. 498 и сл.).

„Такъ какъ дѣвушкѣ, по достиженіи надлежащаго возраста, суждено войти въ новый домъ и жить въ подчиненіи у своихъ свекра и свекрови, то для нея является еще болѣе настоящимъ, чѣмъ для молодого человѣка, принимать съ полнымъ благоговѣніемъ наставленія родителей. Если они, отъ избытка нѣжности, позволяютъ ей вырости самовольной, то она неминуемо окажется капризною въ домѣ своего мужа и такимъ образомъ оттолкнетъ отъ себя привязанность; воспитанная такъ дѣвушка, если ея свекоръ будетъ человѣкомъ надлежащихъ принциповъ, найдетъ ярмо этихъ послѣднихъ невыносимымъ. Она возненавидитъ и будетъ проклинать своего свекра, и результатомъ этихъ домашнихъ разногласій будетъ изгнаніе ея изъ дома мужа и тѣмъ самымъ покрытіе ея позоромъ. Ея родители, забывъ объ ошибочномъ воспитаніи, которое дали ей, можетъ быть, будутъ порицать ея свекра; но они будутъ неправы, потому что все несчастье по справедливости должно быть приписано именно ихъ ошибкамъ.

„Для дѣвушки болѣе драгоцѣнно добродѣтельное сердце, чѣмъ красота наружная. Сердце порочной женщины всегда раздражено; она дико смотритъ кругомъ себя, мечетъ свой гнѣвъ на другихъ, ея слова суровы и рѣчь вульгарна. Когда она говоритъ, то только для того, чтобы ставить себя выше другихъ, порицать другихъ, завидовать другимъ, превозносить себя съ гордостью, осмѣивать другихъ, — словомъ поступать въ разрѣзъ

всему тому, что должна дѣлать женщина. Единственные качества приличныя женщинѣ, это—кроткое послушаніе, цѣломудріе, состраданіе и спокойствіе.

„Въ Китаѣ бракъ называется возвращеніе, — по той причинѣ, что женщина должна считать домъ мужа своимъ собственнымъ, и что когда она выходитъ замужъ, то въ дѣйствительности какъ будто бы возвращается къ тому, кому предопредѣлена небесами отъ рожденія. Какъ бы низменно ни было положеніе ея мужа и какъ бы ни былъ онъ бѣденъ, она отнюдь не должна тяготиться имъ, но должна считать бѣдность, которую небу угодно было послать ей, какъ повелѣніе неумолимой судьбы. Мудрецъ старины (Конфуцій) училъ, что, разъ выйдя замужъ, женщина уже не должна оставлять домъ своего мужа, и если, сбившись съ пути, она вынудитъ мужа развестись съ нею, то тѣмъ самымъ покроетъ себя позоромъ до послѣдняго часа своего. Поводомъ для развода могъ быть одинъ изъ семи грѣховъ ея, которые такъ и называются семь причинъ для развода: 1) непослушаніе свекру или свекрови; 2) бесплодіе, — потому что бракъ служитъ единственно для того, чтобы дать мужчинѣ потомство. Бесплодная женщина, однако, можетъ оставаться женой, если только сердце ея добродѣтельно и ея поведеніе корректно и свободно отъ ревности, въ каковомъ случаѣ отсутствіе дѣтей можетъ быть возмѣщено усыновленіемъ ребенка, состоящаго въ кровномъ родствѣ съ мужемъ. Му

можетъ оставить у себя безплодную жену также и въ томъ случаѣ, когда у него есть дѣти отъ наложницы; 3) прелюбодѣяніе; 4) ревность; 5) проказа или какая-нибудь дурная болѣзнь; 6) сварливость или болтливость, мутящія добрыя отношенія между родственниками и вообще нарушающія миръ въ домѣ, и 7) склонность къ воровству. Всѣ эти семь причинъ для развода указаны мудрецомъ. Женщина, разведенная съ мужемъ, сбилась съ своего пути и остается покрытой величайшимъ позоромъ, даже если бы ей удалось вступить во второй бракъ съ человѣкомъ богатымъ и занимающимъ почетное положеніе.

„Главными обязанностями дѣвушки, пока она остается въ родительскомъ домѣ, являются любовь и почтеніе къ своимъ отцу и матери. Но такъ какъ, выйдя замужъ, она продолжаетъ потомство не ихъ, а родителей своего мужа, то послѣ брака ея главной обязанностью дѣлается—читать своихъ свекра и свекровь, чтить ихъ выше своихъ собственныхъ родителей, любить и почитать ихъ со всѣмъ пыломъ и относиться къ нимъ даже во всѣхъ мелочахъ съ дочернимъ уваженіемъ.

„Почитая своихъ собственныхъ родителей, она ни секунды не должна переставать думать о родителяхъ мужа. Женщина не должна переставать ни днемъ, ни ночью отдавать имъ должное почтеніе. Никогда не должна она отказываться ни отъ какой работы, совершенія которой они потребуютъ отъ нея; должна исполнять со всѣмъ почтеніемъ при-

казанія своего свекра и никогда не возмущаться противъ нихъ. Во всемъ она должна спрашивать позволенія свекра и свекрови и слѣдовать указанному ими направленію... Женщина, если даже они найдутъ удовольствіе ненавидѣть тебя и оказывать надъ тобой насилія, то не сердись на нихъ и не ропщи на нихъ! Если ты обнаружишь почтеніе къ нимъ до крайнихъ предѣловъ и будешь относиться къ нимъ со всей сердечностью, то не можетъ быть иначе, чтобы въ концѣ концовъ и они не отнеслись къ тебѣ дружелюбно“...

„Женщина должна смотрѣть на своего мужа, какъ на господина, и должна служить ему съ благоговѣніемъ и почтеніемъ, никогда не позволяя себѣ думать о немъ съ неодобреніемъ или легкомысленно. Великій долгъ женщины во всю ея жизнь есть послушаніе. При обращеніи къ мужу какъ выраженіе лица жены, такъ и манеры ея должны быть вѣжливы, скромны и кротки, и отнюдь не своенравны и сварливы, не грубы и неприязнательны. Объ этомъ женщина должна заботиться прежде и главнѣе всего. Когда мужъ дѣлаетъ распоряженія свои, жена никогда не должна послушаться его. Въ сомнительныхъ случаяхъ она должна переспросить его и послушно слѣдовать его указаніямъ. Если когда-либо мужъ обратится къ ней съ вопросомъ, она должна внимательно и точно отвѣчать ему. Необдуманый отвѣтъ есть признакъ грубости. Если когда-либо мужъ разгнѣвается, то жена должна слушать его со стра-

хомъ и трепетомъ, а отнюдь не сердиться на него и не озлобляться противъ него. Жена должна смотрѣть на своего мужа, какъ будто бы онъ само небо, и никогда не уставать думать о томъ, какъ лучше подчиняться ему и тѣмъ избѣжать небесной кары“...

„Пусть жена никогда даже и не думаетъ о ревности. Если мужъ будетъ вести себя развратно, она должна кротко упрекнуть его; но никогда не должна допустить въ душѣ своей гнѣвъ и тѣмъ болѣе не должна обнаруживать его. Если ревность ея дойдетъ до крайности, то выраженіе лица ея сдѣлается ужаснымъ и рѣчь ея — отталкивающей; и это можетъ повести только къ полному отчужденію отъ нея мужа, для котораго она сдѣлается невыносимой. Если мужъ поступаетъ дурно и неблагоразумно, она должна, прежде чѣмъ увѣщевать его, добиться кроткаго выраженія лица своего и смягченія своего голоса; и если онъ будетъ гнѣваться и не будетъ слушать ея увѣщаній, то она должна переждать, пока у него не пройдетъ это настроеніе, и пытаться снова увѣщевать его не ранѣе того, какъ сердце его смягчится... Женщина, никогда не обращай къ мужу съ сердитымъ лицомъ и крикливымъ голосомъ“!..

„Женщина должна всегда строго слѣдить за своимъ поведеніемъ. Утромъ она должна вставать рано, а вечеромъ — ложиться поздно. Въмѣсто того, чтобы спать посреди дня, она должна быть внимательна къ обязанностямъ по хозяйству и не уста-

вать ткать, шить и прясть. Она не должна много думать о чаѣ и о винѣ и не должна также баловать свои глаза и уши театральными представленіями, пѣснями и разсказами. Пока ей не исполнится сорокъ лѣтъ, она не должна также посѣщать часто храмовъ (ни шинто, ни буддійскихъ) и другихъ подобныхъ мѣстъ, гдѣ есть большое стеченіе народа. Она не должна позволять вводить себя въ заблужденіе гадалщикамъ и ворожеямъ и входить въ непочтительную близость съ богами и также не должна быть постоянно занята молитвами. Если только она удовлетворительно исполняетъ свои обязанности, въ качествѣ человѣческаго существа, то можетъ совершать молитвы одна, не боясь, что божественный промыселъ перестанетъ заботиться о ней“ . . .

„Пять самыхъ дурныхъ болѣзней духа присущи женщинамъ: непослушаніе, вѣчное недовольство, любовь къ клеветѣ, ревность и глупость. Безъ всякаго сомнѣнія этими пятью болѣзнями страдаютъ семь или восемь изъ десяти женщинъ, и уже отсюда ясна низменность природы женщинъ сравнительно съ природою мужчинъ. Женщина должна лѣчить эти болѣзни съ самоуглубленіемъ и самоосужденіемъ. Самая худая изъ нихъ, являющаяся матерью другихъ четырехъ болѣзней, это—глупость. Природа женщины пассивна. Пассивность же, будучи одной природы съ ночью, темна. Отсюда и выходитъ, что неблагоразуміе женщины мѣшаетъ ей понимать свои прямые обязанности, что она не

замѣчаетъ своихъ поступковъ, которые навлекають позоръ на ея собственную голову, и не понимаетъ даже вещей, которыя навлекають бѣдствія на головы ея мужа и дѣтей. Ни тогда, когда она порицаетъ, обвиняетъ и проклинаетъ невинныхъ людей, ни тогда, когда ревнуетъ къ другимъ, думая только о себѣ самой, не видитъ она, что является своимъ собственнымъ врагомъ, отталкивая отъ себя другихъ и навлекая на себя ихъ ненависть... Печальныя ошибки! Затѣмъ, въ воспитаніи своихъ дѣтей ея слѣпая любовь къ нимъ внушаетъ ей ошибочный образъ дѣйствій. Такъ велика прирожденная ей глупость, что ей надлежитъ во всѣхъ мелочахъ не довѣрять себѣ самой и слушаться своего мужа“.

„До насъ дошло, что въ обычаѣ древнихъ было, при рожденіи ребенка женскаго пола, класть его на полъ на три дня. Даже въ этомъ можно видѣть уподобленіе мужчины небу, а женщины—землѣ; и обычай этотъ долженъ былъ бы научить женщину, какъ необходимо для нея во всемъ уступать мужу первое мѣсто, а для себя довольствоваться вторымъ; избѣгать гордости, даже если бы ея поступки и заслуживали похвалы; и, съ другой стороны,—если она перейдетъ границы и навлечетъ на себя порицаніе,—стараться преодолѣть себя и исправить свою ошибку, и такъ вести себя, чтобы потомъ уже не подвергаться осужденію; переносить безъ гнѣва и негодованія насмѣшки другихъ, терпя ихъ со сдержанностью и кротостью. Если

женщина будетъ поступать такимъ образомъ, то ея супружескія отношенія не могутъ быть иными, какъ гармоничными и продолжительными, а ея домашній очагъ—мѣстомъ мира и согласія*.

„Родители, учите изложеннымъ выше правиламъ своихъ дѣтей съ нѣжнѣйшаго ихъ возраста; заставляйте ихъ переписывать эти правила отъ времени до времени, чтобы они могли выучить ихъ и никогда не забывать. Гораздо лучше, чѣмъ надѣленіе дочерей одеждами и различной утварью,—что дѣлають нынѣ отцы такъ расточительно, отдавая дочерей своихъ замужъ,—было бы обученіе ихъ въ совершенствѣ этимъ наставленіямъ, которыя хранили бы ихъ какъ драгоценный талисманъ, въ теченіе ихъ жизни. Какъ справедливо древнее изрѣченіе: мужчина знаетъ, какъ истратитъ миллионъ при выдачѣ своей дочери замужъ, но не знаетъ, какъ истратитъ сто тысячъ на воспитаніе своего ребенка. Тотъ, кто имѣетъ дочерей, долженъ принять это близко къ сердцу“¹.

Можно себѣ представить, къ какимъ результатамъ въ семейной жизни привело стремленіе къ этому идеалу. Женщина въ семьѣ постепенно утратила всякую тѣнь самостоятельности, всякое подобіе независимой человѣческой личности. Все ея значеніе свелось на чисто служебную роль экономки въ домѣ своего мужа, кормилицы и

---

¹ Цитируемъ по переводу Н. П. А. въ статьѣ „Женскій вопросъ въ Японіи“ М. Б., 1904 г. июнь.

няньки своихъ дѣтей. Въ теченіе долгихъ вѣковъ изъ поколѣнія въ поколѣніе воспитывались въ японской женщинѣ эти пассивныя добродѣтели, и въ концѣ концовъ цѣль была въ значительной степени достигнута. Едва-ли можно указать страну, въ которой женщина до такой степени полно осуществляла бы идеаль примѣрной жены, хозяйки и матери.

Съ самаго ранняго младенчества дѣвочкѣ внушается, что ея главною добродѣтелью должно быть послушаніе, послушаніе сначала родителямъ, а впослѣдствіи избранному ей мужу. Въ семьѣ ее приучаютъ исполнять разныя женскія работы, помогать матери по хозяйству, и выполнять съ пунктуальною точностью всѣ сложныя требованья японскаго этикета. Нерѣдко къ этому присоединяется еще обученіе обиходной грамотѣ. Къ 15, 16-ти годамъ образованіе японской дѣвушки должно быть закончено. Она должна умѣть одѣться, соорудить свою сложную прическу, подвязать обязательный кушакъ-оби, скроить и сшить эту самую одежду для себя и для своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ, приготовить разнообразныя кушанья японскаго стола, содержать въ должномъ порядкѣ домъ, принять и угостить гостей, сдѣлавъ имъ установленное количество поклоновъ и подавъ съ требуемыми церемоніями чай. И главное, она должна все время сохранять на губахъ любезную улыбку, никогда, ни при какихъ случаяхъ жизни не выходить изъ себя и не повышать голоса. Это послѣднее искусство по отзывамъ всѣхъ, посѣщавшихъ Японію, дости-

гается въ совершенствѣ тамошней женщиной. Никогда нельзя увидѣть японскую женщину, измѣнившую своему самообладанью, разсерженную, кричащую. Даже въ низшихъ слояхъ общества—типъ базарной крикуньи совершенно неизвѣстенъ въ Японіи. Когда воспитаніе дѣвушки закончено, родители приступаютъ къ выбору для нея жениха. При общей мягкости правовъ, господствующей въ Японіи, дѣвушку рѣдко принуждаютъ насильно выходить за того, кто ей непреодолимо противенъ. Но зато еще болѣе рѣдко она выражаетъ такія чувства по отношенію къ указанному ей кандидату. Во-первыхъ, въ дѣвичество она почти никогда не имѣетъ случая знакомиться съ молодыми людьми, во-вторыхъ, въ ней слишкомъ укоренилась привычка скрывать свои истинныя чувства изъ повиновенія старшимъ. И вотъ она выходитъ замужъ, чтобъ изъ послушной дочери превратиться въ послушную жену. Въ ознаменованіе того, что весь ея міръ теперь заключается въ домѣ мужа, и за предѣлами его никто для нея не существуетъ, тамъ до послѣдняго времени сохранялся обычай, чтобы дѣвушка, въ день свадьбы чернила себѣ зубы. Этимъ она наглядно доказываетъ, что не желаетъ больше считаться ни съ чьимъ мнѣніемъ и пренебрегаетъ своей наружностью.

Если до замужества жизнь японской дѣвушки состояла сплошь изъ непрестаннаго исполненія дочерняго долга, то теперь ея обязанности еще усложняются, и свобода урѣзывается, если возможно,

еще болѣе. Прежде всего молодые люди, какъ и дѣвушки, женятся обыкновенно очень рано, когда они еще не встали на свои ноги и не вышли изъ подъ родительской опеки. Поэтому молодая не образуетъ съ мужемъ самостоятельную семью, а входитъ въ семью свекра, и требованья Кайбары о безусловномъ подчиненіи родителямъ мужа приобретаютъ совершенно реальный смыслъ. Въ отношеніи къ нимъ она становится такимъ же неполноправнымъ ребенкомъ, какимъ была въ собственной семьѣ. Только тутъ прибавляется еще лишній господинъ—мужъ и лишнія заботы о его комфортахъ и удобствахъ. И при этомъ подчиненіе мужу и безпрекословное исполненіе всѣхъ его требованій является не только исполненіемъ добровольно принятыхъ обязательствъ, какъ бы нравственнымъ долгомъ жены, оно является для нея неизбѣжнымъ не „только за совѣсть, но и за страхъ“, такъ какъ въ рукахъ мужа находится страшное орудіе—разводъ. До недавняго времени инициатива развода вполнѣ и исключительно принадлежала тамъ мужу, причемъ дѣти по закону всегда оставались отцу. Мужья довольно безцеремонно пользовались предоставленнымъ имъ правомъ и безъ особыхъ стѣсненій отсылали отъ себя надѣвшую имъ экономку — жену, чтобы замѣнить ее новой. Разводъ, какъ и бракъ, до послѣдняго времени не были обставлены никакими особыми трудностями и совершались поэтому очень просто. Въ среднемъ, въ прежнее время на три брака считался одинъ разводъ. Между тѣмъ по-

ложеніе, въ какое попадала отставленная жена, было крайне тяжело. Лишенная всякихъ средствъ къ существованію, непригодная къ какой бы то ни было роли, кромѣ роли жены, матери и дочери, она, переставъ быть женою и матерью, снова возвращалась въ первобытное состояніе дочери, т.-е. падала на руки родителямъ, въ домѣ которыхъ далеко не всегда была желанной гостьей. Можно себѣ представить въ виду этого, какъ напряженно держится обыкновенно женщина за свое положеніе у семейнаго очага, стараясь предупреждать малѣйшія желанія своего повелителя, чтобы не вызвать его гнѣва и своего изгнанія.

Даже когда являются дѣти, молодая мать не становится самостоятельной воспитательницей ихъ. Правда, всѣ заботы о кормленіи и нянченьи дѣтей цѣликомъ лежатъ на ней, но верховный надзоръ за воспитаніемъ, руководство имъ находятся въ рукахъ родителей мужа.

Еще тяжелѣе положеніе бездѣтной женщины. Японскіе законы очень жестоки въ отношеніи жены, не имѣющей дѣтей. Прежде всего, мужъ имѣетъ неоспоримое право развестись съ такой женщиной. Но, кромѣ того, онъ можетъ безпрепятственно взять себѣ въ домъ одну или двухъ наложницъ—мекаке, и первая жена обязана смотрѣть на ихъ дѣтей, какъ на своихъ собственныхныхъ и съ ними самими обращаться съ предупредительной любезностью. Нужна громадная выдержка и самообладанье, съ дѣтства развиваемыя въ японской женщинѣ, чтобы

безропотно сносить такое положеніе. Конечно, случается, что женщина не выдерживаетъ принятой на себя роли и такъ или иначе проявляетъ свое неудовольствіе и свою ревность. Обыкновеннымъ финаломъ въ такомъ случаѣ является разводъ. Иногда на этой почвѣ возникаютъ драматическія коллизіи, ведущія къ трагическимъ развязкамъ. Но это случается рѣдко. Въ большинствѣ случаевъ привитая воспитаніемъ сдержанность и привычка къ повиновенію, вмѣстѣ съ опасеніемъ развода, одерживаютъ верхъ надъ естественными чувствами женщины, и она покорно продолжаетъ нести свое ярмо примѣрной жены и хозяйки.

Такимъ образомъ, проходитъ жизнь японской женщины, вся на службѣ другимъ, лишенная всякой самостоятельности, даже въ единственномъ важномъ дѣлѣ, предоставленномъ ей, дѣлѣ воспитанія собственныхъ дѣтей. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда родители мужа рано умираютъ или мужъ уѣзжаетъ отъ нихъ, она избавляется отъ части стоящаго надъ ней начальства. Иначе ей приходится ждать, пока въ силу естественнаго закона природы, она переживетъ ихъ, и сама попадетъ въ почетную роль свекрови, перейдя изъ подначальнаго въ начальствующее положеніе. Но къ этому времени годы берутъ свое, и она уже не въ состояніи проявить въ чемъ-нибудь свою индивидуальность. Волей-неволей ей приходится ограничить свою роль наблюденіемъ за строгимъ выполненіемъ все той же рутины. При этихъ условіяхъ установленныя разъ

навсегда семейныя начала соблюдаются крайне строго, традиціи исполняются съ щепетильной точностью, и случаи нарушенія ихъ крайне рѣдки.

Но, конечно, люди вездѣ люди. И какъ ни удобны для японскихъ мужей подобныя дисциплинированныя жены, онѣ все-таки не удовлетворяютъ ихъ вполне. И, съ другой стороны, какъ тщательно ни воспитывается подобный типъ женщины, — не всякая женская индивидуальность вкладывается въ его рамки. Подъ вліяніемъ обѣихъ этихъ причинъ, японская жизнь съ давнихъ поръ создала нѣкотораго рода коррективъ къ выработаннымъ ею же формамъ. Рядомъ съ женщиной, одаренной исключительно семейными добродѣтелями, появилась женщина, развивающая въ себѣ другія свойства, отвѣчающія эстетическимъ и умственнымъ запросамъ челоука. Эти женщины выдѣлились въ совершенно особую категорію, получившую названіе гейшъ. Гейша — явленіе исключительно японское, не имѣющее ничего аналогичнаго въ современной Европѣ. Ее можно сравнить развѣ только съ греческой гетерой.

Гейша съ дѣтства готовится къ своей спеціальній роли. Для этого ее отдаютъ къ особой воспитательницѣ, развивающей въ ней природную грацію, обучающей ее всевозможнымъ танцамъ, пѣнію и игрѣ на нѣкоторыхъ музыкальныхъ инструментахъ, преимущественно на излюбленномъ японцами самизенѣ (струнный инструментъ, въ родѣ мандолины). Рядомъ съ этимъ идетъ и умственное

образованіе будущей гейши—ее обучаютъ грамотѣ, знакомятъ съ отечественной исторіей, литературой, философіей, учатъ декламаци и приучаютъ обсуждать разные отвлеченные вопросы, придавая бесѣдѣ непринужденный и занимательный характеръ.

Когда воспитаніе гейши закончено, она начинаетъ выступать публично. Обыкновенно это происходитъ въ такой формѣ. Нѣсколькихъ гейшъ приглашаютъ на какой-нибудь обѣдъ или другое торжество, устраиваемое или въ какомъ-нибудь ресторанѣ, чайномъ домѣ, или на частной квартирѣ одного изъ устроителей. Тамъ гейши для увеселенія гостей играютъ, поютъ, танцуютъ свои изящные, оригинальные танцы, иногда разыгрываютъ цѣлыя пантомимы, нѣчто вродѣ нашихъ балетовъ, обыкновенно изображающихъ какое-нибудь историческое событіе и нерѣдко тутъ же ипровизуемыхъ гейшами. Въ промежуткахъ гости вступаютъ въ разговоры съ прелестными исполнительницами, и нерѣдко эти бесѣды такъ увлекаютъ присутствующихъ, что музыкальная часть программы остается невыполненной, и гости засиживаются въ обществѣ гейшъ далеко за полночь. При этомъ въ обращеніи съ гейшами господствуетъ полнѣйшая корректность; ни малѣйшая вольность по отношенію къ нимъ не считается допустимой. Теперь въ приморскихъ городахъ, гдѣ на такихъ собраніяхъ присутствуетъ часто не исключительно японское общество, европейцы, имѣющіе о гейшахъ совершенно превратное представленіе, иногда вносятъ нѣсколько

иной, болѣе вольный тонъ въ свое отношеніе къ артисткамъ. Гейши, отличающіяся, какъ и всѣ японки, большой выдержкой, стараются не подать вида, что это ихъ шокируетъ, но въ сущности они считаютъ подобное обращеніе проявленіемъ дикости иностранцевъ. Вообще не надо забывать, что гейши не имѣютъ ничего общаго съ женщинами легкаго поведенія. Онѣ именно артистки и ничего болѣе.

Конечно, брачныя отношенія складываются у нихъ совершенно на другой почвѣ, чѣмъ у молодыхъ дѣвушекъ, воспитанныхъ въ семьяхъ. Благодаря болѣе открытому образу жизни и болѣе свободному общенію съ мужчинами, у нихъ легко возникаетъ болѣе близкое знакомство съ мужской молодежью. На фонѣ этого знакомства часто возникаютъ романы, совершенно неизвѣстные въ семейныхъ кругахъ Японіи. Этимъ объясняется, почему въ художественной литературѣ Японіи, особенно въ прежнее время, героинями романовъ бывали по большей части гейши. Отношенія между мужскою и женскою молодежью въ семьяхъ складывались такъ прозаически просто, что не давали никакой пищи для опозитизированья взаимнаго влеченія мужчины и женщины. На этой почвѣ можно было только воспѣвать супружескую преданность и вѣрность, изрѣдка только осложненную подавленной ревностью къ наложницамъ. Между тѣмъ, столкновения съ гейшами давали богатый матеріалъ для всякихъ романическихъ и драматическихъ положеній. Иногда тутъ возникаютъ трогательные и поэтическіе

романы, иногда полныя трагизма драмы. Какъ ни корректно относятся японцы къ гейшамъ, профессія этихъ послѣднихъ все-таки не считается почетной. Въ глазахъ общества гейши занимають среднее положеніе между такъ называемыми порядочными женщинами и проститутками. Знакомство съ ними никого не компрометируетъ, но бракъ многими все-таки считается *mésalliance*'омъ. Гейши часто вызываютъ искреннее чувство въ комъ-нибудь изъ посѣщающихъ ихъ молодыхъ людей, и сами отвѣчаютъ тѣмъ же. Но далѣе возникаютъ всякаго рода осложненія. Иногда влюбленнымъ удается преодолѣть всѣ препятствія и счастливо соединиться. Браки съ гейшами далеко не рѣдкость въ Японіи, и очень часто бываютъ одними изъ самыхъ счастливыхъ. Романисты, особенно въ прежнія времена, очень охотно брали темою такого рода союзы. Въ этомъ отношеніи очень характеренъ одинъ рассказъ, рисующій романъ между молодымъ человекомъ изъ хорошаго рода и гейшею. Молодые люди горячо полюбили другъ друга, но родители рѣшительно не соглашались на бракъ. На этотъ разъ любовь оказалась сильнѣе всѣхъ враждебныхъ вліяній. Въ одинъ прекрасный день молодые люди исчезли. Оказалось, что они поселились вдали отъ своего города, въ маленькомъ мѣстечкѣ. Юноша отказался отъ всѣхъ открывавшихся ему блестящихъ перспективъ, чтобы не разлучаться съ возлюбленной. Она тоже пренебрегала ради него своими успѣхами, сулившими ей славу и богатство; они

жили въ глуши, на тѣ средства, какія она добывала танцами по приглашенію мѣстныхъ жителей. Единственной роскошью, какую она позволяла себѣ, было наряжаться въ сохранившіяся у нея величольпныя одежды и увеселять танцами своего возлюбленнаго. Недолго продолжалось ихъ блаженство,—жестокая судьба отняла у нея ея милаго, который умеръ отъ болѣзни на ея рукахъ. Но и послѣ его смерти она осталась вѣрна ему. Она не вернулась къ своимъ блестящимъ подругамъ, осталась жить въ той же хижинѣ, гдѣ испытала единственное счастье, и каждую ночь, нарядившись въ свои лучшія одежды, исполняла передъ дощечкой и изображеніемъ своего возлюбленнаго его любимыя танцы. На этомъ разѣ застаеъ ее начинающій художникъ, случайно набревшій на ея пріютъ. Въ отвѣтъ на его участливые разспросы она рассказываетъ ему свою исторію, и въ его памяти запечатлѣвается поэтическій образъ прекрасной танцовщицы, танцующей ночью въ одинокой хижинѣ, среди глухого лѣса. Черезъ много лѣтъ къ нему является старушка нищая и обращается съ горячей мольбой нарисовать ея портретъ въ роскошномъ, хотя и полуистлѣвшемъ, нарядѣ танцовщицы. Оказывается, это та же самая гейша, не измѣнявшая до сихъ поръ тому, что она считала своимъ долгомъ. Художникъ исполняетъ ея странное желаніе и изображаетъ ее такою, какою она сохранялась въ его изображеніи. Когда портретъ оконченъ, она уноситъ его съ собой, упорно отказываясь отъ всякой помощи; а на

слѣдующій день ее находятъ мертвою въ полуразвалившейся хижинѣ, гдѣ передъ урной и изображеніемъ покойника виситъ великолѣпный портретъ красавицы.

Но, конечно, не всегда чувство оказывается такимъ сильнымъ и искреннимъ съ обѣихъ сторонъ. Очень часто въ роли разлучницы оказывается не роковая судьба, передъ которой безсильны люди, а недостаточно сильное чувство, отступающее передъ неодобреніемъ окружающихъ, и тогда вмѣсто брака на всю жизнь получается временный союзъ, расторгаемый или съ обоюднаго согласія, или по праву развода, предоставленному мужу. Страдающей стороной и тутъ въ большинствѣ случаевъ оказывается женщина. Конечно, она не остается такою безпомощною, какъ обыкновенная женщина; она можетъ легче встрѣтить случай для новаго брака или снова заняться своею профессіей. Но, во-первыхъ, она лишается своихъ дѣтей, къ которымъ, конечно, такъ же привязана, какъ и всякая другая мать. Во-вторыхъ, выходя замужъ по свободному влеченію сердца, она можетъ испытывать и болѣе сильное внутреннее страданье, когда союзъ ея оказывается непрочнымъ. Пристекающія отсюда драмы тоже нерѣдко фигурируютъ на страницахъ японскихъ романовъ.

Вообще, хотя гейша и является какъ бы дополненіемъ къ средней японской женщинѣ, такъ какъ она развиваетъ въ себѣ тѣ свойства, какихъ не достаетъ той, но сама по себѣ она, конечно, не можетъ считаться типомъ нормальной женщины.

Роль ея въ жизни такъ же односторонняя, какъ и роль женщины—семьянинки. И въ сущности ненормальность ея положенія зависитъ отъ той же самой причины. Ея существованіе такъ же несамостоятельно, такъ же приноровлено не къ ея собственнымъ потребностямъ, а опять-таки къ потребностямъ мужчины: Какъ все воспитаніе будущей жены направлено исключительно къ тому, чтобы обезпечить комфортъ и удобства мужчины въ семейной жизни, приготовить ему удобную жену, такъ воспитаніе гейши имѣетъ цѣлью удовлетворить его другимъ, болѣе утонченнымъ потребностямъ — создать для него изящную, талантливую, понимающую собесѣдницу. Когда вырабатывался этотъ типъ, никому не приходило въ голову, что у такой изящной, умной, талантливой женщины могутъ явиться другія потребности, что ее можетъ не удовлетворить роль—служить благороднымъ развлеченіемъ для мужчины.

Соціальныя условія, въ какія поставлена была гейша, совершенно не предполагали возможности такого рода желаній съ ея стороны. Она подготовлялась къ одной исключительной роли, и всѣ остальные пути въ жизни были для нея закрыты. Кромѣ того, она обыкновенно и не имѣла права произвольно бросить свою профессію. Въ большинствѣ случаевъ гейша бываетъ законтрактована своей воспитательницѣ, къ которой ее отдають ея родители. По окончаніи воспитанія она должна оставаться у нея извѣстное число лѣтъ, въ теченіе

которыхъ ея заработокъ идетъ въ пользу ея хозяйки. Если же она захочетъ выйти до срока, то она должна уплатить очень значительный выкупъ. Сама она почти никогда не въ состояніи сдѣлать это. Она имѣетъ шансъ получить свободу только въ томъ случаѣ, если ее полюбитъ болѣе или менѣе состоятельный юноша и пожелаетъ выкупить ее отъ ея антрепренерши, чтобы жениться на ней. Да и по истеченіи срока она по большей части бываетъ вынуждена оставаться у воспитательницы, такъ какъ ей очень трудно зарабатывать въ одиночку. Такимъ образомъ, при всей видимой свободѣ, какою пользуются гейши, въ дѣйствительности, онѣ такъ же связаны и лишены самостоятельности, какъ и женщина въ семьѣ, и ихъ положеніе немногимъ лучше, чѣмъ этихъ послѣднихъ.

Вкусы и потребности мужчины предусмотрѣны въ Японіи съ удивительнымъ вниманіемъ. Жена создаетъ ему удобный и спокойный семейный очагъ, ухаживая за нимъ, какъ заботливая нянька. Гейша развлекаетъ его въ часы досуга, удовлетворяя въ самой изысканной формѣ его умственнымъ и эстетическимъ требованіямъ. Наконецъ, и животная сторона его природы находитъ такое же полное удовлетвореніе тамъ, какъ и во всемъ мірѣ. Проституція съ давнихъ поръ составляетъ въ Японіи обычное явленіе, вошедшее въ жизнь и выработавшее свои разъ навсегда установленныя формы.

Обыкновенно, во всякомъ сколько-нибудь значительномъ японскомъ городѣ существуетъ особый

кварталь, называемый „жоройя“ и населенный исключительно проститутками или „жоро“. По внѣшнему виду кварталъ этотъ производитъ въ большинствѣ случаевъ очень привлекательное впечатлѣнне, — чистыя, широкія улицы, изящныя, окруженные зеленью домики, съ рѣшетчатыми передними стѣнами. Вотъ какъ описываетъ русскій путешественникъ, недавно посѣщавшій Японію, свои впечатлѣнія при посѣщеніи подобнаго квартала въ Токио, носящаго названіе „Юшивары“.

„По мѣрѣ удаленія отъ центра города, освѣщеніе дѣлалось все скуднѣе и скуднѣе, но скоро далеко передъ нами началъ вырисовываться большой свѣтовой оазисъ, становившійся все ярче и ярче при приближеніи нашемъ къ нему ... Это и была Юшивара. У ведущихъ въ нее высокихъ воротъ изящной архитектуры, изъ полосового желѣза, украшенныхъ флажками и бумажными фонарями, насъ встрѣтилъ полицменъ, отобравшій отъ насъ зонтики и палки, которыхъ храненіе поручилъ одному изъ нашихъ возницъ; другому же возницѣ, заявившему, что знаетъ хорошо расположеніе улицъ Юшивары и что приведетъ насъ къ этимъ же воротамъ съ другой стороны, полицменъ разрѣшилъ сопровождать насъ.

„Съ интересомъ вошли мы въ этотъ странный кварталъ, скоро смѣшавшись съ гуляющей здѣсь толпой, среди которой попадались даже женщины съ дѣтьми... Толпа была оживленная, но вполнѣ приличная, даже чинная.

„По обѣимъ сторонамъ улицы высились дома, 2-этажные и изрѣдка 3-этажные, въ общемъ, значительно болѣе красивые и большихъ размѣровъ, чѣмъ въ другихъ частяхъ города. Ставни или, вѣрнѣе, цѣлыя стѣны нижнихъ этажей домовъ, были раздвинуты, и вмѣсто нихъ поставлены изящныя рѣшетки изъ бамбуковыхъ и металлическихъ прутьевъ, дающія помещеніямъ этихъ этажей видъ большихъ клѣтокъ. Въ каждой изъ нихъ, на подушкахъ или пестрыхъ коврикахъ, разостланныхъ на бѣлоснѣжныхъ циновкахъ, сидѣли передъ наполненными тлѣющимъ пепломъ „хибачи“ (жаровня) дѣвушки, въ числѣ отъ восьми до десяти, а въ иныхъ—до двѣнадцати въ клѣткѣ, съ потолка которой невидимыми съ улицы рефлекторами направлялись на нихъ яркіе лучи электрическаго свѣта. Костюмы дѣвушекъ, строго японскаго стиля, отличались богатствомъ матеріала (сатинъ и шелкъ) самыхъ нѣжныхъ красокъ и фантастическихъ узоровъ; лица были искусно раскрашены пудрой и карминомъ, — отъ бѣлаго лба до розовыхъ щекъ и пунсовыхъ губокъ маленькаго ротика, рѣзко выдѣлявшихъ цвѣтовымъ контрастомъ бѣлые зубы. Въ густыя пряди тщательно напомаженныхъ и причудливо причесанныхъ роскошныхъ черныхъ волосъ были воткнуты серебряныя булавки и черепаховыя гребенки, придавая головкамъ фантастическій видъ. Стѣны „клѣтокъ“ украшены бронзированными и лакированными барельефами и фресками, веселящими глазъ, но отнюдь не порнографическаго со-

держанія: на одной изображена охота за убѣгающими оленями, на другой—какая-то праздничная процессія, на третьей—пріемъ вельможи и т. п.

„Нѣкоторыя изъ дѣвушекъ курили изъ красивыхъ серебряныхъ трубочекъ, часто вытряхивая изъ нихъ пепелъ и наполняя ихъ новыми щепотками табаку; другія занимались вышиваніемъ узоровъ на шелку или какой-то другой матеріи; третьи, смотрясь въ миниатюрное зеркальце, озабоченно и не обращая вниманія на толпящихся возлѣ „клѣтокъ“ зрителей, подправляли на своемъ личикѣ краски граціозными и искусными движеніями кисточки... Никакой торопливости или застѣнчивости не обнаруживали онѣ въ этомъ процессѣ украшенія своей природы, установленнаго требованіями не только ихъ профессіи, но и обычая страны вообще.

„Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы съ товарищемъ или другіе зрители останавливали свое вниманіе на той или другой изъ красавицъ и передавали другъ другу свои впечатлѣнія о ней, она (почти всегда по знаку хозяина, которому естественно хотѣлось зазвать къ себѣ побольше гостей) подбѣгала къ рѣшеткѣ, высовывала изъ нея свою изящную ручку и ласково лепетала, очевидно, приглашеніе. Всѣ манеры ея при этомъ были такъ скромны и приличны, что трудно было связать ихъ со всѣмъ смысломъ этой оригинальной обстановки... И, конечно, случилось, что хозяинъ былъ удовлетворенъ: красавица увлекла гостя Юшивары въ верхній этажъ

для усладненія его интимными ласками за закрытыми ставнями...

„Нерѣдко можно было наблюдать и такія сцены: молодой японецъ тихо бесѣдовалъ съ стоящей передъ нимъ за рѣшеткой дѣвушкой, и по выраженію лицъ обоихъ ихъ нельзя было не понять, что они знакомы другъ съ другомъ близко и, вѣроятно, чувствуютъ другъ къ другу болѣе поэтическое влеченіе, чѣмъ то, цѣлямъ котораго профессионально служить Іошивара... Нѣтъ обстановки, которая могла бы совсѣмъ задушить нормальныя человѣческія чувства!

„Среди „клѣтокъ“ легко было замѣтить такія, которыя отличались отъ другихъ болѣе богатыми украшеніями на стѣнахъ и особенно красивыми, изящными, молоденькими и свѣжими обитательницами. Передъ такими клѣтками положень, во всю длину ихъ, брусъ, въ родѣ барьера, не позволявшій подойти вплотную къ рѣшеткѣ. Здѣсь сидѣвшія за ней дѣвушки не понукались хозяиномъ подойти къ намъ и только издали взглядывали на насъ съ торжествующей, задорной и иногда, можетъ быть, даже презрительной улыбкой... По объясненію переводчика, въ этихъ домахъ Іошивары сосредоточены дѣвушки, „откупленные“, аристократическимъ кружкомъ токійской молодежи, который одинъ только имѣетъ право на ихъ ласки“¹.

Во всемъ этомъ описаніи насъ, европейцевъ,

¹ „Женскій вопросъ въ Японіи“ Н. П. А., „М. Б.“, 1904 г., июнь.

особенно поражаетъ эта многолюдная толпа, наполняющая улицы „жоройи“. Не только мужчины приходятъ туда совершенно открыто, не опасаясь быть узанными, — но тамъ прогуливаются даже женщины, даже женщины съ дѣтьми. Для того чтобы понять это удивительное явленіе надо на одинъ моментъ отвлечься отъ нашихъ привычныхъ взглядовъ на нравственность и встать на точку зрѣнія японцевъ. Долгое время отношеніе къ этому вопросу въ Японіи казалось европейцамъ настолько дикимъ, что многіе путешественники, не пробуя даже проникнуть глубже въ сущность этихъ воззрѣній, безъ колебаній объявили японцевъ просто безнравственными, лишенными нравственного чувства. Въ сферѣ нравственности вообще, а особенно въ той ея области, какую мы имѣемъ въ виду въ настоящій моментъ, такъ много условнаго и временнаго, что такіе категорическіе приговоры сами по себѣ не внушаютъ довѣрія. Всматриваясь же внимательнѣе въ отношенія японцевъ къ данному вопросу, мы увидимъ, что разница въ нравственной оцѣнкѣ нѣкоторыхъ поступковъ европейцами и японцами, зависитъ отъ различія во взглядахъ тѣхъ и другихъ на цѣломудріе и на тѣлесную чистоту. Обнаженіе тѣла, когда оно вызвано необходимостью, или удобствомъ, вовсе не считается въ Японіи постыднымъ, тогда какъ то же самое обнаженіе съ цѣлью показать прелести своего тѣла — является въ ихъ глазахъ совершенно недопустимымъ. Поэтому въ жаркій день японецъ безъ стѣ-

сненія сбрасываетъ съ себя излишнюю одежду, иногда даже почти совершенно обнажается, японка спокойно принимаетъ ванну передъ открытой дверью своего дома или моется въ общемъ бассейнѣ съ мужчинами. И въ то же время, она съ негодованіемъ смотритъ на открытыя бальныя платья европейскихъ дамъ и вообще на ихъ обтянутые костюмы, обрисовывающіе всѣ детали фигуры.

На ряду съ этимъ тѣлесная чистота женщинъ вовсе не считается въ Японіи такимъ исключительнымъ неоцѣнимымъ сокровищемъ, какимъ она является у насъ. Утрата ея вовсе не приравнивается къ полному нравственному паденію женщины и не навлекаетъ на нее несмываемого позора. Тутъ также на первый планъ ставятся вызвавшія ея причины. Если замужня женщина отдается другому мужчинѣ, ради удовлетворенія мимолетнаго увлеченія, забывая свой долгъ передъ мужемъ, она преступница и въ его глазахъ и въ глазахъ общества, и мужъ имѣетъ полное право прогнать ее изъ своего дома. Но тотъ же самый поступокъ, если онъ вызванъ чистыми и благородными побужденіями, не только не пятнаетъ женщины, но даже вмѣняется ей въ заслугу.

Въ японскихъ историческихъ романахъ сплошь и рядомъ рассказываются случаи, когда молодыя дѣвушки или жены продавали себя даже въ публичные дома для того, чтобы спасти отъ нищеты или позора близкихъ имъ людей. Такъ, въ одномъ изъ самыхъ извѣстныхъ японскихъ романовъ „Вѣрные

ЯПОНИИ.

Гейша изъ Токио.

ронины“ описывается слѣдующій случай. Одинъ дайміосъ несправедливо приговаривается къ казни, и преданные ему самураи рѣшаются отомстить за его смерть. Въ число заговорщиковъ пытается проникнуть молодой ронинъ, бывший въ немилости у покойнаго. Сотоварищи не довѣряютъ ему и, въ обезпеченіе его скромности, требуютъ у него въ видѣ залога крупную сумму денегъ. Но молодой человѣкъ бѣденъ и никакъ не можетъ достать требуемаго. Между тѣмъ, если онъ не приметъ участія въ отомщеніи за смерть своего господина, его имя будетъ покрыто вѣчнымъ позоромъ. Молодая жена узнаетъ о его горѣ и рѣшается тайно помочь ему. Она вступаетъ въ переговоры съ содержателемъ публичнаго дома, запродаетъ ему себя на два года и получаетъ въ задатокъ крупную сумму, которую и пересылаетъ мужу. Когда мужъ узнаетъ о ея поступкѣ, онъ приходитъ въ отчаяніе при мысли о томъ, какую тяжелую жертву принесла ему его жена, но тѣмъ не менѣе безъ колебаній пользуется ея плодами. Грозящій ему позоръ — измѣна вѣрности, въ его глазахъ безконечно важнѣе потери чистоты его женой.

Въ зависимости отъ такой точки зрѣнія на тѣлесную чистоту, и отношеніе къ проституткамъ въ Японіи нѣсколько иное, чѣмъ въ Европѣ. Конечно, профессія ихъ считается очень низкой, но на нихъ самихъ она не накладываетъ неизгладимой печати позора. Дѣвушка, поступившая туда подъ гнетомъ безвыходной нужды или благодаря какимъ

Японія.

нибудь исключительнымъ обстоятельствамъ, не считается отверженной, и ея бывшія подруги часто поддерживаютъ съ ней отношенія. По выходѣ оттуда, она можетъ снова занять свое прежнее положеніе, и бракъ съ прежней жоро далеко не является исключительной рѣдкостью.

Особенно часто практикуются при этомъ такъ называемые браки на срокъ. Европейцевъ, посѣщавшихъ Японію, очень изумляла эта форма брачныхъ договоровъ. Они самі охотно пользовались ею, и находили удобнымъ для себя заключать такіе браки на время своего пребыванія въ Японіи, но въ то же время они видѣли въ этомъ доказательство весьма легкаго отношенія японцевъ къ брачному вопросу. Въ настоящее время такіе серьезные изслѣдователи, изучавшіе специально этотъ вопросъ, какъ Алиса Бэконъ и Рансомъ, пришли къ заключенію, что женщины, съ которыми европейцы вступали во временные браки, считая ихъ дѣвушками изъ почтенныхъ семействъ, были не болѣе, какъ миловидныя „жоро“ изъ чайныхъ домовъ. Ихъ содержатели охотно выдавали ихъ за своихъ дочерей, чтобы повысить имъ цѣну въ глазахъ легковѣрныхъ иностранцевъ, а хорошенькія и изящныя „жоро“, пріученныя, какъ всѣ японки, строго исполнять разъ принятый на себя долгъ, прекрасно поддерживали свою репутацію хорошо воспитанныхъ дѣвушекъ. Для самихъ же „жоро“ такой бракъ, хоть и временный, является все-таки отдыхомъ отъ ихъ обычной тяжелой жизни.

Сущность ихъ унижительной и жестокой профессіи не измѣняется отъ того, что она облечена въ болѣе изящныя формы и не влечетъ за собой безусловнаго изгнанья изъ общества. Не сладки, конечно, условія, которыя заставляютъ женщину браться за это страшное ремесло, а, взявшись за него, она развѣ только въ такомъ срочномъ бракѣ и можетъ найти временный выходъ. Такъ же какъ и гейша, она всегда бываетъ связана контрактомъ, часто очень долгосрочнымъ. При этомъ иногда, — что особенно ужасно, — она даже не сама и заключаетъ его. Она является жертвой тяжелыхъ условий жизни своихъ родителей. Въ Японіи до послѣдняго времени законъ не преслѣдовалъ такого рода ужасную запродажу дѣтей. Впавшіе въ безвыходную нужду родители иногда рѣшались поправить свои дѣла за счетъ будущности дочери и запродавали ее на тотъ или иной срокъ въ публичный домъ. Такимъ образомъ, эти несчастныя оказывались дѣйствительно рабынями, въ буквальномъ смыслѣ слова. Агенты публичныхъ домовъ внимательно слѣдятъ за тѣми семьями, гдѣ много дочерей, и въ моменты, когда нужда становится особенно безысходной, они являются туда съ своими предложеніями, соблазняя значительными задатками. Часто тутъ же совершался торгъ, и потомъ уже никакими силами невозможно было спасти изъ ихъ рукъ обреченную имъ жертву. Въ послѣдніе годы, впрочемъ, сдѣлано кое что для измѣненія этого ужаснаго положенія. Контракты, заключаемые ро-

дителями съ содержателями публичныхъ домовъ, были объявлены незаконными, и судьи обязаны расторгать ихъ по заявленію дѣвушки. Послѣ изданія новаго закона цѣлая масса этихъ рабынь вырвалась на волю. Но, конечно, на смѣну имъ тотчасъ же нашлись другія. Уничтоженіе обязательной силы контрактовъ не уничтожило вѣдь главной причины, толкающей женщинъ на этотъ страшный путь. Причина эта лежитъ и тамъ, какъ вездѣ, въ тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ жизни трудящихся классовъ. Теперь родители не могутъ насильно отдать въ публичный домъ свою дочь. Но когда она вырастаетъ и не находитъ себѣ пропитанія, она часто вынуждена бываетъ идти туда же „добровольно“, гонимая безысходной нуждой. И противъ этого безсильны всякія палліативныя мѣры, всякія проповѣди. Только коренныя соціальныя реформы могутъ вырвать съ корнемъ это страшное зло.

Главный контингентъ жоро, конечно, набирается изъ низшихъ, наиболѣе нуждающихся слоевъ населенія.

При всемъ экономическомъ гнетѣ, лежавшемъ на женщинѣ рабочихъ классовъ населенія не мнѣе, чѣмъ на мужчинѣ, надо сказать, что положеніе ея, какъ жены, какъ женщины собственно, было относительно далеко не хуже, чѣмъ въ привилегированныхъ. Конечно, женщинѣ тамъ приходилось несравненно больше работать, но зато и отношеніе къ ней было болѣе равное, товарищеское. Ей некогда было выполнять всѣ тонкости семейнаго этикета.

Она работала бокъ о бокъ съ мужемъ, какъ его помощница, а не какъ рабыня. Впрочемъ, хотя она и исполняла тутъ почти всѣ тѣ же работы какъ мужчина, она все-таки не занимала равнаго съ нимъ положенія самостоятельнаго работника. Она работала только въ семьѣ, какъ членъ семьи и никакихъ особыхъ заработковъ не имѣла. Въ семьѣ она не могла содержать ни себя, ни своихъ дѣтей. Внутри семьи она обладала большей самостоятельностью, чѣмъ женщина вышихъ классовъ, но по отношенію къ внѣшнему міру она была также лишена правъ независимой человѣческой личности, какъ и та.

Мы разсмотрѣли теперь всѣ тѣ положенія, какія могла занимать женщина въ дореформенной Японіи. Выборъ ея былъ небогатъ — семья, подмостки или чайный домъ. Никакія иныя профессіи не были доступны, не были даже извѣстны ей. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы она вполне удовлетворялась своею ролью и всегда безропотно переносила свое подчиненіе. Но законъ и еще болѣе освѣщенные вѣками бытовья традиции, опирающіяся на неподвижныя экономическія формы, слишкомъ тяжело давили на нее, и единичныхъ усилій той или другой женщины было недостаточно, чтобы сломить ихъ:

Громадный экономическій переворотъ, начавшійся въ Японіи вмѣстѣ съ политическимъ переломомъ, пошатнулъ всѣ основы соціальнаго быта и открылъ передъ женщиной много возможностей. Одноимен-

менно съ этимъ болѣе либеральная струя проникла въ законодательство, уничтожила варварскіе остатки старины, вродѣ запродажи дѣтей въ публичные дома, и укрѣпила за женщиной первыя неотъемлемыя права человѣческой личности. Она можетъ теперь имѣть свое имущество, передавать и получать его по наслѣдству; можетъ сама усыновлять дѣтей. Съ другой стороны, мужъ не имѣетъ права усыновлять дѣтей безъ согласія жены, не имѣетъ права и совершенно произвольно отсылать ее самое отъ себя. Если жена добровольно не соглашается на разводъ, мужъ долженъ передъ судомъ доказать виновность жены, или изложить серьезныя причины, побуждающія его разрушить бракъ. Только, если судъ признаетъ его доводы справедливыми, онъ можетъ получить разводъ. Но точно такія же права имѣетъ и жена въ томъ случаѣ, если мужъ отказывается добровольно отпустить ее. Однимъ словомъ, благодаря новому законодательству, женщина оказывается по крайней мѣрѣ въ теоріи совершенно полноправнымъ человѣкомъ. Наконецъ, европейское образованіе, одинаковое для мужчинъ и для женщинъ, начавшее быстро прививаться въ странѣ, дало въ руки женщинъ равное съ мужчиной орудіе для борьбы за существованіе.

Всѣ эти измѣнившіяся условія — новыя формы экономической жизни, доступность образованія и смягченіе законодательства, начали дѣйствовать лишь въ теченіе трехъ послѣднихъ десятилѣтій. Срокъ

очень небольшой для измѣненія бытовыхъ формъ, особенно въ сравненіи съ многовѣковой предыдущей исторіей. Тѣмъ не менѣе уже и теперь въ положеніи женщины въ Японіи произошли замѣтныя перемѣны.

Мы остановимся прежде всего на постановкѣ и распространенности тамъ женскаго образованія.

Началомъ школьнаго образованія женщинъ можно считать семидесятыя годы. До тѣхъ поръ все образованіе дѣвочекъ не выходило изъ предѣловъ собственнаго дома. Въ лучшемъ случаѣ къ нимъ приглашались частныя учителя. Новое правительство, поставивъ своимъ принципомъ всеобщность образованія, не исключило изъ него и женщинъ. На ряду съ школами для мальчиковъ стали основываться и школы для дѣвочекъ, а тамъ, гдѣ содержаніе двухъ школъ оказывалось не по средствамъ, разрѣшалось открывать совмѣстныя школы. Преподаваніе въ женскихъ низшихъ школахъ велось по тѣмъ же программамъ, какъ и въ мужскихъ, за исключеніемъ лишь профессиональных предметовъ, которые замѣнялись болѣе подходящими. Въ началѣ число учащихся дѣвочекъ было не велико. Родители съ недовѣріемъ смотрѣли на это новшество. Но постепенно мысль о необходимости образованія и для дѣвочекъ стала завоевывать себѣ все большее признанье, и процентъ дѣвочекъ въ низшихъ школахъ началъ быстро расти, догоняя процентъ учащихся мальчиковъ. Въ 1873 г. количество учащихся дѣвочекъ по

отношенію ко всему населенію школьнаго возраста составляло всего 15⁰/₀; въ 1883 ихъ было уже 33⁰/₀; въ 1893 — 40⁰/₀, а въ 1901—902 — 82⁰/₀, т. е. немногимъ меньше мальчиковъ, которыхъ считается 94⁰/₀¹.

Въ настоящее время начальное образованіе можетъ считаться вполне доступнымъ женщинамъ и почти настолько же распространеннымъ среди нихъ, какъ и среди мужчинъ. Начальныя школы, какъ низшія такъ и высшія, для дѣвочекъ открываются повсемѣстно и скоро, вѣроятно, удовлетворять вполне растущему спросу. Не то въ области средняго образованія. Среднее образованіе, какъ мы видѣли, вообще поставлено въ Японіи не совсѣмъ удовлетворительно, среднее же образованіе женщинъ и совсѣмъ неудовлетворительно. Среднія учебныя заведенія для дѣвочекъ, называющіяся „высшія женскія школы“, по программѣ своей далеко ниже мужскихъ. Общее количество ихъ въ 1902 г. достигало 70 при 17¹/₂ тыс. ученицъ. Онѣ соответствуютъ приблизительно нашимъ прогимназіямъ, только въ нихъ гораздо большее значеніе придается физическому воспитанію. Въ этомъ сказывается вліяніе на японскую школу американскихъ образцовъ. Физическимъ упражненіямъ, развитію силы, ловкости, быстроты бѣга въ женскихъ школахъ удѣляется не меньше времени, чѣмъ въ мужскихъ; только, конечно, самыя упражненія устраи-

---

¹ См. діаграмму учащихся, стр. 336.

ваются тамъ нѣсколько иначе, при чемъ не упускается изъ вида и эстетическая сторона ихъ. Вотъ какъ описываетъ Алиса Бэконъ картину игръ въ высшей женской школѣ въ Токио, которую ей удалось видѣть:

„Одно изъ самыхъ красивыхъ состязаній состоитъ въ слѣдующемъ: на лугу между начальнымъ мѣстомъ и конечнымъ барьеромъ для каждой изъ состязующихся ученицъ устанавливаются четыре стойки, а на стартѣ кладутся на землю, для каждой же изъ этихъ ученицъ, четыре цвѣтушія вѣтки вишни и четыре ленты какого-нибудь яркаго цвѣта. По сигналу каждая дѣвочка хватаетъ вѣтку и ленту, бѣжитъ къ одной изъ стоекъ и крѣпко привязываетъ тамъ вѣтку; затѣмъ бѣжитъ назадъ за второй вѣткой и такъ далѣе, пока всѣ четыре не привяжетъ на мѣсто. Состязаніе выигрывается тою ученицей, которая первая добѣгаетъ до барьера, оставивъ за собою четыре цвѣтушія деревца вмѣсто голыхъ стоекъ. Это эстетическое состязаніе служитъ какъ будто противовѣсомъ другимъ, болѣе прозаическаго характера, принятымъ отъ европейцевъ и американцевъ. Другое состязаніе организуется такъ: на пути каждой изъ бѣгущихъ дѣвушекъ положены, черезъ различные промежутки, ярко окрашенные мячи — различныхъ цвѣтовъ для разныхъ состязующихся. Дѣвочка должна въ теченіе даннаго промежутка времени поднять на бѣгу мячи и бросить ихъ въ почти закрытое отверстіе большого гнѣзда, расположеннаго въ концѣ луга. По окончаніи состязанія сосчиты-

вается число шаровъ въ гнѣздѣ, и та дѣвочка, мячи которой оказываются здѣсь въ большемъ числѣ, объявляется побѣдительницей. Очень красиво также упражненіе, требующее большой твердости рукъ и ловкости движеній, состоящее въ бѣганіи съ одного конца луга на другой съ мячемъ, уравниваемымъ на ракетѣ. Японская ракета дѣлается изъ легкаго, но крѣпкаго дерева и имѣетъ длинную и узкую форму. Тотъ, кто не былъ очевидцемъ состязанія, не повѣритъ, чтобы ребенокъ могъ удержать на такой ракетѣ мячъ болѣе чѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ медленныхъ шаговъ; но ловкія маленькія японки ухитряются бѣгать быстрой рысцой, держа мячикъ совершенно неподвижнымъ на гладкой поверхности ракеты.

„Кромѣ игръ и состязаній, въ школѣ устраиваются еще гимнастическія упражненія, при которыхъ проявляется большая точность движеній и гибкость тѣла. Однимъ изъ самыхъ граціозныхъ и привлекательныхъ упражненій этого рода надо признать игру съ вѣрами, въ которой около 20 или 30 дѣвочекъ, въ ярко раскрашенныхъ платьяхъ съ длинными развѣвающимися рукавами и въ красныхъ гакама, раскачиваются ритмически съ вѣрами, развертывая и складывая ихъ надъ головой, передъ лицомъ, въ разныхъ положеніяхъ, постоянно измѣняя позу и составляя въ общемъ фигуры одна красивѣе другой“¹.

¹ Алиса Бэконъ „Женщина въ Японіи“, ст. 352—53.

Эти и подобныя упражненія, по возможности на воздухѣ, практикуются во всѣхъ высшихъ женскихъ школахъ. Помимо нихъ большое вниманіе обращено на профессиональную сторону образованія. Кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ и гимнастики, въ нихъ обязательно преподаются всякаго рода спеціально женскія искусства. Въ этомъ видны еще остатки прежняго взгляда на женщину, которую важнѣе всего считалось подготовить къ роли экономки. Постепенно этотъ взглядъ теряетъ свою исключительность, и за женщиной признается право на болѣе активное участіе въ общественной жизни.

Первая брешь въ этомъ отношеніи сдѣлана была въ области педагогики. Первоначально весь педагогическій персоналъ и въ мужскихъ и въ женскихъ школахъ состоялъ исключительно изъ мужчинъ, но постепенно въ низшія начальныя школы стали допускаться и учительницы. А въ концѣ семидесятыхъ годовъ для подготовки женщинъ-учительницъ стали основываться параллельно съ мужскими и женскія нормальныя школы низшаго и высшаго типа. При нихъ обыкновенно устраиваются образцовыя начальныя школы и дѣтскія сады, въ которыхъ ученицы ведутъ практическія занятія. Въ 1889 г. всѣхъ женщинъ, учащихся въ женскихъ нормальныхъ школахъ, было 763, а въ 1899 число ихъ увеличилось уже до 1535,¹ т.-е. вдвое. Въ-

¹ Résumé statistique. Tokio, 1902 г., ст. 80.

стѣ съ этимъ и женскій педагогическій трудъ сталъ все шире примѣняться, какъ въ начальныхъ, такъ и въ нормальныхъ школахъ. Въ 1889 г. во всѣхъ начальныхъ школахъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, общее число учительницъ равнялось 3.333, при 62,332 учителяхъ. А въ 1899 г. число учительницъ возрасло уже до 11.628 при 77.032 ¹. учителяхъ. Слѣдовательно, за десять лѣтъ процентное отношеніе количества учительницъ къ учителямъ возрасло съ 5⁰/₀ до 15⁰/₀. Общее же количество женщинъ учительницъ въ разнаго рода учебныхъ заведеніяхъ достигало въ 1899 г. 13.011 человекъ.

Какъ ни незначительно само по себѣ это количество, для Японіи и оно имѣетъ большое значеніе. Оно показываетъ, что способность женщины къ педагогической дѣятельности признана, и ея право на этотъ видъ труда не отрицается болѣе.

Преподаваніе явилось прекрасной переходной ступеню отъ семейной роли женщины къ общественной. Воспитательницей женщина была и раньше, только воспитательницей своихъ собственныхъ дѣтей. Теперь только нѣсколько расширилась сфера ея дѣятельности. Въ то же время, сдѣлавшись учительницей, она перестала быть исключительно членомъ собственной семьи, она стала самостоятельнымъ членомъ общества, общественнымъ работникомъ. Но какъ только она вышла изъ заколдо-

---

¹ *Ib.*, ст. 85.

ваннаго круга семьи и доказала свою пригодность къ самостоятельной работѣ въ одной области, не было причинъ рѣшительно устранять ее изъ всѣхъ остальныхъ сферъ.

За педагогикой пошла медицина, сначала въ ея прикладныхъ отрасляхъ, а потомъ и вообще. Открылись школы сидѣлокъ, сестеръ милосердія, акушерокъ, фельдшерницъ и т. п. Во всѣхъ госпиталяхъ Японіи уходъ за больными перешелъ въ настоящее время почти цѣликомъ въ руки женщинъ. Однѣхъ акушерокъ, работающихъ въ больницахъ, считалось тамъ въ 1898 г. 35.957 ¹.

Женскихъ медицинскихъ курсовъ до послѣднего времени въ Японіи не было, но женщины, получившія высшее медицинское образованіе за границей, допускаются къ государственному экзамену и въ настоящее время въ Японіи есть уже нѣсколько женщинъ врачей—японокъ. Но, конечно, пока это только первыя попытки, имѣющія исключительно симптоматическій интересъ.

Въ области подготовки женщинъ къ научной дѣятельности до сихъ поръ сдѣлано тоже немного. Первое учрежденіе, открывшее женщинамъ доступъ къ высшему образованію, былъ такъ называемый женскій университетъ, основанный въ Токио въ 1901 г. Возникъ онъ исключительно благодаря частной инициативѣ, главнымъ образомъ стараніями одного извѣстнаго дѣятеля въ области просвѣще-

---

¹ Résumé statistique, 1902 г., ст. 93.

нія—Жинцо Неруза, собравшаго на устройство его значительный капиталъ.

Министерство народнаго просвѣщенія отнеслось съ большимъ сочувствіемъ къ этому начинанію, и графъ Окума на открытіи его сказалъ одушевленную привѣтственную рѣчь. „Въ далекое старое время, — говорилъ онъ между прочимъ, — Японія чтила женщину. Это видно изъ того, что ея главнымъ божествомъ была богиня свѣта. Но мало-по-малу, къ несчастію для государства, женщина была низведена на низшую ступень. Это болѣзнь государства, которою Японія, можно сказать, заразилась отъ Китая, давашаго ей такъ много хорошаго въ другихъ отношеніяхъ. Излеченіе отъ нея не можетъ быть достигнуто простыми средствами. Единственнымъ лекарствомъ надо считать радикальную перемѣну въ идеалахъ семейной жизни, а она можетъ быть осуществлена только при улучшеніи положенія женщины; этому улучшенію будутъ сильно способствовать учрежденія, подобныя открывающемуся нынѣ.“

По мысли учредителя женскій университетъ долженъ былъ состоять изъ двухъ отдѣленій: перваго — подготовительнаго, изъ двухъ курсовъ и втораго — собственно университетскаго, изъ трехъ. Первое должно существовать только до тѣхъ поръ, пока среднія школы для дѣвочекъ совершенно не удовлетворяютъ своему назначенію. Но какъ только среднее образованіе будетъ поставлено болѣе правильно, подготовительное отдѣленіе отпадетъ,

и вмѣстѣ съ тѣмъ расширится университетскій курсъ. Въ настоящее время число слушательницъ университета достигаетъ 1000 человекъ¹, но выпуска до сихъ поръ еще не было.

Изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, открытыхъ для женщинъ, можно упомянуть музыкальную академію въ Токио и высшую школу изящныхъ искусствъ. Окончившія ихъ женщины могутъ избрать себѣ артистическую карьеру или заниматься преподаваніемъ музыки, рисованія и живописи.

Кромѣ перечисленныхъ нами свободныхъ профессій, женщины допускаются теперь въ разнаго рода конторы и общественныя учрежденія: въ почтовые, телеграфныя и телефонныя станціи, въ торговыя конторы и т. п.

Вообще женщинамъ открылся цѣлый рядъ заработковъ, благодаря чему положеніе ихъ стало гораздо независимѣе. Вліяніе это, несомнѣнно, должно сказаться и уже до нѣкоторой степени сказывается и на роли женщины въ семьѣ. И она сама, и окружающіе ее невольно сознаютъ, что теперь она уже не такъ беспомощна, какъ была раньше. Въ случаѣ, если ей станетъ слишкомъ тяжело въ домѣ мужа, она можетъ уйти и устроить свою жизнь самостоятельно. Это сознаніе, несомнѣнно, заставляетъ въ общемъ относиться къ ней осторожнѣе, не рассчитывая на ея полную безотвѣт-

¹ A. Stead. „Japan by the japanese“, 1904 г., стр. 260.

ность. Съ другой стороны, открывшаяся передъ женщиной возможность прожить самостоятельно не дѣлаетъ для нея бракъ единственнымъ выходомъ, неизбежной необходимостью. Родители спокойнѣе относятся къ вопросу о замужествѣ дочери и не настаиваютъ такъ, какъ прежде, на выходѣ за перваго представившагося жениха. И то, и другое, хотя и медленно, но дѣйствуетъ на общій тонъ отношенія къ женщинѣ въ семьѣ и ослабляетъ тяготившій надъ ней гнетъ. Новый взглядъ на женщину нашель себѣ выраженіе въ новомъ поученіи, составленномъ въ противовѣсъ поученію Кайбары. Авторъ его, — знаменитый дѣятель въ области народнаго просвѣщенія Фукузава.

Дѣятельность Фуказавы началась еще до переворота 1868 года. Одинъ изъ первыхъ, онъ ознакомился съ западно европейской цивилизаціей и рѣшительно сталь на сторону ея приверженцевъ. Съ самаго начала онъ проявляль изумительную энергію какъ общественный дѣятель, и удивительную плодовитость, какъ писатель. Еще въ 50-хъ годахъ онъ основаль первую высшую школу на европейскій образецъ. Со времени переворота его дѣятельность особенно оживилась, — онъ читаль лекціи, произносилъ рѣчи, пропагандируя свои любимыя идеи и въ то же время издаваль рядъ сочиненій, публицистическихъ, философскихъ и др. Общее количество ихъ достигаетъ болѣе 100 томовъ, при 50 названіяхъ. Между прочимъ, Фукузава съ самаго начала обратилъ серьезное вниманіе

на ненормальность положенія женщины въ Японіи. Содѣйствуя всѣми силами распространенію женскаго образованія, онъ первый въ то же время рѣшился прямо высказаться противъ тѣхъ принциповъ, на которыхъ строилось отношеніе къ женщинѣ въ семьѣ, и посягнуть на непререкаемый до тѣхъ поръ авторитетъ Кайбары. Онъ издалъ сочиненіе, содержащее въ себѣ, съ одной стороны, остроумный критическій разборъ „Величайшаго поученія для женщины“, а съ другой — опытъ собственнаго поученія такого же типа, но совершенно иного по содержанию.

Въ основу своего поученія Фукузава кладетъ ту мысль, что женщина по существу совершенно равна мужчинѣ. Функции ихъ хотя и различны, но равноцѣнны, поэтому и въ обществѣ, и въ семьѣ она должна занимать совершенно равное съ мужчиной мѣсто. Всѣ тѣ требованія относительно соблюденія святости семейнаго очага, чистоты семейнаго ложа, мира и спокойствія въ домѣ, которыя предъявляетъ къ женѣ Кайбара, справедливы только постольку, поскольку они въ равной мѣрѣ возлагаются и на мужа. Отвѣтственность за семейное счастье лежитъ на немъ столько же, какъ и на женѣ. Такимъ образомъ, поученье Фукузавы превращается до нѣкоторой степени въ поученье для мужчины. Въ настоящее время поученье Фукузавы не играетъ еще въ Японіи такой роли, какъ поученье Кайбары, но постепенно оно распространяется все шире. Главное его значеніе, конечно, отрицатель-

Японія.

ное. Оно показываетъ смѣшную и нелѣпую сторону тѣхъ взглядовъ, которые такъ долго считались божественно-мудрыми и неопровержимыми.

Нельзя сказать, чтобы въ данную минуту взгляды Фукузавы были преобладающими въ Японіи. Въ очень и очень многихъ семьяхъ женщина по прежнему занимаетъ подчиненное положеніе и не осмѣливается поднять свой голосъ въ присутствіи своего повелителя. Но рядомъ съ этимъ уже не рѣдкость семьи, гдѣ жена признается такимъ же человекомъ, какъ и мужъ, имѣющимъ свою волю, свои мнѣнія, свои интересы и даже свою дѣятельность. Интересную иллюстрацію этого новаго типа женщины и новыхъ отношеній между супругами мы находимъ въ статьѣ Н. П. А. въ іюльской книгѣ „Міра Божьяго“ за текущій годъ:

„Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1903 года, — пишетъ авторъ, — мнѣ пришлось ѣхать въ вагонѣ перваго класса желѣзной дороги изъ Симоносеки въ Кобе; въ числѣ одиннадцати спутниковъ моихъ по тому же вагону — семи японцевъ и четырехъ японокъ — меня заинтересовала молодая пара (мужъ и жена) какъ своей наружностью, такъ и общительностью, съ которой они относились къ другимъ пассажирамъ. Мужъ—типичный и некрасивый, съ серьезнымъ лицомъ японецъ — былъ одѣтъ въ европейскій костюмъ; привлекательная, граціозная и женственная жена его была въ національномъ кимоно изъ легкой, вполне соотвѣтствующей стоявшей жарѣ, матеріи; роскошные черные волосы ея, однако,

были причесаны безъ той вычурности, какая характеризуетъ настоящую японскую прическу и какая требуетъ обильнаго смазыванія ихъ. Вѣроятно, именно вслѣдствіе жары, пассажирка была безъ таби (родъ нашихъ носковъ, только съ твердою подошвой), и обнаженныя выхоленныя ноги ея, красовавшіяся на высокихъ ножныхъ скамеечкахъ (гета), открылись значительно выше ступни отвернувшись полами кимоно. Какъ мы уже знаемъ, подобное обнаженіе тѣла отнюдь не считается въ Японіи неприличнымъ...

„Возвращаясь изъ вагона-столовой, гдѣ я объдалъ, я увидѣлъ, что пассажирка держитъ въ рукахъ оставленную мною на диванѣ книжку Алисы Беконъ... Извиненіе, которое она сконфуженно пробормотала на англійскомъ языкѣ, уронивъ книгу, когда торопливо хотѣла положить ее на мѣсто, и послужило началомъ моему знакомству, а затѣмъ и бесѣдѣ съ интересовавшей меня пассажиркой и ея мужемъ. Оба они владѣли англійскимъ языкомъ, онъ—сносно, а она—безукоризненно, объяснивъ это тѣмъ, что послѣ окончанія курса въ высшей женской школѣ въ Кобе, провела, по желанію отца, три года въ Америкѣ. Она оказалась и лично знакомою съ Алисой Беконъ, книга которой, по ея словамъ, пользуется большимъ уваженіемъ среди ея соотечественницъ.

„Ватасе-Санъ — отрекомендовалъ мнѣ пассажирку мужъ ея — оказалась членомъ женскаго „Общества самопомощи“, а также и токійска-

го отдѣленія „арміи спасенія“, въ ряды которой могутъ поступать, по крайней мѣрѣ въ Японіи, и нехристиане. Ватасе-Санъ интересовалась главнымъ образомъ отраслю дѣятельности „арміи спасенія“, направленной къ борьбѣ съ продажей дѣвушекъ въ дома проституціи и къ доставленію средствъ удержаться на пути добродѣтели тѣмъ изъ несчастныхъ жертвъ, которымъ удалось вырваться изъ позорнаго рабства. Она сообщила мнѣ, между прочимъ, что черезъ одного изъ дипломатическихъ представителей нашихъ въ Японіи получила уставы „Петербургскаго общества защиты женщинъ“ и „Московскаго общества улучшенія участи женщины“, и что оба эти устава переведены по ея заказу на японскій языкъ и скоро будутъ обсуждаться въ обществѣ сальваціонистовъ, по ея докладу, въ числѣ другихъ уставовъ. Замѣтивъ, что кое-что изъ дѣятельности послѣдняго общества по этому вопросу можно прочесть и въ книжкѣ Алисы Беконъ, она обѣщала прислать мнѣ болѣе полный матеріалъ по тому же предмету; и дѣйствительно, я получилъ отъ нея черезъ двѣ недѣли послѣ того, по почтѣ, въ Нагасаки книжку „The Christian Movement in its relation to the new life in Japan. Published for the standing committee of co-operating Missions. Iokahama. 1903“, въ которой я нашель статью о борьбѣ противъ проституціи“.

„Изъ бесѣды съ Ватасе-Санъ я узналъ также, что въ Токио весьма близка къ осуществленію мысль, возникшая по почину женщинъ, объ учре-

жденіи тамъ „Женскаго общества противодѣйствія военной партіи“. Собесѣдница моя оказалась не поклонницей милитаризма своихъ соотечественниковъ и старалась увѣрить меня, что лучшіе представители современной Японіи не увлекаются имъ. Мужъ горячо возражалъ ей что-то при этомъ по-японски, и въ эту часть нашей бесѣды затѣмъ уже не вмѣшивался, весьма сдержанно храня молчаніе. Ватасе-Санъ сказала мнѣ, между прочимъ, что хорошо знакома съ англійскимъ переводомъ книги „Долой оружіе“ Берты Сутнеръ, а также съ трудами англичанина Стѣда по этому вопросу“¹.

Въ этомъ эпизодѣ все характерно: — и чисто японская внѣшность молодой женщины, нисколько не мѣшающая ей внутренней культурности, и ее большая начитанность въ интересующихъ ее вопросахъ и горячая отзывчивость къ жгучимъ вопросамъ, волнующимъ ее родину, и товарищеское отношеніе къ ней мужа.

Какъ далеко отошла эта женщина отъ той, которая, выходя замужъ, чернила себѣ зубы, чтобы не испытывать искушенія выгянуть за предѣлы своего мірка, которая, идя съ мужемъ по улицѣ, почтительно держалась на три шага позади его.

Конечно, по признанію самого автора, женщины, подобныя Ватасе-Санъ, далеко не часто встрѣчаются въ современной Японіи, но во всякомъ случаѣ онѣ не являются изъ ряда вонъ выходящимъ

¹ „Женскій вопросъ въ Японіи“. Н. П. А. „М. Б.“, 1904, июль.

исключеніемъ. Это видно хотя бы изъ перечисленія основанныхъ женщинами обществъ, приводимаго въ послѣднемъ трудѣ о Японіи, составленномъ японцами и изданномъ подъ редакціей Стѣда. Авторъ главы о женскомъ образованіи, баронъ Суематзу, насчитываетъ ихъ до двадцати въ одномъ Токио. Мы назовемъ изъ нихъ: „Госпиталь Милосердія“, находящійся подъ патронатомъ императрицы; „Общество распространенія образованія женщинъ“; „Общество распространенія свѣдѣній по уходу за больными“; „Женское гигиеническое общество“; „Женское сиротское общество“; „Общество призрѣнія дѣтей заключенныхъ женщинъ“ и т. д. ¹.

Всѣ эти общества, возникшія по инициативѣ женщинъ и руководимыя ими, такъ же какъ широкая дѣятельность женщинъ на педагогическомъ поприщѣ, показываютъ, что японскія женщины начинаютъ понемногу принимать участіе въ общественной работѣ. А это участіе всего скорѣе поставитъ женщину на одинъ уровень съ мужчиною.

Уравненіе въ правахъ по закону освободило женщину отъ тѣхъ формальныхъ путъ, которыя лишали ее раньше свободы дѣйствій. Теперь отъ нея самой въ значительной степени зависитъ доказать свое право на равенство и заставить признать его не только теоретически—въ законодательствѣ, но и практически—въ жизни. Передъ Японіей стоитъ такъ много серьезныхъ культурныхъ, эко-

---

¹ Stead. „Japan by the Japanese“, ст. 261.

номическихъ и политическихъ задачъ, что работы хватить на всѣхъ. И не въ обособленіи своихъ женскихъ интересовъ, не въ созданіи своего японскаго феминизма лежитъ будущее японской женщины, а въ возможно болѣе интенсивномъ участіи въ рѣшеніи общечеловѣческихъ задачъ.

Заключеніе.

Мы окинули теперь бѣглымъ взглядомъ главнѣйшія стороны государственной жизни Японіи: въ ихъ прошломъ и настоящемъ, и намъ кажется, что мы можемъ уже подвести нѣкоторые итоги и сдѣлать нѣкоторые выводы. Прежде всего, Японію упрекають въ томъ, что это страна вчерашняго дня, что вся ея „пресловутая“ культура имѣетъ всего 35 лѣтъ отъ роду и слѣдовательно не можетъ быть ни глубокой, ни прочной. Но такъ-ли это? Присматриваясь къ исторической эволюціи Японіи, мы видѣли, что она съ самаго начала исторической жизни правильно и закономѣрно развивалась въ томъ именно направленіи, въ какомъ эволюціонировали и западноевропейскія страны. Въ общемъ она переживала всѣ тѣ же главныя стадіи экономическаго и политическаго роста, какъ и они. Столкновеніе съ западной Европой застигло ее какъ разъ въ моментъ назрѣвія

уже необходимости совершить слѣдующій шагъ и въ экономической, и въ политической области. И можно съ увѣренностью сказать, что она сдѣлала бы его въ томъ же самомъ направленіи экономического и политическаго раскрѣпощенія.

Мы ни въ какомъ случаѣ не хотимъ этими словами умалить значеніе европейской цивилизаціи для Японіи. Безъ сомнѣнія, знакомство съ формами европейской жизни оказало ей неизмѣримую услугу. Ей не пришлось тяжелымъ путемъ опытовъ добираться до лучшихъ формъ государственныхъ и экономическихъ отношеній. Она нашла ихъ готовыми на западѣ. Но въ этомъ преимущество всѣхъ странъ, позже выходящихъ на историческую арену, если только онѣ пожелаютъ воспользоваться этимъ преимуществомъ. Законы историческаго развитія общи для всѣхъ странъ и народовъ, и народъ отставшій, — если онъ не хочетъ быть сметеннымъ съ исторической сцены или подвергнуться случайностямъ кровавой внутренней борьбы, — долженъ послѣдовать примѣру своихъ старшихъ сосѣдей. Это именно и сдѣлала Японія въ эпоху переворота. Она не стала упрямо держаться за свои исконные устои, понимая, что въ нихъ нѣтъ ничего абсолютнаго, что они тоже продуктъ исторической эволюціи, подлежащій дальнѣйшему развитію. Она безъ колебаній откинула отъ себя изжитое прошлое и смѣло пошла на встрѣчу болѣе совершеннымъ формамъ государственной жизни, какія она нашла на западѣ. Безъ всякой ложной гордости она пере-

садила все, что нашла тамъ лучшаго и наиболѣе пригоднаго для себя, на свою почву, и приложила всѣ старанія къ тому, чтобы этотъ трудный процессъ ломки стараго и насажденія новаго произошелъ возможно менѣе болѣзненно для страны. И цѣль эта была блестяще достигнута. Безъ кровавыхъ катастрофъ, безъ опасныхъ потрясеній страна перестроила на новыхъ началахъ сверху до низу весь строй своихъ политическихъ и экономическихъ отношеній. Какъ мы уже говорили, Японія въ значительной степени обязана этимъ своему правительству. вмѣсто того, чтобы держаться за свои фиктивные и мѣшающія странѣ прерогативы, оно смѣло встало во главѣ прогрессивнаго движенія и добровольно отказалось отъ части своихъ правъ, понявъ, что только участіе населенія въ государственной работѣ можетъ вывести страну на путь правильного развитія. Благодаря этому кризисъ произошелъ такъ почти безболѣзненно, и новый строй сразу сталъ на прочныя основанія. На готовой почвѣ новыя учрежденія быстро пустили корни и прочно привились. Вырвать ихъ теперь было бы уже немислимо. Исторія никогда не возвращается назадъ. Разложившіяся формы не могутъ воскреснуть, и въ этомъ отношеніи Японія не грозитъ никакая опасность. То, что она завоевала — ея, и она, конечно, не разстанется съ своими пріобрѣтеніями, сослужившими ей такую громадную службу въ такой короткій періодъ.

Но теперь другой вопросъ.

Не представляет ли эта обновленная Японія опасности для Европы? Существует ли реально знаменитая желтая опасность? Несомнѣнно существуетъ, и вполнѣ реально. Только не для всей Европы, конечно, а лишь для нѣкоторыхъ ея элементовъ. Съ давнихъ поръ восточная Азія представляла собой лакомый кусочекъ для разнаго рода Европейскихъ предпринимателей. Они безраздѣльно и не безвыгодно хозяйничали на разныхъ островахъ Тихаго океана и въ доступныхъ частяхъ материка. Наконецъ, имъ удалось проникнуть и въ упорствующій Китай, и только закрытыя двери Японіи оставались для нихъ бѣльмою на глазу. Въ концѣ концовъ и тутъ сопротивленіе было сломлено, открылся новый обширный рынокъ. Оставалось только пожинати обильные плоды. Но вдругъ, къ общему недоумѣнію, дѣло на этотъ разъ оказалось не такъ просто. Страна, предназначенная для удовлетворенія appetitовъ западныхъ предпринимателей, не захотѣла добровольно пойти имъ на пищу. Нѣкоторые европейскіе писатели съ изумляющей наивностью раскрываютъ въ этомъ отношеніи карты своихъ соотечественниковъ и искренно негодуютъ противъ „неблагодарной“ Японіи. Типичнымъ представителемъ этого рода отношенія къ Востоку является извѣстный нѣмецкій путешественникъ Гессе Вартегъ. „Кто не рассчитывалъ, — пишетъ онъ въ своемъ сочиненіи о Японіи, — на то, что японцы вмѣстѣ съ европейскимъ платьемъ усвоятъ себѣ европейскіе нравы, откроютъ европей-

цамъ свою страну, что они притянуть къ себѣ европейскіе капиталы, обставивъ ихъ выгодными условіями, для развитія своихъ естественныхъ богатствъ? И далѣе. „На Японію рассчитывали, какъ на большой рынокъ для сбыта платя, башмаковъ, шляпъ, бѣлья и проч., и я самъ получалъ многочисленные запросы отъ купцовъ и фабрикантовъ относительно наступающей большой торговли“¹. И вдругъ оказалось, что у Японіи тоже есть свои расчеты, далеко не отвѣчающіе чаянью европейскіхъ предпринимателей. Японцы имѣли въ виду сами развивать свои естественныя богатства, а вовсе не предоставить ихъ любезно эксплуатаціи сосѣдей. И европейскую цивилизацію они желали насадить у себя именно „для собственныхъ національныхъ выгодъ“², — какъ съ негодованіемъ восклицаетъ тотъ же Гессе Вартегъ, — а вовсе не для выгодъ услужливыхъ гостей. Вполнѣ понятно, что явившаяся слѣдствіемъ этого ошибка въ расчетахъ возбудила большое неудовольствіе среди нѣкоторыхъ элементовъ европейскаго общества и заставила ихъ забыть тревогу. Облюбованный ими рынокъ ускользалъ изъ ихъ рукъ. И мало того, быстро цивилизующаяся Японія грозила распространить эту цивилизацію и въ Китаѣ, до сихъ поръ предоставлявшемъ почти безпрепятственно жить на свой счетъ. Японцы имѣли дерзость даже открыто заявлять о такомъ своемъ намѣреніи.

¹ Гессе Вартегъ. „Японія и японцы“, ст. 291 и 292.

² *Иб.*, стр. 391

она
 зна
 ств
 Ев
 ме
 ст
 Ев
 и
 ва
 те
 у
 п
 к
 к
 г
 р
 н
 е
 н
 н
 не
 пн
 Вос
 никъ
 шегъ
 что
 усвои

можетъ, эта угроза, вдругъ вставшая передъ европейскимъ капитализмомъ, сыграетъ не послѣднюю роль въ современной социальной борьбѣ въ Европѣ и ускоритъ эволюцію настоящаго экономического строя. Но это, конечно, вопросъ сложный, требующій специальной разработки. Во всякомъ случаѣ капиталистамъ и промышленникамъ тутъ есть надъ чѣмъ подумать.

Другого рода опасность со стороны желтолицыхъ представляетъ, конечно, лишь плодъ разстроенной фантазии. Немыслимо и вообразить себѣ, чтобы азіатскіе народы, вдругъ, какъ во времена гунновъ, снялись съ мѣста и пошли въ походъ на Европу, гдѣ ужъ никакъ не просторнѣе, чѣмъ у нихъ. Они имѣютъ достаточно естественныхъ богатствъ у себя, и европейская цивилизація, проникнувъ къ нимъ, только поможетъ имъ использовать эти богатства. Но что они перестанутъ потреблять европейскія товары — это болѣе, чѣмъ вѣроятно. Слѣдуетъ помнить, что угроза „желтой опасности“ страшна не для европейской цивилизаціи, а для европейскихъ капиталистовъ.

Противъ угрозы со стороны азіатскаго общества, не имѣющаго развитыхъ производительныхъ силъ, не имѣющаго никакихъ интересовъ въ Европѣ, не имѣющаго никакихъ политическихъ и экономическихъ связей съ Европой, не имѣющаго никакого и участія въ европейской жизни, не имѣющаго никакого

„Передъ смягчающимъ вліяніемъ цивилизаціи,— писалось годъ тому назадъ въ передовой статьѣ одной японской газеты,—вопросъ о расовыхъ различіяхъ исчезаетъ, и интересы всѣхъ тевтонскихъ, славянскихъ, романскихъ и монгольскихъ народовъ объединяются.

„Когда цивилизація совершитъ свой путь и объединитъ подъ своей сѣнью всѣ народы, тогда осуществится единство человѣческаго рода. Въ этомъ состоитъ важнѣйшая цѣль человѣчества. Задача Японіи при этомъ состоитъ въ томъ, чтобы способствовать распространенію цивилизаціи въ азіатскихъ странахъ. Китай и Корея скорѣе и легче заимствуютъ эту цивилизацію у насъ, чѣмъ у европейскихъ или американскихъ странъ, такъ какъ у нихъ общая съ нами письменность и нѣкоторый общій фондъ идей“¹.

Но вѣдь именно это-то и есть „желтая опасность“—когда желтые забываютъ свое исключительное назначеніе быть потребителями товаровъ бѣлыхъ и пытаются даже сами конкурировать съ ними.

До сихъ поръ европейскій капитализмъ спокойно развивался, рассчитывая на непочатый уголь внѣшнихъ рынковъ. Теперь, съ распространіемъ культуры, область этихъ рынковъ значительно сокращается, а выступленіе Японіи на путь цивилизаціи показало, что предѣлъ тутъ, пожалуй, гораздо ближе, чѣмъ привыкли думать до сихъ поръ. Быть

¹ Watson. „Japan.“, стр. 315.

можетъ, эта угроза, вдругъ вставшая передъ европейскимъ капитализмомъ, сыграетъ не послѣднюю роль въ современной соціальной борьбѣ въ Европѣ и ускоритъ эволюцію настоящаго экономическаго строя. Но это, конечно, вопросъ сложный, требующій специальной разработки. Во всякомъ случаѣ капиталистамъ и промышленникамъ тутъ есть надъ чѣмъ подумать.

Другого рода опасность со стороны желтолицыхъ представляетъ, конечно, лишь плодъ разстроенной фантазіи. Немыслимо и вообразить себѣ, чтобы азіатскіе народы, вдругъ, какъ во времена гунновъ, снялись съ мѣста и пошли въ походъ на Европу, гдѣ ужъ никакъ не просторнѣе, чѣмъ у нихъ. Они имѣютъ достаточно естественныхъ богатствъ у себя, и европейская цивилизація, проникнувъ къ нимъ, только поможетъ имъ использовать эти богатства. Но что они перестанутъ потреблять европейскіе товары — это болѣе, чѣмъ вѣроятно. Слѣдовательно, призракъ „желтой опасности“ страшень не для Европы и не для европейской цивилизаціи, а исключительно для европейскихъ капиталистовъ.

Прогрессивные элементы европейскаго общества, не имѣющіе ничего общаго съ своекорыстными интересами всякаго рода дѣльцовъ, — всѣ представители производительнаго труда, физическаго и умственнаго, — могутъ только привѣтствовать въ обновленной Японіи новый факторъ въ достиженіи общечеловѣческихъ идеаловъ.

Приложение I.

Конституція Японской Имперіи.

Глава I.

Императоръ.

§ 1. Японская имперія находится подъ верховной властью и управленіемъ единой династіи императоровъ, не прерывавшейся отъ вѣчныхъ временъ.

§ 2. Императорскій тронъ переходитъ къ потомкамъ императора мужского пола по правиламъ учрежденія объ Императорскомъ Домѣ.

§ 3. Личность императора священна и неприкосновенна.

§ 4. Императоръ глава государства, соединяющій въ своемъ лицѣ всѣ права верховной власти. Онъ осуществляетъ эти права въ тѣхъ предѣлахъ и тѣми способами, какіе указаны въ настоящей конституціи.

§ 5. Императоръ осуществляетъ законодательную власть совмѣстно съ парламентомъ.

§ 6. Императоръ утверждаетъ законы и издаетъ указы, касающіеся ихъ опубликованія и исполненія.

§ 7. Императоръ созываетъ имперскій парламентъ, открываетъ, закрываетъ и отсрочиваетъ его сессіи и выпускаетъ палату представителей.

§ 8. Императоръ, въ случаѣ неотложной необходимости, для сохраненія общественной безопасности или для

предотвращения общественных бѣдствій, можетъ въ промежуткахъ между сессіями парламента издавать императорскіе указы, имѣющіе силу закона. Такіе императорскіе указы должны быть внесены въ ближайшую сессію парламента, и, если парламентъ не одобритъ ихъ, правительство обязано объявить ихъ лишенными силы на будущее время.

§ 9. Императоръ издаетъ или приказываетъ издавать указы, необходимые для исполненія законовъ, для поддержанія общественнаго спокойствія и порядка или для развитія благосостоянія подданныхъ. Но ни одинъ указъ не долженъ ни въ какомъ отношеніи измѣнять ни одного изъ существующихъ законовъ.

§ 10. Императоръ устанавливаетъ организацію различныхъ отраслей управленія, вознагражденіе всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ, назначаетъ или смѣщаетъ ихъ. Исключенія, специально предусмотрѣнные въ настоящей конституціи или въ другихъ законахъ, должны быть соблюдаемы въ соотвѣтствіи съ надлежащими постановленіями.

§ 11. Императору принадлежитъ верховное начальствованіе надъ арміей и флотомъ.

§ 12. Императоръ опредѣляетъ организацію и составъ армій въ мирное время.

§ 13. Императоръ объявляетъ войну, заключаетъ миръ и вступаетъ въ международныя соглашенія.

§ 14. Императоръ объявляетъ осадное положеніе. Условія и послѣдствія объявленія осаднаго положенія опредѣляются закономъ.

§ 15. Императоръ жалуетъ дворянское званіе, чины, ордена и другіе знаки отличія.

§ 16. Императоръ даруетъ амнистіи, помилованія, смягченія наказанія и возстановленіе въ правахъ.

§ 17. Регентство учреждается согласно постановленіямъ учрежденія объ императорскомъ домѣ.

Регентство осуществляетъ императорскую власть именемъ императора.

Глава II.

Права и обязанности подданныхъ.

§ 18. Условія, необходимыя для того, чтобы быть японскимъ подданнымъ, опредѣляются закономъ.

§ 19. Японскіе подданные, удовлетворяющіе условіямъ, указаннымъ въ подлежащихъ законахъ и указахъ, могутъ быть допускаемы ко всякой гражданской и военной службѣ и ко всѣмъ другимъ общественнымъ должностямъ.

§ 20. Японскіе подданные обязаны служить въ арміи и флотѣ, согласно требованіямъ закона.

§ 21. Всѣ японскіе подданные обязаны платить подати согласно постановленіямъ закона.

§ 22. Всѣ японскіе подданные могутъ свободно избирать и перемѣнять мѣсто жительства, подлежа только ограниченіямъ, указаннымъ въ законѣ.

§ 23. Ни одинъ японскій подданный не можетъ быть арестованъ, задержанъ, допрошенъ или подвергнутъ наказанію иначе, какъ согласно постановленіямъ закона.

§ 24. Ни одинъ японскій подданный не можетъ быть лишенъ права судиться опредѣленными закономъ судьями.

§ 25. За исключеніемъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ законѣ, никто не можетъ войти въ жилище японскаго подданнаго или производить тамъ обыскъ безъ его согласія.

§ 26. Тайна переписки каждаго японскаго подданнаго должна быть неприкосновенна, за исключеніемъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ закономъ.

§ 27. Право собственности каждаго японскаго подданнаго должно быть неприкосновенно. Мѣры, необходимыя въ общественныхъ интересахъ, могутъ быть принимаемы не иначе, какъ въ согласіи съ правилами, установленными закономъ.

§ 28. Всѣ японскіе подданные пользуются свободой

вѣроисповѣданія, поскольку это не нарушаетъ общественнаго спокойствія и порядка и не препятствуетъ исполненію гражданскихъ обязанностей.

§ 29. Всѣ японскіе подданные пользуются въ границахъ, установленныхъ закономъ, свободой слова устнаго, письменнаго и печатнаго, общественныхъ собраній и союзовъ.

§ 30. Японскіе подданные могутъ представлять петиціи, соблюдая должную почтительность въ выраженіяхъ и образуясь съ установленными на этотъ предметъ правилами.

§ 31. Постановленія, изложенныя въ этой главѣ, не могутъ однако препятствовать осуществленію правъ, принадлежащихъ императору во время войны или въ періоды общественныхъ волненій.

§ 32. Всѣ постановленія, изложенныя въ предыдущихъ параграфахъ этой главы, поскольку они не противорѣчатъ правиламъ и требованіямъ дисциплины, примѣняются къ офицерамъ и ко всѣмъ чинамъ арміи и флота.

Глава III.

Имперскій парламентъ.

§ 33. Имперскій парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ — палаты господъ и палаты представителей.

§ 34. Палата господъ составляется, согласно узаконенію о палатѣ господъ, изъ членовъ императорской фамилии, изъ членовъ титулованнаго дворянства и изъ лицъ, непосредственно назначаемыхъ императоромъ.

§ 35. Палата представителей состоитъ изъ членовъ, избираемыхъ народомъ, согласно постановленіямъ избирательнаго закона,

§ 36. Никто не можетъ быть одновременно членомъ обѣихъ палатъ,

§ 37. Законы могутъ быть издаваемы только съ согласія парламента.

§ 38. Обѣ палаты должны голосовать проекты законовъ Японіи.

новъ, предложенные имъ правительствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ право предлагать проекты законовъ.

§ 39. Проектъ закона, отвергнутый той или другой палатой парламента, не можетъ быть вносимъ снова въ ту же сессію.

§ 40. Обѣ палаты могутъ дѣлать правительству представленія, касающіяся законовъ, а также другихъ предметовъ. Но если эти представленія не были приняты, они не могутъ быть сдѣланы вторично въ теченіе той же сессіи.

§ 41. Имперскій парламентъ созывается каждый годъ.

§ 42. Сессія имперскаго парламента должна продолжаться три мѣсяца. Въ случаѣ необходимости сессія можетъ быть продолжена по указу императора.

§ 43. Въ случаяхъ неотложной необходимости, сверхъ обыкновенной сессіи можетъ быть созвана чрезвычайная. Продолжительность чрезвычайной сессіи должна быть опредѣлена императорскимъ указомъ.

§ 44. Открытіе, закрытіе, продленіе или отсрочка сессій имперскаго парламента должны имѣть мѣсто одновременно для обѣихъ палатъ. Въ случаѣ распушенія палаты представителей, палата господъ должна быть одновременно отсрочена,

§ 45. Въ случаѣ если палата представителей распускается, одновременно должны быть объявлены новые выборы, и новая палата должна быть созвана въ теченіе пяти мѣсяцевъ со дня распушенія парламента.

§ 46. Для открытія преній и законности постановленій каждой палаты, требуется присутствіе не менѣ одной трети всѣхъ ея членовъ.

§ 47. Въ обѣихъ палатахъ рѣшенія принимаются абсолютнымъ большинствомъ. При раздѣленіи голосовъ, голосъ президента считается рѣшающимъ.

§ 48. Пренія обѣихъ палатъ публичны. Но по требованію правительства или по рѣшенію самой палаты могутъ быть назначаемы закрытыя засѣданія.

§ 49. Каждая изъ обѣихъ палатъ имперскаго парламента можетъ подавать адреса императору.

§ 50. Каждая изъ обѣихъ палатъ можетъ принимать петиціи отъ подданныхъ.

§ 51. Помимо постановленій настоящей конституціи и другихъ законовъ, относящихся къ палатамъ, порядокъ внутренняго дѣлопроизводства въ каждой изъ нихъ опредѣляется наказомъ, изданнымъ самой палатой.

§ 52. Ни одинъ членъ ни одной изъ палатъ не можетъ подлежать внѣ палаты какой-либо отвѣтственности за какое бы то ни было мнѣніе или голосъ, поданный въ палатѣ. Если, однако, членъ палаты самъ оглашаетъ свое мнѣніе въ публичной рѣчи, на письмѣ или въ печати, или другимъ подобнымъ образомъ, то въ этомъ случаѣ онъ подлежитъ дѣйствию общихъ законовъ.

§ 53. Члены обѣихъ палатъ въ теченіе сессіи не могутъ подлежать задержанію иначе, какъ съ согласія парламента, исключая случаевъ задержанія на мѣстѣ преступленія или же за преступныя дѣянія, находящіяся въ связи съ внутренними волненіями или съ внѣшней войной.

§ 54. Министры и уполномоченные правительства могутъ во всякое время засѣдать въ каждой палатѣ и имѣютъ тамъ право голоса.

Глава VI.

Государственные министры и Совѣтъ при императорѣ.

§ 55. Министры помогаютъ императору своими указами и несутъ за нихъ отвѣтственность. Всѣ законы, императорскіе указы или императорскіе рескрипты всякаго рода должны имѣть подпись подлежащаго министра.

§ 56. Совѣтъ при императорѣ долженъ, согласно съ постановленіями относительно его организаціи, совѣщаться по поводу важныхъ государственныхъ вопросовъ, переданныхъ на обсужденіе императоромъ.

Глава V.

Судъ.

§ 57. Судъ отправляется судебными установленіями, согласно закону, именемъ императора.

Устройство судебныхъ установлений должно быть опредѣлено закономъ.

§ 58. Судьи должны быть назначаемы изъ числа лицъ, удовлетворяющихъ указаннымъ закономъ условіямъ.

Ни одинъ судья не можетъ быть смѣщенъ иначе, какъ по приговору уголовного или дисциплинарнаго суда.

Правила о дисциплинарныхъ взысканіяхъ должны быть опредѣлены закономъ.

§ 59. Судебныя разбирательства происходятъ и приговоры произносятся публично. Если, однако, существуетъ основаніе предполагать, что такая гласность можетъ быть опасной для общественнаго порядка и спокойствія или для общественной нравственности, публичность засѣданія можетъ быть отмѣнена закономъ или постановленіемъ суда.

§ 60. Всѣ дѣла, которыя подлежатъ вѣдѣнію какаго-либо спеціальнаго суда, должны быть напередъ указаны закономъ.

§ 61. Дѣла, возникающія по жалобамъ на незаконныя распоряженія исполнительной власти, подлежащія вѣдѣнію спеціально установленнаго закономъ Суда по административнымъ дѣламъ, изъемяются изъ компетенціи общихъ судебныхъ установлений.

Глава VI.

Финансы.

§ 62. Введеніе новаго налога или измѣненіе нормы одного изъ существующихъ должно быть установлено закономъ.

Однако всѣ такія поступленія въ казну, которыя имѣ-

ютъ характеръ оплатъ или возмѣщений, изъемяются изъ этого правила.

Государственные займы и другія обязательства, падающія на государственное казначейство, исключая предусмотрѣнныхъ въ бюджетѣ, должны получить одобрение парламента.

§ 63. Налоги, существующіе въ настоящій моментъ, пока они не измѣнены новымъ закономъ, должны быть взимаемы по прежнему.

§ 64. Доходы и расходы государства подлежатъ утвержденію парламента въ формѣ годового бюджета.

Всякій расходъ, превосходящій норму, указанную въ параграфахъ бюджета или не предусмотрѣнный въ бюджетѣ, долженъ непременно быть представленъ на утверждение парламента.

§ 65. Бюджетъ долженъ быть сначала внесенъ въ палату депутатовъ.

§ 66. Расходы Императорскаго Дома должны быть ежегодно покрываемы изъ государственнаго казначейства въ предѣлахъ суммы, употребляемой на этотъ предметъ въ настоящій моментъ, и не требуютъ каждый разъ утверждения имперскаго парламента, исключая тѣхъ случаевъ, когда оказывается необходимость увеличить ихъ.

§ 67. Имперскій парламентъ не можетъ безъ согласія правительства отмѣнить или уменьшить расходы, опредѣляемые согласно конституціи властью императора, или расходы, проистекающіе изъ исполненія законовъ или возникающіе изъ законныхъ обязательствъ правительства.

§ 68. Въ случаяхъ спеціальной надобности, правительство можетъ требовать у парламента утверждения постоянной суммы на опредѣленное заранѣе число лѣтъ.

§ 69. На предметъ покрытія дефицитовъ или непредвидѣнныхъ въ бюджетѣ расходовъ, которые не могутъ быть устранены, долженъ быть утверждаемъ особый запасный фондъ.

§ 70. Если по причинѣ какихъ-либо внутреннихъ или

внѣшнихъ замѣшательствъ, имперскій парламентъ не можетъ быть созванъ, правительство можетъ, — въ случаѣ неотложной необходимости, вынужденной требованіями общественной безопасности, вводить необходимыя финансовыя мѣры посредствомъ императорскихъ указовъ.

Въ случаѣ, указанномъ въ настоящемъ параграфѣ, указъ долженъ быть представленъ имперскому парламенту въ ближайшую сессию и получить его одобреніе.

§ 71. Если бюджетъ на данный годъ не былъ вотированъ имперскимъ парламентомъ или не могъ быть составленъ, правительство должно руководствоваться бюджетомъ предыдущаго года.

§ 72. Отчетъ о выполненіи смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ долженъ быть провѣренъ и утвержденъ контрольной палатой, и правительство должно представить его въ парламентъ вмѣстѣ съ отзывомъ контрольной палаты.

Организація и компетенція контрольной палаты должна быть указана особымъ закономъ.

Глава VII.

Дополнительныя правила.

§ 73. Если въ будущемъ окажется необходимымъ внести измѣненія въ статьи настоящей конституціи, то проектъ этого измѣненія долженъ быть внесенъ по указу императора въ имперскій парламентъ.

Въ такомъ случаѣ ни одна изъ палатъ не можетъ приступить къ преніямъ по этому вопросу, если въ ней присутствуетъ менѣе двухъ третей всѣхъ ея членовъ; и никакая поправка не можетъ быть принята иначе, какъ большинствомъ не менѣе двухъ третей присутствующихъ членовъ.

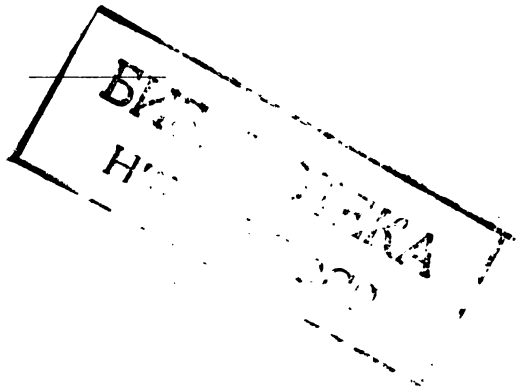
§ 74. Измѣненія въ учрежденіи объ Императорскомъ Домѣ не требуютъ предварительнаго разсмотрѣнія въ имперскомъ парламентѣ.

Ни одна статья настоящей конституции не может быть изменена учреждениемъ объ Императорскомъ Домѣ.

§ 75. Никакое изменение не можетъ быть внесено въ настоящую конституцію или въ учреждение объ Императорскомъ Домѣ въ періодъ регентства.

§ 76. Всѣ существующія законодательныя постановленія, каково бы ни было ихъ наименованіе, — какъ то: законы, указы, установленія — остаются въ силѣ, если они не противорѣчатъ настоящей конституціи.

Всѣ существующіе договоры и обязательства, включая и такіе, которые связаны съ расходами, подчиняются правиламъ, содержащимся въ §§ 66 и 67.

Приложеніе II.

Таблица колебанія средняго поденнаго заработка японскихъ рабочихъ за годы отъ 1887 по 1901 г.

Профессии.	1887	1892	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901
Плотникъ	сены 22,4	сены 26,7	сены 30,0	сены 31,2	сены 38,0	сены 43,4	сены 47,0	сены 50,6	сены 53,2	сены 59,2
Штукатуръ	22,2	26,8	30,2	31,2	37,0	43,8	46,1	49,2	54,0	59,0
Каменщикъ	25,0	30,2	34,6	35,0	41,0	47,4	50,0	57,2	60,2	67,0
Пильщикъ	20,2	25,7	29,0	30,7	36,1	43,0	46,4	48,0	53,2	58,0
Кровельщикъ, кроющий соломою	20,2	24,0	28,2	29,2	35,4	42,0	44,2	47,0	50,2	54,0
Кровельщикъ, кроющий черепицей	24,2	27,0	32,2	32,5	40,2	46,0	48,0	54,2	58,2	64,0
Кирпичникъ	—	—	36,2	38,0	39,4	48,2	48,0	44,0	44,2	44,0
Циновникъ	21,2	25,2	27,0	29,7	33,3	38,7	41,0	42,1	46,2	51,2
Столяръ, дѣлающій двери и ящики	21,1	25,2	28,1	30,4	34,8	39,0	44,4	46,4	50,2	56,0
Рабочій на бумажной фабрицѣ	21,2	26,0	28,2	28,2	33,1	38,0	42,2	46,0	49,2	53,2

Столяр	20,9	24,9	28,7	29,6	33,2	38,9	42,7	46,9	50,0	55,3
Сапожник, дѣлающій дереваи, обувь	—	—	25,2	23,9	27,9	31,9	35,1	38,1	40,0	42,0
Башмачникъ	—	—	30,6	31,5	33,0	38,4	42,4	45,4	47,3	50,5
Экипажный мастеръ	—	—	26,4	27,9	30,6	35,3	41,0	43,0	46,5	49,9
Портной японской одежды	18,9	22,0	24,7	25,2	29,6	30,5	33,9	37,3	39,0	45,3
Портной европ. одежды	39,9	35,9	38,3	38,4	43,9	46,1	49,4	53,9	55,9	62,0
Красильщикъ	17,3	20,3	22,5	23,7	25,7	28,7	30,9	29,4	29,3	30,5
Кузнецъ	21,7	25,1	28,9	28,0	33,4	39,4	41,9	45,3	47,5	48,9
Лакровщикъ	20,5	23,5	27,9	27,9	30,5	36,3	38,8	43,2	46,5	50,3
Рабочій на табачной плантаціи	17,1	21,1	23,1	24,9	28,4	35,3	36,7	39,0	43,0	47,3
Наборщикъ	22,3	22,0	22,3	23,9	26,3	28,7	31,1	34,9	35,3	39,5
Садовникъ	—	—	28,7	29,1	32,9	40,4	44,6	48,9	51,3	56,9
Ткачъ	12,7	12,2	17,0	18,2	19,4	22,5	30,4	31,4	32,5	29,3
Ткачиха	7,4	8,3	11,2	11,5	13,2	15,0	18,7	18,6	19,5	19,3
Поденный рабочий	16,0	18,3	20,4	22,2	26,2	29,0	32,7	34,4	36,5	39,9
Годовой заработокъ земледѣльч. работника	—	—	19 іеңгъ 32 с.	21 іена 93 с.	25 іеңгъ 85 с.	28 іеңгъ 92 с.	32 іены 17 с.	31 іена 9 с.	32 іены 12 с.	31 іена 82 с.
земледѣльч. работницъ	—	—	10 іеңгъ 3 с.	12 іеңгъ 18 с.	13 іеңгъ 15 с.	15 іеңгъ 62 с.	17 іеңгъ 24 с.	17 іеңгъ	17 іеңгъ 6 с.	17 іеңгъ

